НЁМАН

10/2016
ОКТЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Редакционная коллегия:

*Вадим Гигин, Наталья Голубева, Олег Ждан (редактор отдела прозы),
Алесь Карлюкевич, Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Владимир Макаров, Владимир Мозго (зам. главного редактора), Роман Мотульский,
Геннадий Пашков, Михаил Поздняков, Елена Попова,
Анатолий Сульянов, Николай Чергинец*

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Александр Николаевич КАРЛЮКЕВИЧ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 10.10.2016. Формат 70 ×108 $^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 20,54 . Тираж 1517. Заказ

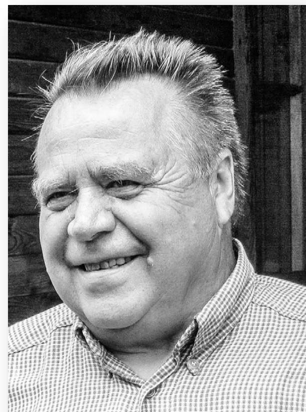
Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

© Министерство информации Республики Беларусь, 2016
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2016
© РИУ «Издательский дом «Звязда», 2016

Виктор КОЗЬКО



На крючке*

Рыбацкая повесть в рассказах

Жар-птица моря Геродота

Время, потраченное на друзей и дружбу, в зачет прожитых лет не идет. Я знал и слышал это издавна, как, наверно, почти каждый из нас. Но молодая память небрежна и забывчива. Не потому ли вольное или невольное возвращение в зрелость — второе рождение. Если оно вообще возможно и даровано человеку. Счастье обновления и пробуждения. Хотя все у нас кажется лишь повторным и запоздало происходящим. Скорее жалостливо разочаровывающим и навсегда щемяще обманным. Потому что мы заранее, еще в неведомо каком столетии, сложили руки и посыпали голову пеплом. Памяркоўна смирились: в нашей доле уже ничего не переменить.

По всему, немного уже в иное время, время неясного просветления и раздумья, на стыке конца и начала двух столетий, как позднее дошло — эпох, меня вновь настигла старая и вечная мудрость о дружбе и друзьях. Озвучил ее художник Анатолий Аникейчик, который, похоже, уже в то время что-то предчувствовал и в своей, и в общественной жизни. И предчувствия эти — одно к сожалению, другое еще в тумане, неясно к чему, — вскоре сбылись: вечная беда Беларуси с отечественными пророками. Все сбывается только когда они уже на том свете. И тогда мы, как все некрофилы, можем по второму разу придушить их, уже в объятиях. А покойников — в мавзолей, мавзолей, старательно поправляя ленточки на занесенных солдатами надгробных венках.

Высказался же Аникейчик на собрании творческой интеллигенции.

Думали и решали, не надо ли объединиться в единый творческий союз. Вот во время таких размышлений Анатолий Аникейчик и сказал: время, потраченное на друзей и дружбу, не идет в зачет прожитых лет.

Само собой, из смычки всех творческих союзов в единый ничего не получилось. Колхоз уже давно всем осточертел. Так уж заведено у творцов: им и двоим не сговориться. Пока не подойдет третий. А чтобы толпой всем талантам и гениям да в одно стойло — стаканов не хватит. Двум медведям в одной берлоге всегда тесно. А здесь все лебеди белые и белокрылые. Под ними только мелочевка пузатая — верховодки, ерши, щуки да раки. Бомжеватые писатели, от кочегаров не отличишь, ясное дело, больше похожи на раков: по норам прячутся. Богемно рафинированные музыканты, композиторы, скрипачи, пианисты во фраках и при бабочках, несомненно — лебеди белые. Как же их в один воз? Не получится ли из этого и вправду белорусский вариант автомата Калашникова?

---

* *Журнальный вариант.* Окончание. Начало в № 9 за 2016 г.

Пустое было предложение и задумка с единым творческим союзом, заранее обреченная на провал. Вскоре земная неизбежность настигла и самого Анатолия Аникейчика. Безвременье безжалостно к искусству и мастерам. Художники разошлись по своим могилам.

Но в памяти занозой застряла, как это часто бывает в безладной суетности творческой жизни, не только великое и значительное — достойное фигуры художника и творца, а нечто мгновенно просверкнувшее, кажется, совсем несущественное, о чем лучше было бы и промолчать. Только кто знает, может, как раз именно это полнее и ярче рисует облик не только художника, но и человека. Звездную неповторимость его рождения. И его смерти. Запятые, черточки, точки и многоточия между этими двумя необратимыми явлениями.

Так в памяти моего сознания и подсознания отложились и слова, молвленные, кажется, между прочим. Про друзей и дружбу.

Совсем не новые, прописные. Но не все ли мы до конца наших дней пробираемся через подобные прописи, каждый раз звучащие как открытие. Не это ли зовется искрой Божьей — сохранением в человеке того, что суждено ему: осмысленно создавать и длить себя, когда он остается наедине с самим собой. Из-за отмашек самонадеянной молодости я воспринял это лишь ушами. Но будь благословенна заложенная в нас склонность и сила к возвращению. Повторению самих себя такими, какими когда-то уже были. С чем обращались до безобразия расточительно, надеясь на повторение, покаяние и раскаяние.

До прежней, сегодня уже затянутой коростой души нас подталкивает подсознательное желание, свойственное, наверно, и самому закоренелому злодею: быть и остаться породненным с этим миром. Близким человеку, природе, дереву, грибу, воде, рыбе. В ком или в чем, может, даже нет души, в чем я сомневаюсь, но есть одухотворение.

Постепенно мы начинаем понимать, что вроде совсем еще и не жили, а только праведно или неправедно — чаще неправедно — употребляли жизнь. Наслаждались подаренным или приобретенным и ворованным — чаще ворованными — мгновениями и часами удовольствий. Запасались впрок суетным обманом бытия, чтобы позже рассчитаться безнадежной тоской одиночества и разочарования.

Приспело, выползло из потаенного сумрака души, подобно лохнесскому змею, время явить себя, остановиться и оглянуться. Задуматься, что чего и сколько стоит. Перебрать вновь пройденное и избытое по уцелевшим остаткам памяти о прежней чистоте, невинности чуткой и сочувственной души. Пройтись снова по многообещающим стежкам твоего начала. Без стыда ступить в воду твоего прошлого. Хотя все тебе криком кричат, да и сам ты уже хорошо усвоил: дважды сделать такое невозможно. Врут. И сам себе ты врешь, привык к самообману.

В воде нет ни начал, ни концов. Она от земли и неба, из бесконечности мироздания. И ты оттуда. Только сейчас брезгуешь собой настоящим, уже нечистым. Испоганился в подслащенных водах собственного благополучия. Но отвергая и не признаваясь даже себе в этом, ты будешь до своей последней минуты тосковать и завидовать голодному и голому, замурзанному хлопчику в водах реки вечности. И это бессмертно в тебе. Боль и горечь познания себя.

Именно в такие минуты многие из нас впервые понимают, что такое бессонница. Те, кто еще не окончательно проспали и приспали себя. В их ночах просыпается знание того, что они так мизерно мало имели дружественных

дней. Потому что жадно и хищно берегли себя, ни с кем по-настоящему, до донца, не делясь. Вырвали, потеряли свой третий глаз — порвали с небом и землей.

И ничего тут уже не попишешь. Человек уже давно не видит и не слышит себя в собственном доме, среди травы, воды и леса. Наедине с птицей, зверем, грибом и собственной совестью. Не виртуальных, интернетно-компьютерных, а во плоти и крови, хотя, как ему кажется по его убогости, неодушевленных. Тут он, может, и прав. Забыли, как это смотреть в самих себя, в глаза своей души, не поганя ее. Потому она сегодня такая и неприкаянная, поверженная и поврежденная. Нет ей покоя. Ушло то, с чем приходили и уходили наши деды и прадеды. О чем догадывались еще наши родители. А мы…

Поэтому многие из нас длящимися бесконечно и уныло ночами не могут сомкнуть глаз. Блуждают и бродят по переулкам, тупикам и мусорницам своей растревоженной, но так и не пришедшей в сознание памяти. Я знаю эту пытку, когда она подуступает, начинает мерцать, щемить и сукровично кровоточить. Я прошел через этот непроглядный мрак и опустошение. Неспособность ни на забытье, ни на мысль. Самосожжение. Сжигание божьего, человечьего и даже звериного. Человек в пустыне. И пустыня в человеке.

Было, было такое со мной. Избавился от помрачения, вспомнив непомерную тяжесть и такую же легкость детства. Легкость и ласку погожих и непогожих дней, дождя и солнца, под которыми так быстро и русо отрастали волосы на голове, заживали все болячки-вавки, стоило только дунуть на них, подставить ветру и сказать: уже не болит. И действительно — не болело. Вспомнил все, что таил в себе, с чем не расстаюсь и сегодня: жестокость, без которой нет детства, и его милосердие, без которого мы не способны вырасти людьми. И тихое ночное сожаление, может, и о глупой, но незамутненно искренной святости, к которой хотелось если не вернуться, то хотя бы приблизиться сохраненным во мне обжигающим стыдом былой щемящей чистоты.

Это позволило мне остаться самим собой и близким ко всему сущему на земле — к дереву, воде, небу. Я един с ручьями, реками, озерами, с прозрачно-пестрой синью стрекоз над ними, с обжигающей белизной лилий в заводях, с исповедальным шумом и тишью боров и дубров, с молчаливыми свидетелями вечности — курганами, со скрытым в них белее белого песка моря Геродота. С напевами жалейки и гуслей, одолженными на лето у ромашек, васильков и полыни в игрищах спелого щедрого лета, в полную силу осиянного светом солнца, луны и звезд. Звезды не только на небе — они остывают от своего же жара, космического холода и сглаза в колодцах, ямах, вирах, укрощенных за день-век водах тех же рек, озер, и даже в одноглазых дуплах вечевых дубов.

И все это далеко и рядом. Обманчиво и подлинно. Во мне и за призрачной далью горизонтов. Ярко органно-звучно, мощно, так что временами трудно и выдержать прищуренному глазу, более привычному поклоняться рукотворной и порожней пустосвятости. А сию минуту подсознательно плененному буйством возрождения или таинством рождения не самого ли себя. Сотворения восставшей обновленной вечности. И все это уже ведомо. Все это уже однажды было. Пережито. А сейчас стронуто, сдвинуто возвращением твоего же прошлого, что так долго чахло почти в преисподней предмогильного ожидания похорон или рождения. Сакрального мгновения.

И ты просчитал и ступил в это мгновение, в кровавый рассвет пробужденного тобою же дня. Прошелся по упругому вереску еще утренне-хмуро зевающего бора у реки, прибрежным песчаным соцветиям заячьей капусты, острострелочного лука. И не из этих ли соцветий, из острого клюва горького

и зайцу лука, а может, из опечаленного синеглазого вереска, сорвалась и упала на тебя ликующе приветственная звездная слезинка. Слилась с влажной по утрам, дрожаще зависающей капелькой и на твоих ресницах в уголках глаз.

И все. Ты оросился. Ты попался. С этого мгновения ты уже навсегда сам и Леший, и Белун, и Водяной. Дерево, река, грибница и Царь-рыба. Потому что чисто или нечисто, чаянно или нечаянно ты приблизился и вошел в их ряд, язык. Услышал, подслушал, и хотя с пятого на десятое, стал понимать голос и язык леса, воды. Разбуженная тобой и в тебе вечность больше не томят тебя и не раздражают, не застят око. Твое новое зрение и слух в слиянии и сопереживании на этом святом и грешном белом свете, говорящем с тобой на одном языке.

И та же вечная вода, былая и сегодняшняя, мокрая, болотная, криничная, железистая, щелочная — живая для тебя. Способная не только утолять жажду, но и живить душу, делать ее зрячей. Ты в непорывности с этим видимым и невидимым миром, в его чистоте, покое и просветленности, дарованной и вдохнутой в тебя неизвестно кем. Между миром и тобой почти молитвенное согласие.

Река подразнивает тебя мелюзгой, веерными, в россыпь гонами полосатых юнг-окушков, слюдовыми вскидами верховодок, фигуристым скольжением по нисколько не ломкой воде длинноногих плясунов — жуков-скользунов. Испытывает на понимание и терпение. Но ты этим не обнесен. Рад, что вначале рыбалка у тебя не ладится, — хорошая примета на любое дело. Преждевременная удача может вылезти боком. Сглазить, навести духов, бесов и злыдней. Возле воды и леса ими хоть забор городи. И ты с замиранием сердца принимаешь и воспринимаешь каждую пойманную тобой малявку. Радуешься плюгавой плотвице, ртутно-подвижному пескарику, мусорной рыбешке — красноперке. Хотя, кто посмел ее назвать мусорной. Это лучистое, пронзенное солнцем, отлитое из красного и белого золота, с примесью воздуха, небесной сини и проточной воды Божье создание. Не иначе, обиженный на папу с мамой сам мусорный человек. Таким же видит и все иное. С пещерных времен и по сей день — озабоченный заготовитель, добытчик и потребитель.

Но стоит ли в этом его упрекать. Сами такими были. И я таким был. И первой своей красноперки, добытой на прогреве мелководья Школьной старицы возле Припяти, не оценил. Юродивая, испорченная веками самость жаждала буйняка, как это говорилось в одном из заголовков «Комсомольской правды» тех дней: «Если делать, то по-большому». Что, видимо, касалось и рыбалки: равняться ни более ни менее, как на гремевшую тогда китобойную флотилию «Слава».

А что наша капельная в сравнении с теми же китами, в сжатой ладони не видать, красноперка полесского озера Школьное. Если уж мазаться, то — карася с порося, окуня с коня, плотку с лодку. Такой в то время дал я себе зарок. Позже, намного позже, я понял цену всем нашим пионерским и комсомольским клятвам и зарокам: все они лишь грабли на наших стежках и дорогах. Ниспосланы нам как напоминание о том, от чего мы так упрямо отрекаемся. Скромненькое тили-тили наших синиц, которых мы не замечаем, держа в уме и на слуху курлы-курлы невидимых за дальним лесом или в небе журавлей.

Полноценная, укормленная красноперка ждала меня не в наших затишных домашних водоемах. На стариках и старицах, протоках и так называемых бочагах и ериках Царицына, Сталинградско-Волгоградского Поволжья. При-

чащенный к рыбацкому племени тихими и медленными водами Птичи, Уборти, Начи, Морочи, Случи, я и не представлял, что красноперка может быть такой рослой и тяжелой. Каждая не меньше полукилограмма. Мы со шварером за полчаса надергали едва ли не пуд. Сначала азарт, а потом — работа и нудота. Как говорят про рыбалку, ничего сложного: наливай да пей. Вот и здесь, поправь на крючке уже обсосанного и обглоданного червяка, поплюй на него, на удачу. Забрасывай и сразу же тяни в лихорадке добытчика и во власти жадности. И в ожидании каждый раз более крупной и немного все же иной рыбы.

Но бралась одна только красноперка, как по заказу, мерная, укормленная, жирная. И в явных излишках жира на глазах меркли и гасли присущие нашим красноперкам ярь и свечение красок. Но клевала она, заглатывала наживку с жадностью. Словно из голодного края или проклятая.

Чувство неправильности и неправедности ловли, сравнимое с воровством и издевательством, постепенно вкрадывалось в наше сознание. Может, еще и потому, что в воздухе ощутимо повисла и стала сгущаться, набирать силу томительная расслабленность, томление. Угрюмо и слезно налились и набрякли травы. От их дурнопьяна стало душно и трудно дышать. Прибрежные проточные осоки надломились и шелково почти легли на воду.

Чувствовалось приближение грозы. Приволжские же проселки в дождь непроезжие и непроходимые. Ко всему, наши жены наказали нам нарезать грибов, что в изобилии, косой коси, росли в так называемых сталинских лесополосах — хоть шерсти клок от убийцы и палача. Мокрые грузди, дубовики вроде наших дубровных боровиков, только более губастые и разлапистые — брыластые. Собирать их, как и удить здешнюю красноперку. Никакого поиска и тихой охоты. Одно старательное уничтожение: нагибание, подрезание и разгибание. Режь, режь и режь под самые сопливо молочайные кружева мокрых груздей, под груди им. Да не забывай хорошо вытирать осклизлые руки. Потому что потом придется долго и горько повинно плеваться.

Мы нарезали мех одних только молодых, кременно-розовых еще до соления, груздей. Пристроили мне за спину. Оседлали мопед, в то время самый распространенный транспорт младших научных сотрудников и неоперившихся инженеров. И уже по нахлыстово буйному дождю, под возмущенное ворчание неба направились в сторону дома. На первом же километре раз десять поскользнулись и обземлячились. Елозили, виляли, нарезали круги по черноземному проселку, словно негры, впервые ставшие на лыжи.

Неприметно после очередного падения развернулись и, не бросив ни грибов, ни рыбы, продолжили свое приволжское сафари. Но недолго. Вскоре оказались снова у бочажины, где совсем недавно ловили красноперку. Посмотрели друг на друга — это край необходимо было: Репин с его бурлаками на Волге мог отдыхать. Посмеялись. Разделись. Смыли с себя африканский загар. И пехотой, пехотой пошли уже правильной дорогой, катя перед собой злонамеренный мопед с дневной добычей.

И по дороге мне, хотя и запоздало, подумалось, что красноперка совсем непростая и не проклятая мусорная рыба. Не иначе, знается она и с водяным, и с русалками, не исключено — и с лешим. Коварная рыба. А в чем примечательность и красота ее ужения, я тогда так и не понял. Отнес все за стечение случайных обстоятельств и недоразумений. Но и это со временем выпало из памяти, потерялось и забылось.

Более осмысленной и памятной была встреча с красноперкой уже где-то под Астраханью. Это в самом деле было нечто. И не только в ловле, рыбацкой

удаче, но и в сопряженности будничного, нетерпеливо суетного с вечным, что можно сравнить только с отрешением, уходом в неведомо куда. Все потустороннее отхлынуло, подобно речной волне, ветрено и бездумно шарящей по водной глади. Волна очистила берег от наносного мусора, омыла слежалый вековой песок. Все до черемухового и малиново-колокольного церковного звона спеленала и объяла прозрачность и чистота. И в ту голубиную первозданность майской пчелой вплелся человек. Похоже, один только я. Воедино соткались и выткались необъятность пространства, мягкое и ласковое приятие меня чужим царицыно-астраханским летом: ковровo-теплая синева и салатная зелень неба, степи и воды, вздрагивающе-трепетные, маревые, непреходящие, непонятно откуда и как набежавшие тишина и покой, убежденность, что единственно так миру и мирозданию и должно быть. Это было живое воплощение ничем не омраченной вечности.

Потерянность и никчемность человека в безбрежье тишины и покоя. Равнодушие к нему времени и пространства. Реально осмысленным был только мгновенный точечный просверк истомы, застывшей издавна в теле или сознании усталости да щемящее ощущение своей сиюминутности, потери, что теперь разыскивается, но так и не находится.

И не только сейчас. Это непреходяще здесь и при свете дня. А ночью — гортанные кличи давно исчезнувших людей да конское ржание копытной лавой пролетающей под южно-яркими звездами на бархате чужого неба чужой разящей конницы, чужой жизни. Хотя это, похоже, больше от настроения, головное и надуманное. Потому что отаборились мы, как нам говорили, в былой столице самого Чингисхана — Сарае. Подтвердить или опровергнуть это сегодня может только ковыль.

Так же могильно, неземно-морочно и рыбачилось. Без взлетов и всплесков рыбацкого восторга и разочарования. Покаянно усердно. По-азиатски сосредоточенно и упрямо, словно принудительно. Клевала одна только красноперка. И опять же, со всех сторон — урочно. В определенное время, в определенном месте, будто вовсе не монголо-татарской, а немецкой крови. Просыпалась и шла на жор с восходом солнца, после прогрева воды. Будила нас, как на работу, и сама трудилась. Бегом бежала к нашим удочкам, словно на приступ какого-нибудь русского города Козельска.

Чужеземная, татаро-тюркская, может, и скуластенькая, узкоглазая — не присматривались, до этого не дошло. Но ощущали, снимая с крючка, парящую теплом воды и донной прелью ила, пьянящую ароматом кумыса и кизячного дыма татарских костров — даже их маячный отблеск иной раз отсвечивал нам в глаза. Застил и слепил.

И было похоже, что мы не рыбачили, не красноперку в татарском крае ловили, а таскали жар, пылающие еще угли и головешки из былых, а может, и теперешних татаро-монгольских кострищ. Воровали и запивали жажду воровства сыродоем молодых кобылиц. И опоенные им, похмельно истаивали, растворялись в давно отлетевшем дыму по тальниковым берегам неведомых нам, но связанных меж собой и вовсе не протоками, самим временем жилами, прожилками, артериями и венами — кровеносно, — что невидимо и очень древне протачивались и сходились в великой татаро-русской реке негаснущей вечности Итиль-Волге.

Не потому ли сарайские красноперки, от килограмма и более, околдовывали. Доступной, чарующей привлекательностью чего-то требовали от нас и взамен. Не могу судить: вымогающе, просяще, невзначай или нарочно, но все же… И что-то имели, брали у нас. Мы теряли возле них исконно свое. Вековое, полесское.

Жертвуя собой, они вроде предчувствовали, а может, и знали, что им это оплатится, вернется с лихвой. А мы, удачливые ловцы, уже нигде и никогда не избавимся от их русалочьего наваждения. Их искушающего не только нас, ночью и на рассвете при полной и молодой луне мерцанием и отзвуками половецких плясок, цветных сполохов огня и пламени, холодно испепеляющего жара плавников, сводящей с ума патины их раздвоенно-русалочьих хвостов. И мы никогда уже не избавимся, не изболеем вековой печалью их глаз, переданной подчас разлучной тоски, того, что отныне и всегда будем носить в себе.

Как мы бежали из столицы Чингисхана, сегодня уже не помню. Давно простился с памятью прошлых, своих и чужих погонь. Но они были. И я бесконечно убегал, убегал, убегал. Может, и не жил, а бежал, бежал, бежал. По своей и чужой земле, потому что, оставив свою, поторопился сродниться с чужой, но потерял и ее.

На стареньком, больном всеми советскими автомобильными хворями, рябом четыреста двенадцатом, лягушечье облезлом «Москвиче», мы вырвались из жара и кумысно-полынного степного духа чингисханства, и — ноги в руки, попутного ветра мотору и багажнику. Но опять недолго. Где-то уже на подъезде к Волгограду наш «Москвич» не выдержал смешанного цивилизованного и средневекового дыхания Европы и Азии. Всхлипнул, задрожал конской дрожью. Прощально щелкнул, как челюстями, нутром и отдал концы, дал дуба. В город нас доставили на буксире, усталых, но довольных. Казалось, навсегда пресыщенных красноперкой, сложивших не только плавники, но и ласты, если мы их заимели, что очень близко к правде.

Потом были иные рыбалки и ловы. Другие рыбы утешали, продлевали и укорачивали жизнь, доводя порой до предынфарктного состояния. Возносили на седьмое небо и низвергали в преисподнюю. Монголо-татарская красноперка, казалось, навсегда ушла в прошлое, не оставив в памяти и зарубины. Чужое все же есть чужое, хотя и дармовое, халявное.

Но опять же, не только мы играем в жизнь и другие азартные игры. Жизнь, наш кратковременный партнер и противник, не дает нам спуску. Отслеживает каждый наш шаг, иногда дарует удачу, а чаще ставит подножку и насмехается — хочешь насмешить Бога, составь план, — с нашей же страстью охолаживает и остепеняет нас. Особенно когда мы зарываемся, веря, что уже ухватили кое-кого за бороду. Очень даже не прочь перекинуться с нами в подкидного. И здесь уж неизменно самые фартовые шулеры в конечном счете всегда в дураках. В азартные игры опасно играть не только с державой и властью, но и с судьбой. Но это так, к слову.

Более существенное, думаю, в тленной необратимости нашего бытия, почему мы никак не можем избавиться от слепой надежды: возвратиться и повториться. Исходя из этого, легко уговариваем себя на все возможные и невозможные мерзости и гадости, надеясь: вот будет завтра, вот тогда мы… Но это завтра уже было вчера.

Но так уж, видимо, нам предначертано: вскармливать и растить в себе вечного и совсем не сказочного волка-оборотня, по образу и подобию которого, похоже, мы созданы сами. Веками и тысячелетиями бежим и бежим по его следу и судьбе. А все гадостное и мерзкое списываем на обстоятельства, случай. На то, чего в жизни нет и не должно быть, потому что она всегда разумна, во всем держит равновесие.

А мы в своих метаниях, преступном оправдании собственного зла, даром потраченного времени и жизни творим себе уютную, а иногда и кровавую могилу. Колыбель и могилу сумеречной и пустой жизни.

Разлученный по своей воле и чужой неволе с родными большими и малыми реками и речушками, озерами и старицами, я вновь и вновь в своих странствиях по свету листаю в памяти счастливые мгновения на воде и у воды, длю себя. Припоминаю пойманных мной рыб. И что удивительно, в туманной дали прошлого они не только не тускнеют, а набирают красок. Оживляют и наполняют ранее неизведанным смыслом то, мимо чего я когда-то прошел, не споткнувшись ни глазом, ни душой.

В равнодушном, а может, и брезгливом прищуре ночных окон спальни я вижу солнечный взгляд дней, кажется, давно избытых и забытых. Вижу до боли ярко. Я пытаюсь сильнее сжать ресницы, но только усиливаю свет в глазах. Словно это совсем не мои глаза. Может, и лампочки моего ночного видения.

Светло и празднично просыпается, распахивает мне окна и двери день, задушенный омертвелой толчеей лет. Сначала в мареве, призрачно, как это и бывает после долгого сна, почти небытия. Туманность прореживается, оседает и вспыхивает зеленым руном озимых посевов. Зелень победительно сгущается. Вот она уже такая, какой и суждено ей быть в предвестии будущей весны. Сочная от близости почвенных вод, упруго прочная у корня, по которому домашне ползают, пасутся рябые божьи коровки. И кто-то невидимый у моих босых ног пытается проклюнуть мою, еще не изнеженную городской обувью, голую и неведомо когда мытую пятку, почти бронированную.

Солнце соловьиными напевами лучисто-колко высвистывает утреннюю побудку воде, реке, позолоченным языком слизывает с их груди сыродойную пенку, прозрачно взвихренные лохмы кудельно завитого ночного и утреннего тумана. Толчется в траве голоногий кулик. Камышовка, чувствуя, что где-то неподалеку от ее гнезда водятся то ли бобр, то ли выдра, испуганным хозяйским криком отводит, гонит их от своих, неоперенных еще в материнской колыбели наследников. Дрожаще раскачивает ветку лозы, будто намеревается ею отхлестать хищника. С лозового листка скатывается и падает еще рассветно прохладная и потому утяжеленная капелька росы.

Именно в это мгновение все и начинается. Росинка попадает на мой поплавок. На самый кончик его, облупленный, словно девичий нос на солнце. Тонко заостренный и розовый. Смещает, слегка притапливает, щекочет леску, которая в свою очередь вынуждает качнуться, присесть и выпрямиться крючок с извивающимся червем при дне реки. Насадка, червяк, возмущен до нервной дрожи вьюна на раскаленной в печи сковороде. Дремлющая и ленивая до этого красноперка — она становится любопытной и входит в силу лишь тогда, когда хорошо прогреется на солнце вода, — невольно встряхивается, губасто хватает раскрытым ртом назолу червя. И…

Нельзя сказать, что пошло-поехало. Красноперка в начале дня, как и любая хорошуля, еще должна избыть в себе ночь, не исключено, и подмакияжиться. Создать себя, “сделать себе лицо” — что ей остается, если завтрак уже подан в постель. Рядом же наглые шилохвосты и жиголо — вертихвостки-плотвицы, фотомодельные сухоребрые ляскалки да и пескари с ершами. Скромные, застенчивые, а охулки на руку не положат. Надо брать, хватать с лету все, что подносят, не обращая внимания на распорядок дня. И робкая несуетная красноперка плюет на свою природу и натуру. Стремится опередить своячек, ест сегодня, что подадут только завтра.

К полудню я с ног до головы в серебряных метах родной мне воды. Руки по локоть в рыбьей чешуе. Перед глазами живая радуга речной жар-птицы. Хотя она нисколько еще не птица. Только сказочный золотой и серебряный

намек на нее. До птицы ей еще пуд червей. Есть и расти, как и мне. Пока я еще мужичок-с-ноготок — маленький, но уже полешук. И рыбка моя еще невеличкая. Но она уже красноперка. Она уже моя. Я должен думать и заботиться о ней. Потому многих очень маленьких красноперок отпускаю опять в воду. С ладони, с которой только торчит, будто стоп-сигнал, красный хвостик да желтоватый, птенцовый клювик рта — просто в воду:

— Иди гуляй да приводи маму.

Так я забавляюсь и играю, простите меня, мои красноперые утешницы. Имею право. Все ведь здесь мое. Так же, как и я их. Нам навсегда суждено быть разом. Некуда деваться из этого мира. Иного ведь не дано.

Спеленатый водами, обласканный и согретый солнцем, я улыбчиво и светло засыпаю, вбирая в себя умытую рассветом летнюю зелень трав, лоз, деревьев и синеву неба — краски жизни, мира и покоя. Такого же окраса и мои сны. Медленно настигают и длятся мгновения, дни и годы, не идущие в зачет моей жизни. Я навсегда породнен со всем сущим. С нашей неброской, рассудительной и осторожной рыбой — жар-птицей полесского моря Геродота, золотом которого обережена полесская тихая заводь.

Согласно последним изысканиям ученых, оно, золото, неземного происхождения. Человечеству миллиарды лет тому его подарила Вселенная. Отсыпала из своего космического мешка в метеоритах и кометах. Перепало малость и белорусам. Есть оно у нас, только зуб не берет. Такая наша доля, и своего откусить не можем. Запрятано наше золото — это уже по исследованиям отечественных геологов — в двух километрах под землей, укрытое припятскими водами. Потому пока и недостижимое.

Но нам ниспосланы знаки. Живые знаки, воплощенные в наших рыбах, жар-птицах утраченного нами моря, которые оказывают себя, пророча нам долгий век. Приглашают и предлагают дружбу навсегда. Потому они и мечены серебром и золотом, выходя из донных глубин, умываются криничными водами древних рек, греются и вытираются лучами солнца.

Ведовство, память об этом у меня от бабушкиной печи, на которой вместе с котиком я въезжал в необъятность и тайну нашего мира. А бабушка на вечерних попрядках удивляла товарок рассказами о приключениях нашего полесского золота. О древних Домановичских, Петриковских и Турово-Пинских кладах. Почему-то большинство их, если не все, припадали на кладбища. Хоронится прикопанное на могилках золото обычно под косым истлевшим крестом, который никогда никому не был ставлен. А может, и был, но то уже забыто. Лежит молча и лишь время от времени, чтобы не забыться и узнать, что свет еще не кончился, выходит на поверхность. Прорастает из гробов, потому что и на том свете хочется воли. Постыло в гробу и деньгам.

Кладбищенское золото тоскует о земном. Хочет сбросить могильный тлен, обсохнуть, а заодно уже и позабавиться. Показать себя хотя бы в полночь на кладбище. И звездными мотыльками, дрожащим пламенем свечи светятся, вспыхивают и скачут над крестами почти языческой, поганской еще чеканки золотые рубли и червонцы. А в руки не даются, слово заповедное требуется. А на такое слово сегодня у нас не только память отбита, но отнят и язык. Ко всему, при себе надо иметь красный шерстяной платок, на который могло бы золото ссыпаться. Трудно, чтобы это все сошлось разом. Но в свое время сойдется, сложится. И человек разбогатеет.

Но что-то очень долго не сходится. Мое золото уже явило себя. Вышло, явило свой лик, чтобы указать мне древнее русло реки, уже сухое, безводное. Оно проявляется лишь в большое половодье, которым некогда обманулся

мудрый грек Геродот. Принял весенний разлив Припяти за море. И по этому былому разливанному морю в ливневые дождливые весны гуляют, хороводятся красноперки. Именно они притягивают и освобождают из глубины наше золото. Они сами золото, его предшественники и весталки. Я черпаю его горстями. Умываюсь и согреваюсь им. Сберегаю для того, кого еще не знаю, но уже предчувствую.

Я лежу при долине на вересковом взлобке, когда-то донном, а сейчас сухом русле древней реки, в тени нависшего над песчаной гривой векового дуба. Подсознательно чувствую, что это мой дуб. Когда-то под ним избывали сенокосную истому, рыбацкую усталь мой дед и прадед. Их борть на дубе еще и сегодня служит пчелам. А на вспаханной и обрубленной молнией вершине дерева-старожила — огромное гнездо аиста, буслянка. Из нее, сигнально свесив красные клювы, смотрят на меня, как из дали веков, в четыре древних глаза два аиста — отец и мать — и двое белоголовых аистят. Не исключено, один из них — я. Вот только который. У моего бока, возле сердца, режется, просится на волю из вечной здесь грибницы зародыш боровика. Это зародыш меня. Это я из вечности прорастаю здесь грибом.

Словно занимая меня и откликаясь мне, старинное русло золотыми и серебряными всплесками подмигивает небу, глазастому солнцу. Вода в новоявленнной старице прихвачена солнечным жаром, горит. Вправду горит, пылает донно, куда достигает мой глаз, и верхово, насколько мой глаз способен ухватить, угнаться за солнечным лучом. О том, что наши реки огненные, я тоже знаю давно. Это не ново. Достаточно вспомнить лишь одно из пяти имен нашей Припяти — Горынь.

Таких Горыней у нас тьма. Название, может, идущее даже от Змея Горыныча с вытекающими отсюда последствиями, отнюдь не только мифическими, а как говорится, имевшими место быть. Я сам в детстве не раз добывал и освобождал огонь из Случи. Она тогда меняла русло. Как говорили мои земляки, Западенщина — Западная Беларусь, принадлежавшая раньше панской Польше, — обрезала нашу землю. Речка круто повернула с запада на восток, подмяла мою стежку, срезала грудок, заросший лозами и ракитником. Покинула в непроточности прежнее русло, образовав там заводь — соединяющуюся с рекой канаву. Мне нравилось плескаться в теплой воде той канавы. А однажды я вогнал в топкое дно ее добрый кол, оперся на него. И просто так — тогда я еще не курил, но спички, выбираясь на реку и в лес, по деревенской заведенке, всегда были в кармане — по наитию чиркнул спичкой. Бросил ее в воду себе под ноги. Боже, как тут вспыхнуло, как взвилось пламя. Я бежал из канавы, перегоняя самого себя. Хотя позже не раз возвращался туда и снова и снова добывал огонь.

Теперь не такой ли огонь сотворяла рыба? Красноперка, только-только отнерестившаяся или еще продолжавшая нереститься, полнить памятью жизни старое русло реки. Длить на миги и мгновения его, а это значит и мою жизнь, идущую в зачет вечности.

Красноперка, судя по ее подвижности и верткости, совсем невеличкая. Но и я занимаю в отведенном мне пространстве не так уж много места. Вообще все мы на Беларуси неброские, склонны ужиматься, не отсвечивая и никому не мозоля глаза.

Я скрытно лежу на вереске под дубом. Наблюдаю, оберегаю и сторожу жизнь, зарождающуюся у меня на глазах, слежу за мигающим лётом отлитых из серебра и золота времени пуль, неспособных никого убить. Предназначенных только возрождать.

Плач косатки над водами Уссури

Он непреходяще звучал во мне. Такое не с каждым ли даже вопреки всему происходит. Что-то неожиданно тронет душу, и ты долго носишь эту неожиданность в себе: неразгаданный звук, всхлип сонной птицы, застывшую на щеке каплю летнего дождя. Досадуешь, но постепенно избываешь и сбываешь. Звук глохнет в суетности мыслей, вскрик птицы и души подменяются и тонут в будничности и серости собственного существования, а тревожащая и обещающая капелька дождя на щеке высыхает сама, хотя не всегда бесследно. Знаковая, небесная помета иногда напоминает о себе до конца дня, а может, и до утреннего умывания. Но и следок все же чувствуется. Мигает и щемит в подсознании просверками светляков о былом крепком дереве.

С таким упокоенным воспоминанием, следком, плачем косатки над водами чужой реки долгие годы жил и я. До этой вот поры, когда уже давно превратилась в прах и отошла младенческая, подростковая и даже зрелая решимость из края в край познать всю землю, своими ногами, собственными глазами и слухом. Вобрать, поместить в себе весь белый свет, в котором почетное место отведено той же реке Уссури, уссурийской дальневосточной тайге, течение и шелест которых пришли ко мне книжно, через голоса и шаги Пржевальского, Дерсу Узалы, геолога и писателя-фантаста Ивана Ефремова. И само собой — призывностью рыка солнечно-полосатого хищного таежного тигра, застойной неповоротливостью в тиши своего омута пятипудового тайменя. Способен ли противостоять этому не видевший еще белого света полешучок, никогда далеко не отходивший от родного порога и болота, но уже имеющий что-то в голове кроме мякины и опилок.

Не эта ли любопытствующая извилина в голове подвигла меня на воровство в библиотеке Вильчанского детского дома книжки о Пржевальском, Дерсу Узале и Уссурийской тайге. Книжка была сильно зачитана, без начала и конца, но с рисунками. Я долго хранил ее, пока мои домашние не сбагрили ее, скорее — выбросили как хлам в мусор.

Отсюда, с ворованной книжки, начало того, что вольно или невольно происходит с нами в непредсказуемой путанице нашей сумасбродной жизни. Мы лишь внушаем себе, что все делаем по собственной воле и по своему желанию.

На самом деле даже самый маленький наш шаг в сторону от проложенной для нас дороги приравнивается к побегу и наказуется, иногда и смертельно. О чем мы уже никогда не узнаем, потому что конвой наш по жизни совсем не вологодский. Нас совмещают с жизнью, подводят к ней и неумолимо, невидимо, как слепых котят и нищих, ведут по ней за подаянием — великих, малых, величественных и никудышных. Определяют не только судьбу, ее протяженность во времени и пространстве, ее направленность. В моем случае — принуждают и понуждают делать именно то, чем я сейчас и занимаюсь.

Отгорели надежды на познание всего белого Божьего мира — Америк, Дальнего Востока, Уссурийской тайги, до скончания веков бродящих там Пржевальских и Узал. Но и через годы моя жизнь споткнулась на затаенной моей памяти, напомнила мне уже отмершую проблесковую несвершенность. Мстительно и кроваво, как это присуще забытью и измене самому себе: нет, совсем не случайно падает какому-нибудь прохожему в определенном месте и в определенное мгновение кирпич на голову.

Я подсознательно остерегался своего кирпича, но мало кому дано, а может, и никому, пройти свое минное поле и уберечься от неизбежности суж-

деного. В будничной суете нашей жизни — это, может, и просто, но только не перед Высшим судом и судьей. И не один на один перед белым безмолвием нетронутого листа бумаги. Некто, заставляющий нас исчеркивать, заполнять его буковками, требует доверяться и поверять ему не ведомое даже пишущему. Водит его рукой.

А я при всем отрицании себя, нежелании признаваться и признавать подсознательное в себе, а тем более увиденное, услышанное, придуманное и приснившееся, в действительности был на Уссури, ходил по Уссурийской тайге и ее татаро-монгольским сопкам. Возвращаясь, чувствовал войну не только через все еще болящее и кровавящее раненое родное Полесье, но и вдали от него — в чужой стороне, на чужой реке Уссури и чужом острове Даманском. Некогда рассказал об этом Льву Александровичу Анненскому — писателю, критику, философу, по происхождению имеющему отношение к Беларуси.

— Это у тебя записано? — спросил он.

— Да нет. Зачем, пусть пишут другие. Их теперь много.

— Напрасно. У других — другое. А у тебя свое. Тебе, может, и не надо. А вот всем этим другим… Я, к примеру, в дополнение к напечатанному, веду еще и записи. Уже около десятка томов. Это история, моя и не только. В остережение тем, другим, которые будут писать вслед за нами.

Я тогда не прислушался к его словам. В глубинах памяти еще была жива заложенная со времен военного лихолетья мина замедленного действия, которую носили в себе почти все дети войны. Мина, которую и сегодня опасно трогать и вызывать из небытия. И я надолго оградил свою память молчанием, почти на полстолетия. Считал, что застолбился и спасся. Потому что сросся с предупреждением: никогда не возвращайтесь в прошлое, особенно в детство, — это печально, больно и горько. Другое дело, если вам нравятся зеленые и кислые яблоки. Выпавшие зубы тоскуют по оскоме.

Но кто-то настаивал, как это всегда бывало со мной, жаждал моего возвращения. Неумолимо и жестоко заставлял, стремился повернуть мою жизнь и душу к щемящей и горькой чистоте детства, которого у меня, можно считать, и не было: короткая пробежка взрослого во взрослость — ближе к финишу. И теперь, может, так радела по мне моя обделенность. Неуспокоенно напоминало о себе кладбище непогребенной памяти, которой я то и дело отказывал отрицаньем. Неверием в происходящее и очевидное: ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу. Не выдам ни обид, ни обманов, ни измен своих и чужих. Исповеди и в храме не будет. Только… Но и про это промолчу. Юродивость пещерная, обезьянья, еще до дарвинского естественного отбора, который, кстати, происходил без нашего, человеческого в нем участия. Мы же сразу объявились на свет закоренелыми язычниками, ими блаженно и остаемся. Но жизнь и без нашего участия подбрасывала нам одно запинание за другим.

Так решилось, произошло и с Уссури, и с памятью об острове Даманском. Я уже и думать про них запретил себе. Хотя звонки из прошлого проходили. Первый, когда я в пору распада Советского Союза с делегацией Союза писателей побывал в Китае. Принимало нас Министерство обороны КНР. Пекинские писатели — тоже структура военная. Когда заходил разговор о событиях на китайско-советской границе, на острове Даманском, я молчал, придерживаясь так называемой политкорректности. Среди нас был и отставной командир стрелковой дивизии, в то время ответственный секретарь Союза писателей СССР. Именно его дивизия участвовала в давнем пограничном конфликте, и у него была своя точка зрения по этому поводу. Он ее и высказал. Я же пред-

почел промолчать. Только что-то все же всколыхнулось во мне. Пробудилось в памяти и погасло. Кстати, китайцы относились к конфликту без агрессии, рассудительно, несмотря на то, что за ними было больше правоты…

Только память наша несговорчивая, долгая и многоправдная. Уже в наши дни попалась мне на глаза, словно специально кто подкинул, книжка Л. Млечина о руководителе СССР и КГБ Ю. В. Андропове. И то, что, казалось, я вчера прогнал через двери, постучалось мне в окно: Приморский и Хабаровский край, река Уссури, советско-китайская граница, остров Даманский. Скребло, цепляло все, вплоть до названия острова — Даманский. Ведь я сам был рожден на Гомельщине в местечке Домановичи, расположенном через дорогу, да кладбище от моей родной деревни Анисовичи.

Я понял, что деваться мне некуда. Я уже на крючке. Свои долги надо оплачивать самому, при жизни и без ссылок на других. Свои конюшни, туалеты и кладбища мы должны содержать и убирать только сами. Чужим они без надобности, хотя, как заведено у людей, почитаемы и почти святы, но не щемяще. Иначе за нами и после нас те же кладбища. Пустота, что еще неведомо в какую отольется форму. А именно она больше всего стремится найти форму и приобретает ее, но зачастую гибельную, монстровую и не всегда земную.

Остров Даманский на реке Уссури был ничем не примечательным и размерами не впечатлял. От китайского берега до него четыреста метров, от советского — километр, тысяча семьсот метров в длину, пятьсот — в ширину. Незаселенный. Только по осени на нем косили траву на сено. По острову как раз и пролегла граница между Китаем и Советским Союзом. Вопрос о ней давний, запутанный и сложный — с царских времен надлежало придерживаться фарватера реки, который часто менялся. Китайцы требовали пересмотра границ. Советский Союз не соглашался.

За непонимание и взаимную неуступчивость расплачивались пограничники обеих сторон. В Китае набирала силу культурная революция. Так называемые хунвэйбины уничтожали не только культуру, как это совершается во время каждой революции, но и всех причастных к ней — мыслителей, творцов и просто добропорядочных людей. Врагов. Внутренних, внешних, явных и скрытых, а под эту гребенку — и возможных. Потому нередки были стычки, правда, пока без применения оружия, между китайскими и советскими пограничниками. Нашим разрешалось иметь при себе дубинки, не длиннее двух метров. Но какие там два, обзаводились и тащили за собой такие оглобли — не всякий мог от пупа оторвать и вверх вскинуть. Китайцы же творили шоу, задирали, насмехались, демонстрировали изобилие китайской подогретой водки, ханши, но не пили, лишь переливали ее из одной посудины в другую. И хлеб свой китайский, пампушки, тоже не ели, рупорно горланили: «Широкий русский солдат, переходи на наша сторона, каждому дадим тарелку риса и пампушек!» Наши пограничники, стоя зимой на морозе перед толпой китайцев, этих криков обычно долго не выдерживали. Начинал кто-то один, самый промороженный, замухрышистый и непоглядный. Как на медведя, вскидывал рогатину, и начиналось ледовое побоище: без победителей, но согревающее и до крови.

Так было до первого марта 1969 года. А в ночь на второе марта несколько сот вооруженных китайцев перешли границу и сделали на Даманском засаду. Начальник заставы № 2 старший лейтенант Иван Иванович Стрельников выехал на остров с пограничниками на автомашинах. Китайцы расстреляли их в упор. Вторая группа пограничников во главе с младшим сержантом Юрием

Бабанским задержалась, потому что только-только вернулась в казарму из дозора, и Бабанский не сразу смог найти свои валенки, поставленные на просушку. Эти затерявшиеся валенки спасли ему жизнь.

Расстрел первой группы произошел на глазах младшего сержанта Бабанского. Он сразу же залег и прокричал: «Ребята, это — война!» Что тут удивляет — как свидетельствует уже Млечин, те же слова произнес и Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, когда ему доложили о событиях на советско-китайской границе: это война. Генсек был готов дать команду нанести по китайской территории ответный удар. Но запротестовал Юрий Андропов. (Мир висел на волоске.)

…Другой Юрий, младший сержант Бабанский, открыл огонь, начал отстреливаться. Но недолго. В горячке где-то потерял запасной рожок с патронами. На подмогу заставе Стрельникова подоспел на бронетранспортере начальник первой заставы старший лейтенант Виталий Дмитриевич Бубенин. Зашел с фланга и расстрелял командный пункт китайцев. Но сам в том бою был ранен и контужен.

А всего в тот день на Даманском погибли двадцать два советских пограничника и один попал в плен. Большинство — сибиряки. Преимущественно из них формировался пятьдесят седьмой, с размещением в городе Иман, пограничный отряд. Поначалу в нем были и москвичи, и ленинградцы. Но они не выдерживали суровых условий Дальнего Востока и пограничной службы. От них негласно избавлялись. Среди сибиряков было немало и хулиганистых окраинных ребят из Кузбасса, хотя бы тот же Бабанский — кемеровчанин.

Этим и объясняется наша тогдашняя командировка. На остров Даманский Кемеровский обком партии направил от партийной газеты «Кузбасс» Максима Щербакова, офицера запаса, и от «Комсомольца Кузбасса» меня, рядового, необученного. Выехали сразу же после первых событий, а попали на вторые, еще более трагические. Мое положение осложнялось тем, что как раз перед этим я, похоже, начал «умнеть» — стали резаться зубы мудрости. Боль была невыносимая, запущенная. Все надеялся — само пройдет. И только накануне отъезда, вечером, пошел к стоматологу, а утром с кровоточащими деснами был уже в поезде «Россия». Мои мудрые зубы и причастили меня к Даманскому и речке Уссури.

В Имане, сейчас Дальнереченске, мы оказались ночью с четырнадцатого на пятнадцатое марта, когда на Даманском все повторилось, как и в начале месяца. Повторилось нежданно-негаданно, как всякое лихо в советской отчизне. Пятнадцатого марта китайцы полностью захватили остров. Москва, Кремль вели бесконечные переговоры с дальневосточным пограничным округом. Позже нам рассказали об этом офицеры, обеспечивавшие правительственную связь. Бездеятельность и нерешительность верхов присудила к смерти мальчишек-пограничников. Ни оружием, ни политически решить вопрос с границей не удалось. Воинское командование округа не хотело и не отваживалось без приказа свыше вмешиваться в пограничный конфликт. Все было, как это было накануне и в начале Великой Отечественной войны. История повторялась той же трагедией и таким же фарсом — рядовые солдаты заливали и тушили военный пожар горящей родины собственной кровью.

Командир пограничного отряда полковник Демократ Владимирович Леонов под свою ответственность возглавил и повел на остров четыре танка. Китайцы сражались умело. Командирский танк был подбит сразу же, остальные повернули назад. Леонов был ранен и не смог выбраться из танка. Как рассказывал потом уже Бабанский, бывший среди добровольцев по освобож-

дению его из танка, полковник был ранен в ногу и, скорее всего, умер от потери крови. Пытался ее остановить, надрезал кожаные командирские ремни, но на дальнейшее не хватило сил. Его тело было доставлено на советский берег Уссури.

В то же время решалась судьба и самого младшего сержанта Бабанского: отдать под суд за то, что без команды открыл огонь, или наградить за инициативу. Опять же — типичное явление времен Великой Отечественной войны. Бабанского наградили — присвоили звание Героя Советского Союза, как и старшим лейтенантам Стрельникову и Бубенину. Стрельникову — посмертно. Бубенина едва ли не сразу из госпиталя направили в военную академию, куда он до этого пробовал поступить, но чем-то, видимо, не подходил анкетно. Бабанский проложил себе путь в генералы.

Мы со Щербаковым сразу же с поезда погрузились в БМП и двинулись на остров Даманский, в село то ли Михайловку, то ли Ново-Михайловку. Лишь во время поездки я пришел в себя и рассмотрел чужую мне землю, увидел реку Уссури, к которой стремился еще с детдомовской поры. Край как край, земля — своя, чужая — остается землей, хоть и обложенная до горизонтов щетиной сумеречно-небритых сопок, напоминающих, благодаря этой щетинистости, круглые деревенские боханы хлеба с остево-ощеренными подпеченными корками, через которые уже пробивалась весенняя красноталица соков. Сопки тянулись цепью, словно взявшись за руки, одна за другой и вдали стягивались в одну самопрядную суровую нитку.

Но мое внимание больше привлекала река, хотя она и не показалась мне броской и желанной. Широкая и ровная, в таких же ровно зализанных берегах, не очерченных течением, потому что подо льдом. И лед тот был пугающим, усопшим, мертвым, уже слегка слезно оплавленным просверком мартовской влаги. Напряженно синий и безмолвный, будто губы, кожа покойника. Синь, казалось, объяла все русло от берега до берега и до дна, не оставив реке и тому, что в ней водилось, даже малой надежды на весеннее пробуждение и возрождение. Это была река именно войны и ее последствий. И я не мог ее принять, она сразу же стала мне чужой. Нет, не ее я видел в своих снах.

Поселили нас со Щербаковым в одной просторной палатке с командиром маневренной группы полковником Яншиным, преданным поклонником пограничной службы, который по-отечески заботился о молодых солдатиках-пограничниках. А чтобы подчеркнуть свою преданность пограничной службе, зимой и летом ходил в зеленой пограничной фуражке. Очень достойный, заботливый командир и человек, он, по слухам, заканчивал службу в Беларуси. Китайцы дали клятву уничтожить его, как и каждого из офицеров, отличившихся в стычках с ними.

Яншин встретил наше подселение к нему в палатку приветливо. Но возмутился специальный корреспондент газеты «Правда» С. Борзенко, Герой Советского Союза времен Великой Отечественной войны.

— Как вы сюда попали? Кто вам позволил? Я приказал журналистов и на выстрел не подпускать на Даманский.

Гнев правдиста выпал на долю старшины, украинца Барвенко, разместившего нас вместе с Героем. Старшина барский гнев перенес молча, как и положено служивому. Но отыгрался, когда для ночного дозора выдал нам автоматы и новые безукоризненно белые полушубки.

— Пусть этот чванливый правдист ходит в ношеном. А вам — новенькие, только-только с фабрики.

За эти новые полушубки и расположенность к нам старшины мы очень быстро рассчитались. Ужасом. Снег уже сошел, земля повсюду оголилась до чернозема. И мы в своих новеньких полушубках были на ней, как белые вороны. И потому команда и требование: «Стоять! Пароль, отзыв!» прозвучали для нас, как немецкое «хенде хох». Пограничники, сопровождавшие нас, будто сквозь землю провалились. А мы, ни живые ни мертвые, прикипели к черному бестравному лоскутку земли. Мы да еще пожаловавшая на человеческий голос откуда-то со стороны ближней подслеповатой избушки рябенькая, похоже, сошедшая с ума от чужого люда и войны курица. Бросалась под ноги, как собаки после Чернобыльской катастрофы, поднимала голову, надеясь на защиту, и горласто кудахтала, выдавая нас.

— Эй вы, шурупы! — подали ниоткуда голос сопровождавшие нас пограничники. На армейском сленге шурупами из-за обмоток пограничники издавна еще прозвали пехотинцев и пехоту. — Шурупы, обмоточники, не вам приказывать нам, как ходить по нашей земле.

— А вы гусеницы зеленые, кочколазы… Приготовиться к огню на поражение!

Загремели автоматы, защелкали затворы, и уже были взведены курки. Слышимость в ночи, в темени была пронизывающая. Я не решался пошевелиться и только искоса и сверху вниз всматривался в чернь автомата, подвешенного на груди. О чем думал, куда смотрел, на что надеялся — не знаю, рядовой же необученный. На что нажимать, как стрелять — ни духом ни слухом. Когда этот «калаш» еще вешали на шею, больше переживал, чтобы он сам собой неожиданно не выстрелил.

Спасла нас со Щербаковым яркая вспышка прожекторного луча и проявившаяся в нем смушковая бекеша или папаха, что, кажется, безголово бежала или плыла в обрезанной струе света: наличие бекеши или папахи было свидетельством того, что к нам торопится офицер, и в звании не ниже полковника.

— Отставить, прекратить! Автоматы на предохранитель!

Голос был зычный, полковничий, а может, и генеральский. Мы воспрянули, ожили. А вот рябенькая курочка, будто разрешилась яйцом, вскрикнула петушиным голосом и пропала в ночи. Пограничники с не меньшим оживлением, чем встретившиеся на Эльбе американские и русские солдаты, вылезли из своих укрытий и бросились едва ли не брататься: советские признали советских. И в помине не было новозаветного: своя своих не познаша.

Как же все повторяемо в нашей жизни и истории. Эхо бежит вдогонку за нами из пещер, от изобретения огня и колеса до сегодняшнего дня, атомной и космической эры, эпохи коллайдеров. А может, и не эхо. Столетия и тысячелетия, умытые кровью, жаждут и требуют лишь новой крови.

И словно в подтверждение этому, уже после нашего возвращения с дозора, поднялся невероятный ветер. Почти библейский, как при создании планеты, когда всем сущим правили огонь и смерчи. Вот и здесь ветер был со страшными разрядами грома, полыханьем молний. Наша палатка среди сопок — у самого Бога за пазухой, но ее шатало и рвало до треска. И происходило это, очевидно, не только от бешенства и сумасшествия стихии. Буйствовало и властвовало что-то высшее. Яншин по рации начал вызывать штаб отряда и пограничного округа. Но никто не отвечал. Борзенко высказал предположение, что началась война. Так заполнен был пустынным разрушением ветер.

Значительно позже мы узнали, что это была если и не война, то что-то очень близкое к ней. Наблюдатели отследили на китайском берегу Уссури

сопку, в глубине которой сосредоточились войска китайцев. Четырем дивизионам советских ракетных установок было приказано открыть залповый огонь и сровнять сопку с землей. Что и было исполнено. А через год с лишним, когда я опять был на советско-китайской границе, советские прослушиватели чужого берега под большим секретом проговорились: когда начался обстрел, китайцы возопили: «Русские братья, что же вы делаете?»

Мы покидали Уссури и Даманский в невероятной сумятице и мешанине, скоплении самых разных подразделений войск и техники. Дорога на Иман, к штаб-квартире пограничного отряда, была разбита распутицей и военным транспортом. По глубокой колее, заполненной водою, можно было плыть на лодках, в крайнем случае — в гусеничных амфибиях. Мы же, едва удерживаясь, скользили по броне БТР вместе с художниками военной студии имени Грекова, которые согласились подбросить нас. Официального разрешения ехать с ними у нас не было, а бюрократическая машина уже работала. Но на нас никто до поры до времени не обращал внимания. Никто и нигде не проверял документы, хотя КПП стояли едва ли не на каждом километре.

Так, не таясь, подпольно и конспиративно, мы добрались, как сегодня думаю, до какой-то специальной и сверхсекретной воинской части. Художников встретили и повели на угощение. Мы же, поскольку были пришей-пристебай к ним, самостоятельно начали бродить среди каких-то дивных, высоких и островерхих, толстых, в два-три обхвата, закамуфлированных армейской сетью под заросли кустов установок. Дружески похлопывали по их поросячьим задницам. А я еще вздумал и сфотографироваться на их фоне. Но только расчехлили фотоаппарат, как началось что-то схожее с происшествием в дозоре. Только куда более серьезное.

Нас арестовали, словно китайских, хотя мордами мы явно не вышли, а может, каких-то еще более серьезных лазутчиков и шпионов. Оказывается, мы попали в расположение полка или дивизиона ракетных установок залпового огня, может, и тех, которые ночью посадили китайскую сопку. Был допрос, были секретчики, контрразведка, смерш не смерш, но спасибо нашему славянскому обличию. А еще славянскому же организованному беспорядку, в котором нам привычно было жить, воевать и умирать.

Все на китайской границе было по-настоящему с большой буквы и по-советски геройски, по-русски жизненно и потому опасно, преступно смертно. Хаос и сопутствующие ему восторг и эйфория были вполне сопоставимы с будущими победными войнушками с Грузией и новым покорением Крыма. Пьянила пролитая молодая солдатская кровь и хмельное предвидение крови новой, свежей.

…Стадион, где происходило прощание с погибшими пограничниками, не мог вместить всех пришедших на похороны жителей Имана. У наших людей в чести похороны, смерти и кладбища, впрочем, наверно, как и всюду. И перед этим можно было склонить голову, если бы… если бы не наше: хоронили тещу — порвали три баяна. Из-за большого наплыва народа на стадионе по бокам его пришлось срочно сооружать леса в три или четыре яруса. Людей налипло на эти леса столько, что они не выдержали и обломились. Это добавило новых, уже штатских покойников.

В ту же ночь, а может, и в следующую, в казармы возвращался со службы караульный взвод. Навстречу их газику выкатил бронетранспортер во главе с армейским офицером: не хватило водки, спешил докупить. Взвод, более десятка солдат, погиб на месте. И в том числе капитан, начальник клуба, от звонка до звонка прошедший Великую Отечественную войну.

В тихом пограничном городке Иман правила бал смерть. Героизм и готовность защищать социалистическое отечество, эйфория патриотизма, перевязанная и подпоясанная неизношенными и не выброшенными еще солдатскими ремнями отслуживших свое срочников, скрепленная истерией мгновения, взяла в кольцо, оккупировала город. Противостоять этому коллективному боевому сумасшествию было невозможно. Я тоже полностью поддался ему. Трудно судить, человеческое это или животное, звериное, грешное или святое, но это в нас неистребимо.

Думаю, что это стадное, животное. И в стадности, в борьбе высокого и низкого чаще побеждает последнее. Инстинкт толпы, желание единения с ней, первобытность. И сам я в этом не исключение. Пришел к этому, когда Иман прощался с Демократом Владимировичем Леоновым. Присутствовала там еще не старая женщина с двух-трехлетним зареванным ребенком на руках. Кем она приходилась Леонову? Может, и никем. Но плакала она в голос и не стыдилась слез. Плакал мальчишка. Слезы двумя дорожками безостановочно катились по его лицу. А вот плача, голоса его я не слышал. Мне будто заложило уши. Не потому ли я настырничал с фотоаппаратом, словно пытался поймать голос ребенка. Добился лишь того, что женщина стала прятаться от моего фотоаппарата, докучливости моей глухой на ту минуту души. И безголосость мальчишки, а позднее и женщины, была единственной добычей слепого фотоаппарата. Хотя голошение, как мне представляется сейчас, продолжалось и было довольно громким, только не дано мне было услышать его, как, наверно, и прощающейся толпе. Только слезинка ребенка, почти по Достоевскому — немое послание и укор смерти.

Я услышал его плач на той же реке через год с небольшим. Так уже сложилось. Моя командировка на остров Даманский затянулась вместо недели на месяц. Дороги, поездки на заставы и в госпиталь, встречи. Беседы с пограничниками, посильное участие в их жизни. Из-за чего, кстати, меня взялись из моей штатской газеты вербовать, тянуть в военную, окружную. Грозили: не пойдешь в газету округа, пойдешь политруком в роту. Насилу отбился.

Редактор отстоял, напрямую обратился к первому секретарю обкома партии. Тот цыкнул на военных. Так вот моя военная карьера была погублена. Я навсегда остался рядовым необученным. Но, видимо, и за это — за командировку на Даманский и за свою душевную глухоту, слезинку ребенка — заплатил здоровьем. Зубы мудрости, о которых я уже упоминал, тогда так и не прорезались, а вскрытую стоматологом десну разнесло до того, что она не вмещалась во рту. Рот стянуло, как куриную гузку, я не мог есть. Одно только пил — суп, воду, соки и, понятное дело, все прочее. В новосибирском аэропорту «Кольцово», где я обратился в медпункт, меня уже за четыреста километров от дома хотели снять с рейса — температура сорок один градус. Но если бы только температура, были и последствия. Полет в Кемерово заканчивал в туалете. Но в городе, в редакции и дома, успел еще, как говорят газетчики, отписаться.

А дальше были больницы, больницы. С самым страшным, хотя, слава Богу, позже не подтвержденным диагнозом. Следующим летом жена добилась мне путевки на реабилитацию в санаторий «Шмаковка» — на ту же советско-китайскую границу по реке Уссури. Вот так причудливо и своенравно судьба играет нами. Я с радостью подчинился этой игре еще и потому, что Уссури осталась не обловленной мною. А так хотелось посидеть с удочкой на ее луговом берегу, попробовать ее ухи, рыбы не только нашей, но и китайской. Еще на подлете к Шмаковке я оздоровел. Встретился с друзьями-пограничниками.

— А живем ништяк, — балагурили они.— Китайцы тихие, только понаставили на своем берегу на обзор нам портреты Мао Цзэдуна. А мы им в ответ — клозеты без задних стенок. Портреты китайцы убрали, заменили тоже клозетами без стенок. Вот так и переглядываемся, и переговариваемся.

Солдатский юмор, двусторонний — наш и китайский. Исцеляющий не только санаторно, «Шмаковкой». Хотя надо особо отметить, что лучшего лечения и отдыха, чем в «Шмаковке», мне не выпадало. Из-за близости границы, таежной глуши санаторий не был еще развращен и испоганен номенклатурными болящими, их капризами и претензиями. Таежные здоровые люди, не озабоченные тем, кому сколько и за что дать, приветливые лица даже младшего персонала, сестричек, нянечек. С той и другой стороны — уважение, достоинство, совесть, по-настоящему пролетарско-интеллигентные. Здоровый воздух, здоровье душ, так что мне некогда было болеть. Единственное, чем можно и следовало заняться в этом эдеме, — рыбалка. Хотя Уссури, по всему, была не моей рекой.

Считалась она горной, но здесь была равнинной. Сопки, что по осени, как позолоченные маковки церквей, — совсем не горы, хотя вполне могут быть храмами. Река омывала их, от каждой серебром и золотом принимая дань. Китежем с легкой дрожью сусального золота в отражении воды возвращала ее в услаждение глаза и мира. Свежо и тепло до плавления того же золота в душе, чарующе и до перехвата дыхания целяще.

Но моя рыбацкая натура склонялась совсем к иным рекам — сурово и строго ворчливым, буйствующим, сибирским. К стыдливо закрытым, на первый взгляд, кротким, но глубинно, донно напряженным, как сам белорус-полешук, — Припяти, Сожу с Березиной. В них я чувствовал что-то корневое, сращенное с землей, из которой они вышли, и со мной. Личность, характер. Особенно в Припяти — многодетной матери пяти рек. Ничего внешне броского, показного в русле и при береге, несмотря на заматерелость, омуты и ямы, вихревое отбойное течение с притягательной и милой, как у деревенской красавицы на щеке, подвижной ямочкой — словно загорелой на солнце воды. Сердца реки, в котором вместительно проживает хозяин Припяти — богатырский седой сом.

Крученая наполненность омута плещет ему в лоб и хлещет по усам, он пугается собственной дерзости, убегает на средину реки, к фарватеру, где скрывается невидимый глазу ее стержень. Не дай Господь испытать его силу, довериться его объятиям, в страсти не уступающим девичьим, женским. В его неумолимой ласке остается лишь одно — покориться и протянуть ноги. Такова уж нареченность бегучей воды белорусского Полесья. Таковы характер и кротость. Этого я не почувствовал в Уссури. Хотя, конечно, ошибался, как каждый кулик в чужом болоте. А болото, безусловно, было чужим и, может, больше китайским даже, с восточными тонкостями и премудростями. Недаром же соседи ежедневно по своему радио желали нам: «Спокойной ночи вам, дорогие сибиряки, временно проживающие на территории Китая».

Может, потому и не таланило мне на ловлю чужой рыбы в чужом краю. Чужое небо, чужая вода, чужие голоса окружали меня. А рыбы? И близко не было ни знаменитого сибирского тайменя, ни остро- или тупорылого ленка, не говоря уже о толстолобиках и экзотических аухах. Обыкновенные мелкие мусорные ельчики, чебачки да вездесущие оглоеды-ершики. Такое удовольствие я мог получить и дома, не слезая с печи. А на какую наживку я ту дребедень только не ловил, чем только не ублажал — и чилимом, пресноводной местной креветкой, и железняком, черным червем, и червями обычными,

родными, и кашами, хлебом, мухами, оводами. Результат один: глухо, безнадежно, безрезультатно.

Правда, иногда попадалась рыба не рыба, животное не животное — удивительное божье создание, названное местными рыбаками конь-губарь. О губах говорить трудно — не силиконовые ли? А вот конек был настоящий, с высоко вскинутой, хотя и без гривы, головой, по-лошадиному выпяченной грудью. Конь, и все тут. Только не ржет и очень маленький, с седалищем, более пригодным для шахматной доски, хоть ты его бери и дари гроссмейстерам — Каспарову или Купрейчику. Но ловить того губастого коника я не желал, немного брезговал, а больше жалел. На зуб его — нечем и плюнуть. Пусть идет опять в речку, за настоящей лошадью, колхозным сивым мерином.

Так забавлялся я на Уссури, пока однажды не поймал что-то непонятное. Клюнуло хищно, окунево — сразу на дно. Я потянул без подсечки. На крючке было что-то рыбье, или беременной рыбой, округлое и брюхатое, вроде выползка, проглотившего крота. Я вскинул вверх удилище и по-рыбацки выставил навстречу этому созданию руку. Приятель, с которым я рыбачил, тут же отбил ее, отвел в сторону от летящего на меня улова:

— Опасно! Косатка-скрипут. В шипах по обе стороны головы — отрава. Не смертельно, но руку, как куклу, долго будешь носить.

Он еще что-то долго и убедительно мне говорил, но я уже не слышал. Заложило уши. Мой улов, моя добыча плакала не расслышанным год тому назад детским плачем. Заложенные пустотой во время прощания Имана с полковником Леоновым уши открылись. Я не знаю, как плачут рыбы и плачут ли они вообще. Есть ли у них слезы, какие они, соленые, как и наши, или со сластинкой, сладкие, горькие. Одним миром и горем мы с ними мазаные или разделенные, разведенные навсегда?

Это, наверно, больше сегодняшнее, хотя полностью из прошлого. От беззвучного плача ребенка год тому назад, к которому я был глух.

Над водами дальневосточной реки Уссури горько и по-детски неутешно плакала несуразная рыба косатка-скрипут. Я оставил на берегу снасти и пошел прочь от этого плача. А на следующий день, не добывши свой срок в санатории, был в небе. Торопил самолет как можно быстрее и дальше улететь от реки, которой грезил, видел в детских своих снах. От мечты, которая сбылась, но не заполнилась еще пустотой.

Возвращение в обман

Семьдесят шесть призрачных кровавых километров бытия и небытия. Но ничего не попишешь. Я сам выбрал эту дорогу. С похмелья не придумать. Только я был трезвый. Может, потому так морочно и пролег мой путь, подбросив худшую из дорог. Только вознесся на седьмое небо, воспарил, как сразу же и приземлился.

Воскрешенная дорога моего беспризорного сиротского детства припала ко мне бурьянной спелостью предосеннего уже седоватого дедовника у обочин и заборов, клещевато впилась в память россыпью и перхотью коричневых прикюветных чертополохов, которые мы в детстве за уцепистость к штанинам, намерение даже ухватиться своими крючками за голые наши ноги прозвали собачками. Их живучесть потрясла и прохватила меня до слез.

Я все же добился, ступил в невозвратность, на мусорные стежки давно избытого времени. Так давно, что уже начал сомневаться: было ли то время и

те стежки, на которых я сегодня должен состояться, выбраться из сорняков. Я навсегда опоздал в свой прежний мир и мир сегодня. Кто-то угадал меня. Забежал вперед, подкинул чужое как мое. Где-то я прокололся в своих потайных, казалось, глубоко спрятанных желаниях. Есть, живет, хоронится среди людей нехороший глаз, злой и завистливый, подрезающий нам крылья, задуманные и обещанные каждому из нас еще при рождении. Кто-то недобрым оком подсмотрел и разгадал нам сужденное. И потому вместо крыльев у нас только зуд меж лопаток да привычные детские болячки, струпья вроде подростковых прыщей. Кружащий голову хмельной дымок сжигающих детства костров — и слеза. Слеза расставания с огнем, огнищем, в золе которого пеклась совсем не картошка, защитно и пригарочно обгорали и твердели мы сами. Избывали и теряли себя, но как захватывающе и трогательно теряли: горели до язычества еще обещанные нам крылья. На прутиках-рожнах — жарилось сало. Шипя, капельно сочилось и вспыхивало синим пламенем на жаре, оживляя костер. Мы следили за скворчением сала, но не всегда доставало ловкости поймать туманную каплю жира на горбушку хлеба. И получали огарок. Но все равно, хотя и несъедобный, но памятно зудящий, сладкий.

Мне, подпаску, как только я стал на ноги, подобного почти не довелось испытать. Надо было думать не о полетах и крыльях, и не о куске хлеба с маслом или салом, а просто о хлебе насущном. Детство мое было возвратным, когда я уже сам зарабатывал на хлеб и масло. Мог позволить себе беспривязно и бездельно пойти или поехать в лес только ради собственного удовольствия — за грибом или ягодой. И там мне что-то аукалось при костре с печеной в нем бульбой, сала на сосновом или березовом рожне, а потом на горбушке задымленного, угольного с живичным или деготным запахом хвои или сосны хлеба.

Вот такая, искусительная и привередливая наша не самостоятельная еще, незрелая и порхающая в глубинах столетий память. Хотя кто знает — зрелая, незрелая. Но терпкая, ранняя, взлетная и предполетная. Позже — это уже болота, омуты, в которых полощется наше сознание. До ухода уже топкая зыбь, старательно прикрытая ярко-зеленой, словно потянутой маслом, ряской. Зацепным донным жабером, по-деревенски — мудорезом. Люди знают настоящее имя всему и всех.

У взрослых иное, нежели у их чад с бурлящим, пенисто-сыродойным духом и звездным ощущением, другая голова — повернутая только на полезное, как говорится и считается, разумное, доброе, вечное, что совсем не так однозначно и очень спорно. Но так уже заведено и кем-то вложено, вбито в нас. Такой уж разбег между намерениями, благими помыслами и конечным результатом, началом жизни и ее завершением. И такое, к сожалению, — со всем сущим на земле. Как кто-то в наше уже время, разведя в отчаянье руками, воскликнул: чем бы ни занимались, чтобы ни изобретали — все равно получается автомат Калашникова. Что можно дополнить — или самогонный аппарат.

А детвора, следуя основному и вечному занятию отцов, любит играть в войну. Но в их черепушке, еще не окостеневшем темени — глаз в космос, к сожалению, с возрастом зарастающий.

Года два я приятельствовал с жеребенком. Встретился и познакомился с ним случайно. Как-то летним утром он сам подошел ко мне и напросился в друзья. Молочно дохнул полуднем сначала в шею, а потом и в лицо. Это было так неожиданно и почти любовно искренне, что я на какое-то мгновение растерялся. Поведение жеребенка не было поведением животного. Не могу

определить и свое тогдашнее состояние. Картина маслом: впавший в ступор взрослый человек и, хотя еще несмышленый, но уже доверчивый к нему, только-только из материнского лона жеребенок, которого едва-едва начали держать ноги.

До этого дня я почти не видел его, не примечал, как и каждый выходец из деревни, навсегда впитавший: корова, поросенок и конь — это не пейзанская фигура и картина на фоне самого себя, а полноправный член семьи, подспорье, работник. По-другому на него не смотрел и не видел, но не раз любовался, как он стремглав вихрит, рушит покой высокой, склоненной к земле травы, длинноного шерстя и разбрасывая ее зелеными, голубыми и даже золотыми брызгами в осоловело-дремном полудне. Глаз, опять же былого деревенского жителя, незаметно, но зорко, без пропусков, вбирал в себя суету и безостановочность окружающей жизни, кажущейся человеку со стороны нелепой, а на самом деле очень даже организованной, подсознательно запоминал. Складывал и запасал на всякий случай, как все прочее, в долгий, огромный сундук крестьянского образа и лада жизни. Бережно продолжал тем же заниматься уже расставшись с этим ладом, выпав из него: не мне, так пригодится другому, кто ступит в мой след. Ступит, что-то припомнит, глянет моим уже отмершим взглядом и улыбнется, разделяя мысленно мое деревенское, ушедшее, то, что сегодня ему может только присниться.

У меня и на уме не было, что стригунок играет, тоскуя по воле в огороженном жердями поле. Ему сиротливо при матери, с нею и без нее. Она, пока солнце на небе, — в работе, тоже не свободна в туго затянутом хомуте. Это будущее жеребенка, он об этом еще не знает. Но уже тоскует, провожая взглядом проносящихся в небе ласточек, прядет ушами вслед им. А те мимо, мимо. А ему так хочется, шкура огнем горит, привлечь к себе хоть на мгновенье чье-то внимание, чтобы хоть кто-то живой споткнулся в своем равнодушии, пролетая или проходя мимо. Но человека, взращенного деревней, трудно сбить с ноги.

Жеребенок словно почувствовал и понял это. Медленно и тихо, украдкой приблизился ко мне. Положил свою легкую, еще бесхомутную и невзнузданную голову мне на плечо и вздохнул. А может, это не раз паханное его родичами и засеянное травами поле вздохнуло им или я, хватив духа его вольницы, воровато наскочившего легкого цыганского ветра.

Я повернулся, и мы с жеребенком оказались лицом к лицу. Я не удержался и тоже вздохнул. Глубоко, насколько хватило слегка горчащего полевого воздуха, изношенности уже в нем летних цветов. Но откуда возник у меня этот жалобный вздох, я не понимаю и сегодня, вспоминая тот далекий день. Оснований для печали и тоски не было. Наоборот, легкое и невесомое возбуждение от прикосновения неизведанной мною ранее доброты. Возможно, это было наше с жеребенком взаимное возвращение из далекого и ничем еще не омраченного прошлого. Мы предстали один перед другим как еще не существующие в нашем столетии в этот день. Хотя все остальное в нем уже реально было звеняще-гудящее, летало, ползало и паслось. Крылато прыгали по полю кузнечики. Многие из них с перелетом или недолетом до избранной цели пулями падали в траву. Другие же, более приноровленные или ленивые, сложив крылья, успевали зацепиться за русо-седоватые головки спелого уже дятлика или метлицы. Раскачивались, будто на качелях, на протестующих от их вторжения стеблях. Серпасто-жатвенно торопились дальше и заговорщицки шептались. И что-то еще, сплошь наше, земное и сегодняшнее, мелькало, кружилось под синью голубого до звона неба. Ползало, кормилось и дышало

парящим духом ее обнаженной и ископыченной жеребенком и моими тяжелыми ботинками плоти.

Будто отдаваясь и подчиняясь этому вековому, не знающему отдохновения круговороту — гону, порханию и насыщению, пожиранию друг друга, — жеребенок и сам попытался вклиниться, присоединиться к нему, разрешающе и одобряюще подмигнул ему молодым, еще чернильно не набрякшим глазом. И я ответно подмигнул грузом прожитых лет и суетой цивилизаций ему и миру, окружающему нас. Знакомство состоялось. Завязался разговор. Жеребенок понятливо и согласно стриганул ушами. Я попытался собезьянничать, проделать то же. Но, видимо, мои уши непривычны были к такому языку: в моей человеческой жизни мало еще было заеди — комаров, мошек, слепней, обучающих этому.

Но вопреки языковому барьеру и разводящей нас сущности, мы поняли друг друга и подружились. С того дня, чем бы жеребенок ни был занят, завидев меня или даже почувствовав где-то вблизи себя, бросал себе под длинные ноги поле, сенокос, дорогу, рысью и галопом несся ко мне, не уступая в скорости, иноходи породистому ипподромному ахалтекинцу. Так шелковисто и песенно-водопадно струилась его грива, подобно волнению васильковой ржи в пору цветения-красования, — когда над ней зависает и колышется текучая дымка пыльцы. Я всегда на такой случай запасался и подносил своему приятелю горбушку посыпанного крупной солью ржаного хлеба или дробинок рафинада.

Наше приятельство и взаимное умиление длились, пока мы не разошлись на долгую разлучную и отчуждающую зиму. Но и по весне жеребенок не изменил мне. Повзрослел, подрос. Но еще был на свободе возле сжатых оглоблями, вспотело темных боков матери, от которой был судьбоносно отлучен. Отлучен не только от ее молока, утреннего умывания языком, но и образа жизни: жеребенок все еще оставался волен, а мать взнуздана и охомутана. Это различие в скором времени неизбежно должно было исчезнуть. Они должны были слиться судьбами.

Но мы с жеребенком еще были верны прошлогодней дружбе. Только я надеялся, что он по старой памяти устремится ко мне. Но жеребенок, лошадка уже, помахивая отяжелевшей головой с парикмахерски обкорнанной, подстриженной гривой, приблизился ко мне не бегом, а степенным шагом, постукивая раздавшимися и ороговелыми копытами. Будто уже тащил за собой не очень груженую, но и не совсем пустую телегу.

Обдал меня запахом и теплом разомлевших на солнце трав, приобретенным за год родовым духом лошади. Правда, с еще сохраненной памятью детства, потому что сразу же потянулся к оттопыренному карману куртки, хранящей и дышащей прошлым, — ладный окраец осыпанного крупной солью ржаного хлеба. Хлеба, и мне с детства также лакомого, именуемого зайчиковым, бесконечно вкусного не только из-за его нехватки. Он хранил в себе поле и лес, неизвестность, завлекательность чужой, заячьей жизни. Через малую краюшку хлеба познавалось безграничность мира, божественная причастность и прикосновение к нему.

Не благодаря ли этому заячьему хлебу на моей ладони, когда мир познается через запахи и вкус, вкус материнского молока, мы спознались и подружились. Человек и лошадь. Сейчас уже очевидно — лошадь. Моя следующая встреча с ним была, когда стригунок уже ходил в табуне. Я издали выделил и приметил его на выгороженном жердями лошадином выгоне за сельской околицей. В первое мгновение он, как и раньше, попытался податься навстречу

мне. Мы сошлись с ним под косые взгляды его сородичей. При этом ни один из них не оторвался от травы. На ходу, сбивчиво притормаживая и оглядываясь, норовил скубануть траву и мой коник. Стыдится, без ревности подумал я, вплотную подходя к нему. Притронулся к шее, запустил пальцы в теплую, согретую солнцем гриву. Коняшка, зелено и сочно дожевывая траву, передернул шкурой, словно отгоняя докучливую полуденную заедь, знаково прошелся по крупу хвостом.

К той докучливой заеди, очевидно, приравнивался и я. Мой приветливый и ласковый жеребенок не признавал и чурался меня, словно между нами никогда не было дружбы. Я глянул ему в чернильного цвета детства глаза. Цвет сохранился, только меня в нем уже не было. Я был стерт из зеркального отражения его глаз, из головы, видимо, уже предчувствующей хомут и удила. Удален из предстоящей ему будущей жизни со взрослыми заботами, где не было места грезам о братстве и дружбе. Стригунок даже изменился мастью. Был буланый с благородным просверком седины. А сейчас едино только, буднично и беспородно — буланый. Время перекрашивало и перестраивало его. Вместо нетерпеливо стройных ног с тонкими, разящими землю копытами, наращивало твердую поступь в борозде. Доверчивость и искренность, детскую легкость замещало лошадиной силой и тяговитостью. Равнодушием степенного рабства большинства наших былых, да и сегодняшних животно-человеческих отношений с повседневностью.

Стригунок ты мой, стригунок, лошадь ты моя, лошадь. Зачем только тебя одомашнили. Создали достойное сожаления подобие человека — трудолюбиво послушную скотину. Порадело человечество, постарались истлевшие уже, молчаливо и горько проклятые в столетиях ставшими домашними животными приручатели и дрессировщики, от которых сегодня ни звания, ни знака.

Я свыкся с коником, полюбил его детство, доверие, доверие ребенка к взрослому. А коник мой неожиданно, как говорят, оказался с кониками. Как это случается едва ли не с каждым подростком — взбрыкнул и дал в хомут. Оборотился во что-то или кого-то, совсем иного. Хотя, не исключено, стал самим собой, и может, немного нашим подобием, что мы отказываемся признать в себе, но горько познаем в собственных детях. В трепетном детстве мы не разлей вода со всем Божьим светом. Но стоит хотя бы однажды на чем-то споткнуться и набить первую шишку, как мы обрастаем мозолями, диким мясом. Настолько диким, что без скальпеля от него не избавиться. И то не всегда с первого раза.

Я познал это на себе, собственной шкуре, живя среди взрослых и детей. Время играет и мудрствует не только внешне над нами, но внутренне, чтобы не заносились, не держали лишнего в общем-то еще хилой своей головенке и не изгнали сами себя преждевременно с этого света. Каждому фрукту — своя пора. Недаром свыше велено: успокойтесь.

Лошади, как и многие, если не все братья наши меньшие, хоть и не без нашего участия, под принуждением, кажется, смирились со своей судьбой. Но не праздно говорят: когда кажется — креститься надо. Креститься, потому что нет ничего ужаснее гнева и боли подавленных, задушенных, действительно звериных, животных. Звери усмирены не только и, может, совсем не интеллектом, а еще и за плату. Плату, непомерную для человека, — потерей себя, выходом из собственного тела. А это значит — безумием. И цена такого усмирения адекватна и двустороння: «Out the bodu». Но надо признать, есть и исключения. Что удивительно, совсем не личности, ничем не примечательные особи, мелочь пузатая, или точнее, пернатая — дворовые воробьи, коноплянику, семя крапивное, жидки, наконец.

Знаменитый дрессировщик с мировым именем как-то увидел, что воробьи ходят неправильно — не шагом, как все прочие, а прыгом-скоком. Потратил два месяца на то, чтобы научить их правильному передвижению. Воробьи заупрямились и наотрез отказались учиться. Как прыгали веками, так и прыгают, да еще передразнивают учителя непристойными действиями и звуками. Вот такие упертые наши памятливые полесские воробьи. Так же неискоренимо памятлива и смерть. Она никогда и ни про кого не забывает. В нашем подсознании, сознании всего сущего, словно в сундуке с множеством секретных замков и замочков и таким же множеством старушечьих смертных узлов и узелочков, хранится нечто неподвластное нашему потребительскому практичному уму. Последний, правда, часто покидает и отказывает нам.

Задолжал человек преобразованиями, усовершенствованием своего суетного разума всему сущему. В неоплатном долгу перед самим собой, перед той же лошадью, ее и своим будущим. Обанкротился и теперь норовит скрыться в бестелесности, беспамятстве и безумии, out the bodu, как это происходит и со мной на распростертом передо мной языке моей кровавой дороги.

А пока мы с коником среди палящего лета молча стоим на оскубанном колхозными лошадьми выгоне. Трава на нем жидкая. Да и та, что чудом уцелела, под корень обгрызена и скопычена, и коням не очень интересна. Они отошли от нас. Сюда доносится только звон, звон, звон этого дня и вечности. Окрыленный разгул и пиршество кровососущих. Оводов, пауков и мух, заходящихся от жадности, халявной добычи живой крови. В высоком небе, прохладной его синеве купаются ласточки. Взлетают ввысь, насколько хватает духа и силы. На мгновение черной мантией, по-монашески укрывшись крыльями, ныряют, словно в прорву, в позлащенный лучистый и прозрачный свод неба. Тут же выныривают, уже умытые и довольные, — разве что не отряхиваются. Их черно-белые сутаны как обещание непреходящего — добра и зла завтра и послезавтра, лошадям на выгоне под ними, самому выгону и человеку. Так завещано ласточкам — быть вестниками в этом мире.

Мы с моим коником словно чего-то ждем, может, и от тех же ласточек. В конике, похоже, терпения больше. Хотя именно его время от времени мурашечными наплывными волнами пронзает нетерпеливая, словно сигнальная, дрожь, вроде судорожно бегущего буквенного ряда на экране телеящика, пытаясь что-то втемяшить мне. Но кроме меня, принимающего это сообщение, — полуденная, хищно жаждущая крови заедь, от которой коник сам защищается, стирая с крупа кривые и извилистые кровавые послания.

Хотелось, как это было с прежним моим стригунком, обнять чужого мне буланчика, припасть к его насыщенной посланиями и памятью прошлого гриве. Не к этому ли он призывал меня? Мы оба по-настоящему желали родства и дружбы, ласки. Но, по всему, меж нами уже навсегда пролегло прощальное и необратимое — разлука, понимание которой полностью овладело мной, без видимых печали и тоски, но до боли щемящее. А у коника это же читалось в немо открытом рте с угрожающе выпуклыми, крупными никотиново-желтыми зубами.

Но в осмуженном, хотя и подернутом уже равнодушием чернильном его глазу было что-то иное, нисколько не грозное. Хмурое, но доброе. Память глаза воскресила в нем что-то давнее, не погасшее до сих пор. Не погасшее, но уже почти и неосознаваемое, что лишь изредка слабой искрой прорывалось через столетия и дали моего пещерного существования. А в лошади, видимо, пыталась взять верх, пробудиться тоска по горизонтам и далям, еще не познавшим косы зеленеющим земным пространствам. Не эта ли сокру-

шающая памятность в беспамятности не позволили нам в тот день припасть друг к другу...

Коник канул в свое конское. А я… Не уверен, что в человеческое, нареченное мне на роду. Из так и непроясненных глазных чернил коника неожиданно выкатилась слеза, на удивление прозрачная и крупная. Выкатилась и, не распадаясь, застыла на краешке его глаза, жестко орешеченного ресницами. Дрожаще колыхнулась и, не дробясь, упругим шариком упала на копыто, едва не вскипев на его равнодушной серой окостенелости.

По сей день не могу сказать, что вызвало в нем ту слезу. Солнечный луч, пролетающий овод или комар, пожелавший утолить жажду. Или его тронул налетный ветер, в котором притаилось отринутое прошлое или несостоявшееся будущее. А может, проснулось во времени уже давно созревшее невидимое семя какого-то забытого, не взошедшего в веках растения и в нашей земле ищущее пристанища и продолжения. И по всему, обманно приняло за землю обетованную живой животный глаз. И было то не пророчеством ли? Не предсказанием ли очень даже возможного в будущем нашему глухому, слепому и не поддающемуся и на ощупь ощущению света. И потому та слеза была хотя и не призрачная, но необъяснимая и из очень далеких миров. Всепланетная, о которой еще в девятнадцатом столетии было говорено — слезинка ребенка. Кровавая слеза жалобы души, оглохшей памяти матери и отца, не прощаемой ни живым, ни мертвым.

Лошадь и человек уныло и понуро стояли друг перед другом. Лошадь изредка проявляла еще немногие, но уже туманно занавешенные отражения прожитого ею земного века. Человек завивал веревочкой что-то свое, потому что только веревочкой можно было и завить его подсознательное. А там, где и когда он пробует осмыслить это умом-разумом, вновь и вновь получается и грезится ему автомат Калашникова или самогонный аппарат.

Досадно и обидно, но такие уж мы есть сегодня во Вселенной, в Млечной предопределенности нам земного пути. Может, именно потому все на нем и чураются, избегают протянуть нам руку. Только надумали создать так называемый колайдер, чтобы узнать что-то о своем происхождении и Вселенной, как возникла угроза Земле и жизни. Таково уж наше кровавое познание себя. Такие уж мы есть, хищные и непредсказуемые, а возле нас и все прочее. Даже наши безобидные и затрапезные деревенские воробьи передвигаются только вскачь. Все мы сегодня только так, таким, как говорится, макаром. Один к одному — безродные на Земле и во Вселенной макары, только телят пасти.

И я не исключение среди наших скачущих воробьев. И не все ли полешуки этой породы. Но в нашей полесской корчеватости, болотной, неприглаженной пресловутой памяркоўнасці, набившей уже оскому, таится нечто непознанное и неразгаданное самими белорусами-полешуками: неожиданное взрывное бунтарство, ятвяжья ярость идти, не оглядываясь, до края пропасти и в пропасть, в огонь и на виселицу. И неизвестно, кого они в ту минуту слушают, кому уподобляются и подчиняются — ангелу, Богу или дьяволу. Недаром говорят, в тихом болоте черти водятся. Ангелы также, падшие. Не сплошь ли с обрезанными крыльями.

Не в этом ли сегодня, кстати, как и всегда, раздрай с самим собой, лошадью, временем и пространством. Не потому ли я сейчас на этой крестно распятой дороге? В вечной погоне за тем, что было, чего не было и никогда уже не будет. Намного раньше и придумал, и создал это в себе. Создал, олицетворил и поверил. Спрятал и замкнул в памяти, тайно надеясь все же вернуться и вновь на свежую и взрослую голову пройтись по прожитому. Трезво вос-

кресить его, без боли окунуться в прерванные и недосмотренные сны детства, их щемящую чистоту, глупость и озаряющий свет.

В них был и город, из не очень родственных объятий которого я только что вырвался. Он во мне издавна и все же добрый. Вначале мы были с ним одной судьбы. Меченые одним несчастьем, одной бедой. Я приехал в этот город лечить непознанную в поселковой глубинке болезнь, от которой уже доходил. А большой, на мой взгляд, самый большой в мире город был болен сам. Громоздился черными каменными костями руин на огромной госпитальной кровати, забинтованный недоумевающими водами полесской реки Сож.

Город лечили те же, кто и навел болезнь, изувечил его. Пленные немцы. Чего я никак не мог понять. Моя болезнь была тоже от них, только я не мог доверить лечение ее немцам. Я жаловался то на живот, то на голову — кроме них, у меня в то время, кажется, ничего и не было. Изможденный, оголодалый, полотняно-кортовый, я не мог позволить себе еще что-то. Но получил в дополнение к своим хворям немощь разрушенного, нагого, скелетно обрешеченного большого города. Уныло хмурых людей в шинельно серых, наводящих страх чужих одеждах. Ощущение, что вся земля лишь только такая, понурая и изувеченная, немая. Скорее всего, потому, что немцы поправляют ей и городу здоровье.

Позже я еще не раз встречался с этим городом. Оценил и полюбил его красочность и веселую многоликость, неброскость. Что-то было в нем от самого меня и моих знакомых, поджарого мастеровитого люда, среди которого я жил и рос. Люд тот нисколько не походил на сегодняшний. Еще легкий на ногу, не заплывший жиром и раздобревший, как в наши дни. Занятый совсем не тем, как бы похудеть, а чтобы съесть и принести хоть во рту детям. Прогонистый, подвижный, под стать модельно-щепочным девицам сегодня, с охотничье выстреленными вперед, оголенными до не могу своими тыквами, помидорами, а чаще — фасолью. Это был бесконечно милый мне человек, сегодня оскорбленный, названный совком. Он мерещится мне, я вновь хочу видеть его.

Ощущение родства с ним и городом особенно сильно проросло и взошло во мне, когда пришло время прощаться, как я считал, навсегда, уезжая в белый свет будто в копеечку. В скитания и беспризорность. Город, несмотря на старательность и трудолюбие пленных немцев, оставался еще в руинах, большей частью был деревянным и одноэтажным. Задымленным, как не все ли той поры большие и малые узловые наши железнодорожные станции, астматично задыхающимся.

Восприятием и представлением мира мы похожи, как две рельсовые креозотные шпалы из одного бора, одного бревна, из-под одного топора, одной пилорамы и одной креозотовой купелью моченые. Он меня создал, он же меня в свое время и приберет. Может, прихватит где-то и под забором с недопитой бутылкой чернильца и недокуренной сигаретой «Прима», что происходит с большинством моих ровесников и друзей. Такова уж судьба многих и многих послевоенных сирот, безотцовщины железнодорожного пристанционного полубандитского-полуворовского поколения.

Железная дорога когда-то и породила город, отцов этого поколения и само это поколение. При болотах, пустых и голых песках, почти дюнах, используя их руки, вывело в люди, создав новое сообщество и новую здесь породу — пролетариев. Вытолкала из вековых деревень, бросила на рельсы, струйным блеском стали втягивающие их за горизонты, обещающие надежное будущее. И это новая порода людей паровозами «ИС» — Иосиф Сталин,

«ФЭД» — Феликс Эдмундович Дзержинский, основательными и сокрушающе мощными, деревенскому оку неприглядными, но работящими маневровыми «ОВами» — овечками и «Щ» — щуками, безоглядно и торопливо побежала в небытие, из пахарей — в стрелочники, смазчики вагонов, обходчики и кочегары. Неизменно необходимые тому и этому свету. Так было суждено и мне.

Но выпала другая доля. Дала мне хорошего поджопника. Погнала, на мое сегодня суждение, неспособного по здоровью принять эстафету отцов, прочь. Вытолкала в одиночество, чуж-чуженину и скитальчество. Невыносимые в начале жизни горечь, тоска и немой плач без слез. Тогда я и пригадать не мог, что за этим — моя настоящая судьба, что это рука, протянутая мне с того света мамой или бабушкой. Выживу — выживу. А нет — на нет и суда нет. Ничего не стоит быть самим собой. Но надо прежде всего найти себя.

Единение, хотя по первости и принудительное, с движением, скоростью, дорогой, до потери себя и времени слияние с далью, щемящее ожидание того, что скрыто, прячется в вихревой, пружинно сжатой плоти встревоженного тобой слежалого воздуха — чего еще просить и ждать, что может быть дороже? А потому — слеза на ресницах, от ветра, конечно. Но не только. Жгучая печаль и тоска по самому себе в невозвратности застывшего времени. Застывшего, но еще хранящегося в твоих глазах, в блуждающем взгляде. И твоя несостоятельность в родной хате, где еще бродит тень твоей матери, потихоньку истаивает в дымчатой туманности новых окоемов, рвется то, что лишь вчера казалось неразрывным. Единым с тобой, живым и упругим, до краев наполненным твоим духом, дыханием, кровью.

Так было. До того, когда еще много и много чего не было. И это сыграло со мной в вечную нашу игру. В не верю или: верю каждому зверю, только не самому себе. С надеждой все же поверить или проверить. Пройтись, пробежать, нырком прорваться в свою мятущуюся, больную и сегодня, словно чужую, подозрительную память.

Я не совсем представлял, что ждет меня в ее тусклых глубинах, что за зверь скрывается в них. Но там что-то было, что-то оставалось. Частица меня, щемяще манящая и почти непроявленная. Только дразняще обозначенная. Навсегда призрачная и обманная, как предсмертный свет в конце тоннеля.

Обещанный, ниспосланный всем прошедшим через этот туннель, но уворованный из моих, так и не прозревших, глаз. А давно известно: недоеденный кусок самый сладкий. И хотя сегодня я сыт, но все равно обделен, нищий детством. И это навсегда вросло и приросло ко мне, потому и гоняюсь нищенской сукровичной памятью за заячьей горбушкой своего несостоявшегося детства: не догоню, так хотя бы согреюсь.

В подсознании при всех играх и игрищах в верю и не верю зыбко дрожит, вспыхивает и гаснет: а вдруг, а если. А потому — погоня, погоня, погоня. Без остановок и съездов на обочину. По свежей и зарубцевавшейся уже зыбкой памяти прошлого, настоящего и, возможно, будущего. Хотя и с потерянным неизвестно где и когда давно уже телом.

Земля как текст, *или* ***Царицын, Сталинград, Волгоград***

А можно и наоборот. Получится одно и то же, правда, в пространстве, но не во времени: что стеклом по камню, то и камнем по стеклу. Но здесь всегда на страже наша привычка перечить самим себе, делать и говорить мудро и заковыристо, как чесать левое ухо правой рукой через затылок. Или — сколь-

ко будет дважды два? А сколько вам надо? Очень уж гибкая у нас жизнь и наша приспобленность к ней.

Отсюда и угодливое поклонение перевертышам и оборотням. Подлинное имя не только человеку, а всему сущему одно, и дается только раз, следуя высшему повелению и будущему предназначению поименованного, его духу и содержанию. Недаром говорили и говорят: как корабль назовут, так он и поплывет. В подтверждение этому, опасности играть и вольно распоряжаться именем — факт почти мистический. Адмирал Нахимов был великий флотоводец. А теплоход, которому не раз меняли имя, прежде чем остановиться на последнем — «Адмирал Нахимов», не просто затонул, а унес с собой на тот свет около тысячи человек. Это можно было принять за случай, стечение печальных обстоятельств, если бы и далее все на воде, носящее имя Нахимова, не гибло и моряки не остерегались бы плавать на судах имени великого флотоводца.

Вызывает досаду, если не возмущение, множественность имен города на великой русской реке. Кстати, сегодня перезагрузчиками нашей жизни высказано пожелание переименовать его снова, в четвертый раз. Само собой, идя навстречу пожеланиям трудящихся, вернуть городу имя их же палача и людоеда — Сталина. Что же, примеров этому несть числа: Иван Грозный тоже был в нашей стране в огромном почете. Его увековечили в кино, заказных помпезных пьесах и многотомных эпопеях, востребовав из ада.

Но это так, попутно об истории. А по существу, где-то среди двухмиллионного города приютилась скромная, почти никому не известная речушка Царица, додающая капельку своей неприметности великой русской реке. Эта тихая речушка дала имя поселению на своем берегу, которое позже услужливо и льстиво преобразовалось в псевдовеличественное Сталинград. А потом уже и вовсе в серое, лишенное плоти — Волгоград.

Теряют лицо и мозги, сбиваются с пути не только люди — города и страны, молчу уже о правителях. В двадцатом или девятнадцатом веке место им если уж не за решеткой, то точно в психушках. Но вопреки всему этому я люблю этот безразмерный — сто километров из конца в конец — двухмиллионник на самой большой в Европе, как нам вводили в уши, реке. Есть в нем что-то роднящее с нашим Минском-Менском-Менеском. Хотя бы та же близость судеб речек Царицы и Немиги. Одну забыли, другую изувечили. Заковали в тюремные бетонные стены, забрали тюремными решетками. Над рекой Свислочь, как и над Волгой, сотворили насилие — отдали на откуп и совокупление толстым кошелькам, наладившим похороны и тризну истории некогда зарожденного здесь города, будущей нашей столицы.

Между двумя городами, Волгоградом и Минском, много общего и родственного — по кровавости судеб их жителей в годы Великой Отечественной войны и по ее окончанию. Эти города, как близнецы, из одного яйца рожденные. Повязаны одной пуповиной боли и заживления послевоенных ран.

Но я опережаю себя. Еще не улеглось и не рассеялось разочарование от обмана несбывшихся ожиданий. Хотя, если искренне признаться, чего я ждал? Скорее всего, того, что всегда с нами и при нас — вечно зовущее, сказочное и неопределенное. Создающее нечто в несуществующих, манящих нас горизонтах — покатигорошковой дали, обозначенной бабушкиным клубком ниток.

И катится, катится тот клубок старушечьих самопрядных ниток. И я современным покатигорошком в стручковом чреве моего автомобиля истаиваю, распыляюсь в чужом мне воздухе, в чужих горизонтах, присмотреться к

которым не успевают глаза. Все безлико и бездушно. Хотя я прочно привязан, приклеен к земле липкой на солнце лентой шоссе. Словно бабьим летом на тоненькой смуглой паутинке, парашютно слитый с небом, непредсказуемостью воздушных течений, уцепистый в своей однодневности, бездумной и безумной, — бродяга и странник, летящий в свой исход, каждое мгновение все ближе и ближе к аду или раю, паучок, невидимый человеку и мирозданию.

В некотором роде, частично я еще и паучок-богомолец. Не потому, что очень уж набожен, внешне схож. Всяк идущий в дорогу должен избрать себе попутчика, образ на всякий случай, в котором он хотел бы предстать неведомо перед кем и неведомо когда и где. И я удвоен, и не только в дороге: один дневной, второй — ночной. Светлый и темный. Памяркоўны днем. Ночью, подобно болотному гаду по весне, сдираю, избавляюсь от задубелой за зиму кожи, отвязываюсь от пенька или колышка, к которым цепью или веревкой меня приковали навсегда к этой планете. Ночью я бегу от нее и от себя, ухожу в иные миры.

И это не сон, не сновидение во мраке ночи, окутавшей меня. Сна вообще ни в одном глазу. Не спится потому, что день прожил, а вспомнить нечего. Так было вчера, так же и сегодня. Так будет и завтра. Все предсказуемо и едва ли кому интересно. В любую минуту меня можно стереть, обезличить, подменить или заменить, потому что вокруг неисчислимо моих копий. А земляной червячок, с которым я бегаю на рыбалку, уже точит меня, поедает то, что считается моей аурой.

Я выразительно и ярко вижу ее, когда сильно, до боли в висках и шума морских волн в ушах, зажмурюсь. Лишь местами она, моя аура, нетронута и не сокращена, небесно-голубая, спокойная или весенне-зеленая. А чаще приливно кроваво-багровая, с отболелыми черно-густыми краями. Чернь — знак мне, упреждающий стон моей прозревшей исчезающей и меняющей цвет шагреневой кожи.

И я в объятиях бессонницы, не противясь, покидаю этот мир. Лунными дорожками, бликующими останками догорающих и сгоревших звезд, под укоряющий взгляд звезд еще живых, иду во Вселенную, к Млечному Пути и по нему — в дальний космос. К планетам еще неизвестным, нетронутым даже стеклышком астрономических телескопов.

Миров давно открытых и известных сторонюсь. Находился уже по Марсам и Венерам, в детстве еще истоптал ноги. Наведываю их, когда уже крайне необходимы, скажем, золото или алмазы. Мне уже проели плешь: золото на земле инопланетного, марсианского происхождения. Но оно действительно есть на Марсе. А Юпитер из-за огромной температуры и давления плюется алмазами. И я время от времени посещаю их, чтобы пополнить наш отечественный золотой и алмазный фонды. Понимаю, других возможностей, как только попользоваться галактическим богатством, украсть или попроситьпостарцевать, подняться с четверенек — согнули нас, все согнули — встать на ноги у нас нет. Но это я опять к слову, пока крутятся колеса и набегает уже чернильным асфальтом на меня дорога.

В космос, иные миры, как до реки, воды и рыбной ловли, ведут не жадность, не желание разбогатеть, поймать космическую рыбу. А что — сам не знаю. Хочется — и все. Хочется идти туда — не знаю куда, найти то — не знаю что.

И такая простоватая неопределенность желаний у меня с той поры, как я себя помню, а может, и не помню еще. С первого туманного просверка мысли, похоже, и не моей. Сомневаюсь, чтобы еще в детстве я был такой осмыслен-

но целенаправленный и умный. Желание действовать, куда-то идти, бежать, плыть, лететь пробудилось, как только я где-то замер на месте, оказался один на один с самим собой. А потом, вместо прозябания в родном и очужевшем доме, выбрал беспризорничество. Пошел по белу свету искать самого себя, не зная, что в жизни могут быть и иные, чем горе с горем, беда с бедой и отчаянье с отчаяньем, встречи. Хотя считается, что недоля с недолей — это уже доля. Только наша белорусская доля никак не поймет этого. Такие уже мы есть, как были и, наверно, сохранимся в своих болотах и торфяниках для будущего. Торф сохранит: в его толще как-то нашли средневекового рыцаря верхом на лошади. Просидел, как живой, столетия не покидая седла, сбереженный вместе с лошадью, неподвластный тлену, хранимый нашим вековым полесским торфом.

Не за счастьем я рыскал по белому свету. Горьким был мой хлеб. Но и такого не имели многие из тех, о ком говорили: мать померла, батька ослеп. Но мало кто из них навсегда бежал из родного дома. Так что на бескормицу и отсутствие куска хлеба нечего все списывать. На свете есть еще и другое, крайне необходимое и взрослому человеку, и ребенку. Но не спрашивайте — что. Не знаю, а гадать не буду, тем более сегодня, когда уже вдоволь хлеба и кое-чего к хлебу. Боюсь обговорить себя, сглазить.

Не потому ли я сегодня так упрямо и настырно ищу просвета в своей тоске и одиночестве, со всех ног бегу навстречу несвершенному? Почему мне не сидится на одном месте, в стенах городской квартиры, среди каменных домов и асфальта? Вдаль, вдаль, в дорогой и манящий меня земной Млечный Путь.

…Обычно это тихий, еще не истоптанный берег речушки. Хотя таких сегодня уже почти нет. Сохранилось больше недоступных и невеличких, на одного-двух рыбаков, озерец, созданных добротой и улыбкой далеких миров, метеоритами или могучим плугом пахаря и сеятеля планеты — ледником. Их охранительному мраку вечности я доверяю себя. Если здесь кто и есть из прежних времен, я его не вижу, как и он меня. Меня словно нет, есть лишь тихое предчувствие себя. И такое далекое, из таких глубин столетий, что и представить невозможно, не собрать и сложить во что-то единое, действительное и живое.

Мне по нраву эта моя распыленность, рассеянность по свету. Недаром все же человеку дано столько семени. Неспроста еще в начале прошлого века известный русский поэт К. Бальмонт сетовал на то, что он обязан оплодотворить всех девушек мира, а его может хватить только на половину Европы. Хватило, хватило бы и на всю планету.

На тихом берегу реки или озера в прозрачности тишины и покоя мне не надо бороться с бессонницей, бросаться в бегство от самого себя. Я получил, нашел себя и свое, то, что так долго искал. Все это здесь и при мне, подо мной и надо мной. И я ни на что еще не потрачен, единый и цельный в лоне матери земли, убаюканный колыбелью воды, под стражей недремлющих и ночью шепотных деревьев, у завязанной узлами памяти их корней, на которых нисколько не жестко лежать моей голове. Я в их памяти, памяти звезд ночного неба.

Взбесившееся стадо многокрасочных металлических монстров, автоболидов со всех сторон кольцует меня, спускает с небес на грешную Землю, дает понять, что и я из этого стада, потому надо толкаться — работать локтями. Земля не только грешная — наполненная, скоростно раскрученная колесами и отработанными газами механических зоилов, неутомимо жующих и пере-

жевывающих распаренный, согретый солнцем черный асфальтный битум, порождая смердящий смог. Этому смогу способствует некачественный, разбавленный отечественный бензин, придают градуса и накала нетерпение и раздражительность водителей, так что он почти одушевлен.

Трасса южная, курортно-отпускная. А этой порой как раз заканчивается летний сезон пролетарского большинства населения страны. И все это отдохнувшее большинство — навстречу мне на «Жигулях», «Москвичах», даже горбатеньких «Запорожцах». А попутно — на господский бархатный сезон на сановных черных «Волгах», а иногда и на брезгливо не смешивающихся с ними иномарках уже, наверно, не советского пипла — джентльмены, денди и мены. Правда, чаще качково скроенные. Добавляют страсти безжалостным гонам дальнобойные фуры.

В свое время Михась Стрельцов обозначил свое деревенское поколение, ринувшееся в город, как сено на асфальте. Сегодня о нем можно было бы сказать: килька в банках в собственном соку, а случается, и в томате.

С экранной киношной скоростью, двадцать четыре кадра в секунду и упрятанным в них двадцать пятым, рассчитанным на пробуждение инстинктов, трасса крутила дорожные, сплошь еще советские фильмы. Мелькали прибранные, кукольные деревеньки с яркими заборами, выкошенными подступами к ним, цветами в палисадниках и возле завалинок домов, крытых шифером, черепицей, а то и покрашенной жестью. Все напоказ и умиление властительного глаза проезжающего мимо начальства. Это, по-видимому, и был тот пресловутый двадцать пятый кадр, нарисованный современными потемкиными провинциального розлива.

Остальные же двадцать четыре кадра — деревеньки, отбежавшие от основной трассы в затянутые маревом горизонты, уже не столь привлекательные и услаждающие глаз. Преимущественно осиротело вдовьи с заплаканно-скорбными окнами скособоченных, уже вросших в землю хаток под камышом, соломой и дранкой не начала ли прошлого века, 1913 года, на который не переставала равняться советская власть.

Что ни говори, а большим разумником был любовник Екатерины Второй светлейший князь Григорий Потемкин. Одноглазый. Но из эпохи мракобесия показал, как надо вешать лапшу на ослиные уши. Хотя размаха не было. Создал лишь несколько пейзанских игрушечных деревень. Коммунисты на его фоне куда старательнее, с чисто большевистским умением и страстью, как мухоморов в грибную пору, понастроили на бойких местах слепящие глаза картонно-пейзанские дома, деревни и даже города. Дух захватывает.

Только этого духа, запала не хватило им на дороги. Особенно это бросалось в глаза, когда пошла уже моя трасса Москва—Волгоград. Я и раньше слышал — это нечто, но представить не мог, какое оно. Сразу же понял, почему матрос, партизан Железняк, шел на Одессу, а вышел к Херсону.

Таких буквально вражеских, белогвардейских засад и препятствий, ям, выбоин, стиральных досок и, если не противотанковых, то противопехотных провальных траншей, рвов, надолбов, бугров и впадин никогда и нигде не приходилось преодолевать. Даже в пешем передвижении по диким делянкам безобразных леспромхозовских вырубок, в борах, где шли окопные партизанские бои. Уверен, Мамаю с ханом Батыем дорога на Русь давалась легче, несмотря на полное ее отсутствие.

Дома я лишь однажды, и то в малой степени, изведал нечто подобное. По весне, когда оттаяла земля, пустили броды и гати по дороге к моей родной деревне, до которой с 1913 года добирались лишь на своих двоих да на санях

или телегах. А немцы в войну — на танках и только зимой. Я выдрался из очередной топи, трясинно застойной грязи. Остановился, чтобы перевести дыхание и прийти в себя. Спросил у неожиданно появившегося, словно из болота или преисподней, дедка: как там дальше с дорогой, проеду ли? Дедок обошел вокруг моего по крышу в грязи автомобиля, строго и с нажимом спросил:

— А машина казенная или своя?

— Своя, — уныло ответил я.

Дедок, словно ждал такого ответа, радостно подскочил:

— Тогда нет. Не проедешь. Нет, на своей ни за что не проедешь.

Мудрый был старый полешук, не дед, а совет министров. Я вспомнил его на трассе Москва—Волгоград, прыгая в моем автомобиле, будто на телеге, запряженной одышливым колхозным мерином с больной селезенкой. Такого рассудительного дедка да в Кремль, в администацию президента. Если бы коллективно не придушили до заката солнца, он бы показал, как надо свободу любить. Дураков бы явно стало меньше.

Но в то время мне было не до таких глубоких и умных рассуждений. Свинье не до поросят, когда ее смолят. Я прыгал над черной лентой асфальта, как рыба на крючке. Но упрямо двигался вперед. Как всегда все и всюду, грешим на судьбу, черта и дьявола, а сами без мыла туда, куда собака и носом не ткнется, — пригрезившийся рай на самом деле чаще хуже ада. Призрачный обман куда управнее и ухватистее старушки с косой — настоящей хозяйки и в доме, и на вечнозеленом луговом прокосе, и в поле. Может, потому мы из века в век преклоняем колени и склоняем голову перед призраками и идолами и не обращаем внимания на тех, кто рядом с нами.

И я отправился в рыбацкое паломничество от родных осин и лоз в край далекий и чужой, в самый пуп татаро-монгольского ханства, где рыбы немерено. И она жаждет, чтобы ее быстрее начали ловить. Так меня соблазняли рыбалкой мои пропащие и помешанные на рыбной ловле друзья и товарищи по счастью или несчастью, которых сегодня развелось как собак нерезаных. И как обычно: численность растет — смысл теряется.

Занятие это, конечно, древнее. Но занятие, а не забава. Обязанность добытчика и кормителя, переродившаяся в развлечение и хобби. И не из дешевых. На него сегодня работает отдельная и весьма прибыльная индустрия, производящая не только рыболовные причиндалы и устройства, но запахи, ароматы, любимые рыбой. Приобретать это в состоянии далеко не бедные люди, которым, впрочем, сама рыба ни к чему. Они ловят ее и опять отпускают в воду. Таков сегодня круговорот рыб и шизанутых в природе.

Не буду скрывать — и я из них, хотя и не совсем. Многие из моих сотоварищей — люди не страсти, а чего-то несложившегося в жизни, беды. Невостребованные ни семейно, ни служебно. Они тратят себя, иногда с вызовом, замещают жизнь забавой. И это касается не только рыбалки. Обходных маневров, конечных станций и жизненных тупиков неисчислимо.

Так мы без Фрейдов и Юнгов медитируем, релаксируем, пытаемся уйти, скрыться в собственных психоанализах, в иных, более приемлемых занятиях, мирах. Бегство, догонялки и погони не нами и не в нашем веке придуманы. Это уже генное: всюду хорошо, где нас нет. Отсюда погоня за жар-птицами, скатертями-самобранками, поиски Беломорья. Повальное бегство в революцию, в бунт. А в результате не добровольный ли и также повальный исход в ГУЛАГ, с конечным переходом в эвтаназию через короткие проталины оттепелей, эйфории энтузиазма и разрешительно культивируемой романтики.

Такой была братская могила поколений и эпохи. Прощание и избавление

миллионов и миллионов от бредущего по планете призрака, в которого веровали, как не верили самим себе. Расставались с той верой весело. Как водится у нас на тризне: хоронили тещу — порвали три баяна. А потом поняли, что это не прощание с покойником, а реанимация его, рождение нового, натурального и самого настоящего уже опиума для народа. С затянутой на годы ломкой и вечным уже похмельным и постпохмельным синдромом.

Выходили из них единицы, и то беспамятно. Всем сразу стало неуютно и тесно, муторно и душно в четырех стенах собственных свободолюбивых кухонь. И тогда сам собой сработал закон домино. Былые шестерки обрели силу и деньги, пошатнули пусто-пусто, которое тоже не ловило мух. И далеко, далеко разнесся костяной грохот мертвого пластика, прежних винтиков. И вновь пошли по независимым уже пространствам беспризорники, числом не уступая, а то и превосходя послевоенных. Начались коллективные суициды, расцвели сатанизм и черная магия, секты и сектанты — уход и бегство в никуда, погони за никем и ничем.

Поколение за поколением на том и этом свете под свист не знающего ни милости, ни устали кнута вечности. Эта дремлющая в салоне моего автомобиля вечность наших стежек, большаков, гостинцев торопит и подгоняет меня. Куда, к кому, зачем? Я давно и долго собирался в эту дорогу и все откладывал, откладывал. Теперь же отчаянье родного края, невидимый и неслышимый стон и плач его вынудили решиться.

В вожжах машинных скачек по полуденному расплаву асфальта через автомобильное стекло я пытаюсь рассмотреть и принять участие в чужой жизни. Но она в продолжение всей дороги, может, из-за скорости, и недоступна, однообразна. Одно лишь кажется: чем дальше от родных мест, тем меньше тоски на лицах людей. Хотя особой бодрости тоже не ощущается. Повсюду — как бы ожидание и предчувствие неведомо чего. Хотя, скорее, это ожидание и предчувствие во мне. Наша душа прозорлива, в чем я не раз горько убеждался.

Вот и сегодня, когда я говорю об этом, мы ударили во все колокола и закричали со всех алтарей: люди, будьте бдительны! Земля вступила в полосу катастроф. Но полоса эта ощущалась еще до Чернобыля. С приходом Михаила-меченого уже начали звучать архангельские трубы будущих «Курсков» и Фукусим. Перед самым Чернобылем, повторюсь, в ночь на Вербное воскресение, мне приснился мясокомбинат. Множество подвешенных на железных крюках говяжьих туш. Столько я видел лишь однажды, в студенчестве, подрабатывая на прожитье, и больше нигде и никогда. Почему же это запечатлелось и сохранилось, явилось моему сознанию через четверть века и именно в канун самой страшной катастрофы на Земле?

В каждом из нас, наверно, отзвук памяти и эхо оберегов, тех, кто давно уже на погостах. И эти погосты отвечают за нас и хранят нас. Невидимая тонкая нить связывает живых и мертвых. Паутинка, никогда себя не оказывающая, — грешно ее видеть. Запрещено. Разные у нас дороги. Но может ли мать забыть своего сына или дочь? Деды приходят к нам не только в дни поминовения. Они не сводят с нас глаз — одних, чтобы убрать, других — спасти и передать хотя бы самую малость родоводной памяти из своего небытия, эхом через столетия, время и пространство.

Думая про это, земное эхо нашей памяти, я незаметно, воробьиным скоком проскочил Калиновку. И был наказан обидой и разочарованием. Калиновка, некогда известная всей стране, действительно не стоила сегодня мессы. Кузькину мать помните, а двадцатый партсъезд КПСС, а кукурузу? Забыли Никиту Сергеевича Хрущева.

Следа его памяти в Калиновке, где он родился, я не увидел и не почувствовал. Подобных Калиновок у нас, что крапивы под забором и на пожарищах — отечественных знаках беды и несчастья. Где среди болота растет и красно рдеет калина — там и Калиновка. Где ягоду-калину заглотил вороватый дрозд, а потом не удержал в полете, упустил ее семя, — там тоже калина и Калиновка.

И все же на душе у меня было погано. Как же равнодушны и даже разрушительны время и земля, скоропостижно разрушительны. К добру или злу более памятны были и небыли древности. Древности, как ни горько это сознавать, чужой. И может, благодаря именно несоприкосаемости и непересекаемости нигде и ни в чем с нами, легко прирастающей к нам. А на свое — не успел очередной гений и вождь, вчера еще отец родной, закрыть глаза, как мы ему уже во всех букварях их повыкалывали. А сами буквари сдали в макулатуру или снесли в туалет.

Опечаленный древностью и современностью, я распрощался с хрущевской Калиновкой и скорее не пространственно, а по какому-то наитию, внутреннему ощущению нови иных мест, а заодно и времен, перенесся во времена гоголевские, так называемую Малороссию, на Украину, в сумерки вечеров вблизи Диканьки. В Миргород, оказавшийся как раз под рукой или колесами моего автомобиля. Знаменитой миргородской лужи — хватило двух столетий, чтобы убрать ее, — Солохи и Рудого Панька не наблюдалось ни вдали, ни вблизи. Только грезился почему-то даже не Гоголь, а сам Никита Сергеевич Хрущев, лобастый, с дынно-лысой головой, а лицом похожий все же на Рудого Панька. А так все было любо, мило, зелено и по-хохляцки пестро.

Может, эта свихнутость моего глаза и головы и вынудили меня свернуть с главной трассы на второстепенные дороги Украины. Импульсивность и непредсказуемость моих поступков давно уже пугает и напрягает меня. Особенно когда все уже позади и поправить что-либо невозможно. Остается лишь молча сжать зубы, клясть самого себя и жарко краснеть в поглощающей глупость и стыд темени ночи.

Менять свою натуру я был не в силах. И это, надеюсь, исходило не от больной головы, было связано с чем-то иным, хотя и уперто-дубоватым. Мне всегда не хватало терпения и усидчивости, кропотливости в учебе. Инструкции писались не для меня. Здесь я шел другим путем: практика, практика и только практика. Даже там, где она была невозможна. Там я предпочитал включать голову и думать, думать до полного отупения или озарения: как это работает? Наука с познанием входили в меня извне, казалось, при полном отсутствии старания и трудолюбия. И выборочно, избирательно, как это происходит при сотворении рекой русла: куда уклон, что можно обнять, охватить, подмять, — туда и тек воды. Все до последней капли отдано страсти, земле. В этом было мое счастье и беда. Так я сохранял себя в вере и безверии, не растекался и не разбрасывался, не тратился на пустяки. И потому бесконечно благодарен тем, кто бросил меня в творящую себя реку, подцепил на крючок, подсек и потянул, потянул, потянул. Принимаю, благодарю, проклиная, страшась и радуясь. Отсюда, думаю, и мое неприятие Фрейда, Юнга, потому что я наверняка их первый пациент.

В сетях гона и дороги, чувствуя себя спеленутым в ограниченности хотя и говорливого, но все же неживого, бесплотного чрева автомобиля, я неприметно поглощался и всасывался им. Терял себя, как теряется человек с воли под замком в зарешеченной тюремной камере серого казенно одноликого люда — уже и не людей. Посреди дороги и неба, вроде крылатый, но с подре-

занными крыльями, как подрезают домашнюю птицу, чтобы держалась своего двора, не сознавая своей обрезанности, кастрации воли настоящего полета и не тосковала о нем. А Земля должна содержать эту бескрылость, смиряясь с машинной ее заменой.

Не потому ли все вдруг кинулись в салоны, в лоно стальных лошадей и, опережая друг друга, бросились в бега. Но эти планетные беги обуженных людей, на широту которых еще в середине прошлого века нарекал Ф. М. Достоевский, не является ли бесцельным и суетливым движением покойников, теней, призраков, оживленных, реанимированных не только на море, но и на суше летучих голландцев, чайных клиперов, вечных жидов. Обуженный человек обузил и землю, планету, на которой уже нет места не только Достоевскому с Толстым, но и Бедному Демьяну.

Гоголи и Пушкины, Толстые и Достоевские — заложники и мученики своих золотых и серебряных столетий, размышляя о будущем человечества, завидовали ему. А как бы они повели себя, эти пророки и мессии, окажись они сегодня среди нас. Хорошее было бы пополнение тихим пристанищам Божьих домов. И большой вопрос, кто они — великие мыслители, гении и пророки или же заурядные очередные искусители человека, посланники рая или же ада, которые, подобно сиренам, усыпили нас и наслали сон золотой. Мы порвали самопрядную нить бабушкиного клубка, стали покати-горошками, перекати-полем.

...После съезда с основной трассы нервная броуновская механистичность машинного движения замедлилась. А вскоре и совсем оборвалась. Согласны мы с тем, что в России дорог нет, а только направления или не согласны — на Украине и направлений не было. Хотя сами дороги были. И неплохие, надо признать. Но откуда они начинались и куда вели — известно, наверно, одному украинскому Богу да главному воинскому, то есть дорожному начальнику. Нигде ни указателей, ни верстовых столбов: шуруй, небоже, и не заморачивайся, куда-нибудь да прибьешься — язык до Киева доведет.

Веру в это поддерживали и добавляли глазастое солнце, молчаливое небо, поросшие травой обочины и поля по обе стороны еще прочного, неразмолотого асфальта. Асфальт был районный, сельский, межколхозный. Кюветы, обочина свидетельствовали о жарком лете и окончании, а может, и продолжении еще уборочной страды почернелыми охапками пшеничной соломы, раздавленными кочерыжками кукурузы, где-нигде кляксами на асфальте и помятыми черепашье сдвинутыми с дороги ближе к обочине арбузами. И арбузами целыми, правда, небольшими, хотя и привлекательными.

Поля были еще не опростаны, беременны летом, хотя уже и грустно пустынны, безлюдны. Предосенне мягкое еще, но уже настороженное небо, казалось, сочувствовало им, насыщая и ублажая густым настоем покоя и доброты, как это бывает в аккуратной хате в дружной семье при скором умножении ее, появлении на свет еще одного рта. Когда роженица еще только готовится к разрешению и ей излишне не докучают вниманием. Ходят возле нее легко, говорят тихо, чаще обходясь и совсем без слов.

Не то ли происходит и с деревенскими дорогами. Воздух над ними задумчиво густой и многослойно запашистый. Дорога полной грудью дышит им, освобождается от груза принятого ее лоном лета, причастности к творению колоса и клубня. Черноземно-сытый полустепной сарматский ветер по-хозяйски заботится о ее чистоте. Убирает, сдувает останки уже почти завершенного лета, стирает его память. Шоссе почернело и цепко держится за прошлое сухим асфальтом. От напряжения, похоже, пригибается, слегка сутулится, как земледелец в работе на колхозном поле или своих сотках.

Вечность повсюду прорастает крестами на взгорках и холмах по обе стороны дороги. Где-нигде ее сторожат степные орлы-могильщики, не сводя глаз то ли с прошлого, то ли с будущего. И повсюду пожневая остриглость пшеничных или ржаных полей, через которую робко уже пробивается то ли из потерянного при обмолоте зерна новая нива, то ли придавленный, но неистребимый сорняк в союзе с клевером и непременным по осени выпасом там коровьего стада. Все привычное, деревенское, укладно крестьянское.

Умиротворенный вековой заповедностью земли и труда — сегодня Кировоградчины, а прежде Херсонщины, — я неприметно въехал в город Бобринец. Приостановился возле гербового знака, с которого какая-то неизвестная мне птичка подозрительно смотрела на меня, словно сторожила бахчу по обе стороны дороги, а я намеревался воровать арбузы. В большей части их уже убрали. Оставили только недомерки. Но они показались мне землянично-сладкими и ароматными, будто выспеленная полесским солнцем на лесных вырубах земляника.

Бобринец сразу же лег мне на душу. В нем чувствовалась игрушечная воздушность и свежесть. Он не очень был привязан к земле, возвышался и парил над провалами оврагов, убранными, но снова замуравленными полями с ржаными лоскутами пожни, сухими клыками высоко срезанной, лопочущей последним листом на ветру кукурузы. В городке выразительно сказывалось отличие юга от наших подобного рода местечек, но было что-то и общее, единое, хотя и не явное, больше в духе и дыхании, нежели в облике, одновременно молодом и древнем. Первые поселения — пятнадцать тысяч лет тому назад. В конце восемнадцатого века — десять тысяч жителей. Из них две тысячи евреев, один из которых прочно и навсегда вписался не только в отечественную, но и мировую историю. Лейба Давидович Бронштейн, он же Лев Троцкий — второй после Ленина человек в революции и образовании СССР. И он же враг народа, личный враг вождя и отца всех народов после смерти Ленина. Но все это далеко и мутно — скорпионы в борьбе за место под солнцем. Для меня более существенно название городка — Бобринец. Пахнуло родным и близким: сколько же это у нас Бобров и Бобровичей — деревенек, городков, речек. Хороший зверек — белорусский бобр.

И я сказал спасибо судьбе, стечению обстоятельств и случаю, подвигнувшим меня оказаться именно здесь, в украинском Бобринце. Конечно, сразу же бросился, подобно розыскной собаке, по горячему, казалось, еще следу относительно недалекой нашей славной истории. Жажда эта в нас извечная, хотя и подсознательная: хочется не столько истории, сколько чего-то жареного и острого, героического. Нас хлебом не корми — дай обмануться. Здесь мы и Клеопатры, и Нострадамусы, и Глобы с Мулдашевыми.

Это наше отечественное, родное, коллективное. Но в человеке живет подспудно и тяга к правде, маленькой, но своей, личной. Вот он в поисках ее и гребет, как курица, где только может, выискивая эту правду по зернышку, надеясь догрестись до истины и своей личной истинности. Только своей и им лично добытой. Бездомному нужен дом. Человеку сегодня требуется национальное и национальность. Хватит колхоза, намаялись, наползались в интернационалистах. Как только выжили. Наелись человечины и крови напились. И своей, своей — она доступнее. Только горло дерет и глаза выедает.

Лев Давидович Троцкий не совсем уроженец Бобринца. Родина его — деревня Яновка неподалеку отсюда. Но сегодня деревням непосильно устоять на этом свете. Они еще прошлым столетием приговорены стройными рядами в полном составе и добровольно к исходу в мир иной, покинув здесь лишь

крапивные да полынные свидетельства своего векового существования — наполненные их прахом погосты и древние курганы — копцы и волотовки. Останки почернело поклонных крестов с приросшими к ним непрочитываемыми именами. В Яновке, как в любой деревне, почва хорошо удобрена жизнью, которая уже умерла.

Слухами, мифами о знаменитом земляке еще полнятся окрестности Бобринца и того, что устояло, уцелело от прежней Яновки. Человек, без преувеличения, был великий. В начале прошлого столетия, подобно мессии, своему соплеменнику Моисею, сотворял новый народ, упиваясь и знаменуя это творение реками крови и горами трупов. Так шли они все, радетели человечества, и не только той поры — всех времен и народов.

Но чем же сегодня отметна родина великого человека — деревня Яновка? Только погостами, безымянными уже могилами, в которых время догрызает белые кости его родителей. Правда, их могила не безымянна. На нее возложена каменная плита с их именами. Живучи слухи, что Давид Бронштейн прихватил с собой на тот свет добрую толику золота. А был он на этом свете не из бедных. Сотни гектаров своей и арендованной земли, несчитано овец, коров, мукомольные мельницы, кирпичные заводы. Многое из этого старый Бронштейн сразу же после революции, свершенной сыном, продал, деньги и что-то более ценное из имущества припрятал в могиле жены, закрыл неподъемной мраморной плитой.

Где-то в шестидесятых годах два тракториста подцепили ту плиту трактором и стащили с могилы. Золото, по свидетельствам живых еще яновцев, нашли, как и смерть свою. Через месяц один из них умер под колесами или гусеницами трактора, второй вскоре сгорел живьем на пожаре своего же дома, бросившись спасать жену и детей. Вот такая постреволюционная быль. История без мифов. А может, и полностью миф. Сколько мы их знаем из печного или припечного детства, носим в себе. Жуткие истории и рассказы наших бабушек — страшилок телевидения ведь еще не было — о том, как мертвые с того света мстят живым, посягнувшим на их богатство, могильные заговоренные и охраняемые нечистой силой золотые клады. Вожди, что отцы, что сыновья из когорты прежних и сегодняшних мессий, наши благодетели — из нас, людей, человеков, и ничто человеческое им не чуждо, в том числе знакомство и дружба с нечистой силой, самим Сатаной. За свое и из преисподней встанут, перегрызут горло всем и каждому.

При Иосифе Виссарионовиче Джугашвили в родной деревне Троцкого создали колхоз и назвали его простенько и скромно — его именем: колхоз имени Сталина. Но от теней и призраков прошлого нелегко отделаться. Давид Бронштейн в Яновке производил кирпич и метил его буквой «Б». Местные жители разобрали его дом и строения на собственные нужды. И теперь в прежней Яновке, сегодня Береславке, нет ни одной каменной, кирпичной постройки, фундамента без кирпича с буквой «Б». Вот такой опять же провинциальный современный полтергейстик: ты его через двери, а он в окно и в душу. Фундамент революции прочен.

Боги и дьяволы играют как боги и дьяволы, неровня всем иным, которые по слогам пыкают и мыкают: мы не рабы, рабы не мы, рабы немы. Играют и сражаются. Колотят друг друга той же немой и пузатой мелочью — будто футбольными мячами, хоккейными клюшками и шайбами, теннисными мячами. Притомившись, перекусывают ими же, живыми.

И от них, людоедов, и от их немых жертв — только пыль, пыль, пыль. А иногда и ее нет. Остается только сочувствовать — тяжелая у каннибалов

работа, в поте лица добывается хлеб насущный. Но непросто им запорошить подлостью видящее сквозь землю и напластование столетий око небесного суда и судьи. Непосильно. Они, в общем-то, знают про это, но немного сомневаются и надеются: не таким очки втирали. На том стояли, стоим и стоять будем — в бронзе, граните и мраморе. А что птички на голову гадят, на то она и голова, чтобы хоть немного чего-нибудь там было.

На одной, главной в Бобринце, площади сошлись два строения. Еще в лесах, но уже под металлической крышей — будущий новый горком партии и тоже в лесах — краеведческий музей. Именно в нем я понял и почувствовал победительное торжество справедливости, божественный смех над тщетой мессианских потуг обдурить вечность. Предполагавшийся здесь памятник Льву Давидовичу был еще только в проекте. С большей определенностью можно говорить о создании музея, фундамент которого уже был заложен. Я поинтересовался у директрисы будущего музея, какими экспонатами он располагает. Директриса подвела меня к полке, на которой что-то стеклянно и глазасто отсвечивало:

— Вот, — не без удовольствия сказала она, — первый экспонат нашего будущего музея знаменитого земляка.

Я не поверил глазам. На полке стояла до блеска промытая пивная кружка. Из таких, еще до перестроечной борьбы советского народа с алкоголем, да и позже, после окончательной победы то ли алкоголя, то ли народа, пили пиво в каждом шалмане. Кстати, я считал и считаю большим человеком изобретателя этой кружки: возьмешь в руки — имеешь вещь. Но пивная кружка даже в музее, как ни крути, остается пивной кружкой.

Я ничего не понимал. Директриса пояснила:

— Кружка из потомственного наследия Льва Давидовича. — Почувствовав мое сомнение, продолжила, указав на дно пивной кружки: — Отец Льва Давидовича занимался пивоварением. Вот его личное клеймо на донышке. Не исключено, что из этой кружки пил пиво сам Лев Давидович.

Как говорят картежники при игре в подкидного дурака, крыть мне было нечем. Можно только представить себе, что я тоже мог, был не против глотнуть холодного пива, да еще прошлого века, из этой кружки, а потом хвалиться: пил на брудершафт с самим Львом Давидовичем Троцким.

Кружка кружкой. А чего стоит полное отсутствие чувства времени у создателей двух основополагающих в городе зданий — горкома КПСС и музея одному из самых кровавых диктаторов революции в пору уже почти поголовного обнищания страны, продажи товаров по талонам…

Ощущая досаду и неловкость, я покинул музей. Вышел на крыльцо и огляделся вокруг. Стояло еще утро. Воздух, просвеченный солнцем, был легким, чистым и розовым. Ни укора, ни грусти. Ни намека на тех, кто прошел или приостановился и постоял там, где стою сейчас я. Недвижность предосеннего или уже, наверно, осеннего процеженно василькового неба сжимала горло. Нигде ни знака, ни следа от идеологического, бунтарского и буднично-житейского хлама, нагроможденного здесь столетиями гомосапиенсами, пиплами. Они проскользнули бесплотными тенями при свете дня и во мраке ночи, неопознанные, как наши бичи или бомжи, большие поклонники пива, на лодке Харона по кровавым Стиксам отечественной истории, как и все из последних мессий нашего беременного кровью времени.

Изгнанный тяжелым раздумьем из Бобринца, Эдема, воздушно и светло зависшего между вечностью и мигом земной суеты, засеянной тенями и амбициями словоблудов — до кровавых мальчиков в голове и глазах, впереди

и позади, паломником и изгоем двинулся дальше, в свою уже слегка притупленную в памяти Мекку. Из неньки Украины — опять в матушку Россию. На Волгоград.

Добраться до него было непросто. Я уже говорил о художественной прелести российских дорог, их предназначении, содержании и смысле. На Украине это никак не увязывалось в один узел. Но дороги были, хотя и не стратегические, а второго сорта и назначения. Хотя и в атласе, и на местности они не обозначались никак. Вроде их и не было. Изредка только мелькала облупленная и перекошенная доска с названием населенного пункта без признака национальности: то ли Россия, то ли Украина, а может, и Марс.

Мемуаристы, историки и исследователи событий Великой Отечественной войны писали, что перед вторжением немцев на территорию СССР у нас были изданы специальные карты с ложными направлениями, неправильными названиями селений и рек, не соответствующими действительности расстояниями — обычная в духе большевиков фальшивка. Но уже для чужих, фашистов, чтобы сбить их с толку. Не знаю, как с чужими, с врагами, а со своими был верняк. Может, эти фальшивки и поспособствовали такому огромному количеству наших окруженцев, а потом и военнопленных. А у немцев были свои, и очень точные карты нашей местности, за которыми гонялись советские командиры и военачальники.

У меня с каждым километром крепнет ощущение, что в отношении дорог мы все еще ориентируемся на внешнего врага, и довольно успешно. Потому я въехал в город-герой Волгоград с хорошо скрученной и сдвинутой набок головой. Как уже говорил, город этот всегда нравился и нравится мне. Всегда солнечный, и солнцу просторно в нем. А если и дождь — тоже светлый, радужно веселый и не затяжной. Был он приятен мне даже своим профессионально советским сервисным хамством. Не забуду, как мы с женой на главном проспекте имени одного из наших вождей, может, как раз у того универмага, из подвала которого вышел сдаваться в плен немецкий фельдмаршал Паулюс, увидели кафе с игриво-зазывным приглашением: «Вы устали? Пожалуйте к нам на чашечку кофе».

Мы устали и пожаловали. Уверен, фашистского фельдмаршала советские воины встречали зимой сорок третьего года достойнее и приветливее, чем нас средь лета семидесятых годов. Чашечки горячего кофе за полтора часа ожидания нам так и не принесли. Зато по полной советской сервисной программе облаяли. Нами просто брезговали, как брезгуют и сегодня новые хозяева жизни: со свиным рылом, да в калашный ряд. Замечают лишь тогда, когда им уже невтерпеж, крайне надо опорожниться. Тогда как раз лохи и быдло превращаются в клиентов и народ. Тогда можно слегка и вспотеть, и слезу умиления пустить.

В некотором роде что-то похожее происходило и сейчас в центре славного города-героя. Он отказывался меня признавать и узнавать, даже видеть. Я заблудился в нем, хотя сделать это было трудно. Почти на сто километров он был протянут одной главной улицей вдоль берега великой русской реки, как распростертая богатырская рука. Может, того же Владимира Ильича Ленина: правильной дорогой идете, товарищи. Я же умудрился — наверно, вопреки воле вождя — пойти дорогой неправильной. Или вмешался другой вождь со своей усыхающей ручкой и здесь накуролесил.

А скорее всего, это было какое-то затмение, наказание за всю мою дорожную неправильность и неправедность мыслей и поведения. Месть и наказание, может, несколько опережающее провинность мою сегодня, но и наперед.

Потому что я чувствовал, как что-то запретное, бунтующее рождается и зреет во мне в продолжение всей дороги. И не только во мне, но и вокруг меня. Неопределенный еще, но уже слышимый вызов недовольства и несогласия с уходящим днем колыхался марью и позванивал, роптал валдайскими колокольчиками по простору Среднерусской равнины, — и здесь, в загустелом к вечеру осенне-сытом воздухе Волгограда. Брал начало, зарождался и наплывал от опущенных в маятниковом колебании голов оставленных на пожнях коров, гладких на исходе солнечного лета, раскоряченных избытком в вымени молока, нудящихся от одиночества и несвободы, дорожного роения автомобилей.

Одурманенный однообразием таких разных, но до издевательства похожих друг на друга городов, их жвачным равнодушием к себе и своему имени, словно все они — искусственное порождение одной суррогатной матери, я уже не особо и представлял, куда и зачем еду. И потому немало удивился, почувствовав себя в машине и за рулем, словно зародыш в лоне матери. И не обязательно человеческий зародыш. Мне казалось, в таком состоянии все и все кругом. Разум, сознание только едва-едва начинают брезжить. И еще неведомо, чьи это разум и сознание, кому на радость или беду достанутся. Мне они сейчас явно ни к чему. Вот в такой безликости, полной неопределенности оказался я в городе-герое на Волге на бесконечном буксире его главной улицы — проспекте двух великих вождей человечества. В центре его главной площади, напоминающей нашу площадь Победы, только без восставшего детородного органа, а так — копия ее. И здесь я, можно сказать, пошел в отключку, не смог разобраться с указателями движения.

Слава Богу, транспорта почти не было. Солнце заходяще вбиралось под крыши каменных многоэтажек. И тут на меня нахлынуло все сразу. Я вышел из эмбрионального состояния и начал соображать: а где это я и я ли, куда мне надо ехать, как и почему я оказался здесь, расперся, как хрен, посреди площади. Но это были еще не мысли, а мыслишки. Главное — где я буду сегодня ночь ночевать. Ночь перед решающим марш-броском на столицу татарского ханства — Астрахань.

Последнее было продумано раньше. Только я забыл, а сейчас вот вспомнил, потому что не поставил точки, не определился окончательно. Слишком большой был выбор. В то время у автомобилистов были еще безопасные дорожные и придорожные ночи. Как говорят, летом каждый кустик ночевать пустит. И не только кустик, по всей стране, едва ли не в каждом городе, могли меня приютить, накормить, напоить, спать положить и даже рассмешить. Спасибо, большое спасибо беспризорному детству, детприемникам, детдомам и так называемым трудовым резервам с их сетью ФЗО, ремеслух, индустриальных техникумов и институтов на полном государственном обеспечении учебы и проживания, распределением во все точки Советского Союза. Спасибо моей бродяжьей юности и зрелости. Почти всюду на одной шестой части красной суши были друзья, товарищи, близкие и родные по духу, считай, и по крови люди.

Были они и в Волгограде. И немало. Широко и щедро выстрелила, сыпанула по всему белому свету белорусскими сиротами — это сколько же их было — советская власть. Их широкое распространение — не только обездоленность, но хотя и принудительная возможность поиска и выбора судьбы — было благодатью во всех смыслах. В жизнь шло поколение, знающее и уважающее ремесло, сменившее на ремень ремесленника солдатский ремень отцов. Стойкое и жаропрочное, и что ни говори, вдохновенное и вдохнов-

ленное временем, жаждой служить ему, быть востребованными. Жаль, что сегодня это утеряно.

Благодаря прошлому, мой путь к Волгограду был, словно вешками, означен друзьями, свидетелями совсем не пустого и одинокого прозябания в этом мире. В этом городе прочно обосновались и укоренились аж три детдомовки, с которыми я рос и поднимался на ноги на Полесье. Работали здесь учительницами, как ни странно — русского языка и литературы. В районе Баррикад проживали родичи по жене. Где-то здесь был и родич по мачехе, и в таких чинах и на такой должности в Приволжском военном округе, что аж мотошно было. Думаю, не одному мне, а многим и многим, кто с ним невольно знался. Раньше он меня и в упор видеть не хотел, а сегодня издали уже узнает.

Такой родни теперь у меня, как говорили в нашем детдоме, что у собаки блох. Все они стали признавать и привечать меня, когда я их — опять же по-детдомовски — уже в гробу видел. Может, потому в детстве у меня была кличка Монах. Позднее узнал, что так дразнили и Виктора Петровича Астафьева, тоже когда-то детдомовца, и Сергея Есенина. Почему — вопрос на засыпку. А с другой стороны, помните: как корабль назовут — так он и поплывет. Какое-то свое потаенное плаванье было и у меня, не сказать, чтобы такое-этакое. Но свое: раздайся народ — г… плывет.

Согласуясь со своей келейной кличкой, я и в Волгограде намеревался перебыть ночь наедине с самим собой, устроиться в одиночестве и на природе. После дорожного шума и гама сторонился и избегал непременных при встречах бесед и воспоминаний о босоногом детстве. Влекло к отшельничеству, обещающему молчанию недокучливой древней воды, ее вечному покою. Хотелось привести себя в чувство возле нее и утонуть, растворившись в ней, приобщиться к тем, кто некогда здесь проходил, жил, ночевал до меня и придет сюда после меня омыть усталые ноги.

Из более ранних хождений по этому городу я знал, что немало нашего брата — полутуристов, полубродяг — ночует на Мамаевом кургане. С одной стороны — мода, а с другой — вынужденность. Любителей походов по местам боевой славы, своеобразных некрофилов, вздернутых идеологическим официозом, записных зевак и туристов, черных археологов-гробокопателей, поганящих могилы и память усопших, развелось, что нерезаных собак. Город просто не в силах приютить всех. Вот почему большинство из нашего брата выбирает мемориальный комплекс, воздвигнутый над Волгой, — невольно вроде бы и сам становишься героем, проведя ночь у колумбария или некрополя.

И меня туда же поманило, как рукой потянуло на Мамаев курган. Но отшибло память, как до него добираться, хотя он издали был виден всем, в том числе и мне. Спасительным и очистительным мечом, поднятым над головой Родины-матери, вскинутым высоко в небо, к солнцу, бритвенно затачивающим его своими лучами, он возвышался над водным и земным пространством на многие и многие земные, речные и воздушные километры. Но видит око, да зуб неймет.

Дорога туда была словно заказана мне. Может, так было и на самом деле. Кто-то преградил мне путь и не хотел подпустить к кургану. Указывал и отводил. Мне никак не удавалось тронуться с места и подъехать к милиционеру, его гаишной будке, где он, подобно петуху на жерди курятника, начальственно восседал: бог или божок, царь или царек, но несомненно — воинский начальник.

Может, это вывело меня из себя, лишило осторожности и рассудительности. Не обращая внимания на хоть и прерывистое, слабое, но все же движение, на предупредительные и запрещающие знаки и дорожную разметку, я как стоял, так напрямую и двинулся к нависшему над площадью гнезду или тотемному вигваму. Милициант мгновенно слетел с него на землю. Добрую минуту, будто рыба на воздухе, беззвучно шевелил губами, тараща глаза и бесконечно повторяя:

— Как, как, как…

— А вот такой как, — нагло отвечал я. — Когда не гора идет к Магомету, тогда ослы… — Что я хотел этим сказать, не знаю. Но милиционер опять зачастил:

— Так это же против, против… Против меня и нас.

Я согласился с ним, вынужден был согласиться, с детства усвоил: перечить милиции опасно, но морочить ее можно и нужно. Хотя на кого нарвешься, есть опасность переборщить. И потому надежнее работать под слегка дебила: дебил дебилу понятнее.

— Сами мы не здешние, — кивнул я в сторону своего автомобиля и жены в салоне. — И переночевать нам негде.

— Ага, сами. Мы, Николай второй и Екатерина первая… — По всему, гаишник приходил в себя. Реальность и даже юмор возвращались к нему. Прикидываться дальше было небезопасно. Надо было спасаться. Я открыл салон машины и достал свою книжку, что предусмотрительно всегда возил с собой — именно на такой вот случай. Книга была с моим портретом на титульном листе. По нему милиционер опознал предъявителя, то бишь меня, и, недоверчиво щурясь, спросил:

— Что, неужели сам написал?

— Сам, — скромно подтвердил я, свободно дохнув и расширившись, и спросил милиционера, как его звать-величать. Он склонился над капотом машины, где я подписывал книгу, скорее всего, чтобы убедиться, что я, несомненно, из умственно недоразвитых, по недосмотру или недоразумению допущенный к вождению автомобиля, способен к грамоте. Знаком с буквами и могу сложить их в его имя и фамилию.

А дорога на Мамаев курган была простой и прямой, как полет татарской стрелы. Я подъехал к нему на последних лучах заходящего солнца и оказался единственным путником, пожелавшим отабориться здесь на ночь. И был рад этому. Согретые щедрым солнцем волжские черноземы дышали теплом и слегка горчащим молочным духом степного ковыля, что колкими ежиками сухо и стрекотно докатывался до подножия кургана. Но надолго они там не задерживались, будто имели и знали какую-то цель качения, конечную его точку. На минуту-другую лишь приостанавливались у мемориала, словно отдавали дань памяти воинам — заложникам чистой и нечистой силы. Склонив головы, недвижно лежа отдыхали. Ломким шепотом тишком жалобно переговаривались, словно остерегаясь, боясь нарушить сон и покой не самой ли большой в мире усыпальницы у самой большой в Европе реки. В самом большом земном отеле — почти на тридцать пять тысяч уже неземных постояльцев, небожителей, переживших своих нерожденных детей.

И ковыльно-мертвое перекати-поле словно понимало, слышало их. Молитвенно покачивалось, вроде степных сусликов или таежных бурундуков, порывалось выструниться перед рукотворным курганом, паломнически коснуться челом земли и поклониться. Но удавалось лишь слегка приподняться, будто на цыпочках, да смиренно прижать невидимые руки к такой же невиди-

мой груди, словно сложив крылья. И тут же — дальше, дальше, бескрыло от своего иссушенного растительного сочувствия и милосердия. Может, и не уступающих человеческим, потому что свыше и без суесловия.

Вот только рук у них нету, нету и ног, словом, обделены. Но не все круглое обязательно глупое. Потихоньку-помаленьку, катясь котом, удалялось. С головы на плечи, с плеч — на то, что и у человека, в чем нет правды, но ума палата. Прочь, прочь от Пантеона Славы, где еще и сегодня идет кровавый бой наших и не наших, проходят начальную военную подготовку будущие новые жертвы войн. А здесь приговоренные к вечности немые, память и кровь которых заключена в гранит, бетон, железо и бронзу, свадебно помолвлена с обманами и тяжелым белым песком и глиной иного мира.

Уже в сумерках, под равнодушием мемориального света я пошел в подземный Пантеон Славы, что делал всегда, бывая на Мамаевом кургане. Громоздкая груда металла, нареченная Матерью Родиной, впечатляла и угнетала, утверждая свое величество и мою никчемность, мизерность. А вот сосредоточенная тишина и прохлада Пантеона доводили меня до дрожи. Словно я сам лежал среди тридцати пяти тысяч упокоенных здесь, прерванным дыханием вошел и застыл в граните и мраморе, растворился в щадящем свете невидимых и потому пугающих, неземных светильников.

В Пантеон Славы я приходил не только ради поклонения памяти всех лежащих здесь, но и надеясь отыскать след родного мне человека. Дяди, брата моей матери, младшего лейтенанта Николая Говора, добровольно ушедшего на фронт в первые же дни войны. Сгорел в танке зимой сорок второго или сорок третьего года. Пропал без вести, как после оккупации сообщили его матери, моей бабушке Говор Устимье. Она не поверила, ждала последнего, младшего своего сына с войны почти три четверти века. А Бог дал ей большой век, на страдание и муки. Уже ничего не видела, до блеклой бели выплакала глаза, а все ждала. Почти незрячую я видел ее последний раз в деревенской больничке. Она ощупала меня прутиками сухоньких пальцев и громко воскликнула:

— Колька!..

Но тут же ее пальцы опомнились на моем цивильном костюме, и она сразу же поправилась:

— Витька…

Мне показалось, что она вымолвила мое имя с разочарованием. Исполнилось ей тогда сто двенадцать лет. Но слез еще хватало. Она плакала уже бесконечно и бесконечно жаловалась, что Бог забыл о ней. Она все еще жива, а дети давно уже на кладбище:

— Не приведи Господь, Витька, пережить своих детей…

Исступленно верила, что младший ее сын не погиб, не мог он пойти на тот свет без ее согласия. Только сильно, до неузнаваемости обгорел телом и лицом в своем железном танке и потому стыдился показаться ей на глаза: при жизни был скромный и рахманный, что значило в ее понимании — не от мира сего, почти блаженный. В этом она упрекала и меня: ездят на таких и люди, и черти.

Помнится, о том, что мой дядька жив, но искалечен и никому не хочет быть обузой, бабушке и мне рассказал прохожий солдат — не то с войны, не то из плена, а может, и из госпиталя или с того света. По всему, больной от войны, без живого места на нем, на костылях и в ржаво пропаленной шинельке. Я еще подумал, что на фронте, за его войну ему могли бы выдать пристойную, людскую шинельку, целую, угревную, сдерживающую его сухот-

ный кашель, по крайней мере — не такую куцую. А то бабушке, чтобы хоть немного согреть его среди лета, пришлось теплить каминок. Утром солдат покинул нашу прокашленную хату. Мы провели его за околицу, до кладбища. Я боялся, сможет ли он пройти через него. Не останется ли навсегда на наших сельских мо́гилках. Видимо, все же сил хватило, прошел. По крайней мере, на кладбище все оставались в своих могилах, похороненными, безмогильных не было.

А бабушка, сидя у окна, выходящего на дорогу, неутешно и подолгу плакала. Днем и ночью семьдесят пять лет ждала сына с войны, надеялась — жив. И сегодня, уже задним числом и умом, я думаю, не без оснований. Сердце матери вещее. А бабушка была не из простых бабушек-старушек. Меня она буквально вытащила с того света. И было это неоднажды и не только со мной. В деревне Анисовичи жизнью ей обязаны многие. Знала она и слово, и глаз имела, и рука у нее была легкая.

Я, чтобы как-то отвлечь и утешить ее, пытался заговорить, устно сложить что-то стихотворное. Читать, писать еще не умел и книги живьем не видел, но пыхтел, старался. И читал ей, читал вслух, может, и с выражением. Осиротевшая мать, и я возле нее, сирота. Словом, дом престарелых и малолетка, слегка, а может, и крепко тронутые. Но в этом старческом и детском безумии мы выживали. Бабушка, внимая мне, вытирала слезы, кивала головой, я воодушевлялся, набирал голос, размахивал руками и бегал из угла в угол по земляному полу. Помню, стихи были до невозможности героические.

Мне нравились. Но больше в своей жизни к сочинению их я не вернулся. А тогда обещал бабушке: немного только подрасту, выйду в люди, отыщу среди них ее сына, моего дядю, младшего лейтенанта Николая Говора, если он сейчас не генерал и пожелает с нами знаться. А неживого тоже найду, подниму с того света и на руках принесу в дом. А заодно уже призову с того света и свою маму с сестрой, которые разлучились со мной — сестра в три года, мама в двадцать пять. И мне, хотя и возле бабушки, горестно жить на этом, таком заплаканном, что и совсем уже не белом свете. Я искренне верил в возращение с того света моих родных. Эта вера в глубине моих неотмерших детских желаний и жгучих слез жива во мне и сегодня.

Бабушке за сына, младшего лейтенанта, живьем безымянно сгоревшего в танке, держава ежемесячно платила — как помню сегодня — по десять рублей. И это не только за одного сына, танкиста, офицера, а за всех десятерых детей, которых выносила, родила, подняла на ноги и пожертвовала миру и войне. По рублю за каждого ребенка. Один рубль даже лишний. Виновата, не могла она на него заработать своим изношенным телом. Но на ее столетние, считай, плечи легла дюжина сирот-внуков. А на десять рублей, отслюнявленных государством в то время, уже после денежной реформы 1947 года, она могла поиметь два килограмма — буханку черного хлеба. Это ежели в государственном магазине, а на базаре — кукиш, и без масла, разумеется.

В Пантеоне Славы среди фамилий на букву «Г» я искал имя своего дяди, Говора Николая из деревни Анисовичи на Домановщине гомельского Полесья. Который уже год искал и не находил. Хотя всякий раз надеялся, слышал, что списки погибших все время пополняются. Но, видимо, именами только документально подтвержденных покойников. Тем же, кто пропал без вести, чья жизнь пеплом развеяна по миру даже среди мертвых, тем более в Пантеоне Славы, нет места.

Проснулся я на Мамаевом кургане, конечно, не с парадной, а с тыльной его стороны, ранехонько. И солнце меня не очень опередило. Гомонливым и

спелым августовским наливным яблоком покачивалось среди листьев деревьев и неба. Парило, будило и поддразнивало утро хлопотное птичье царство, пробовало его на зуб и крылом. Воздух был уже предосенне слоящимся, ломким и красочным. Немного даже излишне красочным, ярмарочно, балаганно ярким и пестрым. Но что-то еще с ночи мешало мне радоваться и дышать полной грудью. Нудило, угнетало какое-то неопределенное чувство вины.

Сначала я соотнес это с нашим вековым проклятием — болотным и трясинным ощущением вины в нас, задолженностью всему миру, столетия и столетия, с подачи соседей, старшего брата, низводящим нас, невылазно удерживающим на задворках, в болотах, лозах и хвойниках. Довели нас, и мы сами себя довели до того, что согласились: виноваты перед всем миром, собой и людьми виноваты. Потому первыми согласны и исчезнуть. Все люди вокруг нас жили, а мы медитировали, как медитируем и сегодня, утомленные и зачарованные искусительностью отечественных и заморских заклинателей змей.

Так я подумал на тяжелую еще с ночи голову и с замыленными остатками сна глазами. Необходимо было срочно промыть их, хотя бы как кот лапой. И следуя тому же аккуратисту-коту, из-за отсутствия вблизи воды, наждачной сухости во рту и в теле, попытался обойтись своей подручной лапой — подолом слегка влажной с ночи сорочки, после чего все как раз и прояснилось. Я поднялся на ноги, вдохнул полной грудью, расслепился и ужаснулся.

Расслепился и ужаснулся на всю оставшуюся, не исключено — и прошлую жизнь. Одним махом наелся, напился и умылся. По пословице или присказке, осталось только рассмешить меня. И не только одного меня. Тридцать пять тысяч покойников, похороненных здесь, наверно, желали этого, если еще не смеялись, тягостно и горько. И подрастающий Божий день был достоин хохота. Адского, преисподнего, дьявольского.

Ни я, ни Божий мир, наверно, такого еще не видели и не нюхали — такой огромной, не самой ли большой в Европе уборной, размерами не уступающей братской могиле с венчающим их почти девяностометровым памятником. Ноги не вбить, чтобы не вляпаться. А я же всю ночку доверчиво спал в машине под ее теплым боком, ласковым глазом и хранящим мечом. Не вся ли моя жизнь сплошь одна только вот такая ночь среди опоганенных, оскверненных братских могил. У нас ведь тьма-тьмущая покойников, оболганных еще при жизни, до похорон, а после похорон возведенных в святые. И столько же настоящих святых символов, с которыми обращаются, как с монументом Матери Родины на Мамаевом кургане.

Свое, говорят, не пахнет. Пахнет, да еще как, всему свету смердит. Стоит только вспомнить отечественную историю с географией, понюхать наши большие победы. Пройтись около наших святынь, флагов и символов, ткнуть пальцем в ареопаг неприкосновенных кремлевских старцев. От старца Достоевского Зосимы повеет духами и туманами. Смердят все большие и воинственные святые, и воинственные материалисты. Марксизмом, ленинизмом, сталинизмом с троцкизмом засмердили всю планету. Каждый в свое время приседал возле Родины-матери пантеонов и мемориалов — на братской могиле убитой и похороненной нашей истории. Но, по вождю пролетариата: чудненько, необходимо все, что на пользу революции и большевикам.

…А вот вода, струящаяся здесь из кранов у подножья монумента, подземная или из Волги, была на удивление прозрачная и студеная, мокрая и сладкая, что еще сильнее смущало и угнетало меня. Прибавляла и одновременно вымывала ощущение, что я все же есть, живой и на этом свете, где вдоволь

еще кристально чистой, как слеза вечности, воды, влаги, росы, дрожащей на ресницах времени.

Может, именно эта полешуцкая память о воде и что-то еще не совсем отмершее из детства не позволили, отвели меня от того, чтобы поделиться с кем-нибудь тем, что я вдохнул, увидел и почувствовал на Мамаевом кургане. Это нечто свое, запретно таящееся в душе, и присуще оно, наверно, многим. Желание не замараться, сохранить достоинство, лицо на людях и среди людей, стыд и совесть: не будь простодырым и сладким — высосут, не будь горьким — выплюнут. Человек прихотлив, особенно когда опасается сплетен и сглаза. Это чисто деревенское, крестьянское и по Тютчеву: «Молчи, скрывайся и таи…» В прорвавшейся вслух правде — западня, подспудное желание быть правдивее правды. И тогда хоть всех святых выноси, оставь только себя, правдолюба и правдоруба, с пустой душой, что выгорела в жестокости правды, заслепилась и ушла.

Игорь Михайлович Дедков — единственный человек, с которым я поделился увиденным. Он один из самых достойных людей, каких я знал, — журналист, критик, кстати, человек с белорусскими корнями. Потрясенный моим рассказом, он просил написать о Мамаевом кургане и монументе Родины-матери. Дедков жил тогда в Москве, работал в журнале «Коммунист». Может, сильнее всего и сказалось последнее. Я наотрез отказался писать, о чем сегодня сожалею, уважая светлую память Игоря Михайловича. Он тогда, похоже, обиделся. Что-то осталось между нами непроясненное, недоговоренное.

Не так уж и нужно было ему мое писание. Время диктовало возвращение к уничтоженному, изгаженному и отброшенному. Дедков понял это одним из первых, тяготился нашими правдами и неправдами, неся в своей интеллигентно-крестьянской, переживательной душе вековую нашу, в том числе и белорусскую, вину и боль за прошлое и будущее.

Недавно мне попались на глаза слова пермского профессора о том, что наша Земля — текст, разъяснение палимпсеста — древняя рукопись, написанная после соскоба прежних письмен. На нашем шарике не счесть отредактированных таким образом и отцензурированных, иногда хамски стертых и выжженных текстов. Переписчиков истории, редакторов, цензоров, Неронов, Ермиловых, Ярославских и Авербухов во все века было в избытке. Первоначальный смысл писаний размывался и подменялся согласно идеологии, духовности и интеллекту власть предержащих. Уверен, что Дедков еще задолго до перестройки и гласности думал и искал настоящие, первоначальные палимпсесты, свободные от влияния заказных мифов. Работал по-крестьянски, никого не оповещая об этом, глубинно и молча. Потому что именно тогда, на стыке столетий, начался крик, визг и лай — подняли голову новейшие переписчики эпохально-планетарного текста. Палимпсесты надвигающегося третьего тысячелетия от рождества Христова. Их, по Высоцкому, буйных, набралось, как чертей в аду. И каждый со своей головешкой. Только, как стало ясно позже, не было среди них настоящих вожаков.

Мамаев курган с его символом Родины-матери уже давно нуждался в текстовом лечении, освобождении от коросты мифов казенного патриотизма, очищения от исторической лжи и обмана. Может, потому он и был превращен в огромную советскую коммунистическую уборную. У нас на Беларуси тоже великое множество монументов, древних курганов — восклицательных и вопросительных знаков и точек остановок времени и истории, по местным определениям, копцов и волатовок. Как будто бы копцы — это могильники. Так ли это, не мне судить. На Полесье копцы — зимовальные ямы для кар-

тошки. Волотовки, по местному, — богатырские усыпальницы. Они быстро исчезают, соскабливаются, истираются — до гальки, песка в них, так необходимых новостройкам. Домовитые пустодомки усердно пашут не покладая рук. Слепые гусляры могут сегодня петь свои баллады и былины при долинах, ближе к преисподней. Хотя, где сегодня сами эти гусляры. Один баянист на всю Беларусь.

Вопреки названию, Мамаев курган, как об этом свидетельствует официальная история, к татарскому хану Мамаю не имел ни малейшего отношения. Мамай и курган — по-татарски слова, схожие по звучанию. Согласно иному предположению, в переводе с древнетибетского — мать мира. Под курганом — это уже из последних исследований уфологов — геологический разлом, струящий неизвестное сегодня науке облучение.

По преданиям, древние сарматы хранили в кургане священный меч. Святая Богородица повелела Тамерлану, явившись к нему с тем мечом, уйти отсюда прочь.

И наконец, Мамаев курган с монументом Родины-матери — якобы ключевая точка уничтожения планеты Земля при наступлении апокалипсиса, конца света. Потому и разгорелось там великое побоище — Сталинградская битва и одновременно лихорадочные поиски, археологические раскопки, проводимые фашистской организацией «Аненербе» (наследие прошлого, память предков). Искали древние артефакты, прежде всего — чашу Святого Грааля, которая, по преданию, была спрятана на кургане. Вот, дескать, почему ни Сталин, ни Гитлер, несмотря на жертвы, не хотели от него отступиться.

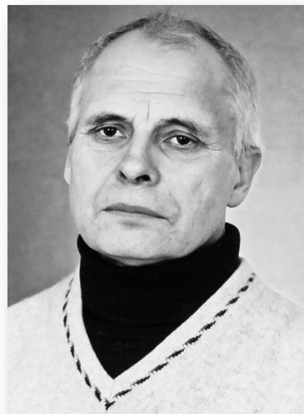
После окончания битвы на Мамаевом кургане не было и пяди земли, свободной от металла. На каждый квадратный метр припадало от пятисот до тысячи двухсот пятидесяти пуль и осколков снарядов, бомб и мин. Потому по первому освободительному году Мамаев курган не зазеленел: трава не смогла пробиться через металл.

Советская действительность исправила положение — унавозила почву кровавыми мифами, символами и святынями. Переписала чуть ли не все сразу тексты, палимпсесты, рукописи своей и чужой земли. Как же мы измельчали, добыв огонь и покинув пещеры.

Почему у нас более или менее получается — осквернять память, позорить могилы предков да на Вечном огне жарить шашлыки и спариваться на могильных плитах?

Такие наши сегодня писания и послания будущему. Тексты, рукописи и палимпсесты творцов новых идолов и идолищ, манкуртов и зоилов.

Перевод с белорусского автора.



Марьян ДУКСА

Молчанием душа удручена…

Поэзии

Ты не придумка, не фантом —
реальная и настоящая.
Ты и сегодня, и в былом —
Поэзия непреходящая.

Не пожелтевший экспонат
и не музейная реликвия.
Ты и зимой — весенний сад,
и духоносна, как религия.

Среди обменников, валют,
среди контрактов и коммерции
тебя смакует бойкий люд
как бы приправу, как бы специю.

Ты ночи смысл даешь и дню
и мудрость прибавляешь к опыту,
и в высоту тропу одну
торишь сквозь суету и хлопоты.

Когда ж придет наш тяжкий час
и немощь в сердце обозначится,
ты одаряешь грустью нас
среди повального бодрячества.

Когда печали и слезам
уступят все же дни напевные,
ты — утешительный бальзам
на раны тайные, душевные.

И хоть не вышло воплотить,
осуществить мечту туманную,
Поэзия, ты пособи
эпохе нашей стать гуманнее.

Огонь твой, нет, не догорит —
звездой взойдет и яркой зорькою.
Ты будешь правду говорить,
не сладкую — порою горькую.

То в забытье от нас уйдешь,
то с нами радостью не делишься.
Поэзия, не пропадешь
и никуда от нас не денешься.

Здесь, на земле, хотя б одной
строкой остаться невеликою —
меня ты чести удостой,
Поэзия, моя религия!

Отчизне

Ты нас притулила,
Подростков из вёсок, —
Спасение, сила,
Дорога и посох.

Ты — свет из-за тучи
В значенье высоком.
Питаешь нас лучше,
Чем дерево соком.

Плывем во Вселенной,
Тебе лишь покорны.
Мы — листья, мы тленны,
а Ты — наши корни.

Помолвила нас Ты
И с духом, и с хлебом,
Связала нас властно
С землею и небом.

Пусть нет вдохновенья
И немощь без меры —
Без ласки твоей мы
Засохнем и веры.

Путь

В конце концов — ну что это за путь?!
Клянут его — кому ни лень на свете!
Легко слепым и нищим проклянуть
и грязь, и пыль, и лужи, и кюветы.

Как неживой, на транспорте ползешь,
колеса месят это безобразье.
На всех кривых мостках впадаешь в дрожь
и в тряску на застывших волнах грязи.

Себя же обвинять нам не с руки —
давали ж нюхать меч крикливой силе…
Да разве ж мы?— чужие ездоки
дорогу нашу страшно размесили.

Расквасили ее и вширь, и вдоль
машины, кони, мотоциклы, дроги.
Хоть под колеса сам залечь изволь,
чтобы дорваться до большой дороги.

Отчаяние, путник, заглуши —
ты справишься и с ямами, и с дрожью.
Беда, коль у заезженной души
есть горшее, чем это бездорожье.

И в ней, душе, унынье не одно,
бессильная, вздыхает утомленно.
И в ней, душе, уже давным-давно
буксует наша мысль, устав от гона.

Пока еще живешь ты средь людей,
пока еще ты сам — не дух астральный,
о, мой народ, ты возводи скорей,
мости свой путь — святой
и магистральный.

* * *

Молчанием душа удручена,
звучат нечасто песенные строфы.
Так что ж оглохли наши вечера,
как после всепланетной катастрофы?

Что ж время сжалось в два ли,
в три часа? —
не узнаю теперь весну-шалунью.
Что ж из сиреней мая голоса
не льются по жасминному июню?

Весь год цветет, как май,
во всей красе,
так что же мы состарились так рано?
Забыли на застольях наших все
и звонкий альт, и тонкое сопрано.

Под солнцем иль под звездною рекой
душа глуха к минорам и мажорам,
засыпана словесною трухой,
утомлена дешевым разговором.

Не мило ей и сытое житье,
взлететь над ним —
напрасны все попытки.
Не могут нынче всколыхнуть ее
заморские и местные напитки.

Она погибнет, коль не запоет,
и воскресить ее нам будет трудно.
Беда стране, где не поет народ,
собравшись вместе в праздники и будни.

Левки

Ты жаждал перемен,
хотел улучшить долю,
но вырвалась из вен
внезапно кровь на волю.

И бил ее фонтан —
как злу противоборство.
Ты обнажил, титан,
великий дух упорства.

Ты узел развязал
своей судьбы под стражей.
Тогда ты так сказал,
что лучше и не скажешь.

Свободе птичьих стай
завидовал при этом.
Признал родимый край
тебя своим поэтом.

Слабел ты что ни год,
и шаг был нешироким.
Уже назвал народ
тебя своим пророком.

И что там пауки —
всё ползали близ окон?
Село твое Левки
тебе — как теплый кокон.

Хотели угодить
бунтовщику-поэту?
Скорей — отгородить
глухой стеной от света.

И успокоить все ж
в тебе души опаски,
чтоб не хватал ты нож,
выдумывая сказки.

Не тратя щедрых слов
ведущим слежку гнусам,
ты воспевал любовь
к родимой Беларуси.

Сквозь горькой славы чад
к нам долетел из дали
твой добродушный взгляд,
исполненный печали.

Авторизованный перевод с белорусского
Георгия КИСЕЛЕВА.

Николь ВАЛЬЕ

Магазинчик счастья

Рассказы

Ложка

Серафима Николаевна слезла с невысокой стремянки и обреченно опустилась на табуретку. По самым оптимистичным подсчетам, уборка во встроенном шкафу займет еще не менее трех часов.

Обувные коробки, разноцветье шарфиков, постельное белье, полезные мелочи, подарки-безделушки, десятки парных и непарных носков мужа и гольфов повзрослевшей дочуры, коробки с янтарными и деревянными бусами, различными подвесками из натуральных камней и кожи, пуговицами и тесьмой, папки с оплаченными счетами за квартиру, открытки, какие-то инструкции, аннотации, гарантийные талоны на технику и электронику, а еще кофточки, топики, джинсы, куртки, пальто и кардиганчики… Розовая мечта Плюшкина! Часть этого «богатства» необходимо выбросить, а остальное разложить по полочкам и ящичкам. Желательно так, чтобы ничего не валилось на голову и легко находилось в нужный момент.

Памятуя о том, что лучший отдых — это смена видов деятельности, Серафима Николаевна решила отвлечься от перебирания километров махровых и вафельных полотенец и разобрать фотоальбомы.

Вот черно-белые снимки, где она играет в мяч, а вот фото из ателье. На деревянном стуле сидит огромный плюшевый медведь, а она держит его за ухо и сосредоточенно смотрит на фотоаппарат — ждет птичку, разумеется.

Серьезная Серафимка на школьной групповой фотографии с первой учительницей, перемазанная шоколадным тортом, на дне рождения у одноклассницы, задумчивая на выпускном вечере.

Фото с любимой подружкой Алисой.

Зря, кстати, говорят, что женской дружбы не существует. Сколько вместе было сдано зачетов и экзаменов, сколько слез выплакано друг у дружки на плече в драматические моменты личной жизни…

Одним из самых запоминающихся кавалеров Серафимы Николаевны, на которого она возмущенно жаловалась терпеливой Алисе больше часа, был Захар Прилепов.

Всего за одно свидание Захар сумел оставить о себе неизгладимое впечатление на всю жизнь.

Среднего роста, на плоском блине лица в центре налеплен как будто наспех сделанный матушкой-природой мясистый нос, над носом — небольшие серо-голубые глаза, защищенные от дождя и прочих погодных напастей навесом из широких кустистых бровей, под носом — крупный, хорошо очерченный рот. Большие рабочие руки, открытый взгляд — вполне обычная для мужчины внешность. Не красавец, но и не квазимодо.

На первом и единственном свидании подарил розу на длинной ножке. Крепко держал за руку и рассказывал какие-то курьезные истории, над которыми сам же и смеялся. Пригласил в недорогое, но уютное кафе. Из обеденного меню заказал солянку на первое, котлеты с рисом на второе, овощной салат. На десерт — чай и бисквитное пирожное. Абсолютно не стеснялся своего здорового аппетита — попросил побольше хлеба и двойную порцию котлет для себя.

Впрочем, такая непосредственность совсем не раздражала Серафиму. Ей было даже забавно наблюдать за своим воздыхателем. И вообще, главное, чтобы человек был хороший.

Официант принес заказанные блюда все сразу.

Пока Сима интеллигентно копошилась вилкой в салатике, Захар, потерев ладони и подмигнув барышне, принялся за суп. Жадно заглотив содержимое своей тарелки, он поинтересовался у Серафимы, почему она не ест первое, ведь солянка — это очень вкусно. Она смущенно пожала плечиками и ответила, что будет только салатик и котлеты.

— Не пропадать же добру, — снова подмигнул барышне Захар и подтянул Симин суп поближе к себе.

Вторая тарелка опустела так же быстро, как и первая.

Отставив в сторону грязную посуду, Захар шумно втянул носом ароматный пар, исходивший от котлет с рисом, и прикрякнул в предвкушении гастрономического удовольствия. Затем облизнул ложку и быстро рубанул ею котлету. Котлета, видимо, от такого бесцеремонного обращения, брызнула на ошарашенную Серафиму горячим жиром.

Сима отодвинулась от стола и растерянно посмотрела на окружающих.

Элегантная дама за соседним столиком глазами указывала мальчугану лет шести на Захара и что-то при этом тихонько комментировала. Тот выпрямлял спинку и старательно отрезал небольшие кусочки от запеченного мяса. Вилку, разумеется, он держал в левой руке, а нож — в правой.

Молодые люди напротив над чем-то громко смеялись.

Вот только, похоже, не над чем-то, а над кем-то. Серафиме казалось, что вместе с Захаром посмешищем в кафе стала и она сама.

Пока Сима мучительно обдумывала, как, оставаясь вежливой и тактичной, поскорее сбежать с этого нелепого свидания, Захар с удовольствием поглощал еду, параллельно пытаясь развлекать свою барышню анекдотами. Вместе со словами у него изо рта вылетали кусочки полупережеванной, мокрой от слюны пищи, что его абсолютно не волновало. При этом он продолжал активно орудовать ложкой.

Ложка была его универсальным столовым прибором. Ложкой он черпал, рубил, загребал, цеплял, ковырял, размазывал, измельчал и перемешивал всю еду — и солянку, и котлеты с гарниром, и даже пирожное.

Насытившись, горе-кавалер расплатился с официантом и предложил багровой от стыда и смущения Серафиме прогуляться по набережной. Сима поспешно ответила, что, к сожалению, у нее еще дома много дел, и необходимо забрать у подруги конспекты, и провожать ее не надо, бросила короткое «пока» и выскочила на улицу.

Захар вышел вслед за ней, но барышня как сквозь землю провалилась. Он обошел кафе со всех сторон, Симы нигде не было. Захар удивился, но не расстроился. Наверное, сегодня у нее действительно важные дела, а завтра он ей позвонит.

Весь следующий день он пытался дозвониться до Серафимы — тщетно, трубку никто не снимал. Захару очень понравилась барышня, и потому он решил добиваться ее во что бы то ни стало.

Три недели он буквально обрывал домашний телефон Симы, но так ни разу и не услышал ее голос. Когда ему надоели длинные и короткие гудки, и «Серафимы сейчас нет», Захар решил подкараулить ее возле дома.

К засаде подготовился основательно: взял с собой термос с чаем и шесть бутербродов со сливочным маслом и колбасой. Когда он дожевывал последний бутерброд, к подъезду подошла Серафима. Вот ведь как бывает! Ждал девушку четыре часа на морозе, а появилась она неожиданно и не в самый подходящий момент. Торопливо утерев жирные губы рукавом, Захар сделал шаг ей навстречу.

— Сима, как дела? Куда пропала? — от волнения у Захара пересохло в горле.

— Все в порядке. А что ты тут делаешь?

— Тебя жду. Почему не берешь трубку? Что случилось?

— Все нормально, Захар.

— Ну, тогда давай завтра в кино сходим. Можно было бы и сегодня, но я аж до костей промерз, пока тебя ждал.

— Нет, не получится.

— Тогда снова в кафе?

— Кафе?! Нет-нет, я не могу.

— Тогда послезавтра?

— Нет, Захар, ни завтра, ни послезавтра…

— Ну почему, все же было нормально… Симка, ну что произошло?

— Ничего, нам просто не стоит встречаться.

— Почему?

Серафиме не хотелось обижать незадачливого парня, но даже одна мысль о свидании с ним была невыносима. И Сима смогла выдавить из себя только одно слово:

— Ложка... — и юркнула в подъезд.

Как Захар отреагировал на столь странную, как это может показаться на первый взгляд, причину отказа от встреч, Серафима не знала. Он перестал докучать ей звонками и поджидать возле дома. Больше она его не видела и ничего о нем не слышала.

Серафима Николаевна положила альбом в шкаф. Вспомнив юность, она расслабилась, продолжать уборку ей не хотелось.

Раздался телефонный звонок.

Алиса, как будто на расстоянии чувствуя настроение подруги, предложила отложить все дела и встретиться.

— Сима, ну сколько мы с тобой уже собираемся? То работа, то отпрыски, то дома что-то… Давай посидим где-нибудь, поболтаем, у меня есть о чем тебе рассказать. Мой-то…

— Давай, дорогая, давай! Можешь меня не уговаривать, я согласна! А где встретимся? — Серафима Николаевна обрадовалась возможности вырваться из плена нескончаемых домашних забот.

— Где… О, есть чудное место! Совсем недавно открылся элитный ресторан! Кухня, обслуживание, интерьер — все на королевском уровне! Встретимся у выхода из метро, а там прогуляемся пешочком.

— До встречи, Алиска!

Положив трубку, Серафима Николаевна критически окинула взглядом свой гардероб. Что потянет на «королевский» уровень? Дорогих вещей с лэйбами известных брендов и ультрамодных штучек из тех, которые, как говорят, «в тренде» в этом сезоне, у нее не было.

Муж занимался наукой, она работала в области культуры, горячо любимая дочка училась в институте. Коммерческой жилки не было ни у кого, соответственно, и денег на какие-либо излишества тоже. В общем-то, Серафима Николаевна была вполне довольна своей жизнью, и лишь иногда ей казалось, что высшее образование у них обеих и ученая степень мужа должны были гарантировать более высокий уровень благосостояния.

Вот и сейчас обидное чувство несправедливости комком подступило к горлу. Что же надеть?

В конце концов была выбрана дымчато-розовая блуза и брюки на два тона темнее. Шика образу придавали массивные украшения в этностиле. Серафима Николаевна придирчиво осмотрела себя со всех сторон и осталась довольна. Все-таки, имея вкус, всегда можно выглядеть эффектно.

Пока Алиса заказывала официанту кофе, мороженое, фруктовый десерт и какое-то мудреное вино, Серафима с интересом рассматривала интерьер ресторана.

Столик, к которому их проводил метрдотель, осведомившись предварительно, как именно желают провести время дамы, действительно как нельзя лучше подходил для того, чтобы выпить с давней подругой по бокалу вина и чашечке кофе.

Мягкий свет круглого, низко висящего, но не мешающего видеть друг друга абажура. Столик в форме кофейного зерна с характерной продолговатой ложбинкой по центру, на изогнутой ножке, позволяющей принять любое удобное положение. Держатели для сумочек, обтянутые натуральной кожей, которые Алиса, с видом завсегдатая, достала из миниатюрного выдвижного ящичка с торца стола.

Темнокожий саксофонист.

Официант в шоколадно-коричневом фраке, бабочке и белоснежных перчатках.

Несколько минут — и их стол сервирован как произведение искусства. Полотняные салфетки цвета экрю, бокалы для вина необычной изогнутой формы, десертные тарелки, специальные приборы для фруктов — нож с заостренным концом и вилка с двумя зубцами, яблоки и груши, укутанные в ткань, как в пальто, перевязанные атласными лентами.

Оформлением окон как будто занимались Марсель Дюшан с Мерет Оппенгейм. Широкие подоконники прикрыты пледами, углы которых свисают до пола. Сверху располагаются огромного размера керамические кофейные чашки, из которых растут мини-орхидеи и… ложки. Простые столовые и чайные ложки из нержавеющей стали. По одной в каждой чашке. Земля сверху присыпана не традиционным керамзитом, а перламутровыми пуговицами. Оконные проемы вместо штор и занавесей украшают массивные деревянные рамы, расположенные наискосок.

Принесли блюда с тонко нарезанными и посыпанными сахарной пудрой фруктами и вино. «Шато д'Икем, 1997 год», — официант налил немного в бокал Алисы.

Та сделала небольшой глоток и удовлетворенно кивнула:

— Прекрасный винтаж. Чудесное местечко, не так ли, Сима?

— Да, место удивительное, но когда это ты научилась разбираться во всех тонкостях дорогого вина? — Серафима была удивлена эрудированностью подруги, не отличавшейся в школьные и студенческие годы тягой к познанию. Впрочем, они не виделись несколько лет, Алиса могла измениться.

— Да я же начала тебе рассказывать. Макс заключил очень удачный контракт и расширил бизнес, так что теперь я могу позволить себе немного

больше, чем пломбир в металлической креманке и растворимый кофе, — подруга была явно довольна собой.

— Что скажешь, молодцы! И вино вкусное, необычное… Только бокалы все-таки странные.

— Да нет, Симочка, бокалы правильные, для сотерна. Чувствуешь абрикосовый аромат? Это все ботритис. Ну, плесень благородная виноградная, — хохотнула Алиса, — я много чего могу рассказать тебе про виноделие.

— Давай про виноделие потом. Ты мне толком не объяснила, что это за место. Говорила ресторан, но больше похоже на кафе. Называется как?

— Это ресторан. Немного нестандартный, да? Это зал-кофейня, есть еще этнический зал, в нем каждые полгода меняется кухня и интерьер. Шеф-повара и консультанта приглашают из-за рубежа, чтобы соблюсти все тонкости национальной кухни и культурных особенностей. Говорят, владелец — настоящий гурман и эстет. От женщин нет отбоя, но сердце его, опять же, по слухам, до сих пор свободно. Его заведение — самое модное и шикарное в городе. Называется…

Беседу прервал официант. Извинившись и учтиво поклонившись, он отточенным движением положил возле Серафимы деревянный футляр шоколадного цвета, в котором на бархатной подушечке лежала серебряная с позолотой ложка.

— Для Вас от хозяина заведения.

— Ну, вот и ответ на твой вопрос, — улыбнулась Алиса, — ресторан называется «Ложка».

— Ложка?! А как зовут хозяина? — лицо Серафимы от волнения стало покрываться багровыми пятнами.

— Захар Васильевич Прилепов.

Сомнений не осталось.

Гурманом и эстетом, которому принадлежал самый роскошный ресторан в городе, оказался тот самый нелепый молодой человек, с которым она отказалась встречаться в юности из-за его манер.

Подруги, забыв про дела насущные, еще сорок минут обсуждали удивительные жизненные метаморфозы и спорили, стоит ли Серафиме лично поблагодарить Захара, ведь он явно находился в заведении.

Алиса уверяла, что непременно стоит, пусть даже и из любопытства.

Серафима отнекивалась. Ей было не по себе.

Уходя из ресторана, обе обратили внимание на молодую пару, сидевшую за крайним столиком. Юная барышня с ужасом смотрела на своего спутника, который переливал чай из чашки в блюдце, громко дул, а затем прихлебывал, щуря глаза.

— Ну что, Сима, в следующий раз встречаемся в ресторане «Блюдце»? — лукаво подмигнула окончательно смутившейся подруге Алиса.

Она боялась…

Капитолина Цветкова занималась версткой книг в небольшом издательстве.

Неудобоваримые для среднестатистического читателя научные тексты, пространные размышления о вечных ценностях, подборки разношерстных фактов, объединенные под броским названием, — все эти словесные массивы Капитолина умудрялась превращать практически в бестселлеры.

Легким мановением мышки шрифты, буквицы, рамки и колонтитулы делали книгу произведением искусства. Авторы выстраивались в очередь и готовы были ждать по несколько месяцев, лишь бы их литературным детищем занималась Капитолина. Она вкладывала в каждый проект не только профессиональные знания и навыки, но и душу. Продумывала каждую деталь, просматривала десятки изданий по схожей тематике, чтобы порекомендовать автору, как лучше структурировать и расположить текст, какими схемами и иллюстрациями его можно дополнить.

Комбинируя фрагменты текста с картинками, Капа и не задумывалась, что верстает не только книги, но и собственную жизнь — из чувств, ожиданий, переживаний, поступков...

А когда эта верстка была уже почти закончена, поняла, что создала она ее из собственных страхов.

Лишь в раннем детстве, будучи розовощеким упитанным младенчиком, Капочка ничего не боялась. Радовалась улыбке мамы, теплому лучику солнца на подушке, сладкому яблочному пюре.

Через несколько лет появились первые страхи.

Итак, Капочке четыре года.

Она боится засыпать одна.

А еще боится, что за скрипучей дверцей большого шкафа прячется злой Бабайка. Родители однажды сказали ей, что если не съест кашу, то за ней придет этот самый Бабайка. Капочка думала, что он похож на страшилище из детской книжки, только с большими мохнатыми ручищами.

В семь лет Капочка уже не боялась Бабайки.

Она боялась учительницы. К выбору первого педагога для дочери родители отнеслись очень серьезно и отдали Капу в класс к самой «сильной» учительнице в школе.

Средний балл учеников этого класса, и правда, был гораздо выше, чем у других.

Но какими методами это достигалось!

Во-первых, колючий, уничижительный взгляд. Капочке казалось, что учительница всегда смотрит только на нее, и от этого у нее путались мысли, забывались все правила, голова становилась горячей, а ладошки влажными.

Во-вторых, длинная деревянная указка, которой учительница била по рукам своих учеников. Но даже болезненных ударов Капа не боялась так, как ужасного взгляда.

В-третьих, слово «бестолочь». Бестолочью мог оказаться каждый. Если не знал, что ответить, или замешкался с ответом, если сделал ошибку или не успел выполнить письменную работу в определенный срок, если уронил на пол коробку с цветными карандашами, если... Список был бесконечен.

Учительница называла детей бестолочами с таким выражением лица, что несчастные от ощущения собственной никчемности готовы были под землю провалиться.

В тринадцать у Капы появились другие страхи.

Она боялась, что никогда не избавится от ужасных прыщей, оккупировавших нежную кожу.

Боялась показаться подружкам смешной или несовременной.

Боялась и не понимала себя — своей странным образом возникшей плаксивости и вспыльчивости, быстро сменяющихся безудержным весельем, а затем апатией.

Боялась и хотела быстрее повзрослеть.

В семнадцать лет Капа боялась, что плохо получится на фотографиях с выпускного вечера и снимки самого важного дня станут самыми ужасными в ее фотоальбоме.

Но больше всего на свете Капа боялась, что завалит все тесты и экзамены и не поступит в университет.

В девятнадцать лет Капа боялась, что не сдаст экзаменационную сессию. На первом экзамене у нее снова путались мысли, голова была горячей, а ладони — влажными.

В двадцать лет, когда многие ее подружки повыскакивали замуж, Капа боялась, что останется одна.

Боялась, что не встретит своего принца на белом коне, что никто и никогда ее не полюбит.

В двадцать четыре года, благополучно сменив девичью фамилию Зайкина на фамилию Цветкова, боялась, что не сможет наладить отношения с новоиспеченными родственниками со стороны мужа.

Боялась предстоящих родов.

В двадцать семь лет благополучно родила сыночка.

Увидев его, крошечного и беззащитного, стала бояться за него. Только бы он был здоровым, счастливым, любимым, успешным...

В тридцать пять лет Капитолина обнаружила первый седой волос и стала бояться старости.

Накупила питательных бальзамов и масок для волос. Уставила туалетный столик омолаживающими и укрепляющими овал лица кремами и чудодейственными сыворотками для кожи вокруг глаз с маркировкой «45+». Рассудила, что косметика «на вырост» будет более эффективной.

Но несмотря на все предпринятые действия, ужасно боялась, что скоро морщины избороздят все лицо, а волосы окончательно поседеют и станут жесткими и непослушными.

В тридцать семь лет Капитолина услышала, как в транспорте к ее ровеснице кто-то обратился режущим слух: «Женщина...»

Стала бояться услышать это слово и в свой адрес.

Это, на первый взгляд, обычное слово, имело разрушающую власть над представительницами прекрасного пола.

Оно превращало уверенную в себе, статную даму средних лет в сгорбившуюся старуху.

Оно гасило огонь в глазах кустодиевской красавицы, бегущей навстречу своему очередному круглому юбилею с тортиками в обеих руках.

Капитолина каждый раз вздрагивала, когда слышала это кошмарное: «Женщина...», и сама стала обращаться к окружающим только «сударь» или «сударыня».

В сорок лет Капитолина боялась, что ей не хватит мудрости и терпения, чтобы помочь сыну благополучно преодолеть подростковый возраст и превратиться из угловатого мальчишки в прекрасного принца — сильного, смелого, мужественного.

Боялась, что уже не сумеет реализовать все, о чем мечтала в юности.

В сорок пять боялась, что выглядит старше своих ровесниц.

Боялась, что коллеги будут смеяться за спиной, считая ее молодящейся дурочкой.

Боялась, что на предстоящей встрече выпускников школы она окажется самой постаревшей. А ее рассказы о роскошных, собственноручно выращенных на даче пионах померкнут перед фотоотчетами одноклассников об отдыхе на Мальте и Кипре.

Боялась, что сыночек создаст свою семью и забудет о ней.

В пятьдесят три года боялась, что сыночек останется бобылем. Все его однокурсники уже давно создали семьи, и только он до сих пор пребывал в поисках романтической любви.

Боялась неумолимо приближающейся пенсии, хворей и безденежья.

В шестьдесят пять овдовела и боялась одиночества.

Боялась, что лучшие годы уже позади и радость осталась лишь на снимках в альбоме. Особенно часто Капитолина рассматривала пожелтевшую фотографию с выпускного вечера. Какая же она там была красивая и счастливая...

В семьдесят пять лет боялась, что окажется чужим человеком для внуков. Сын жил в другой стране и приезжал с семейством нечасто.

Боялась длинных вечеров.

Боялась, что будет никому не нужна...

А еще через несколько лет все страхи ушли, растворились без остатка.

И Капитолина Львовна снова радовалась утреннему лучу солнца на подушке и чашке крепкого кофе, который, несмотря на запреты врачей, каждое утро варила себе в турке.

Радовалась, просто созерцая окружающий мир.

Жалела только, что жизнь, сверстанную из пустых и напрасных страхов, переверстать, как книжку, было уже нельзя...

Магазинчик счастья

Эдмунд Генрихович уже собирался уходить на встречу, когда дверь его кабинета широко распахнулась и на пороге появился молодой человек.

— Гордей Петрович Коромыслов, — деловито представился он, протянув учредителю компании визитку.

— Практический психолог, сертифицированный НЛП-практик, сертифицированный гештальт-терапевт... индивидуальное консультирование, проведение семинаров-тренингов в организациях, коррекция... так в чем, собственно, дело? — Эдмунд Генрихович снял очки в тонкой золотой оправе и вопросительно посмотрел на собеседника.

— Имею честь предложить вашей уважаемой компании свои услуги. С удовольствием проведу для ваших сотрудников тренинги, способствующие нормализации морально-психологического климата в коллективе, а также развитию умения действовать в команде. После проведенных мною занятий снижается агрессивность сотрудников, неудовлетворенность материальным положением, большим объемом работы. Люди чувствуют себя более довольными, и соответственно, лучше работают. Это уже доказано! Вот, ознакомьтесь, пожалуйста, с отзывами руководителей организаций, в которых я работал, — и Гордей Петрович с гордостью положил на стол пухлую папку.

— Все это замечательно, Гордей Петрович. Но мне представляется, что мои сотрудники не нуждаются в подобного рода тренингах и семинарах. Они вполне довольны работой, своим положением в коллективе и в целом счастливы.

— Этого не может быть! Профессиональное выгорание, зависть и интриги коллег, неравномерность материального поощрения, несбывшиеся ожидания — это то, с чем сталкивается каждый человек! И я, Гордей Петрович Коромыслов, могу изменить ситуацию! У меня колоссальный опыт! Я…

— Ничуть не сомневаюсь в вашем профессионализме, — Эдмунд Генрихович мягко прервал собеседника, — и уверен, что ваши тренинги на самом деле принесут пользу. Но в другой организации. А чтобы не быть голословным, предлагаю вам недельки две-три понаблюдать за моими сотрудниками. Вы убедитесь, что консультации-семинары в данном случае не актуальны.

С одной стороны, Коромыслов был раздосадован, что не удалось договорится о проведении дорогостоящих занятий. Но с другой стороны, ему было очень любопытно понаблюдать за жизнью организации, так сказать, изнутри.

И Гордей Петрович, представленный сотрудникам как консультант директора по общим вопросам, занял свой наблюдательный пост.

В помещении, в котором Эдмунд Генрихович предоставил Коромыслову «рабочее место», находились еще три сотрудника.

Первое впечатление об объектах наблюдения у него сложилось следующее.

Объект № 1. Невысокий, среднего телосложения, в очках с большими диоптриями, делающими его глаза огромными, мужчина. Чуть позже выяснилось, что зовут его Шляпкин Иван Афанасьевич. Шляпкин был ничем не примечателен. Он целый день сосредоточенно корпел над своими бумагами, не заигрывал с регулярно заглядывающими в кабинет сотрудницами из других отделов, не ходил на перекуры, не пытался играть в карты или стрелялки с компьютером. Обедал большой кружкой кефира и сдобной булочкой без начинки. С работы уходил ровно в шесть часов вечера. Одним словом, неудачник.

Объект № 2. Молодая женщина по имени Сонечка. Не Софья Аркадьевна, не Софья, а именно Сонечка. Сначала Гордею Петровичу это показалось странным, но потом он понял, что обращаться к этому чудному созданию по-другому было просто невозможно. Хрупкая и скромная. Небесно-голубые, чуть навыкате глаза придают лицу удивленное выражение. Два полудетских хвостика с маленькими бантиками, чрезвычайная доброжелательность, уступчивость, открытость, доверчивость, готовность помочь всем и каждому. Любимица всего коллектива. Какая уж тут Софья Аркадьевна — только Сонечка! В рабочее время милая безотказная Сонечка частенько анализировала, составляла и оформляла документы за коллег, а свою работу доделывала тогда, когда остальные уже пили дома чай и смотрели телевизор.

Объект № 3 произвел на Коромыслова самое приятное впечатление. Высокий, подтянутый, аккуратный, амбициозный Вячеслав Енотов напоминал Гордею Петровичу самого себя. Ни одного лишнего слова, ни минуты после окончания рабочего времени, никаких поручений, не входящих в функциональные обязанности согласно должностной инструкции. Здоровый образ жизни со всеми его атрибутами, включая свежие овощи, зелень и отварную грудку индейки на обед, зимой катание на лыжах минимум трижды в неделю, летом часовые велосипедные прогулки плюс абонемент в бассейн, мультивитаминные пилюли и ежегодный медосмотр со сдачей всех возможных анализов. Кроме этого Енотов отличался страстным желанием вскарабкаться по карьерной лестнице как можно выше, о чем неоднократно заявлял как непосредственному начальнику, так и лично Эдмунду Генриховичу.

Первые четыре дня Коромыслов внимательно присматривался и прислушивался, пытаясь уловить флюиды счастья. Через две недели стало окончательно ясно, что ни к одному из объектов наблюдения неприменимо определение «счастливый человек».

Сонечка всегда выглядела хоть и спокойной, но уставшей, а Енотов представлял собой высокомерный сгусток нереализовавшихся устремлений и затаенной озлобленности. Лишь Иван Афанасьевич Шляпкин к вечеру пятницы приходил в состояние радостного возбуждения, от которого, впрочем, к понедельнику не оставалось и малой толики.

Так как довольных жизнью и счастливых личностей Гордей Петрович не обнаружил, то решил еще раз переговорить с учредителем по поводу проведения своих тренингов.

Однако пока Коромыслов подбирал наиболее весомые доводы и аргументы для решающего разговора, ситуация невероятным образом изменилась.

Сначала произошли явные перемены в эмоциональном состоянии Шляпкина. Обычно понурый и удрученный, он буквально светился от счастья. Приготовил себе в кофе-машине двойной эспрессо и угостил всех бургерами из ближайшего fast-food. Предложил Сонечке помочь с квартальным отчетом. Рассыпался в комплиментах каждой сотруднице, забегавшей к ним по служебным вопросам.

Затем заметно оживилась и повеселела Сонечка, пребывавшая в последнее время в подавленном настроении. Коромыслов лишь отметил, что она несколько дней как будто была чем-то обеспокоена, все время перебирала канцелярские мелочи в ящичках рабочего стола, растерянно взирая на окружающих, а затем успокоилась. Опоздала на работу, явившись на полтора часа позже, но зато с новой прической и в новом пальто-кейп. С очаровательной улыбкой попросила босса отпустить ее пораньше домой. Естественно, получила немедленное согласие.

Последней надеждой Гордея Петровича оставался Енотов. И без того немногословный и недовольный, в последнее время он ходил мрачнее тучи и ни с кем не разговаривал. Все изменил телефонный звонок. Короткий разговор по мобильному — и Енотова как будто подменили. Он прямо в костюме сделал стойку на голове, затем прошелся колесом по кабинету и пригласил всех открыть вместе с ним велосезон, благо, снег уже сошел.

Сознание Коромыслова отказывалось как-либо интерпретировать произошедшие события. Резкое и внезапное массовое осчастливливание не поддавалось ни одному разумному объяснению.

Сквозь неровный строй сбивчивых мыслей пробился голос Эдмунда Генриховича:

— Людочка, позвоните, пожалуйста, в «Магазинчик счастья», пусть высылают счет для оплаты.

Магазинчик счастья… Что за бред?

Гордей Петрович окончательно запутался. Шляпкину, Сонечке и Енотову купили счастье в каком-то магазинчике?

Пока Коромыслов пытался выстроить логическую цепочку между заведением торговли и состоянием высшего удовлетворения жизнью, мысленно обращаясь к великим философам и психологам, чьи труды досконально были изучены им в подлинниках, в самом магазинчике счастья суммировали затраты для определения окончательной стоимости необыкновенного товара.

Директор магазинчика, Венера Вениаминовна, заслушав отчеты своих сотрудников о проделанной работе, лично производила окончательные расчеты. Как правило, получалась немалая сумма, но постоянным клиентам всегда делались значительные скидки.

— Что там у нас по заявке Эдмунда Генриховича?

— Все в порядке, Венера Вениаминовна. В марте поступил заказ для трех человек. Софья Белозерская, Иван Шляпкин и Вячеслав Енотов. Для сбора информации потребовалось двухдневное восьмичасовое наблюдение в рабочее время за Белозерской, трехнедельный круглосуточный надзор за Шляпкиным, изучение медицинских документов и беседа с персоналом медицинского центра, в котором ежегодно проходит диспансеризацию Енотов.

На этапе «минус» у Софьи были незаметно изъяты ее любимые скрепки. Дело в том, что она питает слабость к красивым и необычным канцелярским принадлежностям. Особенно ей нравятся скрепки в цветной пластиковой оплетке в виде сердечек, цветков и пр. Использование именно таких скрепок явно поднимает ей настроение. Исчезновение коробки с любимыми скрепками ее очень огорчило. После безуспешных поисков Белозерская стала подозревать в пропаже своих коллег. Осознание того, что ее могли обидеть и обокрасть люди, которые мило улыбались ей каждый день и которым она всегда бескорыстно помогала, ввергло ее в состояние подавленности и угнетенности.

Енотову на данном этапе мы позвонили и сообщили, что результаты анализов указывают на редкое трудноизлечимое заболевание.

Для работы со Шляпкиным пришлось задействовать несколько сотрудников.

Жизнь этого человека скучна и однообразна. Рутинная работа, сварливая жена, плохо успевающие в школе дети, скромное материальное положение. Единственное удовольствие — пятничный вечер, когда Шляпкин позволяет себе купить литровую банку любимого пива с сушеными кальмарами. Особенную радость доставляет ему тот факт, что вечером по пятницам он может побыть несколько часов дома один. Мальчишки в это время занимаются в секции плавания, а жена уходит на круглосуточное дежурство в клинику.

Охлажденный пенный напиток и соленое лакомство в полном одиночестве, когда никто не орет над ухом, что нужно вынести мусор, отремонтировать старенький пылесос, купить сапоги, пойти на родительское собрание, внести очередной взнос за кредит, никто не тянет за рукав, требуя решить идиотскую задачку по математике, попутно жалуясь на брата, — абсолютное счастье в понимании Шляпкина.

Самым простым было изъять пиво из этой формулы счастья.

На дверях супермаркета, в котором он всегда покупал хмельной напиток, Шляпкин обнаружил объявление, что в связи с проведением местными властями профилактической акции алкоголь не продается. Далее ему навстречу из магазина вышли два наших сотрудника, которые, грязно ругаясь, обсуждали, где купить водки и какой дурак решил запретить продажу спиртного до понедельника.

Доверчивый Шляпкин даже не попытался лично убедиться в невозможности приобрести банку пива и уныло побрел на остановку общественного транспорта.

В троллейбусе он оказался «невольным» свидетелем разговора еще двух наших агентов. Девушка жаловалась молодому человеку, что хотела купить подруге на день рождения бутылку итальянского шампанского, но алкоголь нигде не продают. Ни в огромных гипермаркетах, ни в маленьких магазинчиках шаговой доступности.

Из троллейбуса Шляпкин вышел самым несчастным человеком на земле.

Этап «возврат» во всех трех случаях прошел безупречно.

Скрепки были незаметно возвращены Белозерской через пять дней. «Чудесным» образом нашедшиеся проволочные сердечки и цветочки убедили Софью в непорочности коллег. Она возлюбила ближних своих с новой силой, а заодно и пожелала наконец-то открыть свое сердце для романтических отношений.

После того, как Енотову с извинениями сообщили о том, что произошла досадная ошибка и на самом деле проблем со здоровьем нет, он избавился не только от бессонницы в ожидании скорой мучительной смерти, но и постоянного недовольства. Вячеслав стал более человечным, открытым, а привычные вещи, будь то просмотр новостей или мимолетное общение с сотрудниками, стали для него источником радости и счастья.

Со Шляпкиным, правда, пришлось повозиться. Окончательно отчаявшись, он чуть было не прошел мимо магазина «Рябинка», в котором, по нашему плану, должен был приобрести свое пиво. Наши агенты блестяще сыграли роли двух тщедушных продавщиц, которым Иван Афанасьевич благородно помог занести тяжелые коробки с товарами в торговый зал. Естественно, на витрине он увидел «запрещенное» для продажи пиво и, испуганно озираясь по сторонам, попросил продать ему всего одну баночку.

Обладание обычной банкой пива сделало из Шляпкина — тихони и неудачника, нового Шляпкина — добытчика и везунчика.

Через час после окончания доклада на столе у учредителя лежал счет за оказанные Магазинчиком счастья услуги.

Эдмунд Генрихович был вполне удовлетворен стоимостью приподнятого настроения своих сотрудников, которое обеспечило повышение производительности труда, Венера Вениаминовна осталась довольна работой своих подопечных, агенты радовались достойному материальному вознаграждению, Иван Афанасьевич Шляпкин, Сонечка и Вячеслав Енотов были счастливы каждый по-своему.

А вот Гордей Петрович Коромыслов, в отличие от умиротворенно-счастливых продавцов и покупателей счастья, потерял покой и сон. Впервые за несколько лет успешной профессиональной деятельности он чувствовал себя беспомощным невеждой.

Всегда уверенный в себе и своих познаниях, владеющий десятком различных способов урегулирования самых сложных конфликтов и конструктивного разрешения кризисных ситуаций, успешно применяющий всевозможные приемы рефлексии и эмпатического слушания, он обнаружил, что существует некая непостижимая для него техника влияния на людей. Техника, которая делает любого человека счастливым. И для этого требуются отнюдь не годы нудных бесед с личным психологом, а всего лишь несколько недель!

Существование ценного, но недоступного знания угнетало Коромыслова. Он чувствовал себя несчастным и не мог себе помочь.

Через несколько недель мучительных терзаний Гордея Петровича осенило.

Магазинчик счастья! Он ведь тоже может купить себе немного счастья в этом магазинчике!

Андрей ТЯВЛОВСКИЙ

Лишь надежда укажет путь

Менестрель

Там, где птицы сбиваются в стаи,
Покидая свой край навсегда,
Где снега по весне не растают,
Где умолкла речная вода,

Для чего, в полушаге от бездны,
Ты надел менестрельский наряд?
И кому ты поешь эту песню
В королевстве, где все уже спят?

Все укрылись от боли и горя,
Мягкой ватой укутав сердца,
Каждый занят своею игрою,
И никто не услышит певца.

Лишь пустыми глазами из окон
За тобой осторожно следят:
Что ты ищешь, какую дорогу,
В королевстве, где все уже спят?

Здесь уже бесполезно молиться:
Бог не слышит. И повода нет.
Облетают последние листья —
Это время меняет свой цвет.

Что за старую память держаться?
Погляди — наступает закат!
Но зачем-то ты должен остаться
В королевстве, где все уже спят.

Ровесникам

Не кляните войну —
Вы, не знавшие правды окопной.
И не славьте ее —

Добывали Победу не вы.
Те, кто, смерть обманув,
Прошагал по обугленным тропам
Сквозь горнило боев, —
Не для фразы остались в живых.

Ради жизни детей,
Ради тех, кто еще не родился,
Мы обязаны знать,
Мы обязаны помнить вовек
И про горечь потерь,
И про просьбы «…считать коммунистом»
Тех, кто принял сполна
Все, что может принять человек.

Но ни мне и ни вам
Не дано беспощадного права
Ни хвалить, ни хулить,
Ни оценки их судьбам давать.
Мы равны по делам?..
Но они — отстояли Державу,
И за ними — Берлин,
А за нами — пустые слова.

Мы же — помнить должны,
И спокойствием душу не тешить,
Будто войны — в былом
И в боях не отметимся мы.
Ведь до новой войны
Остается все меньше и меньше
Для забывших о том,
Чем оплачен сегодняшний мир.

Квадрокоптер

(Аэропорт, 2015)

Здесь — другая планета.
Здесь людям нет места, нет места…
Черный джойстик в руке — мой последний людской оберег.
Немигающий глаз озирает немую окрестность,
Выдавая в эфир черно-белый обугленный снег.

Ни собак, ни ворон. Квадрокоптер плывет над луною.
Из бесчисленных кратеров в небо глядит пустота.
Ничего на душе. Меньше года у нас за спиною.
До чего же легко нами пройдена эта черта…

Мы — не люди. Мы — роботы. Дроны со сбитой программой,
Занесенные в мир, где не истинно больше ничто.
Артиллерия бьет, прикрываясь руинами храма,
Хоть ни вера, ни храм в этом мире не служат щитом.

Мы не знаем, что будет, но все еще помним начало,
Дым майданных покрышек по-прежнему ест нам глаза.
Мой сегодняшний день — обгорелый скелет терминала
И заряд батареи, дающий еще полчаса.

Квадрокоптер плывет над планетой, утратившей имя.
Я фиксирую смерть — без печали, без страха, без сил.
Все трудней сознавать, что когда-то мы были другими.
…Хоть бы кто-нибудь сбил, Боже мой, хоть бы кто-нибудь сбил…

Рай

Серебро потемнеет от времени,
Потускнеют оклады икон,
Перемелют небесные мельницы
Эверест человечьих грехов.

Океаны страстей успокоятся,
Позабудутся боль и беда,
И Врата наконец-то откроются,
И покровы падут…
И тогда

Кто-то, мира дождавшийся лучшего,
Где уже — ни загадок, ни тайн,
Будет плакать по веку минувшему,
Вспоминая потерянный рай.

* * *

Перевернутый календарь —
Високосный окончен год.
Мы считаем лета, как встарь,
Но у неба — особый счет:

Все, что пройдено, — не вернуть,
Даже если все было зря.
Лишь надежда укажет путь,
Вифлеемской звездой горя.

* * *

Дни летят. В суете и гаме
Просто музыку улови:
Где-то там, за семью снегами,
Лето нашей с тобой любви.

Наши сказки и наши были,
Наши сосны и наш простор,
Лебединые наши крылья,
Наша синь Голубых озер.

Там давно доцвели кувшинки,
Но однажды замкнется круг…
Опадают на дол снежинки,
Словно белый лебяжий пух.

* * *

Сколько б ни длился мрак,
Помни: зима не вечна.
Стихнут на миг ветра,
И сиротливый вечер
Молча отступит в тень,
Вдруг уступив рассвету,
И загорится день —
Чистый, весенний, светлый.
Верь — и растает лед,
Верь — и снега смирятся,
Верь — и весна придет,
Чтобы навек остаться.

Станислав ПОДЛИПСКИЙ

Интервью с хиромантом

Рассказ

I

Мобильный телефон продолжал неистово орать уже целую минуту. Черный кот Балу и рыжий Портос со спинки дивана с недовольством и презрением взирали на нарушающую их покой штуковину.

На ходу заворачиваясь в полотенце и оставляя мокрые следы на ламинате, их молодая хозяйка выскочила из душа и успела нажать кнопку «Принять» за секунду до того, как на том конце повесили трубку.

— Да! Алло! — выпалила она, опасаясь, что звонок сорвется в последний момент.

В трубке послышался вечно недовольный высокомерный голос начальницы:

— Чернова, где вас черти носят? Завтра в час дня берете интервью у хироманта Дмитрия Сумского. С ним я уже договорилась. Запишите адрес.

— Но, Лариса Аркадьевна, завтра же суббота, — попыталась возразить девушка, понимая, что ее планы о загородной прогулке на велосипеде летят котам под хвост.

— Ну и что, что завтра суббота? — раздраженно ответила начальница. — В другой день он не может.

— А что, если я завтра не могу? — возмутилась такой беспардонностью девушка.

— Чернова, если вы все еще хотите стать моим заместителем, то будьте добры работать!

Девушка стиснула зубы.

— Хорошо, диктуйте адрес, — сдерживая злость, ответила она.

— Филимонова шесть, офис девятьсот девять. И выше нос, Чернова. Я в свое время работала вообще без выходных, чтоб стать главным редактором.

Девушка записала адрес и положила трубку.

— «Я в свое время работала вообще без выходных», — перекривляла она начальницу. — Без выходных она работала! Стерва старая!

Балу терся своим черным кошачьим телом о ее влажную ногу, и злость из-за потерянного выходного понемногу утихла.

Балу вообще был намного ласковее своего рыжего приятеля Портоса, который не очень-то любил всякие нежности и приходил к своей хозяйке, только когда она ложилась спать. Она списывала все на его возраст: Портос был на два года старше трехлетнего Балу.

Девушка вернулась в ванную и намотала на голову полотенце размером с карликовое государство. Затем стерла ладонью конденсат с зеркала и, опершись на раковину обеими руками, вгляделась в свое отражение.

— Да уж, Катя, не дай бог тебе стать такой, как эта старая мымра!

II

Как и обещали синоптики, суббота выдалась блестящей в прямом смысле слова. Майское солнце вело себя по-июньски, прогрев воздух до комфортных двадцати пяти градусов.

На радостях Катя облачилась в ярко-лимонное короткое платье, которое всю зиму терпеливо дожидалось своего часа в шкафу. Носить яркие вещи на работе было совершенно не в Катиных правилах. Но в такой прекрасный день она решила сделать исключение: поднять себе настроение, а заодно выразить свой внутренний протест против работы в выходные. Хотя, конечно, до адресата — Ларисы Аркадьевны — протест не имел шансов дойти, поскольку она уже наверняка пила белое полусухое где-нибудь на даче с такими же, как она, стервозными подругами и жаловалась им на окружающих: ненастоящих мужчин, бестолковых подчиненных и тех подруг, которые в тот день отсутствовали в их змеиной компании.

К своему несчастью, Катя должна была выполнять все указания своей начальницы, потому что больше всего на свете она хотела получить должность заместителя главного редактора в их интернет-журнале. А это назначение целиком и полностью зависело от Ларисы Аркадьевны.

Обидно было бы упустить эту должность после четырех лет упорного труда. К тому же, Катя чувствовала, что журналистика — это ее стезя. Окончив Экономический университет и проработав два года по специальности, Катя так же явственно почувствовала, что экономика — это не ее призвание. Так она оказалась в женском интернет-журнале, где за четыре года прошла путь от простого корректора до полноценного корреспондента со своей именной колонкой и по совместительству заведующей разделом «Персона». Неплохая карьера для двадцативосьмилетней девушки. Но Кате этого было явно недостаточно.

Ее все еще не покидала надежда управиться с интервью побыстрее и все-таки отправиться за город хотя бы на пару часов. При всей ее общительности и коммуникабельности ей просто необходимо было иногда побыть одной вдали от городского шума. Это здорово освежало мысли.

Немолодой и несвежий таксист с четырехдневной щетиной на лице чуть не свернул себе шею, когда Катя переходила дорогу рядом с офисным зданием, в котором ее уже должен был ждать Дмитрий Сумской.

Она вошла в просторное и совершенно безлюдное фойе — какой нормальный человек будет работать в субботу? — и прошагала к лифту. Стук ее каблуков эхом отражался от мраморных стен и колонн. Двери лифта почти беззвучно разъехались, гостеприимно принимая ее внутрь. Катя нажала кнопку с цифрой «9», и двери так же тихо сомкнулись. Пока лифт плавно подымался вверх сквозь темноту шахты, Катя скрупулезно изучила свое отражение в зеркальной стенке кабины. Она поправила руками укладку, освежила помаду на губах и улыбнулась сама себе: выглядела замечательно.

Звуковой сигнал оповестил о том, что лифт прибыл на заказанный этаж. Катя вышла и зашагала по глянцевому кафелю коридора, который был таким же пустым и безжизненным, как фойе. В ее голове начали появляться тревожные мысли, что здесь вообще никого нет, кроме нее.

Пока Катя шла по коридору к искомому кабинету, сопровождаемая лишь звонким стуком собственных каблуков, она пыталась представить своего сегодняшнего собеседника. Ей казалось, что это будет длинноволосый хиппи в цветастой рубашке, призывающий всех к любви и безделью. Либо какой-

нибудь пожилой очкарик, прочитавший две-три экзотерические книги и возомнивший себя предсказателем.

Наконец она остановилась перед дверью офиса «909». Постучала. Никто не ответил. Тогда она взялась за ручку и осторожно потянула на себя. Вопреки ее пессимистическим ожиданиям, дверь оказалась не заперта. Катя заглянула внутрь. Это было небольшое помещение, но добротно и со вкусом обставленное, походившее скорее на кабинет директора какой-то дизайнерской фирмы, чем на офис хироманта.

В центре кабинета стоял внушительных размеров стол, за которым сидели мужчина и женщина и что-то рассматривали на экране компьютера. Катя еще раз постучала в уже открытую дверь, чтоб привлечь к себе внимание.

— Здравствуйте, я из журнала…

— Подождите пару минут в коридоре, — ответил мужчина, не отрывая глаз от монитора.

Катя вышла и закрыла за собой дверь. Ее пульсирующее раздражение начинало нарастать. Самое отвратительное — она была совсем не уверена, что пришла по адресу, но перезванивать начальнице и уточнять координаты ей совсем не хотелось. В лучшем случае она услышала бы очередную лекцию о том, какая она бестолковая и непрофессиональная сотрудница. Она ругала себя за то, что не взяла вчера у Ларисы Аркадьевны номер телефона этого хироманта.

Теперь оставалось только ждать. Как показывал ее опыт, пара минут, о которой обычно говорят, когда просят подождать, запросто может превращаться в пару часов. А в этом коридоре не было даже стульев, и ей пришлось просто стоять под дверью, как перед кабинетом врача.

Девушка нервно поглядывала на часы. Яркая картинка, где улыбающаяся Катя мчится на велосипеде по гладкой дороге сквозь радостно похрустывающий весенний лес, становилась все более тусклой и ускользающей.

III

Когда на часах было уже 13:15, дверь, наконец, приоткрылась, из кабинета вышла женщина и, не обращая внимания на Катю, зашагала в сторону лифта. Катя колебалась, ждать ей приглашения или войти самой. Работа журналиста научила ее выбирать второй вариант, но в этот раз все разрешилось само собой. Мужчина широко распахнул перед ней дверь, приглашая в свой кабинет.

— Простите, что заставил вас ждать. Нужно было закончить с клиенткой. Присаживайтесь.

Он указал ей на черный кожаный диван, стоящий вдоль противоположной окну стены. Катя уселась и огляделась по сторонам.

Интерьер кабинета был совершенно мужским и минималистичным. Помимо упомянутого дивана и стола здесь были еще два офисных кресла, настенный шкафчик и два напольных светильника, симметрично расположенных около окна. Все это было крупным и крепким, как и сам хозяин кабинета.

На вид мужчине было около тридцати пяти, хотя, возможно, его старила короткая темная бородка, еще больше увеличивающая и без того мощный подбородок. Не добавлял очков молодости и гладко выбритый череп. Этот человек явно не испытывал проблем с тестостероном. У облегающей торс рубашки были по-цыгански расстегнуты три верхние пуговицы.

— Так как, вы сказали, вас зовут? — спросил мужчина, опершись задом на подоконник и скрестив руки на могучей груди.

При всей брутальности внешнего вида его голос, тон и манеры были приятными, как ладони хорошего массажиста.

— А я не сказала, — ответила Катя. — Вы мне не дали ничего сказать.

Мужчина ухмыльнулся, но промолчал.

— Меня зовут Екатерина Чернова. Я представляю интернет-журнал «Неон».

— Неон? Это что-то связанное с наружной рекламой? С неоновыми вывесками? Зачем вам, в таком случае, интервью с хиромантом?

— Значит, вы все-таки хиромант! — обрадовалась Катя.

— А вы шли к кому-то другому?

— Нет, просто… извините… — сбивчиво заговорила она, — я не так вас себе представляла.

— А как?

— Ой, неважно. Давайте перейдем к интервью, если вы не против. А то вы меня сейчас в краску вгоните.

— Так зачем все-таки интервью хироманта журналу, посвященному рекламе?

— «Неон» — это журнал для женщин.

— А, «не он» в смысле «она»? Забавно.

— Ну так что, начнем?

Катя включила диктофон и поставила его на стол, в данный момент деливший комнату на мужскую и женскую половины.

Он отклеился от подоконника и повернулся к окну лицом.

— Хороший вид отсюда. Я только ради него и снял этот офис.

Катя нетерпеливо заерзала на диване.

— Хотите чаю, Екатерина? — продолжал хиромант, повернувшись лицом к девушке. — Какой вы любите? Я люблю зеленый, он прекрасно тонизирует. Я очень люблю пить чай. И не люблю суету. Поэтому чай всегда пью медленно и вдумчиво.

— Кофе, если можно, — сказала она.

— Нельзя. У меня только чай.

— Тогда давайте зеленый.

— Прекрасный выбор! — одобрительно улыбнулся хиромант и щелкнул кнопкой на электрочайнике.

Катя с досадой поняла, что перспективы управиться быстро с этим собеседником стремятся к нулю.

— Дмитрий, мы можем уже начать?

— Да, конечно.

— Спасибо. Расскажите нашим читателям, что же такое хиромантия.

Дмитрий глубоко вздохнул. Было видно, что на этот вопрос ему приходится отвечать чаще, чем Кате на вопрос «Когда ты уже выйдешь замуж?».

— В обывательском представлении хиромантия — это гадание по руке. Но это не совсем верно, ведь гадание предполагает угадывание. То есть какую-то вероятность: угадал или нет. Мы же позиционируем хиромантию как естественную науку. Хотя из-за всяких гадателей и шарлатанов хиромантия до сих пор покрыта налетом мистичности.

— То есть, на самом деле никакой мистичности нет?

— Ну, как вам сказать, — загадочно заулыбался Дмитрий.

В этот момент забурлил и щелкнул чайник.

— О, вот и кипяток! — радостно воскликнул хиромант. — Давайте следующий вопрос.

— Хорошо. Какое определение могли бы дать хиромантии лично вы?

Он задумчиво открыл настенный шкафчик, вынул чашки, насыпал в них заварку, и только лишь начав лить кипяток, заговорил:

— Я думаю, что хиромантия — это, прежде всего, умение чувствовать людей, самого себя и окружающий мир. Это умение судить о состоянии человека, о причинах и следствиях происходящих с ним событий. Умение шире и глубже смотреть на мир.

— И при этом вы утверждаете, что хиромантия не мистична?

— Ну да, — снова хитро улыбаясь, ответил Дмитрий. — Вот ваш чай.

Он поставил блюдце с чашкой на стол рядом с диктофоном. Сам же взял вторую чашку и поднес ко рту, но не стал пить, а лишь только энергично подул на поверхность жидкости, пытаясь остудить.

— Не люблю кипяток, — пояснил он.

Катя взглянула на часы. Было 13:50. А она, по сути, успела задать лишь один вопрос. Картинка с мчащимся сквозь лес велосипедом постепенно стала черно-белой, как на старой выцветшей фотографии. Озорное стрекотание велосипедного механизма утихло где-то вдали, сменившись шумом городских улиц за окном офиса 909.

— Следующий вопрос, Дмитрий. Как вы стали хиромантом? Где вы учились?

— Физмат, затем физфак, кафедра ядерной физики.

— Как же это вас так забросило от ядерной физики в хиромантию?

— Почему забросило? Хиромантия — это такая же естественная наука, как и физика. Пусть даже пока это и не признано официально. Но мы над этим работаем.

— Но все же, что для вас послужило толчком, или как говорите вы — физики, импульсом для того, чтобы стать хиромантом?

Дмитрий, наконец, сделал первый глоток и поставил чашку на стол.

— Все еще горячий, — пояснил он. — Знаете, я в школе увлекался астрономией и как-то услышал, что на ладонях человека отражаются планеты Солнечной системы. Я тогда очень скептически к этому отнесся, но будучи любознательным человеком, решил лично проверить, что да как. Начал искать любые книги, журналы, статьи, заметки по этой теме, все больше и больше погружаясь в предмет изучения. И в один прекрасный момент я обнаружил себя сидящим посреди ночи в световом конусе настольной лампы за письменным столом, который был устлан книгами по хиромантии и фотографиями ладоней. И тогда я понял, что ничто другое не интересует меня так сильно, как хиромантия.

— Даже женщины? — с легкой иронией спросила Катя.

Дмитрий сделал важное многозначительное лицо, отхлебнул из чашки, оттопырив мизинец, и коротко сказал:

— Даже женщины!

Через две секунды монотонный покой офиса разорвал в клочья его басистый хохот.

IV

В следующие полчаса Катя задала еще несколько дежурных вопросов, на которые получила более чем развернутые ответы. Она узнала, что линии на руках могут меняться, в отличие от отпечатков пальцев. А следовательно, может меняться и судьба. Но не предназначение.

На улице поднялся ветер, и Дмитрий закрыл окно. В кабинете вдруг воцарилась тишина, как будто из него мгновенно откачали шум огромным насосом. Впервые с момента начала разговора Катя стала ощущать, что они здесь наедине.

Она подошла к последнему из заранее заготовленных вопросов:

— А о чем у вас чаще всего спрашивают клиенты?

Хиромант погладил бритую макушку.

— Да спрашивают всегда одно и то же. О карьере, о здоровье, о личной жизни. Женщины обязательно пытаются выяснить, сколько у них будет детей. Но за всеми этими вопросами всегда стоит одно и то же.

— Что же?

— Желание понять самого себя. Человек ощущает какое-то внутреннее противоречие, неудовлетворенность или нереализованность, но не может сам разобраться с этим.

— Прямо всегда?

— Да. Счастливые и полностью реализованные люди не приходят на прием к хироманту. Да и я, если честно, очень сомневаюсь, что такие люди есть.

— А мне кажется, счастливых людей полно, — возразила Катя.

— Человек может внешне стараться выглядеть счастливым, но при этом изнутри его съедают тревоги и скрытые переживания. Или просто детские комплексы. И порой он даже самому себе боится в этом признаться.

— У меня точно детских комплексов нет, — с улыбкой сказала Катя. — У меня прекрасные родители, которые меня очень любят.

— А кто вам сказал, что для того, чтоб привить ребенку комплекс, его обязательно нужно не любить?

— Не знаю, но это точно не про меня. Я вообще считаю себя счастливым человеком.

Хиромант ехидно улыбнулся. Кате даже показалось, что он слегка хихикнул.

— А что вы улыбаетесь? Не верите? — возмутилась она.

— Екатерина, — сказал он, глядя ей в глаза, — я вообще ничему не верю, пока не проверю сам.

— Ну так проверьте!

Она протянула к нему свои руки ладонями вверх.

Хиромант продолжал сидеть неподвижно.

— Екатерина, моя консультация платная, и на нее нужно записываться заранее, — со снисходительной улыбкой ответил он. — К тому же я сегодня уже устал.

— Ладно, — разочарованно ответила Катя и потянулась за диктофоном. — Спасибо за интервью.

Дмитрий несколько секунд громко сопел, затем шлепнул ладонью по столу.

— Ну, хорошо, давайте сюда свои руки.

Он выдвинул из-под стола кресло рядом с собой, предлагая Кате занять его.

V

— Положите руки на стол ладонями вниз и несколько минут посидите спокойно. Постарайтесь расслабиться.

С той стороны стола, где сидел Дмитрий, посередине была специальная полукруглая вставка, по-видимому, как раз предназначенная для того, чтобы класть на нее руки.

Катя уселась в кресло и сделала все так, как сказал ей хиромант. Он в очередной раз подошел к окну и минуту молча вглядывался вдаль.

— Дождь будет, — задумчиво сказал он и вернулся в кресло.

Хиромант зажег небольшую светодиодную лампу, направив ее свет на рабочий полукруг стола.

— Ну что, показывайте, — сказал он, и Катя второй раз за день почувствовала себя как на приеме у врача.

Он легко провел кончиками пальцев по ее ладоням.

— Расслабьтесь.

— Да я уже почти.

Дмитрий принялся внимательно всматриваться в линии на ее ладонях и что-то едва слышно бормотать себе под нос: «Длинный Юпитер… так… хороший холм… ага… сильная линия головы…». Его гладкий лоб от переносицы взбороздили две вертикальные морщины.

Катя в этот момент чувствовала себя так, как будто на ней совсем нет одежды. Тем не менее, желания спрятать руки у нее не возникало. Было в этом даже что-то возбуждающее.

Через минуту пристального изучения и бормотания хиромант, наконец, заговорил своим обычным размеренным тоном:

— А у вас что, целых два кота?

Катины ладони непроизвольно закрылись, как белые кувшинки перед дождем.

— Да. А как вы это?..

Хиромант самодовольно заулыбался.

— А очень просто. Покажите ладони.

Катя осторожно открылась снова.

— Указательный палец длиннее безымянного, хороший холм Юпитера, — он провел карандашом по подушечке под ее указательным пальцем, — сильная прямая линия головы, не соприкасающаяся с линией жизни. Вам от двадцати пяти до тридцати лет. В итоге имеем — два кота.

— Мне двадцать восемь, и я ничего не поняла. Как вы угадали про котов?

— Я не угадал, а вычислил! — торжественно воскликнул хиромант. — Все признаки, что я перечислил, указывают на то, что передо мной руки сильной независимой женщины. А независимость женщины измеряется в котах. Расстояние между линией жизни и линией головы в четыре миллиметра — это один кот. У вас — около восьми миллиметров, следовательно, два кота.

— Независимость женщины в котах? Это какой-то глупый гендерный стереотип!

— Поверьте, вы не первая женщина с двумя котами, которая так говорит, — сказал хиромант и рассмеялся. — Причем, я вижу, что второй кот у вас появился в районе двадцати пяти.

Катя решила в уме несложную арифметическую задачку. Ей — двадцать восемь, Балу — три года…

Как он это делает?!

— А что можете сказать про мою карьеру? — решила она сменить тему.

— Карьера у вас на первом месте, — ответил хиромант. — Не зря вы про нее первым делом спросили.

Он вынул из ящика стола какое-то небольшое приспособление со шнуром, по виду отдаленно напоминающее джойстик для компьютерных игр, и подключил его к компьютеру.

— Это сканер отпечатков пальцев, — пояснил он. — По очереди кладите на него каждый палец, начиная с левого большого.

Закончив процедуру сканирования, Дмитрий вывел уже обработанную картинку с увеличенными Катиными отпечатками на экран.

— У вас восемь петель, — сказал он, тыкая карандашом в монитор.

— Это хорошо или плохо? — взволнованно спросила Катя.

— Не бывает хороших или плохих папиллярных рисунков. Это как ваш идентификационный номер в паспорте. Он не может быть хорошим или плохим. Он просто ваш. И в нем зашифрована информация о вас.

— И что же зашифровано в восьми петлях?

— Широкий кругозор, адекватность, умение с легкостью находить общий язык с людьми и отстаивать, где надо, свои интересы. Работа журналиста-интервьюера вам хорошо подходит. Вернее, вы подходите друг другу.

— Здорово, — обрадовалась Катя.

— При этом для вас характерна эмоциональная чувствительность, — продолжал хиромант отрывистыми фразами. — Отсюда болезненное восприятие критики. Повышенная требовательность к себе. Причем, она многократно усиливается завитками на указательных пальцах. Амбиции, желание обрести статус. Блокирование личных отношений.

— Ну вот, а так все хорошо начиналось. Зачем вы все испортили?

— Я только говорю то, что вижу.

— Вы хотите сказать, что я не хочу нормальной личной жизни? Но это же неправда! Просто… просто я неудачница.

— Я вижу спад на линии сердца в районе двадцати семи-двадцати восьми лет. Вы недавно пережили расставание, поэтому сейчас немного подавлены. Вы не неудачница, просто вам требуется эмоциональная нагрузка, и когда вы не находите ее в работе, ищете ее в личной жизни.

— Но я же не ищу сама эти неудачи!

— Сознательно нет. Подсознательно да. Вы стремитесь доказать всем, что вы сильная. Поэтому притягиваете слабых. Вероятно, ваш бывший парень был маменькиным сынком.

— Давайте сделаем небольшой перерыв, — выдохнула Катя.

— Без проблем, — ответил Дмитрий. — Все равно у меня сегодня больше никого не будет. Пойду пока скажу охраннику, чтоб не закрыл нас случайно.

Хиромант вышел из кабинета, а Катя встала со стула и пошла на его излюбленное место у окна. Вид отсюда действительно был великолепный.

Ясное еще несколько часов назад небо до горизонта затянули серой пеленой косматые тучи. Начинал предательски накрапывать мелкий дождик, заставая врасплох по-летнему одетых горожан, непредусмотрительно оказавшихся на улице без зонта.

Теперь Кате уже некуда было спешить. Ее надежды на велопрогулку окончательно растаяли, как брошенная в лужу сахарная вата.

VI

Она познакомилась с Никитой два года назад. Этот высокий парень с модной стрижкой устроился фотографом в их журнал и сразу же стал эпицентром внимания в молодом женском коллективе.

Он был на год моложе Кати, и поначалу она не воспринимала его всерьез. К тому же она накануне получила долгожданную должность корреспондента и ее мысли были заняты в основном работой.

Но, как в песне Утесова, любовь нечаянно нагрянула, когда ее совсем не ждали.

Катя с Никитой получили от Ларисы Аркадьевны совместное задание: подготовить репортаж о воздухоплавателях, а заодно сделать несколько красивых снимков столицы с высоты, недоступной руферам.

Репортаж закончился тем, что Катя в наброшенной на плечи мужской куртке, затаив дыхание, любовалась закатом из корзины воздушного шара, а Никита в одной футболке обнимал ее сзади, стараясь отогреть ее замерзшие ладони.

И как тут было не влюбиться?

Катя очень хотела посмотреть на лица своих коллег, тоже претендовавших на сердце Никиты, когда бы они услышали, что Никита теперь — ее парень. Но он попросил не афишировать это на работе. «Катюша, я ведь только устроился. Не хочу проблем с начальницей из-за нашего служебного романа. Мало ли что у нее на уме», — сказал он ей тогда. И Катя согласилась.

Их свидания оставались тайными. В основном они проходили у Кати дома, в полученной от бабушки в наследство квартире. Никита в то время жил с родителями.

На работе продолжали делать вид, что они просто приятели. Наивный парень Никита тогда еще не знал, что невозможно ничего утаить, работая в женском коллективе. И вскоре их тайный роман превратился в секрет Полишинеля.

Эта ненормальность изводила Катю, и в один прекрасный день она выдвинула Никите ультиматум: «Либо мы пара официально, либо мы не пара вообще». Никита согласился, хотя и дулся еще потом несколько дней.

В редакции никто как будто и не обратил внимания, что они пришли на работу, держась за руки, и даже пару раз целовались у всех на глазах. Для всех это было абсолютно ожидаемо. Отреагировала разве что Лариса Аркадьевна: «Чернова, редакция — это вам не подъезд и не подворотня! Чтоб я больше этих лобзаний здесь не видела!» С другой стороны, какой еще реакции можно было ожидать от незамужней бездетной сорокасемилетней женщины?

Вскоре Никита переехал к Кате. Но поиграть в семейную жизнь не получилось. Почти все вечера он просиживал за видеоиграми.

— Никита, неужели нельзя найти более полезное занятие? — однажды не выдержав, спросила Катя. — Ты так всю жизнь собираешься работать фотографом в женском журнале?

— А чем плохо? Работа непыльная и на жизнь хватает, — ответил парень и отхлебнул из банки пиво.

— На какую жизнь тебе хватает?! Ты бы попробовал хотя бы свадьбы какие-нибудь фотографировать по выходным. Тебе же предлагали.

— Ай, не люблю я эту суету. К тому же в выходные надо отдыхать, а не работать.

Через несколько дней Катя нашла повод и выставила Никиту за дверь. Правда, потом еще дважды принимала обратно. Но каждый раз все повторялось вновь, несмотря на клятвы и обещания исправиться. В итоге третий раз стал последним.

Место Никиты в ее квартире заняли новые сожители: боль, отчаяние, одиночество, чувство внутренней пустоты, борьба самолюбия и желания вернуть все как было.

Оказалось, что у Кати совсем не было подруг. Была в редакции одна, Маша, с которой она хорошо общалась, но именно с этой Машей через две недели после расставания стал встречаться Никита.

«А я говорила, он тебе не пара», — сказала мама в ответ на Катины слезы. Отец только молча плюнул на палец и с громким шелестом перевернул газетный лист.

Тогда у Кати созрел план. Она добьется, сделает карьеру. Станет сначала заместителем главного редактора, а потом и главным. Докажет всем, что она сильная. Докажет Никите, что он дурак и что она лучше Маши. И посмеется над всеми свысока.

VII

— Хотите еще чаю? — услышала Катя из-за спины голос Дмитрия.

Погруженная в свои воспоминания, она не заметила, как он вошел. Небо совсем почернело, и дождь лил сплошной стеной, гулко барабаня крупными холодными каплями по жестяному отливу окна.

— Да, спасибо. В такую погоду чай просто необходим.

— У меня где-то был еще и теплый клетчатый плед, — улыбнулся хиромант.

— А вы знаете толк в борьбе со стихиями!

— Это моя работа, — абсолютно серьезно ответил он.

Пока Дмитрий возился с чайником, Катя вернулась в кресло. Она не стала придвигаться к столу, а села к нему боком. Ей хотелось, чтобы Дмитрий мог видеть ее стройные ноги. В конце концов, они так долго прятались под зимними вещами. В этом не было флирта, просто естественное желание женщины дарить свою красоту.

Из-за ливня в кабинете стало совсем темно, несмотря на дневное время. Дмитрий включил напольные светильники, представлявшие собой вертикальные полутораметровые светящиеся параллелепипеды. Помещение мгновенно наполнилось мягким рассеянным светом, и Кате вдруг стало так уютно, и она пожалела, что отказалась от пледа. Хотя плед скрыл бы ее ноги. Красиво или удобно — извечная женская дилемма.

— Не люблю верхний свет, — сказал Дмитрий, поставив на стол две чашки и усаживаясь в кресло напротив Кати. — Он необходим для физической работы, но работе мозга однозначно мешает. Большинство гениальных произведений были написаны в полумраке.

— Согласна, — коротко ответила Катя.

Дмитрий не стал уточнять, с чем именно она согласна. Он, как обычно, принялся активно дуть на чай и круговыми движениями ложечки барабанить по стенкам чашки.

— Скажите, а почему вдруг быть сильной женщиной — это плохо? — спросила Катя.

— Быть сильной — не плохо. Плохо, когда вы пытаетесь играть в игру под названием «я докажу». И вместо того, что вам действительно нужно, вы боретесь за то, чего от вас ждут другие. Или даже вам просто кажется, что от вас этого ждут. И когда вы этого добиваетесь, всем по сути все равно, и вам это тоже не нужно. Покажите вашу руку.

Катя протянула ладонь вперед. Хиромант отставил чашку в сторону и взял ее кисть в свои руки.

— У вас прямая линия головы, идущая ложечкой…

— Ложечкой?

— Да, видите на конце линии головы такой изгиб? Это влияние сильного Юпитера. Он как бы деформирует вашу личность. Излишняя жажда практических результатов, и из-за этого недостаток внимания и концентрации. Грубо говоря, амбиции давят вам на мозги и мешают жить.

— Но почему? Почему это происходит именно со мной?

Хиромант отхлебнул чай, подумал секунду и отхлебнул снова.

— Не только с вами. По моим наблюдениям, в игру «я докажу» играют минимум семьдесят процентов женщин. Причины могут быть разные, но как правило, это связано с недостатком понимания со стороны родителей, в особенности отца. Может иметь место открытый конфликт с матерью, но обида именно на отца. Иногда мать обижена на отца за то, что он, к примеру, мало зарабатывает или много пьет и неосознанно прививает эту обиду на мужчин своей дочери. Родители часто не понимают своих детей, но они не могут даже допустить мысли о том, что это непонимание — следствие их собственной зашоренности или глупости. Они видят несоответствие ребенка своим субъективным убеждениям и бросают все силы на то, чтобы его «исправить». Ребенок оказывается между двух огней: следовать своей природе или не расстраивать родителей. В итоге он либо ломается, либо становится излишне требовательным к себе и постоянно чувствует вину перед родителями за то, что он не такой, как они хотят. И часто, став взрослым, он пытается заглушить это чувство вины высокими карьерными достижениями, которые ему самому, по сути, не нужны. И вся жизнь этого человека превращается в служение амбициям своих родителей. А самое страшное, что этот человек с большой долей вероятности передаст эту модель поведения следующему поколению.

Катя долго молчала. Все это время хиромант с выражением полного умиротворения на лице пил свой чай. Затем она резко вздохнула, как будто проснувшись от кошмарного сна.

— А хотите услышать историю моих отношений с родителями? — взволнованно спросила она.

В тоне ее голоса сквозь обычную уверенность пробивалась непривычная слабость, даже в какой-то мере мольба. Ей просто необходимо было сейчас выговориться.

— Рассказывайте, — без особого энтузиазма ответил хиромант, но Кате этого было достаточно.

Она поменяла положение ног, вынудив Дмитрия непроизвольно покоситься на ее бедра, и сделала глубокий вдох, как перед погружением.

VIII

«Мне было семнадцать. Я училась в одиннадцатом классе и готовилась к поступлению в университет. Тогда я еще окончательно не решила, куда буду поступать. Но времени на размышления уже практически не оставалось.

Мама хотела, чтобы я поступала в экономический. Она ведь сама двадцать лет работала бухгалтером и говорила, что экономист в нашей стране без работы не останется. Сейчас я понимаю, что это спорное утверждение, но тогда…

А у папы не было высшего образования. Он окончил техникум и всю жизнь работал автослесарем. Мы жили не особо богато, но и не голодали. В общем, обычная семья.

Родители начали готовить меня в экономисты класса с седьмого. Заставляли даже на каникулах заниматься математикой и английским. С английским у меня еще более-менее сложились отношения, а вот с математикой у нас — взаимная неприязнь на всю жизнь.

Я любила читать. Просто обожала литературу. Я и сейчас ее обожаю. Читала в любую свободную минуту. Говорила родителям, что иду спать, а сама тихонечко в комнате зачитывалась до глубокой ночи. Читала все подряд. Взахлеб.

Мама ругалась, когда видела меня с книгой. «Ты опять с книжкой? Лучше бы геометрию подтянула, если так много свободного времени». Приходилось прятать книги. Тогда ведь не было гаджетов — только бумажные издания.

В одиннадцатом классе я влюбилась в Довлатова. Мне захотелось, как он, стать журналистом. Писать о людях, о событиях, об эпохе, вообще обо всем. Но как было сказать об этом родителям? Они ведь столько вложили в меня труда. Наняли репетитора по математике.

Но от мысли, что я всю жизнь буду экономистом, меня начинало просто трясти.

Назревал серьезный разговор с родителями, но я, как могла, стремилась его избежать. Хоть и понимала, что это невозможно.

Однажды вечером в конце зимы мы сидели на кухне, ужинали. Папа, как обычно, читал газету. Мама сначала несколько раз громко вздохнула, видимо, пытаясь привлечь его внимание. А когда ей это не удалось, прямо обратилась к нему:

— Валера, ты не хочешь поговорить со своей дочкой о ее будущем?

Папа нехотя отложил газету и посмотрел на маму. Вид у нее был решительный. Я поняла, что это сговор и что меня сейчас припрут к стенке. А если буду сопротивляться, то и размажут, как паштет по бутерброду. Но сдаваться просто так я была не готова.

Я пыталась изо всех сил сохранять спокойствие, но внутри меня все сжималось и колотилось.

— Катя, ты уже определилась, куда будешь поступать? — начал папа довольно спокойным тоном.

Взгляды родителей уперлись в меня, как ружья расстрельного отряда. Бежать было некуда. Я изо всех сил старалась не заплакать.

Я сказала, что хочу попробовать поступить на журфак. Мама сделала такое лицо, как будто я призналась, что хочу работать в борделе.

— Но мы ведь думали, что ты будешь поступать на экономиста, — продолжал папа уже более строго.

— Почему вы так думали? — спросила я.

Папа немного стушевался, но мама снова хлестнула его решительным взглядом.

— Мы ведь уже несколько лет тебя готовим к этому. Это нужная, востребованная специальность, которая хорошо тебе подходит.

— А почему вы решаете, что мне подходит, а что нет? — сдерживаясь из последних сил, выдавила я из себя.

Тут уже не выдержала мама:

— Потому что мы твои родители, а ты еще никто! Мы, слава богу, больше на свете прожили, чем ты, и больше понимаем. Пора тебе стать ногами на землю! Экономист всегда работу найдет. А журналист что? Сегодня написал что-то не то, а завтра — газету твою закрыли. Мы тебя до пенсии содержать не сможем.

— Я сама смогу себя содержать!

— Все, я сказала! Когда сможешь, тогда и делай что хочешь. А сейчас, будь добра, слушай родителей! Разговор окончен.

В этот момент я больше не смогла сдерживаться и разревелась. Мама отвела взгляд в сторону, а папа сидел с растерянным видом и пялился в свою тарелку.

Я закрыла лицо руками и побежала в свою комнату. Слышала, как папа на кухне сказал: «Зря ты так жестко с ней». А мама ответила: «Ничего, пускай поревет. Полезно иногда».

Помню, я всю ночь тогда проплакала. Где во мне столько слез поместилось, не знаю. Но было очень обидно, что мои самые родные люди объединились против меня».

IX

Хиромант протянул Кате упаковку бумажных платков.

— Спасибо, — всхлипывая, сказала она и аккуратно промокнула нижние веки. — Извините, что я вынуждаю вас это видеть.

— Ничего, — с теплой улыбкой ответил Дмитрий, — мне не впервой видеть плач на своей работе.

— Тяжелая у вас работа, — улыбаясь сквозь слезы, сказала Катя.

— Очень тяжелая, — с важным видом ответил хиромант и потянулся в кресле.

— А вот знаете, — продолжала Катя, — так приятно, когда тебя кто-то слушает. Я на своей работе, беря интервью, привыкла только слушать других, а тут вы меня выслушали. Спасибо вам большое.

Стихия за окном утихла, и сквозь неплотные облака робко пробивались нежные лучи юного весеннего солнца. Триллионы фотонов преодолели расстояние в сто пятьдесят миллионов километров, чтобы, просочившись сквозь земную атмосферу и двухкамерный стеклопакет, упасть на Катину румяную щеку и вынудить ее прищурить правый глаз.

Ее слегка вспухшее от слез лицо, обласканное нежным солнечным светом, стало по-детски искренним и чистым. Дмитрий не сдержался и стер с ее гладкой щеки убежавшую от платка одинокую слезинку. Он и вправду не раз видел слезы на своих консультациях, но ему впервые захотелось обнять и утешить источник этих слез. Но он решил, что сделать это было бы проявлением непрофессионализма.

Чтобы не искушаться, он встал с кресла и, обойдя стол, присел на диван. Кабинет снова оказался разделенным на женскую и мужскую половины, только Инь и Янь теперь поменялись местами.

— Я дам вам несколько советов, как бороться с негативным влиянием доминирующего Юпитера, — заговорил он. — Вы готовы запоминать?

— Дмитрий, я сейчас вообще не в состоянии что-либо запомнить, — извиняющимся тоном ответила Катя.

— У вас же есть диктофон. Можете записать.

— А знаете что, быть может, мы сможем с вами встретиться как-нибудь? Например, завтра. Я буду в более спокойном состоянии, и вы мне уже все подробно расскажете. Вы можете завтра?

— Завтра это здание будет закрыто. Воскресенье же, — ответил Дмитрий.

Катя слегка огорчилась недогадливости хироманта. Или тому, что он хотел показаться недогадливым.

— Есть на улице Ленина замечательное кафе «Чемодан», — напирала она. — Там подают изумительный чай. Вы же любите чай.

— Люблю.

— Ну вот. Давайте сходим.

— Ну, хорошо, — лицо хироманта расплылось в улыбке. — Оригинальный, конечно, у вас способ приглашать на свидания.

— Как умею. Я же девочка, — ответила Катя, и они синхронно рассмеялись.

X

Балу и Портос мгновенно отреагировали на скрежет ключа в замочной скважине. И пока их хозяйка открывала входную дверь, они уже нетерпеливо топтались в прихожей, приветственно тряся вздыбленными хвостами. За те шесть секунд, пока Катя снимала туфли с пульсирующих от усталости ног, Портос успел погрузить свою наглую рыжую морду вместе с ушами в пакет с продуктами. Балу, как обычно, сначала потерся о ноги хозяйки, затем последовал примеру старшего товарища.

Катя поняла, что прилечь сразу ей не удастся — нужно немедленно кормить парней. А она действительно устала. Несмотря на каблуки, часть маршрута от офиса Дмитрия до дома она решила пройти пешком. Ей нужно было переварить то новое, что она узнала о себе и своей жизни в этот день.

Благо, погода располагала к прогулкам. Влажная свежесть разреженного воздуха и сладкий аромат цветущих каштанов наполняли ее душу легкостью и предвкушением чего-то яркого и незабываемого, как те летние каникулы с родителями в Крыму в девяносто шестом.

Катя наполнила две тарелки кошачьей едой, и пока ее сожители активно уплетали, недоверчиво косясь друг на друга, она пошла в спальню, разделась догола и на несколько секунд застыла перед зеркалом. Она внимательно осмотрела свое тело: прямая аристократическая шея, родинка на правом плече, небольшая, но высокая грудь, плоский живот с тонким шрамом после аппендицита, чуть выпирающие вперед дуги таза, округлые бедра, темный треугольник волос, стройные ноги с изящными коленками, узкие щиколотки. «Не так уж и плохо для почти тридцатилетней», — сказала она своему отражению и, улыбаясь, пошагала в ванную.

В этот вечер Катя изменила себе и не стала засиживаться допоздна. Она приучила себя набирать текстовую версию интервью в тот же день, когда оно было записано, но сегодня решила немного отступить от правил. Вернее, совсем отступить. Она с наслаждением съела купленное по дороге домой мороженое, что тоже позволяла себе совсем нечасто, и едва часовая стрелка доползла до десятки, упаковалась в любимую пижаму и улеглась с книгой в постель. Она до сих пор не могла привыкнуть пользоваться гаджетами, предпочитая живые книги с их настоящим шелестом, запахом и легкой шероховатостью страниц.

Балу устроился, прижавшись к ее левому боку. Портос раскатисто мурлыкал где-то в ногах, распространяя вибрации по всей кровати.

Катя успела прочесть всего дюжину страниц, как ее начало неумолимо клонить в сон. Она погасила настольную лампу, отыскала удобное положение и мгновенно провалилась в объятия Морфея.

В последнее время она редко видела сны. Видимо, из-за того, что мало спала. Но в ту ночь Морфей решил последовать Катиному примеру и тоже нарушил правила.

Вот Катя парит в каком-то темном замкнутом пространстве. Ей тепло, комфортно и спокойно. Она начинает активно моргать, чтобы глаза быстрее привыкли к темноте. Все пространство заполнено прозрачной жидкостью, но она не задыхается. Ей вообще не нужно дышать. Медленно появляется чувство гравитации. Катя понимает, что она расположена вниз головой, но ее это нисколько не беспокоит. Все вокруг и она сама наполнено покоем и умиротворением. Она чувствует себя частью единого окружающего мира.

По мере того, как глаза получают способность видеть во мраке, она осматривает себя. Вот из темноты появились ее руки с утренним темно-синим маникюром. Вот она уже видит свою грудь, колени, которые почему-то прижаты к груди. Никакой одежды на ней нет. Из живота тянется в бесконечную темноту странная розовая трубка. Катя хочет потрогать ее рукой, но пошевелиться ей не так-то просто — оказывается, здесь очень мало места. Она дергается сильнее, чтобы высвободиться.

«Тише, тише, малыш», — звучит очень знакомый, но немного необычный голос. И доносится он непонятно откуда, как будто отовсюду сразу. Он везде, заполняет все собой: и эту темную Катину обитель, и саму Катю. Но она не может понять, чей это голос, и мучительно пытается вспомнить.

«Толкается?» — звучит уже другой, но тоже знакомый голос. На этот раз он звучит извне, и Катя узнает его. Это голос покойной бабушки.

«Уже дите толкается вовсю, а Валерка-то твой жениться собирается или силой его в ЗАГС тащить?» — продолжает голос снаружи.

«Никого не нужно тащить, мама. Мы уже все решили: рожу и потом спокойно распишемся».

«Решили они! Ты смотри, я тебя одна растила — не иди по моим стопам, не потянешь ты. Дал бог ума залететь от слесаря!»

«Мама! Ну не говори так!»

«Не мамкай! Кому ты сейчас в своем театральном нужна будешь после декретного? Чем на жизнь зарабатывать будешь? Или думаешь, слесарь твой вас с ребенком прокормит?»

«Найду работу. Пойду на курсы бухгалтеров — сейчас на них спрос есть. Да и Валера не всю жизнь слесарем будет».

«Ой, дочка, дай-то Бог!»

Голоса умолкают, и Катя несколько секунд вслушивается в тишину — вдруг они просто стали тише. Но голосов больше не слышно. Зато она отчетливо слышит стук сердца откуда-то сверху. Он нарастает и становится все громче, таким невыносимо громким, что уже пульсирует у Кати в голове, как будто кто-то лупит в барабан у нее между ушей. Она дергается и трясет головой, пытаясь освободиться от назойливого шума. Силится закричать, но не может — голоса у нее просто нет.

Вдруг первый — тот очень родной, но неузнаваемый — голос начинает тихонько напевать:

«У кота ли у кота
Колыбелька золота?
У дитяти моего
Есть покраше его».

Стук постепенно ослабевает и замедляется. Окружающий мир снова неспешно наполняется умиротворением и негой.

«У кота ли у кота
Периночка пухова?
У дитяти моего
Есть помягче его».

Катя полностью расслабляется и пропускает этот голос внутрь себя. Ее больше ничто не беспокоит, и она перестает ощущать течение времени.

«У кота ли у кота
Одеяльце шелково?
У дитяти моего
Есть получше его».

Но постепенно сквозь мягкое пение этого голоса начинает пробиваться извне другая мелодия. Она становится все более громкой и назойливой, пока Катя не понимает, что это звонит ее телефон.

XI

— Алло, — промямлила девушка вялым после сна голосом.

— Чернова, я собираюсь опубликовать интервью с хиромантом завтра до обеда, — как всегда минуя приветствие, перешла к делу начальница. — Так что не загуливайтесь сегодня. Завтра в девять утра электронная версия должна быть у меня на почте.

Катя попыталась быстро собрать разбросанные по спальне мысли. Настенные часы показывали восемь утра. Биологические часы подсказывали, что сегодня воскресенье.

Балу и Портос вопросительно смотрели на нее в четыре кошачьих глаза, как бы спрашивая: «И ты это стерпишь?»

Она уселась на кровати, кашлянула, чтобы прочистить горло, вдохнула воздуха глубоко в легкие и нарочито низким грудным голосом совершенно спокойно произнесла:

— Лариса Аркадьевна, сегодня воскресенье, а это значит, что у меня сегодня выходной. И я не могу к завтрашнему утру подготовить интервью к публикации, потому что у меня сегодня свидание. А даже если бы и могла, то не стала бы, потому что сегодня воскресенье и я хочу отдохнуть. Может быть, завтра к вечеру что-нибудь и будет готово, а пока так.

Несколько секунд тишина в трубке переваривала услышанное, затем прервалась ядовитым голосом начальницы:

— Чернова, удивительно слышать это от вас. Вы, видимо, еще не до конца проснулись и не отдаете себе отчета в том, что сейчас ставите под угрозу не только свое повышение, но и работу в нашем журнале вообще.

— Я все прекрасно осознаю, — ответила тем же безэмоциональным голосом Катя. — Без работы я не останусь, меня уже давно «Шпильки» к себе зовут. А без должности... как-нибудь проживу.

— Смотрите сами, — фыркнула начальница и положила трубку.

Катя откинулась на подушки и, раскинув руки в стороны, как распятая на кресте, закрыла глаза. Испуганные резким пробуждением мысли снова тихонечко разбрелись по углам.

Через несколько секунд Катя почувствовала, как кошачьи лапы мягко встали на подушку рядом с ее лицом, а влажный кошачий нос стал аккуратно тыкаться в ее щеку, при этом нестерпимо щекоча ее жесткими усами.

— Балу, прекрати! — сказала Катя и открыла глаза.

Над ней склонилась рыжая морда Портоса. Кот смотрел ей в глаза, будто силясь сказать: «Не волнуйся, все будет хорошо!»

Катя осторожно погладила пушистую рыжую спину. Портос не только не увернулся, что всегда делал при попытке к нему притронуться, но даже запустил свой мур-генератор.

Снова зазвонил телефон. Катя взглянула на экран — начальница. Взгляд Портоса был твердым и уверенным: «Давай, разорви ее, как бумажный бантик на нитке!»

Катя нажала «Принять», и не успела она открыть рот, как из трубки послышался голос Ларисы Аркадьевны, который показался Кате необычно мягким:

— Екатерина, я думаю, мы обе немного погорячились, — извиняющийся тон был ей непривычен и давался нелегко. — Сбросьте мне, пожалуйста, на почту аудиоверсию интервью, я поручу кому-нибудь набрать. А сами возьмите завтра оплачиваемый выходной, отдохните. Во вторник вы вступаете в должность заместителя главного редактора.

— Хорошо, — только и смогла ответить изумленная Катя.

— До свидания, — сказала начальница и отключилась.

— До свидания, — ответила Катя уже коротким гудкам.

Она встала с кровати, сладко потянулась и неспешно поплыла в ванную. Из зеркала над умывальником ей улыбалась молодая, цветущая, еще немного сонная и уже немного влюбленная девушка с растрепанными волосами.

— Ну, привет, — сказала ей Катя. — Сегодня у нас будет хороший день.

Людмила КЛОЧКО

Еще немного подожди

* * *

Когда уходит тот, кто не пришел,
Я чувствую абсурдность обещаний.
Я начинаю говорить с вещами
И видеть всех насквозь и голышом…

Когда, не открываясь, хлопнет дверь,
Я запираю вздрогнувшую душу.
Я начинаю слишком чутко слушать,
Как будто я не женщина, а зверь…

Когда обижен тот, кто виноват,
Я отмечаю слабость превосходства.
Я начинаю в разном видеть сходство
И озираться в поисках преград…

Когда смеется тот, кто стал смешон,
Я понимаю глубину насмешек!
Я начинаю вглядываться в пешек:
Последний ход без логики решен…

Когда уходит тот, кто не пришел…

* * *

Стучали колеса: вперед! Вперед!
Я думала только: уснуть. Уснуть.
На рельсах зеленой судьбы налет.
Железная воля — железный путь.

А если ты поезд догнать не смог,
То ты догонять его не хотел…
Я слушала стуки сердец и ног.
И кто-то шептал, а один — храпел.

Попутчиков жизнь моя не берет…
Дорога, дорога… Стакан и чай.
Стучали колеса: вперед! Вперед!
И сердце стучало: прощай… Прощай…

* * *

Сегодня целый день прошел —
Как будто не был…
Как окунаться хорошо
Из окон — в небо…

И не держаться своего
Простого быта.
Проснуться ночью от того,
Что все забыто.

А после лечь не умирать,
А отоспаться.
И чемодан упаковать —
И не остаться…

По линии береговой
Пойти куда-то.
И захлебнуться синевой —
До невозврата…

Там будут эти же глаза
И руки эти…
И алыча, и бирюза,
И все на свете!

И будут небеса, и штиль,
И голос бога…
Еще немного подожди…
Еще немного…

* * *

Мне не надо ни денег ваших,
Мне не надо ни страсти вашей…
Для меня очень разум важен
И немножко важны слова…

Все слова! И пустые даже…
Этот мир и смешон, и страшен!
Все судьба мне потом покажет,
Для чего я еще слаба…

Пусть она поведет умело!
Кое-что я всю жизнь умела…
Я писала — рука немела…
Я писала, закрыв глаза…

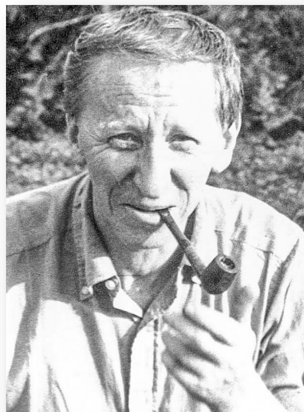
И ни разу не надоело!
Так горит не работа — дело!
Я все делала что хотела…
Так зачем мне смотреть назад?

Там такой же туман и звезды…
Там полеты мои и гнезда…
Озираться смешно и поздно.
Оборачиваться — меж дней…

Я и раньше бывала взрослой!
Мне казалось, что это просто…
А сейчас я повыше ростом…
Может, стало душе видней?

Но откуда тогда тревога?
Жизни — мало… И жизни — много…
Ни чертей не прошу, ни бога
Не добавить и не отнять…

Все равно мне не хватит срока!
От порога и до порога —
Вся кривая моя дорога…
Я не буду на ней стоять…



Джо АЛЕКС

*Ты всего лишь Дьявол**

Роман

Глава IX

Художник и бегунья

Джо взял Джилберна под руку, и они продолжили прогулку под деревьями...

— Что вы еще можете мне сказать о прислуге в Норфорд Мэнор?

— Немногое. Садовник Филд, о котором только что упомянула Синди, это старый добряк, чьим единственным недостатком являются периодические выпивки. Но он делает это настолько тактично, что никому не причиняет хлопот. Просто время от времени он по воскресеньям берет с собой бутылку виски, отправляется в лес и там, в одиночестве, выпивает ее. Потом отсыпается на лоне природы и вечером возвращается в свой домик. Такого рода походы бывают у него лишь несколько раз в году. А вообще это тихий и добрый человек, который очень любит цветы и Джоан Робинсон. Когда она еще была ребенком, он учил ее тайнам рассаживания, поливки и прополки цветов и овощей. Джоан тоже его очень любит, и сколько раз она бывает в Норфорде, столько раз старый Филд напивается в лесу гораздо лучшим сортом виски, чем он мог бы купить за свои деньги. Кроме того, в доме уже много лет работает кухарка Марта Коули, женщина розовая, полная, в меру тупая и набожная, которая отлично готовит и читает бульварные романы о любви и проблемах аристократов. У нее есть муж и взрослый сын, которые живут в деревне Норфорд, но она заглядывает к ним редко, а они к ней — еще реже. Слуга Джозеф Райс — бывший лакей Джекоба Эклстоуна, полжизни провел с хозяином в колониях. После смерти своего патрона он вернулся на родину и с тех пор живет здесь, находится в распоряжении Ирвинга и, несмотря на свой возраст, заботится о нем, как о маленьком ребенке. Кажется, все...

— А врач и медсестра?

Прежде чем сэр Александр успел ответить, из-за поворота выбежала девушка, одетая в белый спортивный костюм. Даже в полумраке было видно, что бежит она мягко и легко, как молодое животное, не отдающее себе отчета в том, что ускорение движения требует каких-то усилий. Увидев их, она замедлила бег и остановилась.

— Добрый вечер, дядя Александр! Как хорошо, что ты уже приехал! — Она невольно взглянула на Алекса.

— Это мистер Джеймс Коттон, мой друг, — сказал Джилберн и, указывая на девушку, добавил: — миссис Джоан Робинсон.

Джо Алекс поклонился.

---

* Продолжение. Начало в № 9 за 2016 г.

— Я восхищался вами много раз, — сказал он с улыбкой, — должно быть, это большое удовольствие — опережать других.

— И большое огорчение, когда это не удается, — Джоан рассмеялась. Она была высокая, худощавая и очень красивая. Ее светлые, почти белые волосы были подстрижены очень коротко, в манере, которую так любили древнеримские юноши. Джоан обратилась к сэру Александру: — Может, наконец, нам удастся собрать четверку партнеров для бриджа завтра или в воскресенье?

— У меня гость, — Джилберн вопросительно посмотрел на Алекса. Девушка тоже перевела на него свой взгляд. Хотя в эту минуту она как бы стояла на месте, ее ноги двигались почти незаметно в мягком, свободном ритме, будто где-то в глубине леса звучала неслышимая никем другим музыка.

— Вы играете в бридж? — спросила она у Джо с той непосредственностью, которую ее бабушка посчитала бы, вероятно, бестактной.

— Да... — Джо склонил голову. — Мы, адвокаты, почти все играем. Разыгрывание карточной партии иногда даже напоминает наши профессиональные дела.

— Это для меня слишком сложно! — Джоан рассмеялась. — Должна ли я это понимать так, что вы присоединитесь к нам? Мы бы сыграли вчетвером: вы, дядя Александр, Николас — это мой муж — и я. Без этого ужасного доктора, который играет хуже всех в мире! Ты согласен, дядя? Отвечай скорее, я должна бежать. Мне нужно еще немного побегать и пару минут заняться гимнастикой перед ужином.

— Я думаю, у нас все получится, — улыбнулся Джилберн.

— Прекрасно. Не говорю «до свидания», потому что через несколько минут буду бежать обратно. Уже совсем стемнело...

И она побежала легким длинным шагом, стремительно ускоряя бег перед поворотом.

— Симпатичная девушка, — сказал Джо, когда она исчезла.

— Да. Она очень мила. Если бы она еще была хоть немного умнее... — Джилберн вздохнул. — Я опасаюсь, что со школьных времен она не прочла ни одной книги, кроме разве что нескольких детективов… то есть, я хотел сказать...

— Вы хотели сказать, что вспомнили о деятельности, из которой извлекает доходы ваш гость! — рассмеялся Джо. — Нет, нет, я не обиделся... — Он склонился к уху Джилберна и прошептал: — Я ненавижу детективные романы! Не-на-ви-жу, — он опять рассмеялся. — Если бы только мне перестали за них платить! И если бы я умел делать что-нибудь другое! Но вернемся к нашим баранам. Мы говорили, кажется, о медсестре и док...

И снова Джо не удалось услышать, что думает сэр Александр об опекунах старой леди Эклстоун. Дорога, которая шла вверх все круче, повернула, и перед их глазами внезапно возник Норфорд Мэнор, стоящий высоко, на краю широкой, усаженной столетними деревьями аллеи, которая поднималась наискосок к дому двумя слегка скошенными террасами.

— Вот это и есть то место, о котором мы говорили. Но вы спрашивали меня о медицинской сестре. Ее зовут Агнес Стоун, и она...

Прямо рядом с ними из леса на дорогу вышел высокий молодой человек, одетый в свободный пунцовый свитер и черные вельветовые брюки. Сандалии на его ногах держались всего на двух полосках, крест-накрест оплетающих пальцы. Свободно висящие подошвы зашлепали, когда он вышел на дорогу, и может, именно поэтому Джо обратил на них внимание, прежде чем посмотреть в лицо человеку. А было это лицо с ярко выраженными мужскими чертами, высоким открытым лбом и энергично очерченным прямоугольным подбородком. Блеск умных серых глаз гасила,

однако, красная, как кровь, шевелюра. Даже при этом сумеречном освещении Алекс признал про себя, что это самые красные волосы из всех, которые ему когда-либо до сих пор приходилось видеть. В правой руке молодой человек осторожно нес полотно, натянутое на узкий подрамник, а в левой — нечто, на первый взгляд напоминающее складной штатив для фотоаппарата, только более сложной конструкции. Большая коробка из необработанного дерева, вся выпачканная красками, свисала на кожаном ремне, переброшенном через плечо.

— Добрый вечер, сэр Александр! — улыбнулся молодой человек и остановился возле них.

— Мистер Коттон. Мистер Робинсон, — представил Джилберн мужчин друг другу. — Мистер Коттон тоже демонолог, как и Ирвинг, — прибавил он, — хотя не относится к этому как к профессии. По образованию он юрист, как и я.

— Хорошо хоть так! — воскликнул Николас с несколько комической поспешностью. — Еще один профессиональный маньяк в этой округе, и я вовсе не удивлюсь, если добрый Господь Бог придет к выводу, что пора, наконец, со всем этим покончить, и шарахнет первой попавшейся молнией в эту старую развалину! Как только Ирвинг узнает, что вас интересуют черти, он немедленно сядет на метлу и прилетит в Велли Хауз, чтобы заключить с вами братский союз. А потом вы уже никогда от него не отвяжетесь. Это жуткий человек.

Джо не ответил, чувствуя, что ничего из того, что он мог бы сказать, не будет уместным.

— Неужели снова какой-нибудь маленький семейный разлад? — улыбнулся Джилберн.

— Разлад?! Разлад — это единственная форма ладить с ним! — Николас яростно тряхнул предметом, который держал в руках. — Если бы он не был отцом Джоан..! И если бы она так не любила это место! И если бы я сам так не любил здесь работать! Меня бы здесь никогда не увидели! Представляете, сегодня, во время ланча... — он внезапно умолк. — Однако, зачем втягивать в это дело ни в чем не повинных посторонних людей... — Он улыбнулся Алексу, и Джо сразу понял, почему Джоан Эклстоун вышла замуж за этого рыжего. Улыбка Николаса была разоружающей, невинной и обаятельной, как улыбка юной девушки. — Достаточно того, что вам самому придется его повидать...

— Это будет для меня большая честь, — успел, наконец, ввернуть Алекс. — Сэр Ирвинг Эклстоун известен как подлинный авторитет.

— О, разумеется! Авторитет в области науки, которая почти никого, кроме него самого, не интересует, а ее основы еще более абстрактны, чем мои скромные картинки. Я, по крайней мере, знаю, чего хочу от цвета и пространства. А он? Я не знаю, зачем вообще живут такие люди! Разве только для того, чтобы портить другим радость общения с природой в их родном отечестве! Его необходимо выселить на экватор, чтобы он изучал там обычаи негритянских колдунов. Он был бы очень счастлив. Не говоря уже обо мне! Нет, вы представляете?! Сегодня он сказал, что мои картины напоминают ему те знаменитые линии, которые чертили приговоренные к смерти ведьмы на стенах темницы замка Галтберг! Нет, вы только подумайте! Знаменитые линии! Да кто об этих линиях слышал? Кто вообще слышал о замке Галтберг? Кто слышал о нем, об Ирвинге Эклстоуне, кроме него самого и нескольких таких же, как он... — Николас умолк и снова рассмеялся. — Извините меня!

И опять у Джо возникло впечатление, что с ним говорит не взрослый мужчина, а десятилетний мальчик, который спохватился, что допустил бестактность...

«Всемирная литература» в «Немане»

— Должно быть, я веду себя недопустимо, — сказал Николас, улыбаясь. — Но этот человек выводит меня из равновесия. К счастью, когда я зол, я рисую гораздо лучше. Если бы я его убил, я бы, наверно, стал действительно неплохим художником!

— И что же ты ответил на его замечание об этих линиях? — спросил сэр Александр.

— Ничего! И вот это — самое худшее! Я молча проглотил этот замок Галтберг и закусил салатом... О, Джоан! — он посмотрел на темную дорогу за их спиной.

Она подбежала и остановилась, дыша немного чаще, но — ни следа усталости.

— Я надеюсь, вы не воспринимаете всерьез все, что говорит мой муж о моем отце! — И она снова рассмеялась весело и безмятежно, полная распирающей ее радости жизни.

— Откуда ты знаешь, что я говорил о твоем отце?

— После того, что он сказал сегодня за ланчем, я знала, что, встретив дядю Александра, ты не выдержишь и расскажешь ему обо всем. — Она обратилась к Джилберну: — Отец сказал, что его картины напоминают...

— О, я уже говорил об этом! Может, хватит на сегодня бегать? Что за поразительное увлечение, которое заключается в многомесячных тренировках и лишениях ради того, чтобы в течение десяти или одиннадцати секунд двигаться чуть быстрее, чем несколько других девушек?!

— Любая победа не длится дольше, — Джоан взяла мужа под руку. — И тут я, по крайней мере, наверняка буду знать, что я первая, вторая или третья. А ты до конца своей жизни не будешь знать, делаешь ли ты именно то, о чем мечтал, или находишься в процессе совершения какой-то ошибки, из которой потом многими месяцами будешь выбираться, отыскивая пути для отступления. А может, я просто люблю выигрывать! — Она рассмеялась. — Ну, так вы идете к нам?

— Нет, — Джилберн покачал головой. — Твой отец еще не знает о приезде мистера Коттона, и вероятно, он сейчас занят. Завтра утром я позвоню ему.

— Да, он сидит в своей пещере, — Николас указал рукой на угловое окно дома, в котором зажегся свет. — Если шторы закрыты днем, это значит, что он работает. Он не выносит дневного света! И такой человек пытается говорить о живописи!

— Николас! — сказала девушка с нарочитой строгостью, хотя в ее голосе не было гнева. — Если вы не идете, будем прощаться. А завтра или послезавтра давайте соберемся на партию в бридж. Может, в воскресенье, ладно?.. После ланча я целых три часа не тренируюсь. Таким образом, если вас это устраивает, а Николас не убежит от меня на натуру...

Алекс поклонился.

— Прекрасно! — Джилберн помахал ей рукой. — Завтра я позвоню твоему отцу, а потом условимся точнее. Я думаю, после ланча в воскресенье — это подходящее время. Праздничный день в деревне ужасен, если его чем-нибудь не разнообразить. Спокойной ночи!

Они направились обратно. Спустя некоторое время Джо сказал:

— Кажется, между тестем и зятем отнюдь не процветает семейная любовь, которая является даром бессмертных богов?

— Решительно нет! К счастью, они редко видятся. Старая леди Элизабет тоже не жаловала Николаса особой симпатией.

— А ведь на первый взгляд кажется, что этого молодого человека должны любить все.

— Да. Я сам, впрочем, очень его люблю. Но история его супружества с Джоан, как бы это сказать... очень современна. Они вступили в брак три

«Всемирная литература» в «Нёмане»

года назад, и тогда это всех совершенно ошеломило. Джоан отправилась в Лондон навестить одну из своих подруг по пансионату, нынче молодую поэтессу... Старая леди не усмотрела в этой поездке ничего дурного. Впрочем, Джоан тогда исполнилось восемнадцать лет, и она была уже взрослой, хотя никто не принимал этого всерьез, быть может, потому, что бег, как на него ни смотри — увлечение больше школьного возраста. И вот Джоан в субботу утром уехала в Лондон, а в понедельник вечером вернулась замужней. Мужа она с собой не привезла, а лишь приехала за своими личными вещами. Она спокойно заявила, что ее избранник — гениальный художник, что она его любит, а кроме того, ей ничего не нужно ни от отца, ни от бабушки: она совершеннолетняя, и они могут отнестись к ее решению как им будет угодно. Впрочем, она уже замужем. На вопрос, как давно она знает своего мужа и почему он не бывал в ее доме, она ответила, что ему было бы трудно это сделать, поскольку они познакомились лишь в субботу, и стало быть, ему пришлось бы заранее предвидеть это знакомство. В первую минуту отец и бабушка решили, что это шутка. Однако они перестали так думать, когда девушка показала брачное свидетельство и заявила, что отныне ее зовут Джоан Робинсон. Тогда бабушка пришла в отчаяние и страшно рассердилась. А прошу мне верить — гнев старой леди Элизабет действительно ужасен для человека, который его на себя навлек. Но коса нашла на камень. Я присутствовал при этом. Леди Элизабет сидела прикованная к своему креслу на колесиках и извергала пламя, как артиллерийская батарея, а Джоан стояла перед ней очень бледная, но совершенно спокойная, а когда бабушка на секунду замолкала, чтобы перевести дыхание, девушка повторяла одно и то же: она его любит и она его жена. Ирвинг стоял рядом и не знал, как себя вести, потому что все, что он может обдумать и сказать в течение часа, его мать высказывает за полминуты. Наконец Джоан повернулась на каблуках и без единого слова вышла. И сразу же уехала.

— Чем же все это кончилось?

— Кончилось тем, что все прогнозы бабушки оказались ошибочными. Джоан и Николас любят друг друга, как голубки, уже три года и не могут жить друг без друга, хотя у них различные интересы. Но что характерно для бабушки Эклстоун: когда она исчерпала все возможные способы расстроить этот брак, она провела тщательное тайное расследование (в которое меня тоже втянула) и негласно, оставаясь в глубокой тени, организовала карьеру Николаса. По мнению многих критиков, он очень способный художник. Но вы ведь знаете, как много способных художников умирает от голода в своих мансардах. Недостаточно одного умения что-то делать, надо, чтобы люди узнали об этом, причем узнали из авторитетных источников. Богатство Эклстоунов было использовано так деликатно, что ни Джоан, ни Николас не имеют об этом понятия. Даже Ирвинг не отдает себе в этом отчета. Во всяком случае, в очень короткий срок Николас Робинсон собрал множество превосходных рецензий, одна из ведущих галерей предложила устроить выставку его произведений, а доходы этого молодого человека возросли в течение года примерно в тысячу раз. Поскольку я сам принимал участие в этой операции, должен сказать, что я узнал многое насчет критики и выдвижения ею новых талантов. Не знаю, смеяться или плакать, когда выясняется, какие критерии кроются на дне этих дел и как мало общего они имеют с тем, что думает публика. Но публика существует для того, чтобы вводить ее в заблуждение, и кажется, она сама этого хочет. В случае с Николасом, впрочем, многие незаинтересованные знатоки высказываются о нем самым лучшим образом... Но его взаимоотношения со старой леди приобрели другой оборот. Николас приехал сюда лишь спустя год после супружества с Джоан. Она тоже тогда появилась здесь впервые после той

«Всемирная литература» в «Нёмане»

памятной ссоры. Произошло это незадолго перед окончательным ударом паралича, который превратил старую леди в то, чем она является сегодня. Я боюсь, что, как одежда Николаса, так и его манера поведения, подействовали на бабушку весьма отрицательно. Но не это было самое главное. Удар был нанесен с другой стороны. Миссис Элизабет, воспитанная в елизаветинской традиции, считала, что дети являются первейшей священной обязанностью женщины и ее величайшей радостью. Тем временем, за обедом, Джоан сказала, что не хочет иметь детей в ближайшие годы, потому что это нарушило бы все ее планы, а она намерена и должна стать обладательницей золотой олимпийской медали. Бабушка на это не сказала ни слова. Но что еще хуже, Николас мимоходом заметил, что каждый день благодарит Бога за рассудок своей жены, ибо он детей вообще никогда не хочет иметь и просто не выносит их вида. При этом он добавил, что производство будущих покойников, чья короткая жизнь состоит обычно из забот и страхов в бесконечно большей степени, чем из радостей и наслаждений, является преступлением, за которое он не хочет нести ответственности. И на это тоже бабушка Эклстоун не отозвалась ни единым словом. Но мне кажется, что именно в этот момент оборвалась нить, которая связывала ее с внучкой. Для Элизабет Эклстоун дети не являлись всем. Она умела заниматься делами и вела жизнь в разных аспектах. Но женщина, которая могла отринуть священную миссию материнства ради того, чтобы получить медаль за то, что она, полуобнаженная, пробежит сто метров быстрее всех на глазах у безумствующей толпы, должна была показаться ей почти чудовищем. Я не хочу даже предполагать, что она подумала о Николасе. Но наверняка это отразилось на ее решении составить новое завещание...

— А у Джоан Эклстоун твердый характер?

— Я бы этого не сказал. Она весела, искренна и непосредственна. Но она унаследовала от всех Эклстоунов любовь к однажды избранной цели. Эта молоденькая, красивая девушка живет, как монашка, ест в строго определенное время строго определенную пищу, не прикасается к алкоголю, выходит из комнаты, где при закрытых окнах кто-нибудь осмелится закурить, проводит почти весь день с секундомером в руке, изучает свое тело, улучшает его и постоянно подвергает испытаниям, будто оно является всего лишь устройством для достижения единственной цели, которой является эта бессмысленная медаль. Три часа после ланча являются единственным временем, когда она напоминает нормальную молодую женщину. Впрочем, ее единственное развлечение — это бридж, иногда танцы и детективные романы. Но она сама говорила мне, что какой бы интересной ни была книга, и если даже осталась одна последняя страница с решением загадки, ровно в одиннадцать часов она откладывает ее и гасит свет, потому что завтра надо встать в семь утра, а восьмичасовой сон — норма, из которой нельзя отнять ни минуты. Да, Ирвинг Эклстоун был бы горд, если бы был способен понять, как сильно она похожа на него.

Теперь они шли в полной темноте. Меж ветвей верхушек деревьев над головой Алекс увидел большую мерцающую звезду.

— А муж миссис Джоан тоже ложится спать в одиннадцать часов? — спросил он равнодушно, как бы отыскивая тему для продолжения разговора.

— Нет. Знаете, иногда я думаю, что, быть может, они единственные среди всех известных мне людей, кто открыл тайну счастливого супружества. Она заключена в одном слове: терпимость. Николас живет в том режиме, который помогает ему как можно лучше рисовать, а Джоан — в том, какой помогает ей как можно лучше бегать. И никто из них не принуждает другого переменить образ жизни.

— Вы упомянули, что в завещании миссис Эклстоун имеется оговорка, которая может лишить Джоан наследства. Минуту назад вы заметили, что слова, сказанные во время памятного ланча два года назад, могли повлиять на составление нового завещания. Я хотел бы об этом что-нибудь узнать.

Последние слова были высказаны уже не столь беспечно. Алекс остановился. Они стояли перед калиткой в стене ограды Велли Хауз.

Сэр Александр толкнул калитку и пропустил вперед своего гостя. Они ступили на тропинку, ведущую через луг к дому. Некоторое время они шли молча. Внезапно сэр Александр остановился и, опираясь на палку, посмотрел прямо в глаза Алексу, лицо которого было освещено восходящей луной. Когда он начал говорить, голос его звучал тихо, но решительно.

— Прошу вас поверить, что для меня нет в жизни ничего более важного, чем выяснение причин гибели Патриции Линч. И месть не играет тут роли. Есть в этом мире причины более значительные, чем удовлетворение ненависти... Но даже ради полного объяснения этой загадки я не смог бы нарушить этический кодекс моей профессии. Я обязан хранить тайну человека, который доверил мне свое завещание. И хотя человек этот, эта женщина, продолжая жить, по сути дела мертва, я не могу этого сделать до тех пор, пока не перестанет биться ее сердце.

— Я вас понимаю... — согласился Джо. — Но не совсем. А если бы полиция вела следствие по делу об убийстве и потребовала бы предъявить необходимые для расследования документы, вы тоже не чувствовали бы себя вправе подчиниться такому требованию?

Джилберн с минуту не отвечал, потом покачал головой.

— Тогда у меня бы не было выбора... — сказал он неуверенно. — Как юрист, я мог бы отказать в рассмотрении вверенных мне документов даже полиции. Но скорее всего, я бы не сделал этого, потому что в таком деле, как убийство, существует только одно честное отношение к делу: помочь найти убийцу, когда закон требует от нас этого. К сожалению, вы не представляете здесь Закон, а меня сильно смущает сознание, что это именно я обратился к вам за помощью и именно я являюсь тем лицом, которое самостоятельно пытается раскрыть тайну. И поэтому не могу показать вам завещание.

Они вошли в дом и задержались в холле, освещенном старинным, но осовремененным канделябром с узкими, похожими на свечи, электрическими лампами. Алекс некоторое время колебался. Он не любил лгать и чувствовал, что то, что он сейчас скажет, будет соответствовать правде лишь наполовину. Но это не имело значения. Значение имело лишь одно: найти Дьявола, прежде чем он нанесет второй удар. Джо набрал полные легкие воздуха и непринужденно сказал:

— Вы ошибаетесь в обоих пунктах, — он сунул руку в карман пиджака. — Это мое удостоверение, подписанное заместителем государственного секретаря и шефом муниципальной полиции. А во-вторых, я приехал сюда прямо из Скотленд-Ярда, после совещания с заместителем начальника Департамента уголовного розыска. Я веду здесь полностью официальное расследование. Впрочем, еще у меня в доме я сказал вам, что никогда не действую без согласия полиции.

Джо спрятал удостоверение в карман.

— Значит, вы являетесь сотрудником Скотленд-Ярда? А ведь все утверждают, что...

Джо приложил палец к губам.

— Это тайна. Я могу вас заверить, что этого свидетельства не видел еще никто и никогда, за исключением полицейского персонала... — он вздохнул с облегчением. Все, что он говорил, становилось все более прав-

«Всемирная литература» в «Нёмане»

дивым. — Я хотел бы еще добавить, что убежден в весьма подозрительном характере этого дела. Причину смерти миссис Патриции Линч ни в коем случае нельзя считать выясненной. И поэтому самым официальным образом я еще раз прошу вас показать мне копию этого завещания, так как уверен, что оно содержит весьма ценные сведения, касающиеся наследования богатства Эклстоунов, противоречия интересов наследников и так далее. Я не представляю себе, как бы я мог подвинуться хоть на шаг вперед в моих теоретических рассуждениях, не ознакомившись с этим завещанием.

— Но ведь содержание завещания никому из наследников неизвестно...

— Пока я знаю, что оно известно вам и старой леди Эклстоун, а кроме того, еще двум свидетелям. Кто эти свидетели?

— Завещание подписала медсестра Стоун, после принятия присяги о сохранении содержания завещания в строжайшей тайне, а кроме того, мой старый Остин, на тех же условиях. Но я ручаюсь, что они никому не выдали этой тайны.

— Ну вот, пожалуйста! Оказывается, уже четверо из этой маленькой группы людей знают содержание завещания!

— Да, — Джилберн задумчиво нарисовал концом трости круг на каменном полу холла. — Но никто из них не узнал его в результате несоблюдения мной тайны.

— Господин адвокат, — Джо говорил спокойно, но решительно, — мне кажется, что поскольку вы сами начали разгребать это дело, вы не имеете права насиловать при этом профессиональную этику. Потому что, во-первых, профессиональная этика никогда не может служить помехой закону в поиске преступника, а во-вторых... прошу меня извинить, но ваша личная заинтересованность в раскрытии загадки смерти миссис Линч является для меня второстепенной. Самым важным для меня есть и остается правосудие.

Джилберн посмотрел на Алекса, наморщив лоб. В слабом свете запыленных лампочек канделябра Джо показалось, что он заметил румянец на его щеках. Спустя мгновение черты лица адвоката смягчились.

— То, что вы сказали, пожалуй, меняет положение... Вы являетесь представителем закона и вы хотите увидеть этот документ. Хорошо, я покажу его вам, хотя знаю завещание наизусть и не вижу в нем ничего, что могло бы вам помочь. Дай Бог, чтобы я ошибался!

Глава X

Два документа

«Я, Элизабет Эклстоун, рожденная 24 июня 1888 года, в девичестве Элизабет Шоукросс, постановляю следующее:

1. Немедленно после моей смерти все мое имущество, движимое и недвижимое, должно быть разделено в равных долях между моими законными наследниками.

2. Из этого раздела должна быть полностью исключена моя внучка Джоан Робинсон в том случае, если до дня моей смерти она не станет матерью.

3. В случае, если кто-нибудь из моих наследников умрет раньше меня, имущество должно быть передано другим наследникам, согласно общим основаниям наследственного законодательства, то есть для равного раздела.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

4. В случае, если Джоан Робинсон родит ребенка в течение двух лет после моей смерти, причитающаяся доля моего имущества должна быть передана этому ребенку, однако право распоряжаться этой долей будет предоставлено не родителям ребенка, а лицу, которого назначит исполнитель завещания. Исполнитель завещания позаботится также о том, чтобы указанная доля была передана ребенку или детям Джоан Робинсон в день их совершеннолетия. Если детей будет больше одного, доля имущества, причитающегося Джоан Робинсон, должна быть разделена между ее детьми поровну и должна передаваться каждому из них по мере достижения совершеннолетия.

5. Если, чего да не допустит Господь, все, в чьих жилах течет кровь Эклстоунов, опередят меня на пути к вечности, поручаю, чтобы все мое имущество, движимое и недвижимое, было передано правительству Малайзии с целью предназначения этой суммы на развитие сети больниц на ее территории.

6. Семейное владение Норфорд Мэнор должно перейти в собственность старейшего из рода Эклстоун. В случае, если никого из них не останется в живых, Норфорд Мэнор должен стать домом для сирот из графства Саффолк.

В день моей смерти поручаю выплатить легаты[1] следующим лицам:

а) 3000 фунтов стерлингов сэру Александру Джилберну, многолетнему юридическому советнику семьи Эклстоун и нашему другу, который одновременно является исполнителем этого завещания. Я хочу, чтобы он рассматривал это как частичный гонорар за ту неоценимую, часто бескорыстную помощь, которую он оказывал в течение всей моей жизни, а также как вознаграждение за труд, связанный с претворением в жизнь настоящего завещания.

б) 1000 фунтов Агнес Стоун, медицинской сестре, которая уже несколько лет заботится обо мне к моему полному удовлетворению.

в) 1000 фунтов доктору Арчибальду Дюку, который печется о моем здоровье уже в течение пяти лет, не вызывая у меня никаких нареканий.

Легаты, касающиеся двух последних лиц, теряют свою силу, если эти лица в день моей смерти не будут работать у меня. Легат, касающийся доктора Арчибальда Дюка, никаким образом не влияет на действие моего отдельного договора с ним. Вся сумма, вытекающая из этого договора, должна быть подсчитана и оплачена в день моей смерти.

г) Поручаю выплатить по 500 фунтов: Марте Коули, кухарке в Норфорд Мэнор, Джозефу Филду — садовнику того же имения, и Синди Роуленд — горничной в этом же доме.

д) Лакей моего покойного мужа Джозеф Райс, который верой и правдой служил нашей семье с дней своей юности, должен получить 2000 фунтов, а также право на пожизненное проживание в Норфорд Мэнор с полным содержанием, которое обязан обеспечить ему мой законный наследник...»

Затем следовали подписи свидетелей: Агнес Стоун и Остина Роуленда.

— А миссис Эклстоун действительно была уверена в сохранении тайны завещания медсестрой Агнес Стоун, учитывая, что само завещание и все легаты касаются лиц, с которыми эта медсестра постоянно общается? — спросил Джо.

— Да. И даже я не возражал, — ответил Джилберн. — Агнес Стоун, женщина педантичная, аккуратная, немного суховатая, но абсолютно чест-

[1] Легат (лат. Legatum — завещательный отказ) — изложенное в завещании поручение выплатить какому-либо лицу указанную сумму.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

ная и умеющая хранить тайны. Теперь ей, вероятно, лет около тридцати, а прибыла она сюда сразу же по окончании школы медсестер. Ее прислали как отличницу и лучшую выпускницу этой школы. За все время своей работы здесь она в определенном смысле подтверждала свой статус отличницы. Миссис Элизабет, желая сохранить тайну завещания, сама предложила ее в качестве свидетеля. Агнес и привезла ее сюда в кресле на колесах.

— А что это за договор с доктором Дюком, о котором упоминается в завещании?

— Это была идея миссис Эклстоун. Доктор Дюк живет здесь уже восемь лет. Она его попросту купила, предложив ему больше, чем он мог бы зарабатывать как молодой врач в любом другом месте. У него были прекрасные рекомендации, и родом он из небогатой семьи. Он приехал сюда с контрактом на год, а потом, очевидно, привык. Его жизнь протекает здесь, видимо, довольно скучно, но со всеми удобствами. Кроме того, он ни на что не тратит денег, может помогать младшим братьям и родителям, а к тому же еще ежегодно откладывает весьма приличную сумму. Когда миссис Эклстоун было уже около семидесяти, она однажды пригласила его и в моем присутствии вручила ему уже подписанный ею документ. Это не совсем договор, в юридическом смысле, а скорее обязательство. Содержание его следующее: Элизабет Эклстоун в дополнение к уже существующему договору обязуется выплачивать ежемесячно доктору Арчибальду Дюку по три фунта в день за каждый день, прожитый ею после семидесяти лет. Со своей стороны, она обязуется принимать все лекарства, которые он ей прописывает, и исполнять все его лечебные предписания.

— И тогда отважный доктор начал бороться как лев, чтобы не иссяк медленно текущий в его карман поток золота...

— Наверно. Хотя нужно признать, что он и до этого очень старался. А кроме того, думаю, что если бы миссис Эклстоун могла предвидеть, в каком состоянии она окажется спустя несколько месяцев после подписания этого обязательства, вероятно, она бы его не подписывала. Я хорошо ее знал и не верю, чтобы она была заинтересована в продлении существования такого рода. Она была деятельной, энергичной, быть может, даже слишком энергичной женщиной. Если быть до конца откровенным, я бы сказал, что она тиранила всех, кого ей удавалось тиранить. Но она поступала так не по злой воле, а по искреннему убеждению в правоте своих принципов и поступков. Если она до сих пор сохранила власть над своим мозгом, что трудно утверждать с уверенностью, она должна ужасно страдать, не имея возможности оказать никакого влияния на окружающих.

— Да-а… — Алекс задумался. — А какова стоимость всего имущества миссис Эклстоун? Я думаю, что довольно значительная.

— Грубо оценивая в целом и учитывая колебания курса акций и цен на землю, можно говорить о сумме примерно в полтора миллиона фунтов стерлингов.

— О, великий Боже! — Джо тихо присвистнул. — Такая сумма может вызвать целую лавину страстей...

— Не думаю. Вы не знаете Эклстоунов. Вы должны искать другое решение, если предполагаете, что Патриция была убита. Впрочем, старая леди Элизабет жива. А если бы кому-то внезапно понадобилась крупная сумма, он мог бы убить ее, подвергая себя гораздо меньшему риску, и таким образом получить свою часть наследства, которая сама выражается в очень значительной сумме...

— И я так думаю... Все здесь как-то не вяжется одно с другим... Но у меня возникла одна небольшая теория. А вернее, даже три теории.

— Три?

«Всемирная литература» в «Нёмане»

— Да. И это меня огорчает. Потому что там, где есть три возможных решения, обычно оказывается, что ни одно из них не верно. Если вы позволите, я возьму с собой для чтения перед сном дьявольские документы, связанные с этими местами, которые вы так любезно для меня приготовили, и поужинаю у себя в комнате.

— Конечно, конечно...

Джо попрощался с хозяином, тихо закрыл за собой дверь и поднялся наверх, вслушиваясь в глухое эхо своих шагов, громко звучащее под сводами большого каменного холла. Оказавшись в своей комнате, он сел за стол и бегло просмотрел несколько старинных книг, переплетенных поблекшей, натянутой на дощечки кожей с вытисненным на ней гербом Джилбернов. Затем он взял в руки несколько сшитых вместе пергаментных листов. Это было то, что он искал. Джо Алекс уселся удобнее и начал читать:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!

Я, Франциск Силби, викарий прихода святого Евстафия в городе Блю Медоуз, измыслил пересказать пером моим неуклюжим историю нечисти — четырнадцати ужасных ведьм из деревни Норфорд в нашем графстве Саффолк, а также рассказать, каким образом преподобный Мэтью Хопкинс, вдохновленный против силы дьявольской, милостью Господа нашего Всемогущего, нечисть эту на чистую воду вывел, свету всему белому показал и распутных дьявольских дочерей к наказанию, как вечному, так и земному, привел, людям покой и удовлетворение принося, ибо графство наше славное Саффолк издавна известно было, как излюбленное место Дьявольского могущества, и карами разными Провидением за это наказано было, а именно: болезнями, пожарами, засухами, неурожаями, падежом скота, бурями и грозами с могучими ветрами. А что не являлось наказанием Господним, то без сомнения наслано было на нас этими ведьмами для муки и искоренения рода человеческого, который Дьявол издавна погубить хочет, пылая завистью при одной мысли о вечном блаженстве, которое верующих людей ждет после смерти их.

Ведьм этих было четырнадцать. Творили они зла вокруг себя множество, гнев Божий на все графство Саффолк навлекая, а обнаглели так, что даже свои сборища, шабашами называемые, с упомянутым Князем Тьмы и его крылатыми слугами с ногами козьими учиняли, телесные наслаждения с ним испытывая, и землю развратом поганили, дабы потомство дьявольское на ней множить, чего счастливое раскрытие их дел не позволило, хотя одна из этих ведьм брюхо свое, уже вздутое семенем Дьявольским, имела, когда мастер петлю на ее шею накинул, и тем самым до рождения этого маленького чертенка не допустил, с Божьей помощью...»

Джо содрогнулся и прикрыл глаза. Потом вздохнул и начал читать дальше. Описание было длинное и касалось прибытия преподобного Мэтью Хопкинса в графство Саффолк, а затем шло перечисление его предыдущих успехов в борьбе с ведьмами в других частях страны.

«...и в день оный, когда Преподобный Хопкинс предавался молитве на коленях, моля Господа Бога, чтобы Он позволил ему выследить как можно больше дочерей и любовниц дьявольских, явился на пороге, как бы в ответ на его моление, Благородный Джон Эклстоун и рассказал, что, имея дом свой расположенным напротив Дьявольской скалы неподалеку от деревушки Норфорд, не раз и не два видел он женщин из той деревни, когда они на метлах ночью к пещере в той скале слетались, а узнать их мог издали, ибо во время полетов своих освещены они были танцующими вокруг них огоньками. При этом он сказал, что не он один, но и слуги его все это видели и под присягой подтвердить могут. Упал тогда Преподобный Хопкинс на колени и голосом громким благодарил Всемогущего Господа Бога, ибо

«Всемирная литература» в «Нёмане»

по метлам и огонькам вокруг женщин этих сразу понял, что имеет он дело с ведьмами самыми могучими и ужасными. Не мешкая ни минуты, оседлал он своего ослика и помчался, погоняя его, в суд Его Святейшества Епископа, дабы ведьм тех как можно скорее схватить и покарать».

Далее следовало описание поимки четырнадцати женщин из деревушки Норфорд и допроса, учиненного епископским судом. Джо быстро пробежал глазами подробное описание пыток, которым подвергались ведьмы. Одни не выдерживали пыток раньше, другие позже. Но, в конце концов, все, за исключением одной, сознались в своей вине. Имя единственной упрямицы было: Синди Роуленд.

«...и хотя иглами длинными искали на теле того места нечувствительного, которое каждая ведьма должна иметь: и хотя кости пальцев ее рук, а также и ног поломаны были на мелкие кусочки, не разрывая кожи: и хотя три дня и три ночи сам Преподобный Хопкинс сидел перед ней, когда она, прикованная к стене, со вставленными в рот кольцами, дабы ни поднять, ни опустить головы своей не могла, и чтоб даже на минуту уснуть ей не удавалось; так, однако, велики оказались ее дьявольская гордыня и высокомерие, что хотя Преподобный Хопкинс слезно просил ее, чтобы отказалась она от своей твердости, чтобы свою вину признала и тем заслужила вечное пребывание в чистилище, после которого милостивый наш Господь Бог, быть может, и ей, самой грешной, отпустит ее прегрешения, — она упрямо своей вины не признала и одна из всех до самого конца в дьявольском упрямстве осталась, выкрикивая, что ни одна из остальных признавшихся ведьм вины на себе не несет, а все это лишь месть Благородного Джона Эклстоуна, который, купив землю, хотел после того захватить и лес, много веков принадлежавший деревне Норфорд, чему вся деревня воспротивилась, имея письменное своих прав доказательство времен Милостивого Короля Ричарда. Однако правда, как масло оливковое, всегда наверх по Воле Господа выплыть должна. Так и на этот раз сталось. И хотя многие требовали, чтобы женщин этих, как заведено в других королевствах, огнем медленным сжечь, однако у нас не таков обычай, вероятно, менее Господу Богу угодный, потому что их всего лишь вешают, как обычных преступников. Итак, когда суд Его Преосвященства Епископа вину их признал и светскому закону их отдал с обычными словами: «Пусть их по-отечески накажут, не проливая ни капли крови», повели их под виселицу, где Мастер по очереди повесил их на четырнадцати крюках, а народ стоял и радовался, грязь в них швыряя. И в этот час правда, как тот античный феникс из пепла, возникла и всем стала видимой. Когда последнюю ведьму собирались повесить, а была это та самая Синди Роуленд, которая вины своей и преступлений признавать не хотела, крикнула, стоя уже с веревкой на шее, что действительно она была любовницей дьявольской и с самим Люцифером спаривалась, лаская в своих объятиях, ибо была любимой его наложницей. А когда все присутствующие на площади от ужаса онемели, крикнула она, что любовник неизбежно отомстит за нее благородному Джону Эклстоуну, лжесвидетельство которого явилось причиной ее смерти. Обратилась она к нему и, пальцем на него указывая, воскликнула: «Люцифер! Господин мой и любовник! Этот человек — причина моей гибели, отомсти ему до самого десятого поколения да изведи этот род полностью, чтобы и следа после него на земле не осталось!..» Может быть, и еще что-нибудь сказала бы она, но Мастер, испуганный, как и другие, быстро дернул шнур, помощников своих на помощь призывая. И высоко ее вздернули, слова последние придушив. Так закончила свою жизнь эта ведьма, самая ужасная из всех в нашем графстве, до минуты своей последней закоренелая грешница... А сэра Джона Эклстоуна, который сильно весьма испугался ее слов, пре-

«Всемирная литература» в «Нёмане»

подобный Хопкинс утешил словом святым, с Неба плывущим, и так все по домам разошлись и разъехались».

Алекс отложил рукопись и закрыл глаза.

— Какая изумительная девушка... — тихо сказал он.

Как же хорошо Джо ее понимал! Он видел площадь с рядом виселиц, с глазеющей враждебной толпой, и невиновную женщину, которая выдержала напрасно столько мук, не вызывая ни у кого ни милосердия, ни сострадания. А когда, наконец, стоя у подножия виселицы, она увидела своего преследователя, то отомстила ему одним-единственным способом, который у нее остался. Она сказала, что правдой является то, о чем он точно знал, что это ложь! И умирая, она оставила своего врага не в уверенности, что он избавился всего лишь от четырнадцати крестьянок, за которых никто ему не отомстит, а в ужасе от того, что он поссорился с самим Люцифером! Она ведь знала, сколько раз с тех пор будет просыпаться ночью сэр Джон Эклстоун, обливаясь холодным потом...

А Патриция Линч была потомком Джона Эклстоуна в десятом поколении... Так сказал Джилберн. Точно так же, как и Ирвинг Эклстоун, ее брат. Но Джоан была уже одиннадцатым поколением...

Джо встал и начал прохаживаться по комнате. Внезапно остановился. Только сейчас он осознал, что когда читал описание казни, перед его глазами все время стояло лицо той красивой черноволосой девушки, которую они встретили с корзинкой яблок для сэра Джилберна. Синди Роуленд... Вдруг ему стало душно.

Он подошел к окну, открыл его и выглянул. Стояла глубокая ночь. Почти круглая луна высоко висела над Дьявольской скалой, заливая мир белым металлическим сиянием. Вдали, над верхушками деревьев, два маленьких огонька блестели совсем рядом, словно глаза зверя. Норфорд Мэнор. Было очень тепло и тихо. Летучая мышь пересекла падающий из окна луч света и исчезла в темноте, бесшумная и ловкая.

Глава XI

Прогулка перед грозой

Джо уснул очень поздно и проснулся очень рано, невыспавшийся и с чувством беспокойства на душе. Утро было прекрасным, хотя воздух тяжело висел над землей, не движимый ни малейшим дуновением ветерка. Становилось душно.

«Будет гроза, — подумал Джо, усаживаясь за пишущую машинку. — Гроза с громом и ливнем... Очень хорошо... очень хорошо... И сразу настроение улучшится».

Но он знал, что атмосферные явления не имеют отношения к его настроению. Просто ему поскорее хотелось быть там, в Норфорд Мэнор, и вынудить Дьявола к... И здесь его мысль обрывалась, потому что все это не имело никакого смысла. Сейчас он почти хотел, чтобы смерть Патриции Линч оказалась самоубийством, а все эти оттиски и нелепости с поворачиванием портретов оказались чьей-нибудь шуткой. И хотя разум подводил, инстинкт кричал во весь голос, что прямо сейчас происходит нечто страшное, то, что нарастает, созревает и принесет свои жуткие плоды, если не удастся вовремя предупредить преступление. А единственная возможная версия этого преступления находилась в полном противоречии с фактами и потому не могла быть подлинной. А может, существовала другая? Но какая?..

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Алекс провел целый час за столом, сидя неподвижно, подперев голову руками. Его мозг просчитывал сотни комбинаций, от вариантов самых невероятных до вариантов хотя бы отдаленно правдоподобных. Однако все они взаимно исключались.

Но если бы он знал, что все его нынешние волнения — всего лишь детская забава по сравнению с тем, что он будет испытывать через несколько часов, застыв перед барьером необъяснимости происшедшего и столкнувшись лицом к лицу с самым невероятным случаем в своей жизни, он, возможно, был бы сейчас гораздо спокойнее.

Но Джо Алекс не знал будущего, так же, как не знал его и Дьявол. Если бы они оба знали его, смерть, вероятно, не посетила бы так скоро Норфорд Мэнор, а мисс Каролина Бикон гораздо быстрее встретилась бы с человеком, которого любила как никого и никогда, хотя и не показывала ему этого…

Старый Остин принес завтрак и сообщение от сэра Александра о том, что оба джентльмена приглашены в Норфорд Мэнор на ланч, где мистер Ирвинг Эклстоун ожидает мистера Джеймса Коттона и с удовольствием поделится с ним всеми материалами, которыми располагает.

Это помогло. Сознание, что через пару часов он будет там и увидит этих людей и это место, успокоило Алекса. Он с аппетитом позавтракал, и хотя в глубине ума маленький трепещущий огонек беспокойства горел, не угасая ни на секунду, Алекс сел за пишущую машинку и спокойно занялся книгой. Он работал до полудня.

В двенадцать часов Джилберн окликнул его из сада. Джо окинул взглядом комнату. Он сунул в карман листок бумаги, где на рассвете записал все известные ему на данный момент сведения, и вышел.

Они шли, беседуя о погоде и вероятном приближении бури. И лишь после того как вошли в лес, Джо сказал:

— Значит, миссис Патриция Линч и ее брат Ирвинг Эклстоун составляют именно то десятое поколение, на которое должна была пасть месть Люцифера?

— Я вижу, вы прочли эту историю. Да, я проверил это по семейным хроникам. — Джилберн пожал плечами. — Но разве это может иметь какое-либо значение? Если начнем оперировать такими аргументами, мы опустимся до уровня людей, которые повесили тогда этих нечастных женщин.

— Я не думаю ни о нас, ни о наших аргументах, а о ком-то, кого они могли убедить. О ком-то, кто бы, например, чувствовал себя призванным исполнить последнюю волю Синди Роуленд или даже самого Люцифера.

— Я и об этом думал... — сэр Александр безнадежно махнул рукой. — Но это совершенно невозможно. Я не знаю здесь никого, кто бы мог соединять в себе столько фанатизма и темноты. Если вы имеете в виду дочь Остина и Кэтрин, то хотя ее зовут точно так же, как ту, много столетий назад замученную девушку, я даю руку на отсечение, что она на это совершенно не способна. Я просто забыл вчера, что вы не знаете этих людей, и быть может, поэтому представил вам ее интерес к Дьяволу и заботу о змеях Ирвинга в слишком ярких тонах. Не забывайте, что я уже много лет общаюсь с преступниками, а ведь я был в том доме сразу после смерти Патриции и во время полицейских допросов. Будь я даже еще более потрясенным, чем тогда, все равно не смог бы перестать присматриваться к людям. Я наблюдал и за Синди. В ее поведении не было и тени притворства. Она была заплаканной, изумленной и любопытной, как вся прислуга в таких случаях. Вы ее имели в виду?

— Не только... — сказал Алекс.

Дальше они шли молча. Наконец лес кончился, и вдали показался Норфорд Мэнор, освещенный яркими лучами солнца. Зной нарастал и густел,

«Всемирная литература» в «Нёмане»

хотя на небе по-прежнему не было ни одной тучки. На террасе Джо разглядел маленькую белую фигурку, но расстояние, а также тот факт, что они находились ниже дома и смотрели снизу вверх, не позволили рассмотреть ее отчетливей.

— Это Агнес Стоун, — сказал Джилберн, как бы угадывая мысли гостя. — Вероятно, возится со старой леди, которую выкатила из комнаты на солнце.

Они медленно поднимались по отлогой террасе парка, и когда приблизились к дому на расстояние примерно двухсот шагов, Джо услышал веселый голос, доносящийся из-за деревьев с правой стороны. Он посмотрел туда и увидел между кустами полосу зеленого газона, а над ним невысокую, абсолютно современно оформленную вышку для прыжков в воду. На краю доски в этот момент стояла девушка в голубом купальнике и шапочке того же цвета. Как раз в ту секунду, когда Джо ее увидел, она оторвалась от вышки, мягко взлетела по красивой дуге, а поскольку бассейн находился выше того места, откуда он смотрел, ему показалось, что она беззвучно исчезла в какой-то невидимой расщелине в траве газона. Позади вышки, совсем близко, так близко, что Джо даже удивился, устремилась ввысь к небу острая верхушка Дьявольской скалы.

— Это Джоан, — Джилберн остановился, воткнул свою трость в песок, которым была усыпана аллея, и отер со лба пот. — Начинаю стареть. Раньше, несмотря на свою ногу, я проходил это расстояние без малейших усилий.

Джо тактично промолчал, а потом спросил:

— Казалось бы, место, расположенное столь высоко, как Норфорд Мэнор, должно испытывать трудности с водой. Конечно, при богатстве Эклстоунов нетрудно найти выход. Но я не предполагал, что плавательный бассейн может находиться почти на вершине горы. Откуда там берется вода?

Они продолжили путь. На вышке показался мужчина, который пробежал несколько шагов и прыгнул, сделав сальто, а затем полетел вниз, выпрямившись с широко раскинутыми руками.

— Это Кемпт, а бассейн — как раз дело его рук и его идея. Этот парень очень любит Норфорд Мэнор. Будучи еще студентом, он придумал способ перекачки по трубам воды, протекающей на дне ущелья, отделяющего нас от Дьявольской скалы. Вода, стекая вниз по дну ущелья, скапливается в маленьком искусственном водоеме, затем при помощи небольшого хитроумного устройства с электрическим насосом подается наверх в бассейн, откуда по трубе возвращается в ущелье на несколько сот шагов ниже. Томас сам спроектировал вышку и бассейн, который, кстати, очень красив и выложен голубой плиткой на дне и по бокам. Он сам и строил его во время студенческих каникул вместе с рабочими.

Они приблизились к дому. Только сейчас Джо заметил, что терраса дома с одного конца прилегает к пропасти, отгороженная от нее высокой металлической сеткой, поросшей плющом. Границы парка над обрывом густо поросли колючей живой изгородью. Напротив, по ту сторону ущелья, возвышалась Дьявольская скала.

— А где грот?

— Несколько ниже, и поэтому его отсюда не видно. Я покажу его вам позже, из окон второго этажа.

Сейчас Джо уже отчетливо видел на террасе высокую молодую женщину в белом халате и белой медицинской шапочке. Рядом с ней стоял коренастый мужчина в возрасте около тридцати пяти лет.

— Это доктор Дюк, — сказал Джилберн вполголоса, потому что они были уже близко. — А там, в кресле, сидит леди Элизабет Эклстоун. Вы

«Всемирная литература» в «Нёмане»

можете не подходить к ней, поклонившись издалека. Неизвестно, слышит ли она и осознает ли то, что видит, но на всякий случай все говорят ей: «Добрый день!»

Медсестра держала в руке маленькую тарелку и кормила с ложечки сидящую в кресле леди, время от времени вытирая ей рот белым платком. Доктор выпрямился и, увидев гостей, сделал шаг в их сторону. И тут Джо впервые увидел Элизабет Эклстоун, владелицу Норфорд Мэнор и головокружительной суммы в полтора миллиона фунтов.

Это была старая женщина, вероятно, высокого роста. Ее лицо, покрытое сетью мелких морщинок, было спокойным и совершенно неподвижным, как лицо на портрете. Широко открытые глаза задумчиво смотрели прямо перед собой в какую-то даль и казались настолько живыми и выразительными, что Джо на мгновение усомнился в том, что сэр Александр рассказывал о старой леди.

При виде Джилберна доктор Дюк широко улыбнулся.

— Добрый день! Я надеюсь, что ваши дела в Лондоне складываются как нельзя лучше.

— Спасибо, доктор...

Медсестра подняла голову, затем быстро склонила ее в формальном поклоне и снова повернулась к больной. Она немного подвинула кресло, повернув старую леди в профиль к солнцу, передвигая одновременно маленький цветной зонтик на стояке так, чтобы он бросал тень на ее лоб и глаза.

— Как здоровье пациентки?

— Без всяких перемен, сэр Александр. Сердце, к счастью, в порядке. Я не ожидаю какого-либо внезапного ухудшения.

Джилберн поднялся по трем каменным ступенькам на террасу, и как бы забыв о присутствии Алекса, подошел к старой женщине и прикоснулся к ее неподвижной руке.

— Добрый день, леди Элизабет, — сказал он мягко, глядя ей в глаза, которые даже не дрогнули и продолжали смотреть в какую-то неопределенную точку над деревьями далекого леса. — Я очень рад, что вижу вас здесь, как всегда... — он склонился еще ниже. — Прошу верить и молиться в душе, и может быть, все еще будет хорошо...

Он выпрямился и незаметно подал знак Алексу, который поднялся по ступенькам и, с легким поклоном миновав неподвижно сидящую старушку, двинулся за ним к широко открытым дверям дома. Доктор направился следом. Джилберн представил мужчин друг другу.

— У вашей пациентки поразительно разумный взгляд... — сказал Джо, когда они вошли в холл. — Казалось бы, при столь страшном несчастии, как полный паралич, мозг тоже перестает действовать в том смысле, в котором он действует у здорового человека... Однако у нее такой взгляд, будто она совсем здорова.

— Боюсь, что ответить на этот вопрос нелегко... — врач покачал головой. — Бывает, я целыми часами вглядываюсь в нее и стараюсь понять, что же с ней происходит в действительности. Паралич делает невозможным обследование в силу отсутствия рефлексов. Я мог бы отвезти ее в Лондон для проведения самых современных исследований с помощью электромагнитных волн, но это ничем бы ей не помогло, а лишь послужило бы удовлетворению моего профессионального любопытства. Кроме того, такая поездка в этом состоянии могла бы стать губительной для ее... — он заколебался. (Джо знал, что врач хотел сказать «здоровья», но отказался от этого слова.) — …самочувствия... — закончил доктор Дюк. — На всякий случай Агнес ежедневно читает ей и рассказывает о разных мелочах,

«Всемирная литература» в «Нёмане»

которые происходят. Но мы не знаем, достигает ли это ее сознания. Даже зрачки глаз у нее не изменяются, за исключением тех случаев, когда на них воздействует очень яркий свет. Я даже не знаю, воспринимает ли ее мозг значение того, что видит глаз.

— А какова причина ее болезни? — вежливо спросил Джо.

— Paralysis e tumore columnae vertebrarum, если вы ориентируетесь, что это название значит. — И не ожидая ответа, добавил: — Опухоль на позвоночнике, растущая необычайно медленно. Если бы сразу, много лет назад, как только у нее начали отниматься ноги, она разрешила бы сделать рентгеновский снимок и провести немедленную операцию, оставался еще маленький шанс на излечение. Но она не разрешила. Она заставила меня лечить ее от ревматизма. Впрочем, в первый период казалось, что она права. Я был тогда очень молодым врачом, а несколько крупных знаменитостей, которые осматривали ее до меня, поставили диагноз — ревматизм. Симптомы этих двух совершенно разных болезней в начальной стадии идентичны. А потом было уже поздно. Когда опухоль разрослась, последовало внезапное ухудшение, как обычно бывает в таких случаях. Она уже никогда не выйдет из этого состояния, но к своему счастью или несчастью, может прожить еще несколько лет при соответствующем уходе и профилактике вторичных заболеваний. — Он слегка поклонился: — Извините, но мне пора идти. Я размышляю об одном препарате, который следовало бы ей ввести, хотя, по правде говоря, я не верю в сколь-нибудь радикальное действие этого препарата и улучшение ее состояния. — Он еще раз склонил голову, блеснул красивыми здоровыми зубами и удалился в глубину дома.

— Симпатичный и оптимистичный, — сказал Алекс. — Что дальше?

Как бы опережая ответ на этот вопрос, мистер Ирвинг Эклстоун показался в проеме широкой лестницы, ведущей из холла на верхний этаж.

Глава XII

Кроткие, тихие змеи

Ирвинг Эклстоун оказался очень высоким мужчиной с излишне длинными ногами и руками, вследствие чего его туловище казалось слишком коротким, а голова слишком маленькой. Джо не разглядел выражения его глаз, скрытых под толстыми выпуклыми стеклами очков, какие обычно носят близорукие люди. Он лишь заметил, что глаза эти были светло-голубыми и как будто выцветшими, сходными по цвету со светлыми седоватыми волосами, уже порядком поредевшими на лбу. Ирвинг Эклстоун протянул руку Джилберну, а затем быстро повернулся к Алексу.

— Мистер Коттон, не правда ли? Ваша фамилия до сих пор не была мне знакома, но поскольку вы серьезно интересуетесь отраслью, которой и я немного занимаюсь… — он умолк на секунду и тихо рассмеялся, а Джо и Джилберн тоже улыбнулись этой шутке, после чего Эклстоун продолжил: — …то я готов служить моим скромным опытом, если вы сочтете его полезным для ваших трудов.

Джо вежливо склонил голову.

— Я — адвокат, но с юных лет моим увлечением была история суеверий и предрассудков в нашей стране. Я прочел все ваши книги и знаю, насколько вы являетесь крупным... точнее, единственным авторитетом в этой области.

— О, не будем преувеличивать, молодой человек, не будем преувеличивать! Есть и другие, много других, которые имеют на своем счету определенные достижения...

Однако Ирвинг Эклстоун невольно просиял. А Джо в тысячный раз в своей жизни проверил действие обыкновенной, самой банальной лести как наиболее верного и короткого пути к сердцам людей.

Ирвинг Эклстоун взял его под руку.

— Прежде всего, вы должны сказать мне, что вы ищете. Или, быть может, сначала окинем взглядом мою скромную коллекцию? Я убежден, что она вас заинтересует.

Джилберн сказал:

— В таком случае, поскольку я не являюсь почитателем Дьявола, то позвольте мне немного прогуляться по парку и поглазеть на молодых людей, которые прыгают в воду.

— О, разумеется, мой дорогой, разумеется! — сказал Эклстоун, почти не слыша того, что сам говорит, и уж наверняка не интересуясь тем, куда намерен отправиться знаменитый адвокат. Взяв мистера Коттона под руку, он начал подниматься с ним по лестнице.

Разукрашенные резьбой, слегка волнистые перила эпохи позднего барокко плавно повернули на второй этаж, где по периметру просторного прямоугольного холла тянулся ряд тяжелых дверей, обрамленных каменными порталами. В центре стоял круглый стол, а на нем небольшой хрустальный шар, полный белых роз.

Эклстоун остановился на последней ступеньке лестницы и, по-прежнему держа гостя под руку, очертил другой рукой в воздухе полукруг.

— Именно здесь находится мое маленькое царство. В нескольких небольших комнатах я собрал, возможно, самую интересную демонологическую коллекцию из всех когда-либо существовавших...

Он остановился перед первой дверью и нажал тяжелую ручку из золотистого сверкающего металла. Джо подумал, что этот изумительный блеск отлично характеризует работу прислуги Норфорд Мэнор, но одновременно обратил внимание на толстую обивку двери и двойной замок.

Дверь тихо отворилась. Ирвинг отступил, пропуская гостя вперед. Алекс переступил порог и оказался в большой прямоугольной комнате, со всех стен которой, от пола до потолка, на него смотрели корешки множества книг. Несмотря на то, что снаружи светило яркое полуденное солнце, здесь царил полумрак, рассеиваемый лишь лампой, стоящей на углу большого старого, заваленного бумагами письменного стола. Только спустя несколько секунд гость увидел, что в комнате есть также два окна, расположенные на двух соседствующих стенах. Окна эти были заслонены тяжелыми плотными шторами, не пропускающими ни единого лучика дневного света. Почти подсознательно Джо отметил расположение окон и тот факт, что комната, следовательно, расположена в одном из углов дома. Дверь, через которую они вошли, была единственным местом соприкосновения этого мрачного помещения с внешним миром. Бесшумно закрыв дверь, хозяин протянул руку к выключателю на стене. В ярком свете, залившем комнату, Джо сразу же заметил стоящую по левой стороне письменного стола у стены странную конструкцию из проволочных прутьев, похожую на большую клетку, дно которой украшали искусственные миниатюрные скалы, поросшие островками травы. Между этих скал возвышалось низкое деревце, лишенное листьев.

— Это библиотека, — хозяин плавным жестом указал на стены комнаты. — Здесь я обычно читаю и работаю. Наверное, не одно из этих сочинений вам знакомо, но некоторые... — он подошел к большому застекленному шкафу в углу, внутри которого виднелись старые кожаные корешки книг и лежащие плашмя сморщенные свитки, переложенные блестящим целлофаном, — ...должны вас заинтересовать, если вы действительно

«Всемирная литература» в «Нёмане»

желаете постичь знание о Дьяволе и его деяниях в средневековой Европе. Впрочем, я наблюдаю за ним не только на этом пространстве и в этот период времени. Сейчас я готовлю обширнейший труд о его родословной. А родословная эта весьма длинна и запутанна, как, впрочем, и сама история человечества. Вы, вероятно, будете удивлены, однако, по моему мнению, рога его ведут свое происхождение с Крита, а копыта — из доисторического Шумера. Но не это главное. Самыми важными являются его психологические характеристики, его могущество и власть над людьми. И уже, как их следствие — страх, который он вызывал, и методы, которыми с ним пытались бороться. — Он улыбнулся и, понизив голос, добавил слегка шутливым тоном: — Хотя, если говорить обо мне, то меня всегда больше всего интересовали его почитатели, те, кто с его помощью хотели обрести власть над ближними и материей... Этим людям, из которых лишь некоторые, как, например, доктор Фауст, стали известными, а остальные, незамеченные поэтами, канули в небытие, я намерен тоже посвятить большую книгу. Единственная проблема состоит в том, что я накопил для нее слишком много материала... — он снова улыбнулся. — Я вижу, что вы уже заметили моих любимцев. Нет, нет, это не причуда демонолога. Дьявол является для меня объектом исследования, но я никогда не позволяю себе втянуться в какие-либо игры с ним. Я держу их затем, чтобы ежедневно, наблюдая за ними, как можно лучше понять, почему они являются его символом. Ведь именно в облике Змия он соблазнил Еву. До сих пор художники изображают змею у ног Святой Девы. «И да растопчет она главу твою, Сатана...»

Он подошел к клетке, открыл дверцу и запустил руку внутрь. Джо подошел ближе. Ирвинг Эклстоун убрал руку и закрыл дверцу. Длинная зеленоватая змея слегка качнулась между его пальцами, мягко положила голову на рукав и начала ползти вверх, к шее. Хозяин погладил ее легким движением и, не обращая больше внимания на нее, спросил:

— Вы же не боитесь их, правда?

— Разумеется, нет, — Алекс прикоснулся к голове ползущей змеи, которая сразу же остановилась и замерла. В свете зажженных люстр ее маленькие мудрые глазки сверкали красивым оливковым блеском.

— Вот видите! — Ирвинг осторожно снял змею с плеча и положил обратно в клетку. — Не любит чужих. Признает только меня и горничную Синди, которая кормит этого змия и его супругу. — Он указал вглубь клетки, где на сухой ветке искусственного деревца, оплетая концом хвоста пень, лежала, вытянувшись, вторая змея, несколько меньшего размера и светлее. — До сих пор не понимаю, почему они вызывали именно такие ассоциации? Во мне они будят симпатию. Они такие кроткие, тихие... Но мы говорили о моей библиотеке. А вот тут, рядом, у меня есть еще три комнаты, заполненные экспонатами. Я собираю их издавна, и поскольку не довольствуюсь чем попало, они также составляют коллекцию, которой можно позавидовать. Насколько мне известно, на земном шаре нет музея, который бы располагал такого рода собранием. Но в целом все эти экспонаты являются для меня лишь наглядным пособием. «Сверхъестественным же, — как сказал наш друг Аристотель, — является лишь то, что не поддается наблюдению». Поэтому меня интересует Дьявол в человеческой душе, а не в следах, которые ему приписывают.

— О, раз уж вы напомнили о следах, — сказал Джо вполголоса, пробегая глазами по корешкам томов на ближайшей полке, — сэр Александр Джилберн как-то мимоходом упомянул мне в Лондоне, что он видел отпечатки его копыт в одном здешнем гроте. В Дьявольском гроте, кажется, так он называется, не правда ли? Поэтому я и приехал. Честно говоря, я даже не мечтал, что мне представится случай познакомиться со столь известным

«Всемирная литература» в «Нёмане»

специалистом по демонологии, как вы. Дело в том, что мое скромное хобби заключается как раз в сборе материала для книги, которая объяснит самыми естественными причинами наиболее известные случаи всевозможных феноменов якобы дьявольского происхождения. Я имею в виду как обманные действия, умышленно совершенные людьми, так и случайные шутки природы.

— Это может быть очень интересный труд! — Ирвинг с признанием покачал головой. — Материала для такой книги огромное множество. Все средневековье, вплоть до новейшей истории, ба! — даже включая наш век, наполнено тысячами такого рода явлений. Если не сочтете это наглостью с моей стороны, я мог бы дать вам пару указаний, касающихся фактов, о которых, быть может, вы не слышали.

— Я лишь буду счастлив, сославшись на вас хотя бы в одной сноске. Уже один этот простой факт немедленно поднимет достоинства моей книги в глазах знатоков.

— Не будем преувеличивать, — Ирвинг Эклстоун скромно покачал головой. — А если речь идет об этих отпечатках, то, — он умолк и наклонился к уху гостя, — я даже сам их видел.

— Вы их видели?!

— Да. Дважды. Внутри Дьявольского грота, возле самой щели, ведущей вглубь земли.

— А вы уже нашли какое-либо логическое объяснение этому явлению?

— Нет. Пока нет. Если, конечно, это не было шуткой кого-то... когонибудь из...

Он снова умолк, и Джо с легким изумлением заметил, что хозяин дома нервничает. Но это впечатление исчезло так же быстро, как и появилось.

— Я был бы очень доволен, — сказал Ирвинг с улыбкой, — если бы вы захотели этим заняться. Феномен такого рода, имеющий место в наши дни на расстоянии всего лишь нескольких десятков миль от Лондона, мог бы стать поистине сенсационным фрагментом вашей книги. А как вам известно, каждый хороший научный труд должен быть также интересным. Я охотно помогу вам в этом...

Не закончив предложения, он подошел к окну и отодвинул штору. Они оба прикрыли глаза, когда ослепительный поток солнечных лучей хлынул через стекло. Джо с удивлением заметил, что окно забрано решеткой. Ирвинг Эклстоун открыл его и указал на скальную стену, находящуюся прямо напротив. В середине ее виднелось черное отверстие Дьявольского грота. Алекс подошел к окну и высунулся, насколько позволяла решетка. Внизу земля опускалась почти отвесно к ущелью, где тонкая нить ручейка изгибалась среди валунов, поросших темным мхом. Скальная стена по ту сторону возвышалась так же отвесно. Вход в Дьявольский грот находился на расстоянии не более ста пятидесяти ярдов по прямой линии от окна, у которого они сейчас стояли.

— У сэра Александра Джилберна есть довольно своеобразная теория насчет этих следов... — сказал Джо, разглядывая освещенный солнцем лес и выступающий над ним скальный пик.

— Ерунда! — огромные глаза, увеличенные выпуклыми стеклами, сурово посмотрели на гостя. — Сэр Александр, как большинство так называемых цивилизованных и культурных людей, подсознательно погряз в плену суеверий, которые в течение многих веков владели его предками. Практически нет человека, который не был бы каким-нибудь образом суеверным. Но это не касается нас, исследователей! — Он рассмеялся. — Если мы станем суеверны и вдруг решим, что, быть может, действительно сам

«Всемирная литература» в «Неман»

Дьявол разгуливает по близлежащим горным пещерам, мы немедленно скатимся до уровня тех последователей Пророка, которые грозят кулаками черной руке Дьявола, оттиснутой на стене Собора Св. Софии в бывшем Константинополе. Я полагаю, вы не хотите сказать, что верите в нечто подобное?

— Ну разумеется, нет, — тихо сказал Джо. — Но ведь сэр Александр тоже не предполагает, что это настоящий Дьявол...

— Хорошо хоть это! Единственно правдоподобное объяснение — это просто шутка. Я подозреваю мою дочь, ее сумасшедшего мужа или молодого Томаса Кемпта. Скорее всего, они хотели позабавиться за мой счет. Другой причины я не вижу.

— А вода?

— Вода? — Эклстоун поднял брови. — Какая вода?

— Когда-то во Франции я набрел на очень похожий случай. — Алекс по-прежнему смотрел на отверстие грота. — Появились следы дьявольских копыт, их стирали, караулили вход в пещеру, но они появлялись вновь, хотя достойные доверия свидетели готовы были присягнуть, что никто туда не мог проникнуть. Позже оказалось, что высоко, в скрытом темнотой потолке грота, образовались маленькие трещины, откуда протекала во время дождя вода, которая немедленно впитывалась в песчаное дно. И именно эти капельки, благодаря стечению обстоятельств, которое случается один раз на миллион случаев, оставляли несколько почти идентичных следов, напоминающих оттиск козьей ноги довольно своеобразной формы.

— Я не подумал об этом... — Ирвинг насупил брови, — но ведь дождя нет уже две недели, а следы повторно появились в воскресенье... — Он повеселел. — Но конечно, в принципе, вы правы. Так или иначе, она не будет заслуживать даже упоминания, или, может, не более упоминания, в вашей книге! Другое дело, что эти отпечатки очень напоминают определенный тип отпечатка дьявольского копыта, который был популярным примерно в четырнадцатом столетии. У меня есть почти идентичный отпечаток... Сейчас я покажу его вам.

И не говоря больше ни слова, он двинулся к двери, а Джо пошел следом, еще раз окинув взглядом дальнюю скалу за окном, темное отверстие грота и ленивые тела змей, неподвижно застывших в высокой клетке у стола.

Когда они оказались в коридоре, хозяин толкнул следующую дверь, и они вошли в другую комнату, быть может, даже несколько большую, чем предыдущая. Но здесь шторы не были закрыты, и солнечный свет легко скользил по самой необычной коллекции из всех, какие Алекс видел когда-либо в своей жизни. Он завороженно оглядел ее, но при этом успел заметить, что и здесь окно зарешечено.

На стенах комнаты рядами висели щипцы, крюки и цепи, снабженные музейными этикетками. Над ними ряд отвратительных металлических масок, предназначенных для пыток, смотрели неподвижными пустыми глазами, в которых таился мрак. Посреди комнаты, на деревянном возвышении, лежали три больших камня. Ирвинг Эклстоун подошел к одному из них и легонько постучал пальцами по шероховатой поверхности...

— Вот, посмотрите... — он указал на вогнутый, правильной формы след, видимый посреди глыбы песчаника. — Это булыжник, которым девятнадцать веков назад Дьявол швырнул в голову святого Павла. Так гласит легенда. Этот камень находился в одном маленьком храме близ Неаполя. Когда храм решили разобрать, так как его почти полностью уничтожил некий вид грибка, я купил камень и привез сюда. Вы видите этот след дьявольского копыта? Как живой, правда? Я думаю, что в качестве

чудесного феномена он является производным от своего прототипа в церкви святой Сабины в Риме, где очень долго служил местом паломничества другой камень с такой же легендой. С той лишь разницей, что тем камнем Дьявол швырнул в Доминика, напрасно надеясь размозжить ему голову, которую с легкостью защитил ангел-хранитель. — Он отошел на несколько шагов и указал на открытую дверь в следующую комнату, посреди которой Джо увидел большую клетку, предназначенную, вероятно, много столетий назад для публичного показа сидящих в ней ведьм. — Там у меня есть много гипсовых отливок дьявольских рук и ног из разных церквей, монастырей, замков и постоялых дворов Европы. Появились они почти все без исключения в короткое время после знаменитой буллы Иннокентия VIII, с которой началось их наступление. С той минуты церковь стала считать помилование ведьмы личным оскорблением милостивого Бога. Потом пришла контрреформация, и доказательства существования Дьявола начали размножаться еще скорее. Церковь хотела с помощью видимого заставить поверить в сверхъестественное, а поскольку для примитивного ума вера без каких-либо доказательств невозможна, появилась лавина чудес и враждебных актов той, другой стороны, находящейся в состоянии вечной войны с Небесами. А исходили из старого доброго принципа Парменида: «То, что есть, — есть. А чего нет — того нет!»

— Несомненно! — сказал Джо, ибо хозяин умолк, как бы ожидая его согласия. Он повернулся к камню и посмотрел на отпечаток, который перед тем показал ему Ирвинг. — Но здесь отпечаток ноги, а вернее, копыта. Из того, что вы сказали, следует, что на камне скорее должен был остаться след дьявольской руки?

— Вот именно! — Ирвинг улыбнулся. — Я сам об этом думал. Оказывается, средневековье было не столь требовательным. Достаточно было самого факта наличия следа. А то, что даже Дьявол не кидал бы камни ногами, никому, кажется, не приходило в голову. Но сейчас не об этом идет речь, хотя даже из этой смешной мелочи можно сделать интересные исторические выводы.

— Я убежден, что вы правы, — Джо склонился над камнем.

Некоторое время он смотрел молча, и хотя был человеком отнюдь не суеверным и даже не верующим, ощутил мимолетную холодную дрожь. Оттиск дьявольского копыта, оставленный на камне много столетий назад в маленьком сельском храме, был абсолютно идентичен с оттиском, который он видел на экземпляре «Пигмалиона», найденном в комнате умершей Патриции Линч, и так же идентичен с оттиском на снимке, сделанном Александром Джилберном в Дьявольском гроте.

Некоторое время Джо стоял нагнувшись, не двигаясь. Потом выпрямился и посмотрел на хозяина.

— Значит, этот след очень похож на оттиски, найденные вами в гроте?

— Так, по крайней мере, мне кажется... — Эклстоун развел руками, — по-моему, у Джилберна есть снимки тех отпечатков. Можно было бы сравнить. Но этого не может быть. Если бы это оказалось так, я вынужден был бы поверить в шутку кого-либо из домашних. Никто, кроме них, не имеет сюда доступа. Кто-то должен был вначале сделать слепок из воска... Но ведь это не имеет никакого смысла... — Он внезапно просиял: — Если вас это действительно интересует, попробуйте разгадать эту загадку. Вы надолго приехали к нам?

— На несколько дней. Я остался бы дольше, но не хочу злоупотреблять гостеприимством сэра Александра...

— Чепуха! Я скажу ему, что с завтрашнего дня вы будете жить у нас. Надеюсь, что вы примете мое приглашение. Прошу вас, поверьте, что этим

«Всемирная литература» в «Неман»

вы доставите мне огромное удовольствие. За последнее время я почти не выезжал отсюда, а откровенно говоря, люди, живущие сейчас в доме, делают невозможными какие-либо беседы. Может, я и ошибаюсь, но они, по всей вероятности, считают меня безвредным чудаком, так же, как я считаю их безвредными глупцами. Тогда как мы с вами вдвоем могли бы побеседовать о многом...

— Для меня это будет большая честь, — тихо сказал Джо, — если, конечно...

— Значит, вы согласны? Это замечательно! — Ирвинг просиял. — Я велю приготовить вам спальню прямо тут, рядом. А сейчас покажу вам остальные экспонаты.

Но он так никогда и не осуществил этого намерения, потому что раздался тихий стук в дверь, и она бесшумно отворилась. На пороге появилась та самая девушка, которую Джо встретил вчера вечером во время прогулки с сэром Александром. Даже одета она была в то же самое черное платье, только сейчас ее волосы украшал маленький белый накрахмаленный чепчик, а платье прикрывал такой же белый жесткий передник. Увидев Алекса, она покраснела и опустила глаза, но тотчас же подняла их и сказала:

— Завтрак ждет вас уже десять минут, сэр, и барышня очень просит обоих джентльменов сойти вниз.

— Да, конечно! Сейчас идем!

И взяв Алекса под руку, Ирвинг Эклстоун вместе с ним двинулся к двери.

Глава XIII

Мистер Коттон поднимает забрало

Во время ланча доктор Арчибальд Дюк и медсестра Агнес Стоун сидели за одним столом с остальными домочадцами. Но если доктор Дюк активно принимал участие в разговоре, Джо не заметил, чтобы мисс Стоун отозвалась хоть одним словом. Она спокойно ела, изредка поднимая глаза, а когда разговор становился для нее не очень интересным, опускала их, не пытаясь даже взглядом установить контакт с кем-либо. Вместо белоснежного халата она надела простое светло-голубое платье, которое было ей очень к лицу. Почти подсознательно Алекс констатировал, что хотя общее мнение о ее холодном совершенстве, пожалуй, справедливо, тем не менее, мисс Стоун отнюдь не робот, а девушка, которая по-своему хочет понравиться окружающим, используя присущую ей манеру спокойного и сдержанного поведения. Несколько раз она взглянула на часы и два раза тихонько вставала от стола и уходила в направлении террасы, вероятно, проверить, как себя чувствует ее подопечная.

Ланч проходил спокойно, а разговор так напоминал многие другие, которые ведутся в подобных случаях и в подобных местах, что если бы Ирвинг Эклстоун не задал своему гостю несколько деловых вопросов, касающихся демонологии, мозг Джо мог бы работать в полном отрыве от ситуации. Джоан, Николас, Кемпт и Джилберн обменивались за столом простыми, любезными, ничего не значащими фразами. Старый лакей и молодая горничная передвигались беззвучно за спинками кресел, негромко позвякивала посуда, а сквозь зарешеченные окна ярко светило солнце. Было тихо, спокойно и приятно.

Но в воздухе чувствовалось приближение грозы, а мозг Джо Алекса работал с необычайной даже для него быстротой. Джо не верил в то, что

«Всемирная литература» в «Нёмане»

называется интуицией, но в эту минуту он ощущал вокруг и внутри себя все усиливающееся напряжение, причиной которого не были ни какой-либо факт, ни чьи-то слова, ни жесты или интонация. Просто он ощущал отчаянную необходимость действовать, но направления этого действия он не знал. Конечно, у него была теория, но она могла оказаться неверной... Могло быть много других решений. И каждое из них было вероятным, а объяснение могло прийти лишь после того, как совершится следующее преступление.

Джо обвел взглядом два ряда лиц, сидящих по обе стороны стола. Убийца, жертва, убийца, жертва... Кто из них убийца, а кто — жертва? А может, все это вместе взятое родилось лишь в уме Александра Джилберна, страдающего от боли потери, и было легко подхвачено скорым на логические спекуляции мозгом Алекса?.. Если бы! Но все указывало на то, что это не так.

Горничная Синди Роуленд поставила перед ним маленькую чашечку и что-то сказала вполголоса. Не прислушиваясь, он утвердительно кивнул головой. В этой комнате находился убийца Патриции Линч и его следующая жертва. А он, знаменитый Джо Алекс, спокойно сидел, ел шоколадный торт и был абсолютно беспомощным. Он тяжело вздохнул.

И в этот момент наступил совершенно неожиданный взрыв. Невольной его причиной оказался Томас Кемпт.

— Сегодня перед купанием я честно работал все утро, — сказал он, наклоняясь над столом в сторону Николаса Робинсона. — Я привез из Лондона проект и очень доволен, что сделал это. Совсем иначе работается, когда сознаешь, что в любую минуту можно отложить карандаш и угольник, чтобы окунуться в воду. А ты, Ник, написал что-нибудь сегодня?

— А!.. — Николас взмахнул рукой, в которой держал маленькую серебряную ложечку. — Совсем немного. Я сидел на берегу у ущелья и пытался понять, в чем же заключается красота этой Дьявольской скалы, потому что в ней действительно есть что-то дьявольское. Думаю, что я напишу это. Если картина удастся, я назову ее «Ад 1». Я собираюсь сделать целую серию таких вещей... — Он обратился к Джоан: — Ты понимаешь, чего я добиваюсь? Я хотел бы уловить дьявольское пространство и границу адских мук в нем. Конечно, без всяких тематических аналогий. Никто не сможет этого точно расшифровать. Но я буду знать, что думаю о своем Дьяволе. Тогда он станет моей исключительно частной собственностью... — Он рассмеялся. — Впрочем, трудно требовать, чтобы люди могли рассмотреть свои собственные представления о природе в моих картинах...

— Да. Очень трудно... — тихо пробормотал Ирвинг Эклстоун, который, услышав слово «Дьявол», начал прислушиваться к тому, что говорил его зять.

Алекс увидел, что светлая, посаженная на стройной шее головка Джоан быстро повернулась к Агнес Стоун, и услышал поспешный вопрос относительно здоровья старой леди. Но прежде чем медсестра успела ответить, Николас Робинсон с подозрительным спокойствием спросил:

— Что вы хотите сказать этим «очень трудно», славный отче моей красивой жены? Я был бы вам очень обязан за несколько пояснений, хотя меня интересует не столько Дьявол, сколько хорошая живопись, а об этом вы ведь не очень много знаете, как я успел заметить.

— Что я хочу сказать? — Ирвинг секунду раздумывал, и Джо заметил, что его серьезные, скрытые за стеклами глаза внезапно улыбнулись. — Ничего особенного. Просто я считаю, что такого рода трактовка темы вообще не подлежит дискуссии. Я охотно дам тебе как-нибудь несколько пояснений, мой мальчик, если ты, наконец, всерьез займешься живописью.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Пока что все твои картины и так имеют много общего с Дьяволом. Если ты учтешь, что он тот, кто путает людские пути и мысли, тебе наверняка удастся его выразить. Когда-то кто-то назвал его «властителем мрачного хаоса», и сам не знаю почему, но это определение часто приходило мне в голову, когда я смотрел на твои полотна. Несмотря на это, я предполагаю, что эта мистификация должна принести тебе славу. Люди простые, небольшого ума, обычно презирают то, что они в состоянии легко понять. Необходимо большое мужество, чтобы назвать своим именем бессмыслицу, когда она скрыта под словом «современное искусство». Но быть может, я просто ошибаюсь. Действительно, я не так уж много знаю о том, что ты достаточно произвольно именуешь «хорошей живописью», — он рассмеялся. — Вероятно, я очень неприятный старик. Но возраст тоже имеет некоторые плюсы: он позволяет без боязни высказывать свои взгляды.

Николас тоже улыбнулся, но потом невольно сжал губы. Он выпил глоток кофе и взглянул на тестя, по-прежнему улыбаясь. Но в его глазах улыбки не было.

— А что бы вы сказали, если б я нарисовал вас, Дьявола и эту скалу так красиво, что каждый из вас узнал бы себя с первого взгляда и восхитился бы тем, что вы, очевидно, называете «силой выражения»?

— Я пришел бы в восторг, — Ирвинг склонил голову, — и повесил бы эту картину в моем кабинете, а потом смотрел бы на нее ежедневно, радуясь, что мое единственное дитя замужем за талантливым человеком. Но я опасаюсь, что ты не доставишь мне этого удовольствия.

— А я опасаюсь, что доставлю...

Николас хотел добавить что-то, но Джоан поднялась с места и любезно кивнула всем головой, давая понять, что ланч окончен. Угроза возможной ссоры рассеялась. Но прежде чем кто-либо успел покинуть столовую, мистер Джеймс Коттон, подойдя к молодой хозяйке, громко сказал:

— Я хочу попросить у вас прощения за небольшой обман, к которому я прибегнул, явившись к вам в дом...

— Обман? — Джоан улыбнулась и посмотрела на него. В белом простом платье, в туфлях на высоких, тонких каблуках и с волосами, зачесанными вверх надо лбом, она сейчас уже не походила на подростка, а выглядела как молодая дама, наследница громадного состояния и дочь старинного рода, которая с полной свободой умеет сохранять достоинство в любой ситуации.

— Да… — Алекс остановился перед ней, заметив краем глаза, что остальные тоже остановились.

Горничная Синди Роуленд, которая подошла к столу, держа в руке пустой поднос, чтобы убрать посуду, отступила к стене.

— Так вот, — продолжал Алекс, — моя фамилия не Коттон. Она звучит иначе, и поскольку довольно популярна, я перед приездом сюда попросил сэра Александра Джилберна, чтобы он разрешил мне выступить под чем-то вроде псевдонима. Верно, сэр Александр? — он повернул голову и посмотрел на Джилберна, лицо которого выражало безграничное изумление.

— Да, верно... — юрист кивнул головой.

— Моя настоящая фамилия — Алекс, — прибавил Джо быстро, — и я должен просить у вас прощения, миссис Робинсон, что так поздно ее называю.

— Алекс! — Джоан хлопнула в ладоши и на какую-то долю секунды снова стала девушкой в спортивном костюме. — Неужели вы хотите сказать, что вас зовут Джо Алекс?.. Ну конечно! — Она посмотрела на мужа. — Я ведь тебе еще вчера вечером сказала, что я знаю этого джентльмена, но не могу припомнить, где я его видела. Теперь вспоминаю! Ваша фотография

«Всемирная литература» в «Нёмане»

напечатана на обложках всех ваших книг! Как замечательно! Я всегда мечтала с вами познакомиться. Я — ваша самая преданная читательница!

— Вот уж это я могу полностью подтвердить словом чести, — сказал Николас со вздохом.

— А могу ли я, наконец, спросить, что здесь вообще происходит? — Ирвинг Эклстоун подошел к дочери. — Надо ли понимать, что этот джентльмен вовсе не тот, за кого себя выдавал? Зачем, в таком случае, вы взяли на себя труд рассказывать о книге, которую не намерены писать, и расспрашивали о делах, которые вас не интересуют?

— Напротив, — Джо покачал головой. — Демонология — это действительно мое хобби, но...

— Но этот джентльмен — самый совершенный криминологический ум Англии, — закончила Джоан. — А кроме того, он пишет книги. Вы действительно приехали в наши края, чтобы написать роман о Дьяволе?

— Не знаю... — Джо развел руками. — Не знаю, хочу ли я написать такой роман. Я предпочел бы написать научный труд, о котором я недавно говорил с вашим отцом. Потому что, как вы знаете, обычно темой моих скромных сочинений являются преступления. Но я приехал сюда не для того, чтобы стать свидетелем преступления, а затем его описать, а для того, чтобы предотвратить его... — Он улыбнулся и обратился к Ирвингу Эклстоуну: — Мой обман по отношению к вам не столь уж велик. Меня действительно интересует Дьявол, и я действительно хотел бы знать о нем значительно больше, чем знаю. И я надеюсь, что этот дом и его хозяин станут для меня самым лучшим источником сведений, какие только можно себе представить. Если, конечно, вы не откажете от своего приглашения гостю, который с такой легкостью меняет фамилию...

Но Ирвинг Эклстоун не улыбнулся, услышав эту шутку.

— Я думаю, — сказал он тихо, — что вы окажете нам большую любезность, принимая мое приглашение и гостеприимство под этой крышей. Все останется так, как мы решили, и думаю, что Александр не обидится на меня, если завтра вечером мистер Коттон... то есть мистер Алекс ляжет спать уже в Норфорд Мэнор... Я думаю, что все мы будем очень довольны этим, не правда ли?

Наступила минута тишины, а потом Джоан Робинсон быстро сказала:

— Ну разумеется. Я буду надоедать вам вопросами на всевозможные темы. Не понимаю только, что вы имели в виду, говоря... — она умолкла. Потом спокойно продолжала: — Пойдемте в парк. Я думаю, что мужчинам полагается сигара, а мне — час отдыха после ланча. Я — рабыня, правда, не Дьявола, а секундомера, но временами мне начинает казаться, что этот хозяин отнюдь не добрее.

Она кивнула головой и направилась к двери, увлекая за собой остальных. Джо шел в самом конце маленькой группы. Переступая через порог, он на секунду задержался и оглянулся.

Со стены на него смотрел портрет в тяжелой гладкой раме из черного дуба. Ни время, ни наряд эпохи не сделали сэра Джона Эклстоуна более симпатичным, чем он был при жизни. У него было полное, слегка обрюзгшее лицо, а маленькие, широко посаженные глаза смотрели с холодным презрением. С тем же презрением эти глаза смотрели месяц назад и в минувшее воскресенье в лицо человека, который, не оставляя отпечатков пальцев, перевернул этот портрет. А если этот человек посчитал переворачивание портрета предсказанием своего действия, значит он тот, кто хладнокровно убил Патрицию Линч, а теперь готовится к новому преступлению. Но сейчас это, пожалуй, было уже невозможно. Кем бы ни был преступник, несколько минут назад он был предупрежден, что Джо Алекс прибыл в Норфорд Мэнор.

«Всемирная литература» в «Неман»

И хотя Джо не был самонадеянным, он отдавал себе отчет в том, что любой человек, живущий в Англии, ставший или решивший стать на путь преступления, должен знать о нем достаточно, чтобы немедленно потерять охоту действовать.

Мысль эта была утешительной. Но несмотря на это, чувство беспомощности не проходило. Джо вздохнул. Он сделал все что мог. Он объявил убийце о своем прибытии. Ничего другого ему не оставалось. Ближайшие часы должны принести больше информации.

Джо чертыхнулся про себя и вышел в холл.

Глава XIV

«Дай мне его, дух тьмы!»

Они шли вдоль живой изгороди, опоясывающей густым барьером край ущелья, за которым начиналась отвесная скальная стена, ниспадающая к тихо журчащему потоку. С правой стороны, посреди газона, поднималась стройная вышка бассейна, а дальше сад опускался террасами и растворялся в густом лесу, который тянулся еще ниже в долину, где прятался Велли Хауз. Джилберн и Николас Робинсон шли перед ними в шагах пятнадцати... Джо умышленно маневрировал так, чтобы остаться наедине с Джоан. Он заметил, впрочем, что девушка это поняла и помогла ему.

— Скажите мне честно... — она умолкла.

— Да?

— Для чего вы сюда приехали?

— Чтобы найти убийцу вашей тети Патриции Линч и по возможности предупредить, если сумею, какое-либо новое несчастье.

— Так я и подумала, — сказала она спокойно, к его легкому удивлению. — Значит, вы считаете, что он ее убил? Я долго об этом думала, и все же не могу в это поверить. Он ведь не способен на это.

— Кто?

Теперь она посмотрела на него с удивлением.

— Значит, вы не знаете, о ком я говорю?

— Знаю. Но я хотел бы знать, почему вы так предполагаете?

— Я как раз и сказала, что не предполагаю, будто это он. Пока вы не приехали, я готова была думать, что полиция права. Это ведь могло быть самоубийство…

Алекс покачал головой.

— Как? Значит, вы уверены, что это не было самоубийством? Но почему?

— О, давайте пока назовем это не уверенностью, а лишь моим убеждением. Прошу вас, скажите, о чем вы думали непосредственно после этой трагедии?

— Я не знала, что и думать... Видите ли, я ведь ее почти не знала. В течение всей моей жизни она жила в Африке. А потом приехала и почти сразу умерла. Она была грустной и очень нервной... Ее самоубийство не было чем-то невозможным. Вы ведь знаете, что она потеряла мужа?

Алекс кивнул.

— Но с другой стороны... — продолжала Джоан, — возможно, я читаю слишком много детективных романов? Честно говоря, я не читаю ничего другого, ну, может, еще теоретические пособия по легкой атлетике. Так вот, я начала задумываться... А тут произошла эта странная история со следами копыт в гроте... Выглядело действительно зловеще. А этот портрет... В воскресенье его опять кто-то перевернул. Я, конечно, не боюсь, но...

«Всемирная литература» в «Немане»

Она содрогнулась, и Джо понял, что Джоан Робинсон все же боится.

— Вы предполагаете, что еще что-то может случиться?

— Не знаю. Во всяком случае, я обрадовалась, когда вы назвали свое имя. Я столько слышала о вас.

— Один вопрос, а потом одна просьба... — Джо улыбнулся. — Но сначала вопрос.

— Слушаю.

— В тот вечер, перед смертью, не обращалась ли миссис Линч к вам с какой-нибудь просьбой?

— Нет... — девушка после секундного размышления покачала головой. — Она вернулась уже после ужина. У нас ужинают несколько раньше, чем в Лондоне. Это, собственно говоря, поздний обед. Патриция прошла прямо к себе и заперлась в своей комнате. Полиция тоже задавала нам этот вопрос. Оказалось, что к ней никто не заходил, кроме Синди, так как через кухонное окно она заметила ее возвращение. Синди спросила тетю Патрицию, будет ли она ужинать у себя. Тетя ответила, что ничего не хочет. Тогда Синди приготовила ей постель и ушла.

— Так, спасибо. А теперь просьба: прекратите, пожалуйста, ваши тренировки до... Ну, скажем, до завтрашнего вечера, пока я не переберусь в Норфорд Мэнор...

— Это невозможно, — коротко сказала Джоан.

— ...и кроме того, — продолжал Алекс, словно не слыша того, что она сказала, — постарайтесь находиться как можно больше времени в обществе своего мужа. Согласны?

— Но что вы... Что вы хотите этим...

— Ответьте: «согласна», — серьезно сказал Джо.

Должно быть, в его голосе прозвучала какая-то особая нотка, которой он сам не заметил, потому что девушка медленно повернула к нему лицо, и хотя он был готов поклясться, что слово «нет» уже было на ее губах, закрыла рот, а потом тихо сказала: «Согласна». Глаза их на секунду встретились. Джоан отвела взгляд.

Они как раз подходили к бассейну, возле которого остановились Джилберн и Николас Робинсон.

— Очень красивое сооружение... — сказал Джо непринужденно, как бы заканчивая начатую фразу. С искренним восхищением он смотрел на большой, в несколько десятков ярдов, прямоугольник чистой, зеленоватой воды, сквозь прозрачное зеркало которой голубые плиты дна казались салатовыми. — Одно из многих удобств, которые могут себе позволить обладатели больших денег. Это выглядит почти как шикарная ванна.

— Действительно! — Джоан подхватила его шутливый тон. — Это выдумка Тома Кемпта. Мы все обязаны ему до гробовой доски за то, что он придумал способ поднятия воды сюда, наверх, и ее циркуляции.

— Да, это очень интересное техническое решение. А как она возвращается обратно? — поинтересовался Алекс.

— По трубам, проложенным под этой лужайкой, — сказал Николас. — А потом вода падает прямо на дно ущелья и опять соединяется с ручьем.

Они обменялись еще несколькими словами, и Джилберн помахал рукой молодой паре.

— Не забудь о нашем завтрашнем бридже, дядя Александр, — Джоан взяла его под руку. — Завтра — день святого Евстафия, и все наши слуги идут в Блю Медоуз на приходский праздник... Мы оба, — она показала пальцем на себя и мужа, — что-нибудь перекусим, а потом спустимся в Велли Хауз, ну, скажем, в двенадцать. Поиграем два-три часа и, таким образом, как-нибудь переждем самую жару.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

— А как же твоя пробежка? — удивленно спросил Николас.

— Я решила устроить себе один или два дня отдыха. Боюсь перетренировки. — Она глянула на Алекса. — Я отдам распоряжение прислуге. Какую комнату предпочитаете: солнечную или северную? У нас есть две — на выбор. — Она рассмеялась.

— Я — человек скорее хорошего настроения... — Джо склонил голову.

— Ну, значит, южную! Пока до свидания. — Она ушла, повиснув на руке своего высокого мужа.

— Приведите с собой Томаса! — крикнул им вслед Джилберн. — Сыграем впятером!

— Хорошо, если он захочет. Кажется, у него много работы в последнее время...

Джо и сэр Александр начали медленно спускаться к Велли Хауз. Оба молчали. Только когда они оказались в лесу, Джилберн спросил:

— Почему вы открыли им свою фамилию, ведь в Лондоне вы сами предложили иное решение?

— Страх... — тихо сказал Алекс. — Я в ужасе. У меня ирреальное чувство, что еще никогда не имел дела со столь коварным и отчаянным умом. Но, к счастью, я уже начинаю видеть первые проблески света. Хотя туман еще очень густой, очень. Но это уже не полная темнота. Я лишь боюсь, что Дьявол об этом не знает. Он все еще уверен, что скрывается в полной тьме. И поэтому может нанести удар.

Джилберн остановился.

— Кому может быть нанесен этот удар? — спросил он тихо.

— Не знаю, — Джо развел руками. — Но уже начинаю догадываться, в чем тут все дело. Я бы очень хотел, чтобы сейчас был уже завтрашний вечер. Думаю, что, оказавшись на месте, я сумею предотвратить самое худшее... Но, может, я ошибаюсь?

Джо покачал головой и молча двинулся вперед, а сэр Александр шел за ним, тихо постукивая своей тяжелой тростью со стальным наконечником.

* * *

Час спустя Джо пробирался сквозь густой лес к тому месту, где его должен был ожидать сержант Хью Кларенс. Молодой полицейский был уже там. Сначала Алекс увидел между кустами блеск спиц лежащего велосипеда. Потом показался его владелец, держа во рту длинную травинку. Он сейчас же вынул ее и выпрямился.

— Добрый день, сэр... — сказал Хью Кларенс и передал Алексу плоский прямоугольный пакет, плотно обернутый в непрозрачную бумагу с эмблемой магазина, перевязанный тонким, крепким шнурком. — Здесь все, что я собрал на нашей территории, а кроме того конверт из Лондона. Скотленд-Ярд велел вручить его вам как можно скорее.

— Спасибо, — Джо положил пакет в боковой карман пиджака. — Завтра в Блю Медоуз намечается народное гулянье, не так ли?

— Так точно, сэр. Как и каждый год, кажется, уже семьсот лет. Вечером, как всегда, найдется немного работы и для нас, потому что некоторые ребята норовят влить в себя слишком много пива. Впрочем, погода для выпивки не совсем подходящая... — он провел пальцами по воротничку мундира. — Душно. Но в целом у нас тихие места, и здесь никогда не бывает серьезных скандалов.

— Да уж наверно... — Джо потер рукой лоб. — Это даже хорошо, ибо я буду вам очень признателен, сержант, если завтра вы пренебрежете своими служебными обязанностями.

— Не понял, сэр? — Кларенс поднял брови.

— Я имею в виду это гулянье. Я бы хотел, чтобы кто-нибудь из полиции постоянно патрулировал местность Норфорд Мэнор. Я знаю, что это непросто, так как вас в Блю Медоуз, кажется, всего пять человек. Но мне это представляется обязательным. И было бы очень хорошо, если б жители усадьбы как-то узнали, что вся местность находится под наблюдением полиции. Вы меня понимаете?

— Думаю, да, сэр. Вы хотите сказать, что мы должны патрулировать район так, чтобы жители дома нас заметили, а одновременно чтобы им казалось, будто мы не желаем быть замеченными. Так, сэр?

— Именно так мне бы и хотелось.

— Не следует ли обратить особое внимание на кого-то… на кого-то конкретно?

— На всех, сержант. Кроме этого, я не могу сказать вам ничего больше. Я лишь знаю, что сегодня ночью, а возможно, даже вечером, кто-то может попытаться совершить убийство. Он может также совершить убийство завтра утром или завтра днем. Он может совершить его внутри дома или по соседству с ним. А может и не совершить его вообще. Я не знаю. И не знаю также, можно ли предотвратить убийство, испугав убийцу. Кроме того, хотя может показаться, что такой метод предотвращения убийства выглядит ребяческим, я размышляю над тысячей ситуаций, когда в таком лесном скалистом районе вооруженный представитель закона и хорошо обученная полицейская собака могут внезапно потребоваться. Проблема в том, что я не уверен, кто убийца, кого он хочет убить и какие выберет обстоятельства для совершения убийства. Эта молодая дама, бегающая в одиночестве по лесу, тоже меня несколько беспокоит...

— Миссис Джоан Робинсон... — сержант быстро взглянул на него. — Как преступник или как возможная жертва, сэр?

Некоторое время Джо не отвечал. Потом тихо сказал:

— Думаю, что, по крайней мере, она должна находиться под нашей опекой. Она обещала мне, что до завтрашнего вечера прекратит тренировки. А завтра вечером я поселюсь в Норфорд Мэнор. У вас есть под рукой хороший пес?

— Да, сэр. Есть превосходная собака. Овчарка по кличке Нокс. Умная, как человек, но, к счастью, менее болтливая. Как долго надо будет патрулировать эту местность? — он указал рукой на уходящий вверх лес.

— Не знаю... — Джо развел руками. — Может быть, день, может, неделю, а может, и целые годы. Дьявол вечен.

Джо поднялся с травы, на которой оба сидели, скрытые от глаз возможных прохожих.

— Я, разумеется, шучу. Я пробуду здесь еще три дня, и если в течение этого времени ничего не придумаю, еще раз встречусь с вами здесь же, хорошо?

— Так точно, сэр.

Сержант Кларенс с почтением пожал ему руку, взял свой велосипед и повел его по тихо шуршащим сосновым иголкам. Когда он исчез, Джо двинулся по направлению к Велли Хауз.

Приближаясь к воротам в каменной стене, окружающей поместье, он внезапно переменил намерение и, направившись в сторону невидимого ущелья, пошел вдоль ограды, где, наверно, уже много лет не ходил ни один человек, потому что кусты густо разрослись и не видно было никакой тропинки.

Джо шел, глубоко задумавшись. Несколько раз он хотел присесть, чтобы открыть пакет, но решил отложить это на потом. Сейчас следовало

просто ознакомиться с местностью, и кроме того, он предполагал, что длительная прогулка по склонам холма благотворно повлияет на состояние его духа.

Внезапно лес кончился, и Алекс почти под самыми ногами увидел дно ущелья, а прямо перед собой противоположную скальную стену. Ущелье здесь, наверху, казалось намного глубже, чем внизу, где поток, стремясь к равнине, бежал, стиснутый меж двумя скалами. Джо пошел вдоль края обрыва, выискивая место для спуска. Пройдя несколько сот ярдов, он увидел узкую тропинку, бегущую, вероятно, из Велли Хауз в деревню Норфорд. Тропинка была крутая, но сравнительно удобная, и он сошел по ней на дно ущелья, почти не выпачкав туфли. По нескольким, словно нарочно уложенным, валунам он пересек ручей и начал взбираться на противоположный склон. Не сходя с тропинки, он вошел в лес, растущий на склоне холма, и когда тропинка свернула направо, сошел с нее и направился влево, в сторону, где находилась невидимая отсюда Дьявольская скала. Джо шел, укрытый тенью деревьев, стараясь не приближаться к краю, откуда его мог бы увидеть каждый, кто находился бы сейчас между Велли Хауз и Норфорд Мэнор. Он снова обнаружил след тропинки, по-видимому, редко используемой, поскольку на ней уже начал расти темно-зеленый мох. Наконец он увидел вдали деревья парка и скалу, а на ней — дом Эклстоунов. Джо отступил глубже в лес, но шел недолго, потому что вскоре деревья кончились, и он оказался перед обрывистой скальной стеной, стремящейся ввысь и освещенной у верхушки лучами солнца, которое стояло уже довольно низко.

Дьявольская скала. Некоторое время Джо стоял неподвижно, разглядывая мелкие травинки, растущие в каменных щелях. Он подумал о Лондоне, который находился совсем близко со своими тысячами улиц, толпой прохожих и рекой автомобилей. Достаточно было сесть за руль, чтобы в течение часа миновать сотни лет и оказаться в темном, призрачном мире средневековья...

Где-то здесь должна была начинаться тропинка в грот, который находился ниже — в самом центре стены ущелья.

Продвигаясь медленно и по-прежнему стараясь не показываться на краю, поскольку окна Норфорд Мэнор были сейчас так близко, что можно было бы пообщаться с его жителями даже не повышая голоса, Джо принялся кружить у подножия скалы. Наконец он нашел то, что искал. Тропинка бежала в направлении, противоположном тому, откуда он пришел, и поэтому не сразу ее обнаружил. И тогда Джо лег и пополз, как мальчишка, играющий в индейца, медленно продвигаясь от куста к кусту и от пня к пню, пока, наконец, не очутился на самом краю и, скрываясь за карликовым можжевельником, посмотрел вниз. Джо увидел уходящие наискосок от этого места вырубленные в скале ступени, которые, несмотря на опасный вид, были довольно удобны для спуска и заканчивались скальной площадкой посредине стены. Успокоенный, он отступил, потом встал и, прячась за деревьями от возможных любопытных глаз, тщательно отряхнул одежду. Это не очень помогло — влажные зеленые пятна на локтях и коленях остались. Джо перестал ими заниматься, уселся под скалой в укромном месте и закурил. Он сидел так, размышляя и выкуривая сигарету за сигаретой, в ожидании, когда наступят сумерки. Теплый закат, постепенно угасая, повис над расположенной между двумя скалами далекой равниной Кембриджшир. Наконец стало темно. Джо встал. Он улыбнулся, подумав о тревоге, которая, должно быть, охватила его хозяина. Он хотел поговорить с сэром Александром еще сегодня. Сквозь кусты он взглянул на противоположный край ущелья. В окнах Норфорд Мэнор уже горел свет.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Джо осторожно придавил каблуком последнюю сигарету и хотел уже двинуться в сторону ступенек, ведущих к скальной площадке, как вдруг застыл неподвижно.

Кто-то тихо шел через лес в его сторону. Под деревьями было уже совсем темно, и когда неясный силуэт миновал его на расстоянии нескольких шагов, он не рассмотрел ни лица, ни деталей одежды. Человек, словно тень, прошел очень тихо и так же бесшумно исчез за краем ущелья. Джо выждал некоторое время, а потом, медленно переступая с ноги на ногу, чтобы случайно не сломать сухую ветку, и тихонько спускаясь все ниже и ниже, пошел вслед за тенью. Одно он знал точно — это женщина.

Джо осторожно выглянул вниз из-за скалы. Луна еще не взошла. В призрачном блеске звезд и света из дальних окон Норфорд Мэнор, на фоне скалы, он увидел темное пятно, похожее на силуэт женской фигуры, которое медленно двигалось вправо и вниз. Опустившись до темной скальной площадки, пятно слилось с ней и как бы остановилось. Джо напряг зрение, но ничего не увидел. Пятно исчезло. Должно быть, там находился Дьявольский грот.

Застыв неподвижно за кустом можжевельника, Алекс смотрел в темную пропасть ущелья, вслушиваясь в тихий шепот ручья внизу. Затем он начал осторожно спускаться вниз, по каменным ступеням, прижимаясь к стене, чуткий, как кошка, стиснув зубы и молясь всем богам, чтобы не столкнуть какой-нибудь камешек.

— Она сумасшедшая... — сказал Джо сам себе, беззвучно шевеля губами. — Просто сумасшедшая...

Он поставил ногу на маленькой скальной площадке, и перед ним открылось черное овальное отверстие в рост человека. Прижимаясь к стене, Джо осторожно огляделся.

Некоторое время он ничего не видел. Потом ему показалось, что он различает в глубине резко сворачивающий вправо скальный коридор. Где-то там, в конце узкого тоннеля, мерцал бледный отблеск как бы свечи, зажженной где-то за поворотом, в глубине пещеры, и колеблющейся от дуновения ветерка.

Джо Алекс с внезапной симпатией вспомнил о докторе Ямамото с его раскосыми японскими глазами и тихо, как призрак, проскользнул в черную пасть пещеры.

Под ногами он ощущал сухой камень, а местами сыпучий песок. Джо двигался согнувшись, хотя казалось, что темнота над его головой тянется далеко ввысь. Перед самым поворотом коридора он остановился и затаил дыхание.

Звучал женский голос, тихий, торопливый и страстный. Опираясь пальцами на холодную стену коридора, Джо выглянул. То, что он увидел, было настолько невероятно, что некоторое время он всматривался как зачарованный в эту картину, исчезающую и вновь проявляющуюся в блеске пламени, отблески которого метались по стенам, будто быстрые, юркие рыбки.

Перед ним, освещенная маленьким, горевшим на земле костром, находилась небольшая, почти округлая скалистая пещера. Ее дно, идущее под уклон к одной из стен, заканчивалось темной расщелиной. Перед ней на коленях стояла женщина, с черными распущенными волосами и молилась, сложив руки.

— Дай мне его... дай мне его, Дух Тьмы... Я хочу стирать его рубашки и ухаживать за ним во время болезни. Я хочу любить его ночью и готовить ему пищу днем. Дай мне его! Только ты можешь дать его, ибо все нас разделяет, и он никогда не захочет взять меня в жены. Он захочет со мной спать

«Всемирная литература» в «Нёмане»

и будет ко мне добр. Но в жены возьмет другую. А для меня нет без него жизни... Я отдам тебе свое тело и душу, и вечное спасение за одно это...

Она умолкла и склонила голову. Теперь она горячо говорила что-то, но так тихо, что до Джо долетал лишь легкий шелест ее слов. Затем она развела молитвенно сложенные руки и из маленького узелка, лежащего рядом на каменном полу грота, вынула пучок засушенных трав и швырнула в угасающий огонь. Пламя на секунду вспыхнуло ярче и снова стало угасать.

Джо отпрянул и на цыпочках, шаг за шагом, сдерживая дыхание, отступил к выходу из грота.

* * *

Когда час спустя сэр Александр Джилберн лично открыл Алексу дверь дома в ответ на его тихий стук, он тут же отступил в изумлении.

— Боже мой! Что с вами случилось?

Алекс оглядел себя при свете и увидел, что он с ног до головы измазан грязью, глиной и прилипшими к ним сосновыми иголками.

— Я был на прогулке... — он улыбнулся. — Я преодолел четыреста лет в течение нескольких часов. Наш друг Эйнштейн был бы мной доволен.

— Я не знаю, где вы побывали, но вид у вас такой, будто вышли из ада.

— О, да — приблизительно. Во всяком случае, я слегка устал. Эта гроза слишком долго висит в воздухе. Ночь гораздо теплее, чем обычно в это время.

— Да... — знаменитый юрист еще раз внимательно осмотрел своего гостя. — После того как умоетесь, оставьте вашу одежду в ванной. Остин придет туда утром и постарается привести ее в порядок, прежде чем вы проснетесь.

— У меня есть другой костюм...

— Неважно. Он отлично умеет это делать. Однако мне не кажется, что вы ужинали в том месте, которое посетили, верно?

— Большое спасибо. Но я не голоден. Вот разве что чашечку чая... — Джо зевнул, прикрывая рот рукой. — И если это не покажется слишком назойливым, я бы хотел еще сегодня отнять несколько минут вашего времени.

— О, разумеется. Принимайте ванну. Чай будет вас ждать. А что касается меня, то я вообще засыпаю с трудом, а в это время — никогда.

— Я очень рад. Меня интересуют некоторые архитектурные проблемы.

Джилберн поднял брови, но ничего не сказал.

— Я имею в виду расположение комнат в Норфорд Мэнор.

— Вижу, что вы неутомимы. Если бы еще вам повезло в ваших начинаниях!

— За это не ручаюсь, — сказал Джо серьезно. — Уже очень давно я не оценивал свои способности в мрачной области раскрытия убийств столь низко, как сейчас.

— Вы обнаружили сегодня вечером что-нибудь интересное?

— Нет. В определенном смысле — ничего неожиданного. Но фактов у меня стало больше. А как сказал наш друг Герон[1]: «…я прихожу к выводу, что знание может быть использовано не только для улучшения жизни человека, но также для того, чтоб поселить в нем страх и удивление». Но пока оставим это. Меня не покидает странное ощущение: о чем бы я ни

[1] Герон (I век до н. э.) — древнегреческий инженер и ученый, работавший в Александрии.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

подумал — это сразу кажется мне бессмыслицей. Истина значительно проще или значительно сложнее моих гипотез. Через четверть часа я вернусь, если позволите.

Джо быстро поднялся по лестнице, и когда через пятнадцать минут вернулся, Джилберн ожидал его почти на том же месте и с тем же выражением лица, с которым Джо его оставил. Они сели за стол и, ожидая, пока чай немного остынет, Алекс перешел к делу.

— Я сегодня заметил, что доктор Дюк живет внизу, на первом этаже, верно? Меня это заинтересовало потому, что в домах такого рода спальни расположены, как правило, на втором этаже, и в любом случае они не могут быть на одном уровне со столовой и салоном. Живет ли кто-нибудь еще внизу?

— Да... Раньше действительно было так, как вы говорите, но когда у старой леди Элизабет отнялись ноги, она решила перенести свою спальню вниз, а вместе с ней туда перебрались врач и медсестра, которых леди хотела иметь ночью поблизости. Тогда в доме были сделаны некоторые переделки, и под спальни оборудовали две небольшие гостиные и бывшую охотничью комнату. Кроме того, достроили дополнительные ванные. Впрочем, желание старой леди таково, что после ее смерти все должно быть восстановлено в первоначальное состояние. Внизу, кроме того, имеется маленькая гостиная, которую занимал Томас Кемпт, когда еще мальчиком приезжал сюда вместе с матерью. С тех пор он занимает ее всегда, когда приезжает в Норфорд Мэнор. Комнаты прислуги тоже внизу и выходят окнами на пропасть. Со стороны сада они выглядят как полуподвалы, но в действительности у них такие же большие окна, как и в комнатах первого этажа. Они только ниже расположены. Размещение комнат на втором этаже вы частично знаете. Переезд матери и ее окружения Ирвинг Эклстоун немедленно использовал для расширения территории своего музея. Сейчас он занимает там в сумме пять помещений: кабинет, три комнаты музея и спальня. Напротив расположены комнаты Джоан и Николаса, а также несколько свободных гостиных, сейчас никем не занятых. И это все. Резиденция невелика и никогда не расширялась из-за ее месторасположения. В конце концов, редко встречаются дома, у которых стены с трех сторон опадают в пропасть.

— А вы не могли бы, сэр Александр, нарисовать по памяти эскизы первого и второго этажей Норфорд Мэнор?

— Вероятно, да, но это не обязательно. — Он вышел из комнаты и минуту спустя вернулся с тонкой картонной папкой. — У меня есть подробный план дома, поскольку я присматриваю за его состоянием и оплачиваю все ремонтные работы. Хотите взять его в свою комнату?

— Если вы разрешите.

— Охотно. — Джилберн вынул из папки несколько чертежей, выбрал один из них с надписью «II этаж» и показал Алексу. — В этой комнате умерла Патриция... — сказал он тихо. — Я говорю вам об этом, предполагая, что это может вас заинтересовать.

— Спасибо, — Джо вложил чертежи в папку и встал. — Спокойной ночи, сэр Александр. Если просплю — прошу меня не винить, сегодня ночью буду долго работать.

— Я уверен, что никто вам не помешает хорошо выспаться...

Джо направился к двери, но остановился на пороге.

— Да, еще одна мелочь. Не знаете ли вы, почему все окна в Норфорд Мэнор забраны решетками?

— Знаю. Первый этаж был снабжен ими, вероятно, еще в первые годы после постройки дома, а решетки на втором этаже — это идея миссис Эли-

забет Эклстоун. Она боялась за детей — Патрицию и Ирвинга. Почти все окна выходят на глубокую пропасть. После установки решеток она была спокойна за то, что никто из детей не высунется слишком далеко через подоконник. А потом все так и осталось.

— Понимаю. Спокойной ночи, сэр Александр.

И Джо Алекс поднялся к себе. Он долго разглядывал чертежи старого дома. Потом сложил их в папку, зевнул и осмотрелся. Его взгляд остановился на пишущей машинке, и ему показалось, что она ответила ему взглядом, а в ее многочисленных маленьких, густо посаженных глазках-клавишах мелькнуло что-то похожее на упрек.

Он потушил свет и улегся в старинную кровать, где до него лежало очень много людей, вслушиваясь так же, как и он сейчас, в шум деревьев за окном.

Засыпая, он вдруг ощутил очень неприятное чувство. Он тут же очнулся с твердой уверенностью, что о чем-то забыл. Но о чем? И вдруг понял: прошло уже два дня с тех пор, как он в последний раз подумал об одной девушке, которая, вероятно, сейчас крепко спала под теплым звездным греческим небом.

С минуту он полежал без движения, потом вздохнул и тихо сказал в пустоту темной комнаты:

— Не сердись, любимая, это чертовски сложная история. И я так мало понимаю из всего этого... А ты ведь знаешь, что это нечасто со мной бывает.

Он хотел сказать еще что-то, но, видимо, Эфиальт, греческий демон сна, спутал его мысли.

Джо Алекс уснул.

Глава XV

Утро перед грозой

Несмотря на обещание, Джо спал недолго. Он проснулся, когда весь дом еще был погружен в сон. Солнце уже встало и пряталось низко за деревьями, а парк пробуждался, и через открытое окно в комнату влетали голоса невидимых птиц, сидящих на ветках ближайшего каштана.

Некоторое время Джо лежал неподвижно, не в состоянии понять, откуда несутся эти звуки и где он находится. Потом, в одну секунду, он все припомнил и сел на кровати.

Затем встал и, прислушиваясь к тихому плеску воды, наполняющей ванну, подошел к окну. Несмотря на ранний час, по-прежнему стояла жара. Сквозь голубизну безоблачного неба пробивался необычный, почти неуловимый стальной оттенок. Гроза, которая нарастала в атмосфере в течение двух последних дней, становилась почти осязаемой, словно каждый атом воздуха был заряжен электричеством.

Джо принял ванну, оделся и посмотрел на часы. Ровно пять. Он улыбнулся. В течение последних месяцев он не раз ложился спать в этот час, но уже давно не просыпался в это время. Он сел за стол. На листе бумаги, вложенном в пишущую машинку, появилось неуловимое облачко пыли, которое поднялось, когда он прикоснулся к нему пальцами. Греция. Книга. Джо вздохнул. Потом беспокойно пошевелился. Нервное напряжение возвращалось. Где-то на дне этого хаоса должно находиться совсем простое и ясное решение. А он, человек, о проницательности которого кружили по стране легенды, сидел вот тут и ничего не понимал. В каждой гипотезе, какую ему удавалось выстроить, сразу же обнаруживалась какая-то деталь,

которая делала ее бессмысленной. Но ведь Патриция Линч не могла совершить самоубийство. Это он знал твердо. Она не могла его совершить. Значит, кто-то ее убил. Но зачем, в таком случае, этот кто-то вытворял потом свои дьявольские штучки с отпечатками и портретом?.. Безумие? А может, просто ловкость? Конечно, если бы его доставили сюда хотя бы через день после ее смерти, если бы он лучше знал этих людей, если бы допросил их... Но он приехал сюда, когда на могиле этой женщины выросла, наверно, высокая весенняя трава, а время стерло остроту тех минут в памяти людей...

Одно было несомненным: убийца остался в Норфорд Мэнор и действовал дальше. Он не боялся полиции, не боялся разоблачения, не боялся даже, что его поведение предостережет всех вокруг. Правда, кем бы этот убийца ни был, он уже знал, что сам знаменитый Джо Алекс приехал сюда, чтобы расследовать обстоятельства смерти Патриции Линч. А если и это его не остановит?

Джо стиснул зубы. «Тогда я тебя достану...» — сказал он тихо и содрогнулся, потому что сразу же перед его глазами появилось лицо убийцы. Он задумался. Не впервые лицо это появлялось в его раздумьях. Мотив был очевиден, но ни тени доказательств.

Он встал. Распечатанный конверт с документами от Паркера лежал возле кровати. Он взял его в руки.

— Томас Кемпт... Агнес Стоун... Александр Джилберн... Арчибальд Дюк... Ирвинг Эклстоун... Элизабет Эклстоун... Джоан Робинсон... Николас Робинсон... заметки, касающиеся прислуги... Радиограмма из Южной Африки о жизни и делах умершей Патриции Линч...

Абсолютно ничего интересного. Богатство Эклстоунов проверено, оно нерушимо, вот отзыв нескольких банков... Джилберн: без пороков, известный юрист, очень богат, большое состояние, унаследованное от родителей, несколько увеличенное благодаря успешной юридической деятельности... Доктор Дюк: способный врач, происходит из бедной деревенской семьи, стипендиат. Помогает семье. Счет в банке систематически увеличивается на небольшие суммы, никогда ничего не снимал со счета... Агнес Стоун, лучшая выпускница школы медсестер... сирота. Ее нынешняя работа первая, которую она получила сразу после окончания школы... Робинсоны — хорошая семья, прочное финансовое положение, много друзей, милые люди, всеобщие любимцы... Прислуга: безукоризненна, никаких хищений, никаких скандалов.

Джо отложил бумаги, потом спрятал их в чемодан и запер ключиком замок. Затем, после некоторого колебания, снова открыл чемодан, достал оттуда автоматический пистолет и запасную обойму. Он проверил пистолет и положил его в один карман, а обойму — в другой.

— Прекрасно! — сказал он вполголоса. — Я веду себя, как шут из детективного фильма. Мне бы еще пуленепробиваемый жилет и связку ручных гранат за поясом. И в кого это, собственно говоря, я собираюсь стрелять в этом чудесном уголке страны? В кого из этих безупречных граждан? В известного юриста, способного архитектора, знаменитую спортсменку из хорошей семьи? А может, в разбитую параличом даму? В каком-нибудь детективном романе она могла бы вставать ночью и переворачивать портрет… Но как? А следы в гроте? А убийство Патриции? Если бы дочь увидела мать на ногах, она выбежала бы сразу в коридор, чтобы позвать всех домашних... У меня начинается бред...

Несмотря на это, он не вынул пистолет из кармана и не спрятал обратно в чемодан.

Он опять отошел к столу. И вдруг замер.

«Всемирная литература» в «Неман»

Внизу звонил телефон. Потом утих. Джо посмотрел на часы. Пять двадцать утра. Сердце забилось быстрее. Значит, все-таки это случилось!

Сквозь толстые стены не проникал ни один звук. Птицы за окном разом стихли, но другие громко запели. Джо осторожно закрыл окно. Он ждал.

Через минуту он услышал то, что так опасался услышать. Глухое медленное постукивание на лестнице. Сэр Александр Джилберн поднимался на второй этаж.

Джо двинулся к двери, но остановился посреди комнаты. Стук.

— Войдите!

Дверь открылась. Знаменитый юрист стоял в халате, накинутом на пижаму.

— Вы не спите...

— Нет. Что-то случилось?

Джилберн вошел и закрыл за собой дверь.

— Только что звонил Томас Кемпт. Портрет сэра Джона Эклстоуна сегодня ночью снова перевернулся лицом к стене.

— Это хорошо! — сказал Джо с таким явным облегчением, но Джилберн посмотрел на него с недоумением.

— Что вы хотите этим сказать?

— О, ничего. Я опасался, что там могло случиться нечто худшее, если говорить откровенно.

— Кемпт ждет у телефона, — Джилберн повернулся к двери. — Он спрашивает, что делать. Я сказал ему, что мы приедем туда на автомобиле через четверть часа… Я думал, вы спите. Я только что-нибудь на себя накину и выведу из гаража машину. Или, может быть, вы лучше выведите свою, а я пока оденусь, хорошо?

— Уже иду.

Они вышли. Через несколько минут Джо подъехал к дому. Джилберн, не побритый, но одетый и причесанный, вышел и сел рядом с ним. Не говоря ни слова, они поехали. Подъехав к воротам парка, Джо коротко спросил:

— Направо?

— Да. Эта дорога ведет только в Норфорд Мэнор и там заканчивается. Она серпантином пересекает лес и выходит прямо к парку.

Через минуту дорога пошла в гору. Алекс переключил скорость, и двигатель заурчал натужнее. Они ехали в тени, между деревьями леса. Вскоре дорога резко повернула, потом еще раз в обратном направлении, и между расступающимися зарослями он увидел дом и высившийся по другую сторону невидимого ущелья пик Дьявольской скалы. Не доезжая ста ярдов до дома, Джо выключил мотор, и машина бесшумно подкатилась к террасе. Они вышли. В открытых дверях стоял Томас Кемпт в пижаме и халате. Джо махнул ему рукой, обошел машину и посмотрел на дорожку, влажную от утренней росы. На ней отчетливо виднелись следы мужских ног, уходящие от дома по главной аллее вниз, к дороге на Велли Хауз. Джо пригляделся к ним, а потом направился в сторону террасы.

— Добрый день! — он протянул руку Кемпту. — Наш друг снова дал о себе знать.

— Да... — Томас кивнул головой и повел их в сторону столовой. Остановившись перед дверью, он вынул из кармана ключ и повернул в замке. — Я не хотел, чтобы кто-нибудь сюда входил... — сказал он, отворяя дверь и пропуская их вперед.

Джо вошел и осмотрелся.

Сэр Джон Эклстоун исчез со стены. На его месте виднелся темный прямоугольник старого холста. Портрет не был даже укреплен сзади план-

«Всемирная литература» в «Нёмане»

ками. Алекс подошел ближе и осмотрел его. Потом придвинул кресло и сказал:

— Надо его осторожно снять. — Он направился к двери. — Подождите здесь минутку, джентльмены, и прошу вас ни к чему не прикасаться.

Он вышел. В холле по-прежнему никого не было. Джо пересек террасу, подошел к машине, открыл багажник и вынул из него маленький чемоданчик. Затем сунул руку в кармашек дверцы со стороны водителя и достал из него перчатки. Потом вернулся в столовую. Было пять часов сорок пять минут.

Алекс открыл маленький чемоданчик и начал вынимать из него какие-то принадлежности. Кемпт и Джилберн молча смотрели на него.

— Это вы нашли портрет в таком положении? — спросил Джо, прочищая замшевой тряпочкой большое увеличительное стекло.

— Нет. Синди. Я встал рано, потому что поставил будильник на пять часов. У меня очень много работы, связанной с проектом; честно говоря, это моя первая крупная работа. Я привез ее с собой из Лондона, потому что здесь мне как-то лучше думается. Так вот, я встал и вышел в коридор. Я хотел сбегать в бассейн, чтобы окунуться, прежде чем сесть за рабочий стол. Вода смывает остатки сна и освежает... Итак, я вышел в коридор и встретил Синди. Вначале я даже удивился, что она так рано встала. Но я об этом тут же забыл, когда она подошла ко мне и сказала: «Опять». Она показала на дверь в столовую, и я сразу догадался, в чем дело. Я заглянул, и портрет висел так, как висит сейчас. Я закрыл столовую на ключ, велел Синди идти вниз и заниматься своими делами, а потом сам не знал, что делать дальше. Я подумал, что вы находитесь в Велли Хауз и, конечно, будете знать лучше меня, как в таком случае поступить, а кроме того вы, наверно, захотите быть как можно скорее на месте, поэтому, несмотря на ранний час, я позвонил. Вот, кажется, и все...

— А вы не обратили внимания, кто из домашних покинул дом сегодня утром и еще не вернулся?

— Что? Кто-то вышел?.. Значит, поэтому вы осматривали землю перед террасой.

— Поэтому... — Алекс встал на кресло и, натянув перчатки, осторожно снял портрет, держа его пальцами в тех местах, которые перед этим осмотрел. — Там, конечно, не было отпечатков пальцев... — пробормотал он. — И я убежден, что их не будет и нигде в другом месте... Разве что наш Чертенок сменил метод... Но не думаю. Это очень последовательная личность...

Сохраняя по-прежнему предельную осторожность, он сошел с кресла, перевернул портрет и поставил его на полу наискосок так, что только узкий кант рамы прикасался к стене. Затем маленьким шприцем, похожим на пульверизатор, распылил по всей поверхности рамы темный мелкий порошок. Потом медленно, сантиметр за сантиметром, осмотрел всю поверхность с обеих сторон, не пропуская ни малейшего следа или царапины. Он на минуту застыл и долго рассматривал свежую острую царапину длиною в сантиметр. Под стеклом царапинка выглядела как глубокая канавка с растрескавшимися краями, но была настолько мала, что невооруженным глазом ее трудно было бы заметить.

— Вы что-нибудь нашли? — спросил Джилберн, сосредоточенно присматриваясь к нему.

— Не знаю. То есть, да, но еще не знаю, что эта царапина означает. — Он обратился к Кемпту: — Вы не могли бы попросить сюда на минуту горничную Роуленд?

— Конечно... — Кемпт бросился к двери, явно радуясь, что ему дали возможность действовать. Черты его энергичного, мужественного лица выражали решительность.

Когда он вышел, Джо закончил осмотр и выпрямился.

— Так я и предполагал... — сказал он негромко, но Джилберн его услышал.

— Нет никаких следов?

— Никаких. Наш друг, как видно, настаивает на том, чтобы мы поверили в сверхъестественные особенности этого портрета. — Он глянул на полное лицо сэра Джона, которое было от него сейчас на высоте не большей, чем находилось бы лицо ребенка, стоящего напротив. Но лицо клятвопреступника не было похожим на лицо ребенка. Алексу вдруг показалось, что он увидел на этом лице выражение безумного страха. Потом впечатление исчезло и осталось лишь светлое пятно на темном фоне. Время вспахало поверхность портрета, как кожу старушки: она вся покрылась тонкими мелкими морщинками.

— Вы звали меня?... — Синди Роуленд стояла за его спиной, одетая в свое служебное черное платье и безупречной белизны передник. Из-под такого же белого чепчика, который красиво контрастировал с ее черными волосами, на Алекса смотрели спокойные глаза, а над ними, как ворон с распростертыми крыльями, нависали прямые, густые, сросшиеся над носом брови.

— Да, мисс. Вы нашли сегодня этот портрет повернутым к стене?

— Да, сэр.

— Когда это могло быть?

Синди бросила взгляд на маленькие часики, которые едва выступали из-под рукава платья.

— Ровно час назад, сэр. Было без пяти минут пять.

— Вы посмотрели тогда на часы?

— Да, сэр. То есть, нет, сэр. На часы я посмотрела, когда надевала их на руку. Тогда было без десяти пять. А с этого момента не могло пройти больше пяти минут.

— А зачем вы пришли в столовую?

— Я хотела собрать чашки и пепельницы. Они всегда остаются вечером, потому что тут маленький бар и кофеварка, а господа часто выпивают стаканчик чего-нибудь перед сном или делают себе кофе, если работают ночью, когда прислуга уже легла спать.

— Вы всегда так рано встаете и принимаетесь за работу?

— Да, сэр. То есть, нет, сэр... — она заколебалась.

Джо, который внимательно смотрел на нее, заметил, что сегодня Синди значительно бледнее, чем тогда, когда он увидел ее впервые.

— Обычно, — продолжала Синди, — я встаю в половине шестого и начинаю работу в шесть, но сегодня день святого Евстафия, и в Блю Медоуз будет праздник. А у нас такой обычай, что вся округа туда собирается. Здесь в доме прислуга всегда подает завтрак немного раньше, и ее отпускают до следующего утра, потому что гулянье часто затягивается, если погода хорошая. Поэтому я встала раньше, выкупалась и быстро оделась, так как хотела убрать внизу и выгладить себе платье, прежде чем Марта встанет и начнет готовить завтрак. Потом у меня уже не было бы времени до самого ланча, потому что надо разнести завтрак по комнатам, застелить постели, помочь миссис Стоун при старой леди, а потом начинается ланч. Поэтому я встала еще до пяти часов и пришла сюда, чтобы убрать посуду. И тогда увидела портрет.

— И что вы сделали?

— Ничего. А что можно с этим сделать? Такие вещи неподвластны челов... — она прикусила язык. — Я собрала на поднос чашки и вышла. А тут встретила в коридоре мистера Кемпта и сразу сказала ему, что я

«Всемирная литература» в «Нёмане»

здесь видела. Мистер Кемпт заглянул, потом запер дверь на ключ и велел мне идти к себе и никого не будить. Когда я спускалась вниз, я слышала, что он говорил по телефону. Кажется, с вами, сэр? — Она склонила голову в сторону Джилберна. — Я услышала фамилию. И потом я сошла вниз, поставила в кухне поднос на стол и вернулась к себе в комнату.

— И начали гладить платье?

— Да... — она подняла брови. — Ведь именно для этого я и встала раньше.

— Лютер, — сказал Алекс, обращаясь к Джилберну, — проживая в Виттенбергском монастыре, часто просыпался по ночам, как он сам рассказывал и, услышав в коридоре шум, внимательно прислушивался. Убедившись, что это не нападение грабителей и не пожар, а всего лишь Дьявол, он снова спокойно засыпал.

— Чистая совесть, — ответил Джилберн, — бывает и щитом, и мечом.

— Вот именно. А вы, мисс, как видно, не боитесь Дьявола?

— Нет, сэр. Я его не боюсь, — Синди спокойно покачала головой.

Алекс открыл было рот, но ничего не сказал. Некоторое время он молчал.

— Спасибо, мисс...

Синди сделала реверанс и направилась к двери. Потом остановилась.

— Извините, что спрашиваю, но вы, наверно, еще ничего не ели? Может, подать кофе и что-нибудь перекусить?

Прежде чем Джо успел ответить, приоткрытая дверь распахнулась, и на пороге появилась Джоан Робинсон, одетая в красивую серую пижаму и коротенький красный халатик, который придавал ей сходство с греческой девушкой, сошедшей с древней каменной фрески. Она была настолько сонной, что даже серьезный сэр Александр улыбнулся, увидев ее.

— Николас... — сказала она зевая. — Ты здесь? — Оглядевшись, она увидела Алекса и Джилберна, потом взгляд ее привлек стоящий на полу портрет. Она тряхнула головой, отгоняя сон. — Что случилось? — Затем вошла в комнату и приблизилась к Джо. — Что, он опять?.. — и показала рукой на портрет. В течение доли секунды ее сонливости как не бывало.

— А вы ищете мужа? — спросил Алекс, отвечая вопросом на вопрос.

— Да... — Джоан посмотрела ему в глаза, и внезапно он увидел в них испуг. — Мы собирались утром пойти к ущелью. Николас хотел начать работу на рассвете, потому что, как он сказал, только в это время освещение будет соответствовать тому, что он задумал написать. Я приготовила с вечера термос с кофе, и мы собирались встать в пять часов. Я хотела пойти с ним... — Она заколебалась и посмотрела на Алекса. — Я решила прервать тренировку и два дня отдохнуть. Но когда я проснулась и заглянула в его комнату, Николаса уже не было. Должно быть, он вышел раньше, потому что постель уже совсем холодная... Ну, я и сошла вниз... Наверно, он встал раньше и не хотел меня будить...

— Наверно... — Алекс осмотрелся. — Ваш отец, по-видимому, еще спит?

— Не знаю! Обычно он встает очень рано... Иногда мне кажется, что он вообще никогда не спит... Вы хотите повидать его?

— Да, но если только мы не нарушим его сна...

Джоан повернулась к Синди, но поколебавшись, видимо, переменила решение и быстро проговорила:

— Я сама схожу за ним.

Она вышла из комнаты. Красный халатик мелькнул в дверях и скрылся. Алекс глубоко вздохнул и повернулся к Синди.

— Большое спасибо, мисс... Идите и доглаживайте свое платье. Дьявол Дьяволом, а такое гулянье бывает только раз в году, правда?

— Я его уже выгладила, сэр, — невольно Синди ответила ему улыбкой, но тут же стала серьезной, поклонилась и исчезла за дверью.

— Полный бред... — пробормотал Кемпт. — Но сейчас вы, верно, уже не удивляетесь тому, что мы пришли к вам тогда в Лондоне. Как будто ничего такого не происходит, но... — он умолк. — Вы что-нибудь понимаете?

— Мне кажется, да... Но немного. Во всяком случае... — Джо замолчал.

— Что? — спросил Джилберн.

— Кому-то в этом доме угрожает опасность, и я очень счастлив, что проведу здесь несколько дней. Может быть, мне удастся убедить Дьявола, что он гораздо ближе к аду, чем предполагает.

— Вы думаете, что кому-то здесь действительно что-то угрожает? — Кемпт насупил брови. — Но почему? Я не понимаю, кто мог бы покушаться на мою жизнь, на жизнь сэра Александра или кого-то другого?

— Я этого не сказал, хотя никто из нас не знает, что таит в себе будущее. Если бы люди знали об этом, не одно ужасное деяние осталось бы в сфере намерения и никогда бы не увидело дневного света... Во всяком случае, что бы ни случилось, я могу со своей стороны твердо пообещать лишь одно: хотя для меня не все еще ясно, но человек или демон в человеческом облике, действующий среди ночи на территории этого дома, не воспользуется плодами своей деятельности. И если б я был на его месте, я бы сейчас трепетал от ужаса вместо того, чтобы вытворять здесь дьявольские штучки. Я найду его, если даже он скроется от меня на сто миль под землей!

— Мы все вам в этом поможем! — сказал Кемпт искренне и протянул ему руку. — Хотя я немногое понимаю из того, что происходит, но верю, что у вас все получится. И если в скромных пределах моих возможностей я смогу чем-нибудь помочь вам, то...

Он не закончил фразы, потому что человек, появившийся на пороге, спокойно сказал:

— Доброе утро! Это должно быть для вас великолепным стечением обстоятельств, мистер Алекс! Вы собственными глазами увидели один из этих феноменов и стали его свидетелем! Как вам понравилась эта шуточка?

Ирвинг Эклстоун вошел в комнату. Он был полностью одет. Джоан вошла следом, и впервые Джо заметил сходство между отцом и дочерью. Они на первый взгляд казались совсем разными: она — прямая, высокая, полная жизни и почти звериной ловкости юная спортсменка, а он слегка сутулый, ступающий нетвердой походкой, близорукий ученый. Несмотря на это, в строении черепа и черт лица существовало какое-то внутреннее сходство, которое антрополог разглядел бы без труда.

— Если говорить откровенно, мистер Эклстоун, то эта шуточка мне совсем не нравится. — Джо взял портрет в руки, с некоторым усилием поднял его, встал на кресло и повесил на стену. — Я бы предпочел, чтобы ваш достопочтенный предок вел себя немного спокойнее. Как вы знаете, я не только демонолог-любитель, но и автор детективных романов. Мне не нравятся такие забавы.

Эклстоун подошел к портрету и, поправляя свои очки, стал внимательно вглядываться в него, как будто хотел найти разгадку тайны в лице сэра Джона.

— Вы знаете что? — сказал вдруг он, нарушая молчание присутствующих, которые невольно следили за его движениями. — Мне пришло в голо-

«Всемирная литература» в «Нёмане»

ву, что все это может быть результатом деятельности лунатика. Быть может, у кого-то в доме обнаружились сомнамбулические склонности, которые до сих пор не были замечены? История знает такие случаи, когда мысли, засевшие днем в подсознании, проявляются у лунатика в его действиях во сне. Сейчас у нас как раз полнолуние, а ночи безоблачные...

— Но на прошлой неделе у нас еще не было полнолуния, — Джо покачал головой. — Хотел бы я, чтоб так было... Но мне это не кажется правдоподобным.

Ирвинг отошел от портрета и сел в одно из кресел, стоящих вокруг стола.

— В средневековье считали, что лунатик — это человек, которого крестил пьяный священник.

— О Боже! — сказала Джоан. — Сейчас мы дойдем до Дьявола в собственной персоне. Не хочет ли кто-нибудь чашку кофе?

«Еще одна женщина... — подумал Джо. — Они всегда думают о том, чтобы мужчины были накормлены».

— Я полагаю, наш набег на заре продолжается слишком долго, сэр Александр, не правда ли? Кроме того, вероятно, надо проверить, не появился ли одновременно другой феномен.

— Другой? — Ирвинг посмотрел на Джо. — Ах, вы имеете в виду следы в Гроте. Да, стоило бы проверить.

— Во всяком случае, я пойду, — Джо склонил голову, — в отличие от всех здесь присутствующих, я еще никогда в жизни не видел ничего подобного.

Он поклонился и заметил, что Джоан вышла первой.

— Я пойду с вами, — Ирвинг покачал головой. — Надо же, в конце концов, выяснить... — Он неуверенно улыбнулся. — Это, в самом деле, хорошая шутка, когда в доме специалиста по таким делам происходят подобные вещи и никто не может обнаружить их автора.

Выйдя в холл, Джо услышал возглас с террасы:

— Ник! — воскликнула Джоан Эклстоун.

Джо увидел ее, бегущую вниз по ступенькам. Она пробежала мимо автомобиля и повисла на шее Николаса Робинсона, который смотрел на нее с изумлением, разведя широко руки. В одной из них он держал, вероятно, картину, закрытую большим листом бумаги, свисающим свободно по обеим сторонам натянутого на подрамник холста. В другой руке — тот самый алюминиевый предмет, который Джо заметил, когда встретил его впервые. Ящик с красками и кистями, висящий на ремне, переброшенном через плечо, качался под мышкой.

Николас осторожно освободился из объятий жены и двинулся к террасе. Джоан, очень бледная и улыбающаяся, шла рядом с ним.

— Почему ты не сказал мне, что собираешься встать так рано? Я испугалась, когда не нашла тебя в комнате!

— Испугалась? — Николас рассмеялся. — Уж не подумала ли ты, что я бросил тебя среди ночи, чтобы провести утро в объятиях какой-нибудь ведьмы на Дьявольской скале? Впрочем, у них, кажется, есть свои правила. Они исчезают, когда восходит солнце. — В эту минуту он, очевидно, осознал, что возле дома стоит автомобиль. — Кто-то приехал?

Их голоса чисто звенели в утреннем воздухе. Николас увидел группу мужчин, стоящих на террасе.

— Доброе утро, уважаемый создатель моей жены. Доброе утро, сэр Александр... — он с улыбкой кивнул Алексу. Потом стал серьезным. — Что-то случилось?

Не ожидая ответа, Николас вошел в холл, повесил ящик на вешалку для хранения зонтиков, осторожно прислонил к стене свою картину и повернулся.

— Портрет сэра Джона опять перевернулся сегодня ночью, — сказал Кемпт.

— Беспокойный старичок, — Николас пожал плечами. — Джоан, я голоден, как дракон. Прикажи подать мне что-нибудь поесть, потому что я сейчас начну обкусывать пальцы. А что касается уважаемого предка, то думаю, если вы перестанете обращать на него внимание, он сразу успокоится...

— Мы идем в грот, — сказал сэр Александр, — проверить, не повторились ли отпечатки копыт.

Николас смотрел вслед Джоан, удаляющейся в сторону двери на кухню, потом вдруг резко повернул голову.

— Вам незачем туда ходить...

— Почему? — Алекс стоял возле вешалки, машинально играя замком ящика, в котором находились краски.

— Потому что я был там полчаса назад. Никаких следов нет. То есть, следы есть, но не дьявольские. Возле щели видны остатки какого-то маленького костра, а вокруг него следы небольших, очевидно, дамских туфелек. Вероятно, какие-то девушки ходили туда на прогулку...

— А ты уверен, что проверил все дно грота?

— Совершенно уверен, — Николас вытащил из кармана блузы плоский электрический фонарик. — Я заглядывал повсюду. Не оставил без осмотра ни одного дюйма. Если, впрочем, вы мне не верите, можете сами убедиться…

— А что побудило вас к такому тщательному осмотру грота именно сегодня? — спокойно спросил Джо.

После его слов наступило внезапное молчание, словно все присутствующие только сейчас осознали, что сразу не подумали о том, о чем должны были подумать после первых же слов Николаса.

— Что побудило? — Николас улыбнулся. — Это моя сокровенная тайна... Но ненадолго. Я надеюсь, что еще сегодня вечером поделюсь ею со всеми.

Громко смеясь от какой-то внезапно возникшей мысли, которой он явно не намерен был раскрывать, Николас взял с вешалки свой ящик, осторожно поднял стоящую возле стены картину, не переставая смеяться, направился вверх и скрылся за поворотом лестницы.

— Да... — Ирвинг Эклстоун вздохнул. — За таких вот серьезных людей мы вынуждены, благодаря эмансипации, выдавать в двадцатом веке замуж наших дочерей, которые даже не считают нужным спросить наше мнение... Но несмотря на это, он, по-видимому, не самый худший парень, если Джоан так его любит... — Ирвинг посмотрел на Алекса. — Ну, так что — пойдем в пещеру?

Джо покачал головой.

— Думаю, что это не обязательно. Я не подозреваю вашего зятя в том, что он говорит неправду. И если он утверждает, что осмотрел весь грот, значит, он наверняка знает, что говорит.

— Но почему? — Джилберн наморщил брови. — Ведь он не знал, что портрет перевернут. У него не было никакой причины вставать так рано, а потом бегать туда-сюда по ущелью?

Джо развел руками.

— Хотя меня самого занимают такого рода рассуждения, но я думаю, живя в свободной стране, нам следует подождать до вечера. Мистер Робин-

«Всемирная литература» в «Нёмане»

сон обещал не слишком долго хранить свой секрет. Впрочем, они оба будут сегодня у вас на бридже, верно? Может быть, мы узнаем что-нибудь и раньше?

— А когда карты вам опротивят, милости прошу ко мне! — Ирвинг взял Джилберна под руку. — Мистер Алекс с сегодняшнего дня будет моим гостем, и думаю, что после бриджа он снова появится здесь и уже не оставит нас до самого отъезда.

— Большое спасибо... — Джо улыбнулся. — Я буду стараться приумножить мои скромные познания при помощи ваших огромных знаний.

— Мы придем все, приблизительно в четыре, — сказал Джилберн. — Остин уложит вещи мистера Алекса и поставит его машину сюда в гараж... — Он повернулся к Джо. — Вы можете вовсе не думать об этом. Слуги «переведут» вас из одного дома в другой, а здесь все будет приготовлено к вашему приезду. В прошлом мы много раз так обменивались гостями, которые были нашими общими друзьями.

Джо поблагодарил, и они расстались в Норфорд Мэнор, пообещав Ирвингу, что в четыре часа появятся вновь.

Кемпт подошел к Алексу, уже сидящему за рулем и, нагнувшись к окошку, тихо сказал:

— Не могу забыть ваших слов об опасности, висящей над этим домом. Я не двинусь с места до вашего прибытия. Вы можете на меня рассчитывать... если, конечно, все это не является чепухой.

— Вы тоже можете на меня рассчитывать, — сказал Джо серьезно. — Стоит Дьяволу сделать еще хоть одно движение, и я схвачу его. И тогда мы освободим этот дом от пугающих предположений, которые, как мне кажется, каждый из его жильцов вынашивает в себе, притворяясь перед другими, что ничего не происходит и нет никаких причин морочить себе голову дурацкими шутками. Я ничего не знал ни о Норфорд Мэнор, ни о его Дьяволе. Я хотел написать детективный роман и уехать в Грецию. Но тут вы пришли ко мне и попросили, чтобы я выполнил по отношению к этому Дьяволу роль Архангела с огненным мечом. Боюсь, что это будет не самая легкая из тех ролей, которые я играл в жизни. Но я сыграю ее до конца.

Джо помахал рукой Кемпту и нажал на педаль газа. Машина тихо тронулась и через минуту исчезла в аллее, идущей серпантином вниз, между зеленой колоннадой старых деревьев с листьями, окрашенными веселыми красками раннего лета.

И лишь когда они остановились на солнечной поляне перед Велли Хауз, Алекса охватило неясное сознание совершенной им ошибки.

В длинной сцене, которая разыгралась перед его глазами в Норфорд Мэнор, что-то было не так. Что-то одно не соответствовало всему остальному! Но что? Он потер лоб рукой, вышел из машины и молча вошел вместе с хозяином в мрачную каменную прихожую.

...Да, это был обрывок кем-то произнесенной фразы... Он засел в подсознании, атаковал ум и упорно стучал в ворота памяти... Не будучи в состоянии ухватить его и полностью сознавая, что если бы он вспомнил то, что смутно вертится в памяти, сразу бы понял вообще все, Джо Алекс направился в свою комнату с сердцем, полным отчаяния.

Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
при участии Владимира КУКУНИ.

Окончание следует.

Институт литературы и искусства
имени М. О. Ауэзова
Министерства образования и науки
Республики Казахстан

Мировой литературный процесс XXI века

Нарастающая динамика международного сотрудничества Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан в многостороннем формате способствует реализации научных проектов с участием литературоведов и критиков дальнего и ближнего зарубежья по изучению основных тенденций развития национальных литератур. Результатом расширения и углубления наших контактов стали научные издания «Очерки по мировой литературе рубежа XX—XXI столетий» (ответственный редактор — М. Маданова) и «Новейшая зарубежная литература» (ответственный редактор — С. Каскабасов), авторы которых предприняли попытку дать объективную картину мирового литературного процесса конца XX века.

В изданных в 2006 году «Очерках...» определены главные, существенные, с точки зрения авторов разделов, тенденции и закономерности мирового литературного процесса рубежа веков. Научно-популярный дайджест национальных литератур Азии, Восточной и Западной Европы был подготовлен на основе нового материала с привлечением интернет-ресурсов. В книге представлено жанровое и тематическое многообразие чешской (Любомир Махала), турецкой (Мехмет Торенек), индийской (Индра Нат Чаудхури), французской (М. Х. Маданова), арабской (Г. Е. Надирова), греческой (С. В. Ананьева), немецкой (Е. И. Зейферт), латиноамериканской (С. М. Алтыбаева), итальянской (А. К. Машакова), английской (А. К. Тусупова), японской (А. Е. Ментебаева) и русской (Н. К. Сарсекеева) литератур, показаны их типологические особенности, даны краткие биографические сведения о ведущих мастерах художественного слова, проанализированы крупные произведения прозы, поэзии и драматургии.

К основным тенденциям мирового литературоведения академик НАН РК С. Каскабасов причисляет: соединение «литературоведения с психоанализом, философией, социологией, антропологией; выход герменевтической рефлексии на более высокий уровень, представление «нарративной идентичности» через персонажей; выдвижение «перволичного» повествования как критической дискурсивной силы и т. д. Актуальная проблема интерпретации художественного произведения близка к основным философским вопросам бытия и сознания. Опыт структурализма и семиотики позволил представить культуру как текст и, пользуясь постмодернистским термином, как интертекст, построенный на непрямых и дальних взаимосвязях явлений, мотивов и тем».

Главной особенностью нынешнего этапа литературного развития А. Чагин считает «принципиальное изменение самой структуры литературного процесса. Впервые после 1917 года русская литература преодолела ситуацию раскола национальной культуры и снова вошла в свои естественные берега.

Если прежде открытый литературный процесс представлял лишь один поток литературы — литературу, разрешенную государством, т. е. то, что называлось «русской советской литературой», а два других литературных потока — литература зарубежья и андеграунд — существовали автономно, были отделены от основного русла литературы, то теперь все три потока литературы, взаимодействуя между собой, равноправно участвуют в едином открытом литературном процессе, обозначая пределы единой русской литературы».

Литературы вступают в диалог, превращающийся нередко в полилог. Все это, по мнению А. Чагина, «напоминает литературную ситуацию начала прошлого века и особенно начала 1920-х годов, когда для русской литературы (как и сегодня) было характерно эстетическое и мировоззренческое многообразие, когда (как и сегодня) границы между литературой, оставшейся на родине, и литературой эмиграции были (до 1925 года) прозрачными».

Начинает издаваться «литература ящика», или «литература письменного стола», и в Румынии. В этой стране «необходимость объективно перечитать прежнюю литературу с новой перспективы, оценить ее эстетическую актуальность появилась после 1989 года». Более того, как отмечают авторы раздела «Румынская литература» Ливия Которча и Богдан Крецу, «новые авторы и книги, вошедшие в румынскую литературу после 1990 года, существенно меняют литературную иерархию, установленную критикой 60-х годов». Известные литературоведы и критики Румынии рассматривают творчество старых романистов в новом историческом и культурном контексте: «Роман стал для читателя едва ли не единственным свидетелем реальности, которую он все же не смел прямо и целиком вывести напоказ или осуждать, но на которую указывал всякими приемами, свойственными европейской и национальной традиции этого очень богатого своими формами прозаического жанра». Неореализм и веризм, роман-парабола, его-фикция... Наши румынские коллеги пишут о своей литературе высокопрофессионально, со знанием дела, неравнодушно, раскрывая читателю все ее многообразие, «не забывая о ее истинных и великих завоеваниях прошлого, широко используя которые, она стремится к настоящей универсальности». Новая литература Румынии взращена не только национальными традициями, но и общими человеческими и художественными ценностями, пережитыми страданиями. Она обогащена историческим опытом предыдущих веков.

Кристоф Юргенсен, автор раздела «Немецкая литература», выделяет в родной литературе разнообразие тем и стилевых решений, нередко наслаивающихся друг на друга, подчеркивая, что это многообразие направлений и путей развития едва ли подлежит упорядочению. Поэтому он избирает интересный прием и составляет «солидный обзор многоплановой немецкой литературы из веера глав», выделенных по основной тематике: литература поворота; холокост и фашизм — настоящее время прошлого; memoro ergo fui — в поиске автобиографических следов; между культурами, между языками; поп-литература. После поворота (этот термин активно используется критиками и литературоведами Германии) многогранная литература Германии развивалась живо. «В Германии продолжают свою литературную деятельность представители старшего поколения писателей Грасс, Хандке, Вольф и другие. Появилось и новое поколение литераторов, мечтающее о признании. К концу десятилетия прекратились звучавшие ранее причитания по поводу кризиса современной немецкой литературы. Символично в этом плане название статьи Томаса Крафта «Молодая немецкая литература получает заметный стимул».

Преимущественно о современной французской романистике, вошедшей впервые в университетские программы и ставшей темой семинаров, коллоквиумов, «круглых столов», объектом анализа в научных монографиях, пишет Наталья Пахсарьян. Повсеместно наблюдается констатация кризисного состояния французского романа в постмодернистской ситуации. «Внутренние противоречия самой теории постмодернизма еще более усиливают ощущение неорганичности или, по крайней мере, неполноты определения художественных тенденций конца XX — начала XXI вв. как постмодернистских… Необходимость использовать память о модернизме, «наложение» поэтики постмодернизма на модернизм критики называют «принципом черепицы». Далее московская исследовательница уточняет картину: жанровые границы стерты, провозглашается новизна во что бы то ни стало, непонятен принцип чтения и адресат романов. «Романисты как будто пренебрегают одновременно и уроками прошлого, и опытом настоящего, ощупью движутся к тому, что лежит за пределами эстетики, но, тем не менее, требует эстетических решений: общество, история, «другие». При этом чаще всего писатели понимают вымысел как центростремительную силу, запечатлевают в тексте самый ход эстетического присвоения объекта, что выталкивает их на периферию художественного мира и заставляет жалеть об утраченной плодовитости романистов прошлого».

Главными определениями современной литературы названы — критическая литература, транзитная литература, материальная литература и диалогическая литература. Звучат призывы вернуться к «романическому» роману, возродить мифы и сказки. Но «романическое» теперь — это история, рассказываемая себе самому.

Англо-американская университетская проза, по мнению Надежды Левитской и Алмы Тусуповой, является одним из ярчайших литературных явлений рубежа веков. Современная американская литература в ее многообразных жанровых проявлениях свидетельствует как о трансформации традиций, так и о трансформации самих жанров. Современные американские писатели глубоко интегрированы в современное общество. Популярны романтичные и сентиментальные романы, хорошо сконструированные, написанные простым и доступным языком, с интересным и захватывающим сюжетом, романы социального плана и др. Популярна книга для чтения в самолете. Об этом рассказывали во время своего визита в наш Институт видные представители научной и творческой интеллигенции США, эксперт в области американской культуры, литературы и кинематографии Джонатан Витч и преподаватель Кэтти Куп. Дж. Витч выпускник Стэнфордского университета по специальности «английская и американская литература», аспирант Гарвардского университета, автор монографии «Американский сюрреализм», ставшей выдающейся американской книгой 1997 года. А. Тусупова анализирует поэзию национальных меньшинств, поэзию индейцев, негритянскую литературу, наиболее развитую из всех этнических литератур США, и др.

Философской основой мировидения современных английских писателей является экзистенциализм. А в интеллектуально-духовной жизни страны заметно возвращение интереса к нравам, быту, характеру, человеку, что определило обращение к Викторианской эпохе. Так интересно и увлекательно анализирует Н. Левитская современную литературу Англии, достойную продолжательницу традиций классического, или «неовикторианского» романа: «Повествовательность, композиционное мастерство, тонкий психологический рисунок, изящная нюансировка в передаче вну-

тренних состояний, унаследованные английскими прозаиками от их великих предшественников, позволяют английской литературе претендовать на статус хранительницы классических романных традиций». Характерной тенденцией современной английской прозы, по мнению российского исследователя Н. Левитской, является «усвоение достижений традиционной и экспериментальной прозы, что порождает проблемы «псевдореализма» и «нового гуманитарного синтеза», соотношения модернизма и постмодернизма. Характерными чертами современной литературы Англии выступают отказ от «истины», ироническое отстранение. Множественность смыслов, диалог читателя и текста».

Модернизм и постмодернизм в болгарской литературе рассматриваются в статье крупного специалиста, литературоведа и критика Пламена Антова. Раздел о современной болгарской литературе имеет подзаголовок «Симптомы одного нового статус-кво». В литературе Болгарии в последние годы серьезных авторов и произведений появляется достаточно. Но «в радикально изменившейся социокультурной и ценностной ситуации появляется одна новая литература — выигрывающая, быстро утверждающаяся, актуальная именно постольку, поскольку как раз она адекватным образом обслуживает эстетические потребности новоустановленного социального статус-кво...»

Четко, убедительно, конкретно размышляет Пламен Антов о современной ситуации в литературе. Ее моральным долгом исследователь из Софии считает возрождение критичности и гуманистичного пафоса. Но наблюдается обратное. Логично и объективно литературовед из Софии воссоздает наблюдаемую ситуацию: «Своим безразличием к социальному, служением удовольствию, поверхностному и эфемерному, целостной утратой своих онтологических и метафизических измерений литература активно включается в производство и утверждение потребительских ценностей капитализма. Это что-то большее, чем просто контрмодернизм. Это отказ от морали в полном, гуманистическом смысле сего понятия... Кардинальная антитеза модерности между культурой и властью преодолена, происходит позорный соглашательский процесс сближения и слияния властного дискурса и его эстетической рефлексии. Результат — опасный монодискурсивизм, который, как каждый монодискурсивизм, скорее является симптомом тоталитарного».

Самодостаточным и саморегулируемым механизмом характеризует словацкую литературу начала девяностых годов кандидат филологических наук Ивана Тараненкова, «настолько самодостаточным и саморегулируемым, что он перестал быть интересным читателям, — за исключением тех, кто создает литературу или занимается ею профессионально». Более привлекательными становятся тексты, продукты мидкультуры. Неоднородность и гетерогенность, автономия авторских поэтик, бесплодие и эксклюзивность сменились такими произведениями авторов, «у которых поэтики не существует вообще, если не считать поэтикой несокрушимое желание писать. Современная словацкая литература находится в состоянии инерции, неподвижности, если под ней понимать отсутствие телеологического движения от одного качества к другому, более новому. Это не значит, — разъясняет далее И. Тараненкова, — что в ней не появляются интересные литературные тексты. Но они не определяются принадлежностью к направлению или группировке. Они не стремятся установить какую-либо тенденцию».

В современном развитии словацкой поэзии кандидат филологических наук Любица Самолайова отмечает двойственный путь развития: очень

сильную тенденцию «к абстракции высказывания, национальности выражения, строго рациональной рефлексии, мотивация которой скрывается глубоко в поэтических образах, и потому она почти неразгадываема, с другой стороны, однако, данная тенденция уравновешивается стремлением к передаче ярких чувственных деталей, к выразительной визуализации и конфронтации эмоционального переживания с его рациональными или иррациональными (интуитивными) последствиями. Причем переживание не спрятано, а подано таким образом, что вызывает впечатление повседневности, обыденности, типичности». Раздел о словацкой литературе отличает своеобразная композиция, непосредственному анализу прозаических и поэтических произведений предшествует Предисловие кандидата филологических наук Института словацкой литературы Словацкой академии наук Михала Хабая. В установлении контактов с научным коллективом Института словацкой литературы САН (г. Братислава) неоценима помощь Наталии Муранска (Университет Константина Философа, г. Нитру), которая и блестяще перевела материал своих коллег, написанный со знанием дела, научным стилем, на русский язык.

Современное состояние литературного процесса в Испании, по мнению автора одноименного раздела Айнур Машаковой, имеет ряд отличительных черт, связанных с тем, что «испанские поэты и писатели создают свои произведения на испанском, баскском и галисийском языках». Автором данного раздела обобщен большой художественный материал, что позволило проследить развитие основных жанров: автобиографический, любовный, приключенческий, детективный, исторический роман, роман-путешествие и т. д. Она предпринимает экскурс в историю литературы Испании, выделяя четыре крупных периода в ее развитии. Известными испанскими писателями современности названы Артуро Перес-Реверте, Игнасио Каррион, Энрике Вила-Матас, Висенте Сото, Хуан Педро Апарисио, Хосе Мария Мерино, Бернандо Ачага, Рамон Асин, Хавьер Мариас, Мануэль Ривас, Фернандо Мариас и др.

Вспоминается в этой связи первый визит испанских писателей в Казахстан в 2005 году и участие Хосе Мария Мерино, лауреата многочисленных литературных премий, Рамона Асина, первого президента Союза писателей Испании, и Хавьера Мартина, канцлера Посольства Королевства Испании в Республике Казахстан, в работе «круглого стола» «Национальная литература в многонациональной стране» в Национальной библиотеке Республики Казахстан. Был особо подчеркнут тот факт, что сосуществование разных культур и литератур в Испании и в Казахстане обогащает культуры наших стран. Блистательный экскурс в историю испанской литературы сделал Мурат Ауэзов, акцентируя внимание на том, что Испания со своей богатейшей культурой и литературой должна быть включена в наши контексты. «Золотой век» испанской литературы и его яркие представители Лопе де Вега, Педро Кальдерон, Тирсо де Молино, Франсиско Кеведо оказали огромное влияние на развитие мировой литературы. «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса Сааведра разрушил каноны рыцарского романа, избавил от бытовавших стереотипов — и в этом его огромное значение. От всемирно известного произведения ведет отсчет «жизнерадостное свободомыслие» (Ф. Энгельс) как главный тезис Ренессанса.

В истории казахско-испанских литературных связей ценен и уникален следующий факт. Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испании в Казахстане Франциско Паскуале де ла Порте в серии «Дипломатическая почта» издал роман «Надя» о таинствах славянской души.

Автор произведения — профессиональный дипломат, имеющий солидный послужной список: Экваториальная Гвинея, Румыния, Перу, Германия, бывшая Югославия и Россия — твердо уверен в том, что сама жизнь и окружающая нас действительность — это роман.

Доктор исторических наук, директор Центра корееведения КазНУ им. Аль-Фараби Герман Ким, автор раздела о корейской литературе, отмечая, что литература Южной Кореи малоизвестна зарубежным читателям, подчеркивает совершенно специфическую картину ее развития, обусловленную расколом на два государства, образовавшихся в результате раздела сфер влияния между СССР и США. Он четко структурирует материал: литература послевоенного периода, проза и поэзия 1970—1980-х годов, современная литература, женское литературное творчество, раскол Родины как литературная тема и литература разделенной нации. Вестернизация корейского общества повлияла и на изменения в жанровой структуре корейской литературы, для которой характерна еще одна мировая тенденция — постепенное стирание границ между серьезной «высокой» и массовой «низкой» литературами. Широко распространены женские романы, детективная литература, фэнтези, комиксы и др. Период 1990-х годов в развитии литературы назван «периодом индивидуальной чувственности».

Интересен раздел о литературе Египта Айдоса Бисенкулова, в котором обобщены тенденции развития литературы страны на примере анализа творчества Нагиба Махфуза, Соналлаха Ибрагима, Яхья ат-Тахер Абдалла, Аля Аль Асуани, Ахмада Алайди, Гамала Аль-Гайтани и др. Современная литература Египта обращена в прошлое. Писатели пытаются возродить интерес к арабскому языку, художественным переводам, призывая к возрождению любви к собственной богатейшей культуре.

Склонность романтизировать незнакомое и полузнакомое прошлое и преодолевать материал настоящего российский писатель Сергей Шаргунов считает естественным стремлением человека, подчеркивая при этом новую востребованность интеллектуализма. Изменение литературного климата замечает и критик Сергей Беляков: «Вновь появились критический реализм и психологическая проза. Появился даже роман идей». И читателям, и писателям, замечает критик Андрей Рудалев, «захотелось искренности, ясности, очевидности, наступило пресыщение окололитературной игрой в словесный бисер, появилась жажда поиска истины». Жажда поиска истины все отчетливее просматривается в литературах Кыргызстана (автор — Ш. Елеукенов), Азербайджана (автор — Т. Джафаров), Молдовы (автор — М. Метляева), Украины (автор — С. Ананьева). Глубоко и всесторонне анализирует современный литературный процесс Кыргызстана лауреат Государственной премии Республики Казахстан, известный литературовед и критик, доктор филологических наук Ш. Елеукенов, отмечая ее достижения и своеобразные черты в новейшее время.

Идейно-тематическое, жанрово-стилистическое и поэтическое новшества в азербайджанской поэзии, прозе, драматургии и публицистике двух последних десятилетий доктор филологических наук, проректор Бакинского славянского университета Тельман Джафаров связывает с именами авторов, широко известных еще всесоюзному читателю. Традиционалисты «верховенствуют как в поэзии, так и в прозе». Постмодернисты и авангардисты, нацеленные на стирание памяти, значительно уступают. Тема войны и беженцев, тоска по потерянным городам и селам, судьба бывших воинов и другие морально-этические проблемы, интерес к

человеческой неординарности нашли отражение в творчестве мастеров художественного слова Азербайджана. Элементы детектива, фантастики, антиутопии, мотивы тюркской мифологии, восточного сюрреализма, античная тематика расширяют рамки новой азербайджанской прозы и драматургии.

С сожалением М. Метляева, член Союза писателей Румынии и Молдовы, пишет о том, что экскурс в современную молдавскую литературу «дает лишь часть ее общей картины, реальность которой намного обширней и многообразней». Известный критик и переводчик, поэт и прозаик анализирует в разделе «Молдавская литература» прозу, поэзию, драматургию, вводит в научный оборот большой материал, раскрывая ее своеобразие и национальный колорит. Пишет о современной литературной критике: «В какой-то степени современные молдавские литературные критики становятся культурологами, которые пытаются определить закономерности осознания человеком особенностей духовной составляющей нынешнего общества».

Разделы коллективной монографии «Новейшая зарубежная литература» написаны крупными специалистами в области своих литератур, неравнодушными к судьбе культуры и искусства, что позволяет вести речь о значимом вкладе в исследование национальных литератур рубежа веков.

Учеными-литературоведами Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова в рамках нового научного проекта «Мировой литературный процесс XXI века» исследуются новые веяния в развитии национальных литератур Востока и Запада, ключевые моменты современного литературного процесса, значимые художественные произведения, мировые литературные школы. Ведущей тенденцией развития литератур является полижанровый синтез в условиях дву- и многоязычия, диалога культур в современном мире.

Предлагаем читателям журнала «Нёман» исследование директора Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова члена-корреспондента НАН РК, Заслуженного деятеля РК Уалихана Калижанова о творческом наследии Жамбыла Жабаева, чей 170-летний юбилей в этом году отметила мировая общественность, и статью доктора филологических наук, профессора Бейбута Мамраева «Творчество М. О. Ауэзова — художественная летопись времени». Статьи доктора филологических наук, заведующей кафедрой русской филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева Кадиши Нургали и заведующего отделом абаеведения и литературы новой эпохи Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова кандидата филологических наук, доцента Серикказы Корабая посвящены творческому наследию Абая в контексте его связей с классикой. Памяти известного деятеля трех культур — немецкой, казахской и русской, переводчика и прозаика, эссеиста и критика Герольда Бельгера посвящена статья доктора филологических наук, профессора Евразийского национального университета им. Л. Гумилева Серика Тахана.

Статьи казахстанских ученых Светланы Ананьевой, Айнур Машаковой, Алимжана Хамраева, Айнур Калиаскаровой о современных финской, шотландской, уйгурской литературах СУАР КНР и иранской раскрывают их самобытность и своеобразие, знакомят с новыми именами.

Светлана АНАНЬЕВА,
Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

Серик ТАХАН

Абай на русском языке

(На материале переводческой практики Г. Бельгера)

Переводчик художественных текстов — это прежде всего творческая личность, гуманитарная подготовленность которой включает в себя фундаментальное знание основ теории и практики перевода. Художественный перевод должен демонстрировать глубокое проникновение в самую суть национального своеобразия народа, носителя языка, с которого переводят. Это особенно касается поэтического перевода. В этом аспекте представляет большой научный интерес опыт переводов стихов Абая на русский язык.

Поэзия Абая — это отвержение предшествовавших его творчеству национальных поэтических канонов, его рифмы и ритмы всегда неожиданны. Глубинная суть поэзии Абая сводится к стремлению воспитывать новые нравственные чувства посредством «вслушивания» в скрытые в глубинах ритмы обычных слов, которые открываются во всей полноте в контекстах, ориентированных на поиск и приумножение знаний, могущих помочь совершенствованию человека и социума. Поэзия Абая — это новая эстетика меры.

Переводить Абая — значит настроится на алгоритмы национального типа мышления, стараться «видеть» чувства великого поэта через казахскую языковую картину мира.

В свете вышесказанного рассмотрим проблемы перевода произведений казахской литературы на русский язык на материале переводческой практики крупного казахстанского переводчика Г. Бельгера.

Творческая индивидуальность Г. Бельгера выражается в сплаве русской лингвистической культуры и пронзительно тонкого зрительно-слухового, интимно-экзистенционального проникновения в суть казахского бытия, вылившегося в совершенное чувствование казахской речи. Не последнюю роль в творческом облике писателя и переводчика играет и генетическая языковая память немца.

Феноменальные способности к системному овладению языками, развитое умение находить лингвистические общности в разноструктурных языках и продуктивно использовать их в переводческой практике позволили ему стать во главе целой отечественной школы художественного перевода, основными характеристиками которой являются требование обязательного знания языка переводимого произведения, реализация художественного перевода на базе широкой культурологической эрудиции как непременного условия успешности репрезентации на другом языке «национального образа мира» (Г. Гачев), воплощенного в переводимом произведении, и в особенности утверждение постулата о том, что перевод казахских авторов есть художественная интерпретация переводимого текста не в локальной замкнутости национальной проблематики, а на путях выхода к темам и проблемам, имеющим общечеловеческое значение.

Особенно отчетливо видны принципы художественного перевода, которых придерживается Г. Бельгер, в его отношении к звучанию стихов великого Абая на русском языке. Он считает святой обязанностью переводчика любого стихотворения с казахского языка на русский, а тем более стихов великого Абая, глубокое ознакомление не только с культурно-историческими обстоятельствами появления того или иного шедевра, но и изучение лингвистических комментариев подстрочникиста. «Образы Абая пронизаны национальным мироощущением, мировосприятием. Их невозможно переводить, их бессмыслено воссоздавать буквально, их можно только каким-то образом транспонировать, трансформировать в другой языковой лад, в иную плоскость восприятия, в иную сферу представлений».

В аспекте заявленной здесь Г. Бельгером творческой позиции переводчика может быть поучительным анализ перевода стихотворения Абая «Не для забавы я слагаю стих» на русский язык, осуществленного Л. Бродским.

В стихотворении Абай, как известно, демонстративно противопоставляет свою поэзию предшествовавшим поэтическим канонам, отвергает стремление прежних акынов к внешней красивости слога и их традиционную приверженность к устойчивым рифмам и ритмам. Он обращает внимание читателя на глубинную суть своей поэзии, которая сводится к стремлению воспитывать новые нравственные чувства посредством «вслушивания» в скрытые в глубинах ритма обычных слов смыслы, которые открываются во всей полноте в контекстах, ориентированных на поиск и приумножение знаний, могущих помочь совершенствованию человека и социума. Новая поэзия Абая — это новая эстетика меры.

Л. Бродский ответственно отнесся к своей миссии ознакомить русского читателя с поэтическим кредо Абая.

Али-азрету не слагаю гимн,
Красавиц с подбородком золотым
Я не пою; я к смерти не зову.
Не говорю джигитам молодым,
Чтоб совестью они пренебрегли, —
Прошу: прислушайтесь к словам моим.

И сразу заметно, что ему, не владеющему казахским языком, достаточно полно растолковали многие нюансы поэтической структуры стиха: особенности 11-сложника, лексические особенности и т. д. Но вот перевод строк «Мұнда жоқ «алтын иек, сары ала қыз» требует к себе специального внимания: «Красавиц с подбородком золотым Я не пою...». Если задаться вопросом, откуда у Абая «алтын иек», то ответ напрашивается только один. Это традиционное казахское сравнение красивой девушки с полумесяцем (золотым), нижний рог которого уподобляется подбородку. От этого колоритного инварианта Л. Бродский не только далеко отошел, он предложил тяжеловесное метафорическое сравнение «подбородок золотой», вызывающее ассоциации скорее с мужским лицом, где подбородок признается характерной особенностью, нежели с женским ликом, в котором на подбородке внимание, как правило, в русской поэтической антропологии не акцентируется.

Также следует заметить, что у Абая «сары ала қыз» очень важный элемент поэтической интенции, так как является парафразом стертой метафоры у старых акынов «сары ала қаз — перепелка, считавшаяся красивой птицей», и именно поэтому следовало каким-то образом указать на эту иронию или хотя бы намекнуть. И здесь следует остановиться на подстрочнике выше обозначенного отрывка, сделанного Г. Бельгером:

Мои стихи не о драконах, не о Али-хазрете,
В них «дев прелестных, луноликих» не найдешь.
И старость не кляну, и смерть не воспеваю,
И джигитов к бесстыдству не зову.

Отрывок Г. Бельгера точен в смысле, и он более краток. Но в нем есть такие ценные указания, которые бесспорно углубили бы смыслы окончательного поэтического перевода на русский язык программного стихотворения Абая. В частности, переложение Г. Бельгером строки «Мұнда жоқ «алтын иек, сары ала қыз» на «В них «дев прелестных, луноликих» не найдешь» как раз подчеркивает ироническую интенцию Абая посредством кавычек, в которые забраны стершиеся во всей восточной поэзии метафоры.

Абай добивается эффекта общечеловеческой значимости обобщения. В переводах Абая на русский мы видим, что глубокая мысль подменяется реалистической национально-колоритной картиной или трюизмами, в лучшем случае близкими строю казахского языка. Одним словом, переводам на русский язык характерно движение эстетической мысли от общего к частному, что не приближает нас к пониманию поэтики Абая. В русле этого разговора, включающего в себя напоминания об изобилии в стихах поэта архаизмов, арабизмов, фарсизмов и русизмов, несущих каждый раз особую художественную функцию, Г. Бельгер делает вывод об отсутствии однозначного ответа на вопрос о самой возможности придать стихам Абая общедоступное звучание. Но приоткрывая завесу над своей творческой лабораторией переводчика Абая, Бельгер все-таки отвечает на вопрос о возможности адекватного звучания стихов великого казахского поэта на русском языке положительно.

В данном контексте привлекает внимание работа Г. Бельгера над подстрочником другого стихотворения Абая «Көк тұман — алдындағы келер заман».

Подстрочник имеет такой вид:

«Я» — разум и душа, «мое» есть плоть,
«Я и «мое» — понятия равновеликие.
Для «я» судьбой предначертано бессмертие.
«Мое» обречено и пусть. С тем согласись».

Подстрочник Бельгера почти идеально точен по смыслу, если не считать нюанса во второй строке, где «екі» — как констатация разности заменено словом «равновеликие», что все-таки несколько диссонирует с общим смыслом строфы, ведь по Абаю «я» и «мое» не равны. Г. Бельгеру удалось соотнести в целом точность смысла с передачей внутреннего ритмического рисунка стиха. В оригинале есть внутренняя рифмовка, и Бельгер в своем подстрочнике считает важным указать на нее.

В. Звягинцева, опираясь на подстрочник Г. Бельгера, предельно близко по смыслу переводит этот стих. Как и ожидалось, рифмовка 11-сложника: aaба поэтессой соблюдена, более того, ритмический рисунок перевода существенно приближен к оригиналу: в первой строке 11 слогов, во второй — 10, в третьей — 11, в четвертой — 10.

В. Звягинцева очень творчески плодотворно реализовала указание Г. Бельгера на диалогизм стиха. У Абая диалог ума и плоти имплицитен, он чувствуется, но синтаксически не выражен на казахском языке. Только конец стиха «...оған бекі» позволяет допущение, что лирический герой одновременно обращается к себе. Синтаксис русского перевода характерен открытой диалогичностью, именно ею задается алгоритм стиха. Поэтесса сразу дает почувствовать напряжение философской мысли Абая, далее в афористической форме следуют выводы поэта по поводу своего внутреннего раздвоения. Поэтический эффект, соизмеримый с впечатлениями читателей на казахском языке достигнут:

«Я» — разум промолвит. Плоть скажет: «Мое!» —
Различно у плоти с душой бытие.
Бесмертное «я» никогда не умрет.
«Мое» — это только земное жилье».

Представляет несомненный интерес опыт сопоставления подстрочного перевода отрывка стихотворения Абая «Своим письмом к себе маня», исполненного Г. Бельгером, с поэтическим переводом П. Шубина данного шедевра.

Подстрочник Бельгера:

Коль душа меня возжелала,
Жаром ко мне воспылала.
Я — куропатка, ты же — ястреб.
Насладись же, побив меня.
Обвивая, как шелковая нить.
Изгибаясь, как стебель цветка,
Под тяжестью разомлев твоей,
Пусть утолится страсть моя.

На какие особенности ритмомелодики, ментальности оригинала обращает внимание подстрочникист, чтобы при переводе на русский язык были сохранены особенности поэтического обаяния этих предельно откровенных слов в устах пылающей от неодолимой страсти к возлюбленному молодой казашки?

Первое, на что обращает особое внимание подстрочникист, это стремительное движение интимных чувств и динамика событий, призванных немедленно утолить неизбывную жажду любви у молодой женщины. Глаголы у Абая (алып, қозғалып, тояттай бер... алып, оралып, бұралып, жаншылып, қанып) скрепляют стих, являют собой суть отрывка, где главное — поэтизация естества, воспевание мужского действия как вершины и результата любви. Поэтому Г. Бельгер в подстрочнике аккуратно воспроизводит каждый глагол действия (возжелала, воспылала, насладись… побив, обвивая, изгибаясь, разомлев, утолится) более или менее соответствующими по смыслу отглагольными формами. Восьми глаголам у Абая в подстрочнике Г. Бельгера соответствует восемь отглагольных форм слова.

У великого поэта возвышение затаенного желания женщины, равновесие между откровенностью и достоинством, не позволяющим сбиться до пошлого эротизма, достигается тем, что глаголы, обозначающие кульминацию действия, сопровождаются национально выраженными эпитетами (тал жібектей, гүл жабықтай), придающими особую утонченность открывающимся в признании чувствам. Подстрочникист Бельгер считает своей принципиальной обязанностью указать переводчику на важность точного перевода этих эпитетов (как шелковая нить, как стебель цветка). В целом всю эту картину ответа женщины на пылкое признание возлюбленного скрепляет у Абая оригинальная авторская метафора (Біз қырғауыл, сіз тұйғын), которая также точно переведена Бельгером («Я — куропатка, ты же — ястреб»). И, конечно, подстрочникист постарался, по возможности, сохранить количество слогов в каждой строке.

Теперь обратим внимание на то, как эта строфа переведена на русский язык П. Шубиным в его переводе стихотворения Абая «Своим письмом к себе маня»:

Но если ты навеки мой,
Не надо мне судьбы иной,
Ты — белый сокол, я — фазан,
Бери и насыщайся мной.
Пусть шелковинкой полевой,
Тростинкою береговой
В твоих объятьях изогнусь,
Замру от страсти огневой.

Первые две строки у П. Шубина звучат совсем по-другому, их смысл, действительно, вытекает из общего содержания стихотворения, и в другом его месте можно найти похожие строки. Что касается абаевских строк: «Көңілің тұрса бізді алып, Шыныменен қозғалып...», отсутствующих в

отрывке у П. Шубина, мы их адекват находим в начале его перевода: «Жар неподдельного огня В тебе я вижу...». Конечно, такие инверсии возможны, а иногда и неизбежны, поэтому особых возражений они не вызывают. В таких случаях Бельгер на первый план выдвигает проблему сохранения тональности, «дыхания» стихотворения. Но самое главное для него — это воссоздание глубинного смысла и формы стихотворного произведения.

Перевод П. Шубина «Своим письмом к себе маня», безусловно, передает читателю довольно верное представление об эстетических достоинствах шедевра Абая. Понятен лейтмотив, организующий поэтический строй стиха, как исступленный монолог девушки, за которым чувствуется жар любовной страсти. Выражению этой страсти способствуют такие творческие находки Шубина, как «Я — словно масло на огне», «Умчишь с собою на коне — я буду счастлива вполне», «Уж лучше сразу отрави — Потухнет жар в моей крови». Но вот что все-таки уводит читателя от полноценного ощущения ритмомелодических особенностей стиха Абая, так это поэтические формулы и клише, более свойственные инонациональным поэтическим системам.

Сразу заметно, что напряжение интимного чувства в отрывке ослаблено, что стало возможным по причине сокращения глагольного ряда (от 8 до 4). Если у Абая цепь глаголов с постепенным нарастанием значимости, то у Шубина глаголы с убыванием значимости. Актуальное членение речи у Абая растянуто, что напоминает звучание туго натягиваемой струны, которая в конце лопается, у Шубина этого напряженного ощущения приближающейся кульминации меньше, так как ритмомелодический рисунок стиха был значительно изменен. Так, после строки «Бери и насыщайся мной» заметен резкий спад напряжения, так как последующие две строки, где нет глаголов, «гасят» алгоритм, свойственный оригиналу. Правда, два последних глагола (изогнусь, замру) несколько сглаживают ущерб, нанесенный отрывку ритмическим сбоем в строках «Пусть шелковинкой полевой, Тростинкою береговой».

Теперь об эпитетах в переводе П. Шубина. Настораживает «шелковинка полевая». Точный перевод у Г. Бельгера: «как шелковая нить». Здесь восточный аромат, намек на мягкость, неслышность, прочность, с которыми ассоциируется это понятие. У Шубина «шелк» сохранен в основе уменьшительно-ласкательного существительного, что свидетельствует об определенной чувствительности переводчика к особенностям поэтической изобразительности у Абая, но, к сожалению, в угоду рифме здесь появляется чуждое стихии поэтической речи великого казахского поэта прилагательное «полевая». Поле как поэтический образ — это из изобразительно-выразительного арсенала русской поэзии (смотрите у С. Есенина: «полевая Россия»). Образ непроизвольно вызывает у русского читателя ассоциации, восходящие прямо к русскому фольклору. Таким образом, «шелковинка полевая» уводит русского читателя далеко от оригинальной, национально-самобытной поэзии Абая. Другой эпитет «тростинка береговая» также отвлекает внимание читателя от лирического сюжета стихотворения, придавая строке чрезмерно специфический колорит. «Тростинка береговая» — это стертый декоративный орнамент, характерный преимущественно для русской народно-песенной традиции, и в контексте поэзии Абая способен порождать только ложные представления о легкости восприятия глубоких и сложных абаевских образов. И наконец, «страсть огневая» из поэтической палитры русского романса XIX века опять же не приближает нас к духу любовной поэзии Абая, являясь в переводе Шубина лишь извне привнесенной эмблемой этнически самобытно и экстатично выраженного чувства молодой женщины. Все эти эпитеты стали возможными в пере-

воде потому, что надо было сохранить рифму, одновременно придерживаясь смысловой канвы стихотворения. Мы полагаем, что П. Шубин не имел возможности ознакомиться с подстрочником Г. Бельгера. Не зная языка оригинала, П. Шубин, будучи очень внимательным к музыке стиха Абая, все-таки сбивался на проторенную дорогу поиска приблизительных поэтических соответствий оригинальных образов Абая в русском языке, что, однако, отнюдь не умаляет бесспорных достоинств его перевода. Но ошибки и просчеты П. Шубина еще раз подтверждают мысль Г. Бельгера о важности углубленного изучения переводчиком времени, среды появления переводимого поэтического произведения, произведения художественной литературы вообще, но самое главное, переводчик должен чувствовать дух и строй языка, с которого переводит.

Заслуживает внимания перевод и следующего стихотворения Абая, представляющего собой глубокое лирическое переживание. Известно, как тяжело переживал Абай свое духовное одиночество, как жаждал в казахской степи провиденциального собеседника, способного понять во всей глубине метафизическую сущность его нравственных страданий, обусловленных не только непониманием его исканий соплеменниками — современниками, но и общей неустранимой дисгармонией в социальных отношениях, несовершенством человеческой природы вообще.

Это стихотворение под названием «Тучи набегут порой...» переведено на русский язык А. Глобой:

Тучи набегут порой,
Прольются серым дождем.
Набухнет сердце тоской,
Заплачут печали в нем.
Дождь прошел, ярче трава,
Смеется каждый ручей.
От слез болит голова,
Тоска еще тяжелей.

Перевод в целом замечателен. Настроение в стихе соблюдено очень бережно. Ритмомелодика находит свое достаточно убедительное повторение, допустимое синтаксическим строем русского языка. К примеру, первая строка стихотворения Абая представляет собой причастный оборот, задающий динамический импульс ритму стиха, который сохраняется на всем его протяжении. А вот сохранение причастной формы в переводе на русский язык было бы чревато не только утяжелением ритмической поступи, но вообще бы вышло за грань синтаксических норм русского языка. Решение А. Глобы таково, что ощущение легкости стиха не покидает читателя с самого начала до последней строчки, что, собственно, наблюдается и в оригинале. Вместе с тем, мы обращаем внимание на одну вольность А. Глобы, которая значительно смещает поэтический смысл стихотворения Абая, обедняя сложную палитру чувств и мыслей. Речь идет о повторении образа «жас — слеза(ы)» дважды у Абая, что совсем уж не случайно. Здесь последовательное сердечное сокрушение и опустошение, которые, однако, выражены не прямо, а подспудно, потаенно. У А. Глобы есть «От слез болит голова», что достаточно адекватно концовке стиха, но вот предшествующее «Заплачут печали в нем» звучит слишком демонстративно и не соответствует утонченности в передаче настроения у Абая. Торжественность, чуждая лирическому сюжету стиха Абая, звучит и в строке «Смеется каждый ручей...». Не умаляя бесспорных достоинств перевода А. Глобы, мы обращаем внимание на то, что еще более основательное знакомство переводчика с речестроем стихов Абая помогло бы ему избежать легкого

«смеется ... ручей». Полагаем также, что переводчик не был знаком с подстрочником, сделанным Г. Бельгером, в котором очень точно определяются смыслы слов в стихотворении Абая, даются достаточно красноречивые указания на особенности лексико-грамматической структуры стихотворения:

Пестрые тучи, распарываясь,
Истекают порой дождем.
Весь от тоски изнывая,
Ты слезы украдкой льешь.
От дождя обновляясь,
Земля, зазеленев, обретает силу.
От слез опустошаясь,
Голова болит, нутро горит.

Г. Бельгер считает святой обязанностью переводчика любого стихотворения с казахского языка на русский, а тем более стихов великого Абая, глубокое ознакомление не только с культурно-историческими обстоятельствами появления того или иного шедевра, но и обстоятельное изучение лингвистических комментариев подстрочникиста, которые обязательно должны быть.

Идеальная репрезентация оригинального текста с казахского языка на язык русской лингвокультурологической общности, по Г. Бельгеру, возможна при условии, когда переводчик не только владеет специальными знаниями о быте, характере хозяйствования, но и тонко чувствует стихию казахского языка, то есть имеет представление о характере связей его лексико-синтаксического строя с национальной психологией.

Общая переводческая стратегия Г. Бельгера ориентирована на соблюдение единства индивидуально-художественного стиля автора как системы художественных средств, выражающей его национальное мировидение, и такая установка наглядно демонстрируется им в творческой деятельности по переводческой интерпретации лучших стихов великого казахского поэта Абая.

Бейбут МАМРАЕВ

Творчество Мухтара Ауэзова — художественная летопись времени

Казахская литература как основополагающая часть духовной культуры народа, имеющего богатые вековые традиции, детерминирует необходимость постоянного системного и многоаспектного изучения. Теоретическое осмысление различных периодов истории литературы позволяет определить роль и место духовных достижений народа в диахронном и синхронном аспектах в общей системе развития мировой художественной культуры.

Трагизм XX века заключается прежде всего в нравственном несовершенстве человека, и суть всех научных изысканий человеческого общества направлена на искоренение этого явления. Парадоксальность современного состояния общества состоит в том, что в начале третьего тысячелетия мы столкнулись с теми же вопросами и проблемами, что и в начале XX века: каковы пути дальнейшего развития человека и общества, каковы формы общественного устройства, что есть и какова ценность жизни индивида. Среди этих глобальных проблем немаловажное место занимает проблема влияния художественной культуры и литературы на действительность.

Нельзя подходить к оценке казахской литературы с мерками иной литературы. При этом невозможно оценивать отдельные периоды истории казахской литературы с точки зрения другого времени и иной исторической реальности. Разумеется, цель художественного процесса в разных странах одна — рассмотрение проблем личности, человеческого духа. Однако казахская литература развивалась в XX веке в таких сложных и специфических условиях, что трудно понять ее характер, находясь в современной ситуации, коренным образом отличной от ситуации тех лет.

Рассмотрение литературного процесса, тенденций и внутренней динамики его движения, а в целом художественно-культурного развития всего общества неразрывно связано с самой действительностью. Взаимозависимость литературы и жизни в равной степени позволяет объяснять закономерности как данной реальности, так и ее художественного отображения.

Литература, как вид художественного творчества, по своей природе и функциям — явление социальное. Продуктивному осмыслению исторического движения литературы во временном аспекте способствует рассмотрение этого явления в координатах общественной истории. Основная особенность казахской литературы заключается в том, что ее развитие происходило не только в широком социокультурном контексте, она была тесно связана со многими политическими процессами, проблемами самоидентификации этноса и социализации личности.

В 1990 году, в начальный период нового, научного осмысления истории казахского художественного слова, особенно периода начала XX столетия, З. Ахметов обратил внимание исследователей на ряд важнейших теоретических посылок, среди которых наиболее интересной представляется следующая мысль ученого. Он пишет, что «понимание развития литературы как процесса важно в методологическом плане, ибо дает возможность в полной мере учитывать социальные, исторические параметры в художественном мышлении, рассматривать литературные явления и факты в соотнесении с эпохой, социальными преобразованиями, и в то же время с внутренними закономерностями самой литературы, ее художественным своеобразием, национальными литературными традициями».

Наивысшую ценность в казахской литературе первой четверти XX века обретает человеческая жизнь. Впервые так остро и зримо углубляется художник в человека, в себя, в свои чувства и переживания. При всем единстве целей и задач, стоящих перед писателями и поэтами, публицистами и драматургами, каждый из них оставлял за собой право собственного видения окружающего мира, и это всецело зависело от его таланта.

Художник, не познавший объективные законы действительности, не представляющий ясно историю развития человеческого общества, никак не может претендовать, с одной стороны, на создание подлинно художественного произведения, отображающего саму жизнь, с другой — вряд ли это творение повлияет на качественное изменение личности и общества. Иными словами, талант художника, как изначально природный дар, имеет возможность своего развития при соблюдении целого ряда объективно-субъективных условий, определяющим среди которых является знание глубинных законов жизни в равной степени как человеческого общества, так и отдельной личности.

К началу 20-х годов XX века относится первая попытка создания Мухтаром Ауэзовым истории казахской литературы. Книга, написанная в 1925 году в Ленинграде, но изданная в 1927 году в Кзыл-Орде, так и называлась «История литературы». Но идеология строительства нового государства, набравшая мощь к 30-м годам, нашла в работах молодого Ауэзова «идеализицию исторического прошлого казахского народа» и вынесла вер-

дикт об их «идейной вредности». Так, «История литературы» Ауэзова была до 1991 года, времени повторного полного издания, исключена из научного оборота. Отличительная ее особенность — выработка системности, строго научного, конкретно-исторического анализа материала.

М. Ауэзов был основоположником профессиональной казахской прозы, новатором казахского профессионального слова, стоял у истоков театрального искусства, фольклористики и литературоведения. Такие важные отрасли современной центральноазиатской филологии, как «абаеведение» и «манасоведение», зародились под непосредственным руководством Мухтара Ауэзова.

М. Ауэзов — писатель с мировым именем, уроженец казахской степи, вписал своими бессмертными произведениями золотыми буквами в мировую историю художественную летопись своего народа. Писатель в начале своего творческого пути оказывается в среде блестящей плеяды казахской интеллигенции: Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова, Жусупбека Аймаутова, Магжана Жумабаева, Халела Досмухамедова, Мухамеджана Тынышпаева и многих других, оказавшихся жертвами репрессий. Он донес нашим современникам идеи и мировоззрение той благородной среды.

Казахская культура, казахский великий акын Абай, писатель М. Ауэзов и его роман «Путь Абая» — это понятия единой цепи, в которой одно звено продолжает другое. В своем романе-эпопее «Путь Абая», в рассказах «Красавица в трауре», «Серый лютый» М. Ауэзов воссоздал подлинную картину жизни степного казахского общества конца XIX — начала XX веков. Удивительно современной с точки зрения художественности остается ранняя проза молодого М. Ауэзова — «Сиротская доля», «Серый лютый», «Красавица в трауре», «Выстрел на перевале».

Новый художественный идеал, основанный на общечеловеческих ценностях, на особой значимости родной культуры и истории, наиболее ярко воплотился в романе-эпопее М. Ауэзова «Путь Абая». Это было в известной степени тенденциозное воссоздание образа жизни казахского общества в предреволюционный период.

В эпопее «Путь Абая», которая вобрала в свою художественную ткань традиции казахской, восточной и западной культур, глубоко разработаны фундаментальные философско-этические понятия. В глубоком постижении тайны человеческого бытия проявилась творческая мощь гения М. Ауэзова. Писатель выводит в пространство эпоса центростремительный тип героя, который приводит в движение всю сложную взаимозависимую структуру произведения. «Тетралогия не только выдающееся литературное творение, но и замечательное в историко- и теоретико-литературном отношении сочинение, в котором ясно прослеживается изложенная художественными средствами концепция Ауэзова-ученого. И именно данная концепция, думается нам, дает верные ориентиры для определения значения творчества М. Ауэзова в контексте мирового литературного процесса…

Синтез всего лучшего, созданного национальной традицией, с тем, что отвечает потребностям развития национальной литературы из мирового литературного опыта, — вот путь Абая Кунанбаева в литературе и самого М. Ауэзова. И именно на этом пути выдающийся казахский писатель добился мирового признания».

Весь роман пронизывает трепетно-бережное отношение писателя к культуре своего народа. Он изучал историю своего народа в едином ключе с историей других народов мира и как часть целого. Определяя роль и место казахской нации в мировом освободительном движении, увековечил в своих произведениях образы предводителей, восставших против империи и поплатившихся за это жизнью. В период расцвета культа личности

и разгула реакции М. Ауэзов создал концепцию освободительной борьбы народа, совершил творческий подвиг.

Написанные им на историческую тему пьесы «Хан Кене», «Ночные раскаты», «Абай» — бесценные творения, принесшие национальной драматургии широкую известность. «Айман — Шолпан» — лучший образец национальной комедии.

Национальное литературоведение и литературная критика определили ряд существенных вопросов, имеющих приоритетное значение для своего времени. Прежде всего, это вопрос о роли и значении литературы, о состоянии и дальнейшем развитии литературного языка, о национальном своеобразии, об освоении мирового художественного опыта, о необходимости жанрового разнообразия, об отношении к народному творчеству, которые в конечном счете преследовали благородную цель — пробуждение и развитие национального сознания.

Зарождение сравнительного литературоведения в истории осмысления литературно-культурных связей казахского народа следует искать в трудах Ч. Валиханова. Обращение великого казахского ученого к истории и культуре восточных и западных народов, возрождение к жизни кыргызского эпоса «Манас», многих казахских эпических произведений прошлого, сведения по европейским эпосам («Песнь о Роланде», скандинавские эпические сказания и т. д.) свидетельствуют о широте научного кругозора ученого, глубине его знаний истории и культуры народов мира. Вслед за Ч. Валихановым сложилась целая плеяда казахских исследователей, поэтов и писателей, которые в разной степени внесли свой вклад в разработку многих аспектов сравнительного литературоведения: переводы и разработка проблем художественного перевода, определение типологических схождений, анализ многоплановости литературных связей и влияний. В различных аспектах этих проблем касались И. Алтынсарин, А. Кунанбаев, представители его поэтической школы, и особенно казахские писатели и поэты начала XX столетия.

Научные основы изучения казахских литературных связей в современном их толковании были заложены М. Ауэзовым. Научное и художественное творчество М. Ауэзова способствовало активному изучению проблем сравнительного литературоведения в Казахстане, оказало влияние на развитие компаративистики в России и тюркоязычных странах Центральной Азии. Процесс взаимовлияния литератур, относящихся к одной литературной системе — общетюркской, — включал как тематические схожести (интеграция тем), так и приемы, методы, стиль, переводы, систему образов и т. д.

Среди тенденций развития казахской литературы достаточно зримо проступает проблема ее отношения к славянской и западноевропейской художественной литературе и философской мысли, что также получило отражение в трудах М. Ауэзова.

Каждое поколение в любом крупном художественном творении что-то заново открывает для себя, соотнеся с пережитым историческим опытом, с собственным духовным миром. Художественная проза и драматургия М. Ауэзова, являясь летописью общественно-политических перипетий, ломки общественного сознания и психологии, драмы личности, отобразила духовные запросы общества, возвела в ранг общенациональной проблему человеческой личности, проблему гуманизма. Этим М. Ауэзов интересен современному читателю.

Проза великого мастера переводится на мировые языки, прочитывается заново признанными специалистами в области межлитературной рецепции. Ее особой формой, по убеждению Д. Дюришина, и является художе-

ственный перевод. Изданный в новой книжной серии Издательского дома «Звязда» «Созвучие сердец» сборник произведений писателей Беларуси и Казахстана «Не ведая границ» открывается фрагментом «Пути Абая» М. Ауэзова в переводе А. Кима. Автор вступительной статьи к сборнику «Откуда мы пришли и куда свой путь вершим?..» А. Карлюкевич в ряду учителей называет М. Ауэзова: «Давно прочитав «Абая», сейчас перечитываю новый перевод великой эпопеи, осуществленный Анатолием Кимом. Энциклопедия казахской жизни — пожалуй, из тех книг казахской литературы, которые нельзя не прочитать, нельзя не осмыслить. Вот как раз этого всеобъемлющего представления о других народах, их своеобразии, отличительных чертах нам сегодня и не хватает. Постижение себя, утверждение себя — это и открытие мира…».

Художественной летописью времени и является творческое наследие М. Ауэзова, обращенное к читателям XXI века.

Уалихан КАЛИЖАНОВ

Феномен века

Яркая звезда казахской поэзии, выдающийся акын-импровизатор Жамбыл (Джамбул Джабаев) не случайно прозван в народе Гомером XX века. Его поэзия преодолела грани Великой степи, и его пламенные стихи зазвучали на многих языках народов мира.

Песни, сказания и айтысы акына вошли в сокровищницу казахской поэзии, умножая традиции народного искусства. Восторгавшийся его творчеством классик казахской литературы Ильяс Джансугуров писал: «Песни Жамбыла как красочные цветы джайлау Бугымуийз, Бесмойнак, от них веет свежестью и покоем. Каждый раз, слушая его стихи, словно погружаешься в буйное соцветье джайлау».

Жамбыл не получал образования в Европе, не оканчивал академий и университетов. Но как отмечал один из литераторов, «это не трагедия Жамбыла, сама его жизнь и творчество стали академией и университетом».

С полным основанием можно говорить, что Жамбыл сам стал энциклопедией казахской устной литературы. В традиции казахского народа ценить и почитать акынов, но среди близких они обычно подвергаются испытанию. Его отец Жабай повел своего сына к мулле и заставил преклонить пред ним колени. Однако гордый юноша не повиновался требованию отца. Из уст пятнадцатилетнего Жамбыла вырвалось:

Чем уроки его брать,
Домбру лучше в руки взять.
То, что снится лишь во сне,
Чтоб словами передать.
Своим духом Суйинбай,
В мое слово силу дай.
И цветистыми словами,
Своим даром осыпай.

Верный этим словам и призванию, он до последнего часа своей жизни был верен звучной домбре и цветистому слогу. Благодаря проницательности и широте души, он умел находить общий язык и с правителями, и с простыми людьми. А язык его был настолько острым, что его слов побаивались даже близкие. Жамбыл воистину использовал могущественную силу слова как разящее оружие.

Высоко ценивший его непревзойденный талант известный писатель Мухтар Ауэзов писал: «Жамбыл — это особое явление, не похожий на других талант с хваткой мыслью и яркой индивидуальностью. В нем сочетаются крупный эпический поэт и мастер айтыса с призванием поэта высокого гражданского звучания».

Великих могут оценить только великие. Жамбыла признавал Мухтар Ауэзов, пред ним склоняли голову и почитали Сакен Сейфуллин, Сабит Муканов, Габит Мусрепов, посылал ему приветствия Ромен Роллан. Его богатое творческое наследие стало национальной ценностью казахского народа. И как не повернуть назад колесо истории, так и в будущем будет жить и процветать неповторимая поэзия Жамбыла, ставшая национальным брендом Независимого Казахстана.

Сила поэзии Жамбыла в правде. Во вложенных им в стихотворные строки мыслях сквозят боль и чаяния о судьбе родного народа, предстают жизнь и быт казахского общества. Его поэзия расцвела не только в советский период, но и доходила до сердца народа в годы мрачной колонизации, так как доносила горькую правду жизни. Наглядно свидетельствуют об этом такие строки:

Томясь во тьме ночи, глаз не смыкая.
В прохладе ночи теплый кров не зная.
И день, и ночь болтаясь по Сахаре,
Бродячей собаке жизнь пастуха подобна.

Эти четыре строки настолько полно передают всю тяжесть жизни простого кочевника, что перед глазами предстают картины его мрачного существования. Невольно напрашивается сравнение с созвучными стихами великого Абая и видится достойное духовное продолжение пути его кумира Суйинбая. Его слова обрушиваются, как молния с небес, и обнажают суровую правду жизни: «Хоть ты сыт, но голодны другие…»

Мы знаем многих народных героев, обуздавших стремительных тулпаров. Но Слово так обуздать мог лишь Жамбыл!

У казахского народа много великих личностей. Их имена золотыми буквами вписаны в историю казахов, стали национальной гордостью. Но в истории национальной цивилизации останутся яркими символами имена основоположника казахской письменной литературы великого Абая и превратившегося в энциклопедию народной, авторской устной литературы Жамбыла Жабаева.

Нелегкой, а порой драматической была жизнь самого Жамбыла. В этом году исполняется 100 лет восстанию 1916 года. И, наверно, мало кому известно, что акын стоял не только у истоков этого восстания в Семиречье, но и был заключен под стражу. Не мог остаться в стороне и почитаемый народом акын, больно воспринявший весть о принудительной отправке молодых мужчин в пекло чуждой их интересам войны. Поэтому Жамбыл быстро откликнулся на царский указ «О реквизиции», написав песню «Черный указ», в которой отразилась вся боль о судьбе молодого поколения:

Болью налившись, плачь, струна,
В этот тоскливый час:
Ты услыхала, моя страна,
Черный царский указ!
Вам ли, сыны, надевать ярем?
Голову молча гнуть?
Перед разлукой язык ваш нем,
Скорбь разрывает грудь…
Будьте вы прокляты, эти дни!
Что там еще впереди?
Сердце трепещет, в висках звенит,
Воздуха нет в груди.

Эти полные гнева и осуждения строки рождались в сердце поэта при виде того, как местные бии и старшины, сговорившись с чиновниками Верненского уезда, снаряжали и отправляли мобилизационные отряды к скотоводам на жайлау Улкенсаза, Ушконыра, Кумбеля — летние пастбища родов племени Шапрашты, а не подчинившихся царскому указу карали безжалостно.

На борьбу призывали народ пламенные строки акына:

Что ж остается? Куда идти?
Сдаться ли злой судьбе,
Или на скорбном своем пути
Счастье искать в борьбе?..

И народ поднялся на борьбу. Вооруженные чем попало жители аулов стали нападать на представителей царской власти, поджигали местные канцелярии для уничтожения списков призывников, чтобы избежать отправки своих детей на тыловые работы.

Казалось бы, звезда Жамбыла взошла в тридцатые годы, но и тогда находились подлые завистники, готовые очернить гордое имя акына. Было время доносов и всеобщей подозрительности. И не кто-нибудь со стороны, а именно кто-то из своих написал в Москву грязную клевету на Жамбыла, и ему пришлось перенести тяжелое бремя разборок.

Обвиняемым стал акын Жамбыл, обвинителем — анонимщик, защитниками — Мухтар Ауэзов, Абдильда Тажибаев, судьей — Леонид Соболев.

Л. Соболев приехал в Казахстан и провел неделю рядом с Жамбылом. Позднее он скажет: «Если бы я был казахом, был бы рядом только с Жамбылом, записывал бы каждое его слово…» Эти слова об акыне произнес один из самых авторитетных деятелей русской литературы.

А когда на родину обрушилась страшная беда вероломного фашистского нашествия, гордый старец степей стал призывать народ к борьбе, и его пламенные стихи вдохновляли воинов. Его поэтическое послание в осажденный Ленинград стало жемчужиной военной поэзии, а сами стихи были страшнее пули для врага, предрекая его бесславный конец.

Жители прославленного города на Неве не забыли великого акына. В 2003 году в городе воздвигнули бронзовый памятник великому акыну — подарок Казахстана к 300-летию Санкт-Петербурга. Рядом со статуей Джамбула на каменных ступенях фонтана выбиты те бесценные строчки: «Ленинградцы, дети мои…», которые стали поддержкой героическим защитникам города.

Прогрессивных зарубежных читателей привлекали в песнях Джамбула гнев и возмущение, презрение и ненависть к врагу человечества — фашизму, войне, глубокая любовь к советской отчизне. Неслучайно стихотворение акына «Для нашей родной страны» было включено в сборник «Поэзия войны объединенных наций», вышедший в Нью-Йорке в тревожном 1943 году.

Творчество Джамбула первым перелетело границы казахской степи и приобрело всесоюзную и мировую известность. Его волнующие песни были переведены более чем на 50 языков народов мира. Интерес к творчеству великого казахского акына не иссякает и в наши дни. Читатели видят в Джамбуле носителя неисчерпаемого богатства народного творчества, в котором в течение веков запечатлевалась историческая жизнь народа.

Каждая эпоха рождает свои незаурядные имена и личности, которые со временем становятся ее яркими символами. В предисловии к вышедшей в Москве книге Ерлана Сыдыкова «Жамбыл», посвященной 170-летию со

дня рождения великого акына, Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев дал такую оценку личности Жамбыла: «Его жизненный путь оказался равен почти целому столетию. Своим творчеством он проложил мост памяти из XIX в XX столетие, соединив многовековую поэтическую традицию Великой Степи с мощным потоком литературы начального этапа индустриальной эры. Жамбыла можно без преувеличения назвать степным Гомером XX столетия. Его величественная фигура, органично соединяющая далекое прошлое с современностью, навсегда останется одной из высочайших вершин казахской литературы. Он сохранил для нас и будущих поколений казахстанцев наследие древней поэтической культуры казахов, которой сам владел в совершенстве».

Творчество Жамбыла пополнило духовную сокровищницу современного независимого Казахстана. Его песни согревают сердца людей своей пламенной страстью, любовью к отечеству, желанием творить новую лучшую жизнь. И перед будущими поколениями будет стоять образ мудрого старца с домброй, пылкое слово которого обращено в вечность.

Серикказы КОРАБАЙ

Выразители народного духа

Имя великого Абая для многих людей на всех континентах стоит вровень с именами Шекспира, Гете, Пушкина и Мольера. Признанием его таланта и заслуг перед всем человечеством стало объявление ЮНЕСКО 1995 года — Годом Абая. В череде юбилейных мероприятий в рамках Дней Абая на Украине в сентябре 1995 года состоялся торжественный вечер в Киеве, посвященный знаменательной дате. В своем отзыве известный украинский поэт и публицист, лауреат премии имени С. Олейника Поликарп Шабатин писал: «Вершины народного духа были и есть в каждой части света, в каждой стране. Те, что были, теперь известны всему миру, а имена тех, кто есть сейчас, засияют для новых поколений. А в украинской и казахской истории такими выразителями народного духа были Тарас Шевченко и Абай Кунанбаев».

И в наше время — время становления национальной государственности Казахстана, непреходящая жизненность произведений таких классиков, как Шевченко и Абай, несомненна.

Поэзия Шевченко хорошо известна и почитаема в Казахстане. Его переводили на казахский язык Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров, Абдильда Тажибаев и др. Жамбыл Жабаев и многие современные поэты посвящали Кобзарю проникновенные стихи.

Современные исследователи задумываются над вопросом: «Откуда черпал силы и вдохновение этот человек с трагически опущенными усами и большой головой?» Он оставался поэтом и художником в условиях солдатчины, на суровой земле Мангыстау. Одинокое дерево из стихотворения «Топор за дверью у Господа Бога» —

И топором нетронуто,
И божьим пожаром.
И шепчется с долиною
О времени старом

дорого поэту как символ «героя, устоявшего перед превратностями времени. Оно напоминало ему, — как пишет известный ученый Ш. Елеукенов, — собственную судьбу, которая не казалась ему роковой, несмотря на тяжкие испытания».

Шевченко так же, как и Абай, обладал богатой палитрой лирического выражения. Источником вдохновения служила для него казахская действительность, которая стала «предметом его дум, страданий и творчества. Судьба казахов, отданная в чужие, безжалостные руки, была во многом схожа с судьбами его далекой Родины, а может быть, еще печальней и горше».

Тонкий ценитель народно-песенного и профессионального музыкального искусства, Т. Шевченко слышал и степные напевы. И как итог, «в ссылке написал больше картин и стихов, нежели на свободе».

Гуманистические идеи Абая, его поиски высших человеческих ценностей созвучны духу нашего времени. Новым крупным шагом казахской литературы XIX века стало творчество Абая Кунанбаева. Вобрав богатство родной устной поэзии, приобщившись к истокам творчества русских и европейских писателей, и прежде всего к культурным ценностям Востока, он выработал в себе черты поэта и мыслителя, синтезировав достижения философской мысли и культуры Востока и Запада. Абай получил мировое признание как поэт-новатор, гуманист, выразитель прогрессивных взглядов своей эпохи. Это гигант, вместивший в одной человеческой жизни целый мир.

Литературное наследие Абая составляет всего один большой объемистый том. В него входит исключительно живописная, высокохудожественная и доселе непревзойденная по своей философской глубине и силе мастерства лирика поэта, поэмы «Искандер» (об Александре Македонском), «Масгуд» (на восточную тему) и незаконченное произведение «Сказание об Азиме», 45 слов назиданий («Гаклия»), очерк «Несколько слов о происхождении казахов» и письма. Включены и его оригинальные и великолепные переводы, среди которых главы из романа в стихах А. Пушкина «Евгений Онегин», 29 стихотворений М. Лермонтова, 11 басен И. Крылова, стихи Дж. Байрона, И. Гете, А. Мицкевича, И. Бунина и других.

Песни объединяли казахов. Абай не только сумел перевести Пушкина. Он осуществил перевод так, что письмо Татьяны Онегину стало песней, которую с любовью исполняют до сих пор. Он понял общность человеческой души, понял, что казаху есть дело до человечества и что казаху есть что сказать человечеству.

Абай дал национальной литературе принципиально новое направление, обогатив ее неразрывной связью с русской культурой и культурой многих других народов планеты.

«Необходимо учиться по-русски, — страстно убеждал Абай в философском трактате «Гаклия», — наука, знание, искусство, богатство, — все это сосредоточено у русских. Чтобы иметь возможность избегать пороков и, наоборот, воспринимать все самое лучшее, необходимо знать русский язык, познать русскую культуру… Искусство, культура русских — это ключ к жизни, кто сумеет получить их, тому легко достанется жизнь».

В 25-м слове «Гаклии» утверждается: «Необходимо учиться с целью быть заступником казахского народа, заботиться, чтобы и мы стали страной, узнали столько, сколько знают другие, вошли в среду народов равноправными». Для поэта важно знание языков братских народов: «Человек, получивший культуру, изучивший язык какого-нибудь народа, становится с ним равноправным и никогда не будет унижаться перед ним». Личным примером поэт-просветитель подтверждал плодотворность усвоения культуры русского и других народов.

Абай называет своими учителями знаменитых классиков восточной литературы — Навои, Физули, Фирдоуси, Хафиза, Сайхали, Сагди. Он изучает труды западноевропейских авторов — Спенсера, Милля, Дарвина, Дрэпера. Абай настойчиво боролся за дружеское идейно-культурное

взаимообщение народов. Он протягивает из степного казахского аула руку дружбы узбекскому, татарскому народам, народам Кавказа. Абай изучает арабский, персидский и тюркские языки. Сердце Абая было открыто для всего доброго и прекрасного, откуда бы они ни шли — с Востока или Запада. Вот почему он легко впитал и отразил в своем творчестве и мудрые мысли великих поэтов Востока (Саади, Физули, Хафиза, Сайхали, Фирдоуси), и золотые сокровища художественных ценностей, созданных в русской литературе XIX века.

Начав писать стихи с двенадцати лет, поэт прошел все стадии развития поэтического дара: здесь и восторженно-юношеские любовные послания, и страстный лиризм, и беспощадная насмешка над невежеством, паразитизмом, и стремительный взлет к вершинам высокой гражданственности, выражающейся в сострадании к своему народу, нетерпимости ко всякому проявлению зла, стремлении познакомить казахскую степь с жизнью и культурой других стран и народов.

В стихах Абая произведена радикальная переоценка основ степного общества: дедовских традиций, обычных прав и общественной морали. Смысл человеческого существования осознан им по-новому: жизненный путь человека определяет разумная воля, благородство чувств и полезная деятельность.

Все, что есть талантливого в родном народе, Абай вобрал в себя и вернул ему так же «в чистоте и очищенной красоте».

Глубокая признательность и благодарность казахского и других народов, восхищение талантом Абая получили яркое отражение на торжественном заседании в Алматы, посвященном 125-летнему юбилею поэта в мае 1971 года. Выступая от имени украинских писателей, выдающийся представитель украинский литературы, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР Олесь Гончар отмечал, что «верные сыны своих народов Абай Кунанбаев и Тарас Шевченко выступали страстными певцами дружбы людей разных наций, клеймили позором угнетателей, призывали к борьбе за справедливость, светлое будущее».

Абай — символ духовного возрождения казахского народа. Его имя неразрывно связано с представлением о казахском народе — народе трудолюбивом, устремленном к прогрессивному развитию, верном общечеловеческим гуманистическим идеалам, ибо великий поэт, мыслитель в своих произведениях сумел выразить лучшие устремления народа, его чаяния и надежды. Глубоко постигая душу родного народа, он умел видеть в национальном — общечеловеческие ценности. Познавая Абая, мы познаем самих себя, свою историю, осознаем место и роль казахского народа в сегодняшнем изменившемся мире, осмысливаем взаимоотношения Казахстана с другими странами в историческом контексте мировой культуры.

Человек, замкнувшийся в маленьком мирке, духовно беднеет, считал Абай. Люби человечество, как брата, а тот, кто поднялся до общечеловеческих законов, становится высоконравственной личностью. Высказывание Абая «Люби человечество, как брата» высечено на памятнике великому мыслителю, который открыли осенью 2015 года в поселке Глубокое, районном центре Восточно-Казахстанской области. И сейчас, когда сложилась новая ситуация, как никогда нужны консолидация, взаимное уважение друг к другу всех наций и народностей. Ведь из глубины веков наши славные предки, великие сыны наших народов передавали единственный завет: множить число друзей, крепить дружбу народов. С постамента на нас взирает будто бы живой поэт, который вот-вот скажет снова свои знаменитые слова: «Любите человечество, как брата».

Алимжан ХАМРАЕВ

Уйгурская литература СУАР КНР

Современная уйгурская литература в СУАР КНР развивается в русле постоянных острых общественно-политических изменений. Начиная с 80-х годов XX века в условиях «политики открытых дверей» СУАР КНР, она вступила в новый этап своего развития. С 1980-х годов уйгурская литература в Китае переживала бурный и стремительный рост: появились новые крупные и многочисленные произведения уйгурских поэтов и писателей. Массовыми тиражами стали выпускаться крупные исторические романы, любовные эпические повествования, окрепла новая авангардная поэзия и т. д. Этот литературный процесс объективно оказывает влияние на уйгурскую литературу Казахстана. Подобные изменения переживает и казахская литература в Китае.

Уйгурские писатели и поэты Ахмет Зияий, Абдурехим Откур, Тургун Алмас, Зордун Сабир, Мамтимин Ошур, Вахитжан Осман, Союнгуль Жанариф, Ахмет Осман, Нуран Коктюрк, Гулчимана Авут и других подтверждают, что процессы в уйгурской литературе 1980-х годов являются естественным и объективным продолжением традиций так называемого андеграунда, возникающего, как обычно, в период политических обострений в обществе. В данной ситуации художественный андеграунд в современной уйгурской литературе связан с завершением культурной революции в Китае.

Политика открытых дверей дала уникальную возможность уйгурским писателям, имевшим определенный вес в обществе, использовать сложившуюся общественно-политическую ситуацию в интересах народа. Многие произведения ведущих писателей и поэтов начали официально публиковаться и стали получать всеобщее признание в обществе. Появились новые имена, которые поддержали эту художественную линию. Безусловно, значительные открытия в словесном искусстве были непосредственно связаны с художественным опытом предыдущих поколений, огромным пластом уйгурской литературы, который был недоступен для широкого круга читателей. Пережитые страдания народа за долгое историческое время, затяжной характер культурной революции переосмысливаются в творчестве А. Зияий, А. Откура и Т. Алмаса, которые подводят нравственно-культурный и художественно-эстетический итог общественно-культурного развития.

Накопленный творческий потенциал реабилитированных уйгурских художников Зунуна Кадири и Абдухалика Уйгура, несомненно, оказывает влияние на творческие искания последующих поколений. Анализ материалов по уйгурской литературе СУАР КНР показывает, что крупные произведения уйгурских писателей и поэтов последних лет — лирические и эпические произведения «Из», дилогия «Ойғанғанзимин» А. Откура, дилогия «Ана йурт» З. Сабира, роман-эпопея «Көз йешида нәмләнгән зимин» С. Жанариф, связанная с темой отчуждения и изгнания, историческое произведение «Ладақ йоли» А. Зияий, в котором выражен мотив исповеди одинокого человека, «Махмут Кашгари» И. Ибрагима, «Жаллат ханим» А. Умара, «Бабур-намә», «Орхон шәжирәси» А. Мосуда, сочинения модернисткого толка «Қум басқан шәһәр» Мухаммада Баграш, «Ахирәттин кәлгәнләр» Т. Самсак, «Бөрә ана», «Балдур ойғанған адәм» О. Вали и другие поднимают острые вопросы уйгурского общества. Тема любви к родной земле, мотив потерянных лет занимает в творчестве писателей ведущее место.

Жизненный и творческий рост многих уйгурских пистателей, вынужденно молчавших в годы репрессий, проявился в начале реформ в Китае, которые создали писателям хорошую возможность для издания в огромном количестве художественных произведений. О подобном многообразии ранее не приходилось и думать.

Существенным фактором, демонстрирующим смену художественной парадигмы уйгурской литературы, является предоставленная возможность массового знакомства уйгурских художников с переводной литературой, философией, искусством и исследовательскими трудами ученых западных и восточных стран. Это значительно разнообразило художественную атмосферу в обществе. «Различные течения (романтизм, неореализм, постмодернизм, символизм) оказывали прямое воздействие на национальных писателей, поэтов и публицистов. Рост художественного сознания обусловлен появлением новых интересных имен в уйгурской литературе». Так проявился талант З. Сабира, М. Баграша, Ч. Авут и других. Как представители нового реализма и новой волны, они избежали идейного коллапса, т. е. коммунистического идеализма 50—60-х годов XX века и мифического фанатизма, радикализма периода культурной революции.

Творчество З. Сабира отличается гетероморфным характером, что проявляется в жанровом многообразии его произведений. Личный нарратор своеобразен в романах, повестях, рассказах и в публицистике. В прозе автор остро ставит социальные проблемы и дает читателю возможность воспринять диффузное состояние действительности. З. Сабир, продолжая традиции У. Мухаммади, изображает дискретную жизнь в ее повседневной динамике. Писатель глубоко переживает не только унижение «маленького» человека, но и распад духовных ценностей в уйгурском обществе. Это определяет сущность социального конфликта в произведениях, неоднозначность его развития. Писатель показывает причины низкого уровня жизни, которые ведут к разрушению человеческой жизни и порождают не только социальные, но и нравственные проблемы. В этих условиях он обращается к образу Гани Батура, который символизирует возврат к нормальному человеческому существованию. Таким образом, З. Сабир подчеркивает, что жизнь и общество требуют коренных изменений.

Серьезным достижением современной уйгурской литературы в Китае является появление национальных героев и персонажей, которые, участвуя в художественном конфликте, способствуют раскрытию узловых проблем современного состояния уйгурского общества и характеризуют принципы национальной морали, этики и эстетики. Обдуманное планирование художественного произведения позволяет писателям уходить от схематичного, трафаретного изображения внутреннего мира героев. Такова проза М. Баграша. В его повести «Қум басқан шәһәр» («Город под песком») идеи большого человеколюбия составляют органическую сущность нового для уйгурской литературы искусства модернизма «тутук». Умение показать жизнь в ее развитии, видеть и воспроизвести новое в обществе характеризует творческое наследие писателя на нынешнем этапе.

М. Баграш изображает частную жизнь человека, самоценность его индивидуальной судьбы в процессе всеобщей коллективизации. Он показывает, что внешняя реальность враждебна личности и продуцирует, предопределяет трагизм ее существования. Духовное исцеление является своего рода возвращением к первоистокам и обретением истинного «я», что позволяет спасти город от неминуемой гибели. По сути, феномен

«тутук» в современной уйгурской литературе подпитывается словесным творчеством поэтов и писателей 20—40-х годов XX века. Их произведения, написанные в форме «чачма-эркин» шеир, стали характерным признаком всеобщего обновления общества. Трансформации стандартной поэтической формы, в частности, разбивка стихотворений на строки, отсутствие или трансформация рифмы, произвольное количество слов, тураков (ритмов силлабического стиха), свободная строфика — «бэнт» оказывали существенное влияние на умы уйгурских художников на рубеже веков и стали ключевыми средствами поэтического и художественного высказывания.

Быстрый темп развития уйгурской поэзии в СУАР КНР многие исследователи связывают с пробуждением народа после вынужденной изоляции. Исследование эпической поэзии К. Барат, традиционной социалистической лирики Э. Татлик, И. Савут, Ш. Омар, авангардной лирики А. Тунияз, А. Хасана, А. Османа, которым присущ феномен отчуждения, показывает, что их творчество обусловлено, прежде всего, особым психологическим состоянием самих поэтов и писателей. Это и определяет эстетическую установку, а также отбор художественных средств, необходимых для воплощения идейного замысла, моделирования пространства. Анализ женской уйгурской прозы и поэзии в Китае нацелен на раскрытие психологических черт «женского откровения». Цель — «привлечь внимание к своеобразию сформировавшегося социально-культурного опыта, отразившегося в поэзии Ч. Авут, А. Мамет и др.».

Социально-культурная проблематика в творчестве уйгурских публицистов А. Сулеймена, Я. Рози обнажает актуальные социальные проблемы, касающиеся нравственного подвига, справедливости и целеустремленности, долга, совести и т. д.

Главная тенденция уйгурской прозы СУАР КНР — стремление к углублению анализа человеческой индивидуальности, выявлению сложных психологических переживаний, раскрытию побуждающих мотивов поведения. Эволюция основных направлений современной уйгурской литературы (реализм, социалистический реализм, восточный классицизм, модернизм) в аспекте новых веяний и тенденций мировой литературы, формирования новой постреформенной эстетики, детерминированной в литературоведческих трудах А. Султана, О. Гайрата и т. д., в критических статьях М. Полата, Я. Рози, способствует выявлению современных проблем развития литературного процесса, жанровой структуры, стиля и новых тенденций молодой уйгурской прозы и поэзии в Китае.

В целом панорамное изучение литературного наследия уйгурского народа в СУАР КНР позволяет обнаружить контактно-генетические взаимосвязи национального словесного искусства. Во многих исследованиях присутствует недостаточная оценка исторической значимости не только наследия уйгурской литературы, но и ее корреляционных характеристик. Имеются недостатки в обобщении огромного опыта, накопленного современным уйгурским литературоведением в области истории и теории, в выявлении доминантных эстетических идей и художественного мастерства деятелей словесности, в определении литературных веяний и направлений, перспектив уйгурских гуманистических и просветительских идей. Но национальная литература вступила в новый исторический этап своего развития. Эта тенденция ведет к тому, что многие актуальные вопросы уйгурской литературы СУАР КНР найдут способы поступательного решения.

Айнур КАЛИАСКАРОВА

Современная литература Ирана: историческая тематика и гендерный аспект

В Иране уделяется большое внимание сохранению национального наследия. Долгая экономическая блокада страны привела к тому, что произведения иранских авторов оставались не знакомы мировому читателю. Но сегодня писатели и поэты стремятся представить свою литературу миру, активно участвуя в литературных конкурсах Европы, открывая Центры иранской культуры в разных странах, издавая журналы и т. д.

Институтом интеллектуального развития детей и юношества Исламской Республики Иран систематически выдвигается ряд кандидатур писателей и художников-оформителей книжной продукции на международные премии. В 2012 году иллюстраторы Ахмадреза Ахмади и Фаршид Мескали номинированы за достижения в детской литературе на престижную Премию имени Астрид Линдгрен. Премия основана правительством Швеции и присуждается ежегодно в честь известной шведской писательницы. Учредители премии преследуют благородную цель — распространение детской и юношеской литературы в мире. Ранее от Ирана были номинированы иллюстратор Ахмадреза Ахмади и писатель Мостафа Рахмандуст.

Проза и поэзия иранских авторов активно переводятся на иностранные языки, что значительно расширяет сферу их бытования. Один из выпусков французского литературного журнала «Europe» (май 2012 год) посвящен литературному процессу в Иране и творчеству современных иранских писателей, сообщает информационный портал aljazeera.net. Журнал «Europe» основан в 1923 году выдающимся французским писателем и драматургом, лауреатом Нобелевской премии Р. Ролланом. В 400-страничном альманахе опубликованы произведения иранской переводчицы и писательницы Симин Данешвар, известного общественного деятеля и писателя Джалала Але-Ахмада, молодой писательницы Фарибы Вафи, Маджида Насифи и др. Европейский журнал познакомил читателей с творчеством более сотни писателей и поэтов Ирана, в том числе писателей иранского происхождения, живущих и работающих в Европе.

Первым масштабным проектом по изданию на русском языке современной иранской прозы явилась антология иранского рассказа «Современная иранская проза» (2010) в двух томах. «Авторы поколения Исламской революции (двадцать одно имя) представлены четырьмя десятками рассказов. Это самые разные по жанру и тематике произведения: остросоциальная проза и произведения с философским подтекстом, рассказы для юношества и женские истории, повествования о любви и вере, притчи и сказки, сатира и юмор, бытовые зарисовки — современная жизнь иранцев предстает из этих текстов во всем ее многообразии». В опубликованных произведениях на фоне преобладающих тем тяжелых будней бедноты, издевательств солдат шахской гвардии воспеваются и герои исламской революции. Современная литература Ирана выполняет миротворческую и просветительскую миссии.

Антология демонстрирует жанровое многообразие иранской литературы (притча, сказка, сатира, юмор, бытовые зарисовки), выдержана в строгих политических и религиозных рамках. Переводчики и составители, по мнению современных критиков, «сумели передать не только колорит, но и настроенческую атмосферу иранского общества. Да и сама писательская среда Ирана представлена в сборнике широкой палитрой».

О возрастающем научном и читательском интересе к литературе современного Ирана свидетельствуют Международная научно-практиче-

ская конференция в Санкт-Петербурге «Современная литература Ирана» (2013) и участие представительной делегации из Ирана в проведении Форума литератур Прикаспийских стран и государств «Каспий — море дружбы» (Астрахань, 2015). Первый фестиваль культур народов Прикаспия был проведен в 2004 году по инициативе руководителей и участников научно-публицистической экспедиции «Каспий: нефть и культура». Идея фестиваля, прошедшего в прикаспийских провинциях Ирана — Гулистан и Мазендаран, зародилась в ходе подготовки уникальной экспедиции и в процессе продвижения ее участников по территории прибрежных Мангистауской, Атырауской областей Казахстана и Астраханской области России. Инициаторами экспедиции выступили общественное объединение «Рух-Мирас» и национальная компания «Казинформ», а организатором и спонсором — национальная компания «КазМунайГаз».

Иранская сторона продемонстрировала гостям фестиваля несколько лент, в числе которых — художественный фильм «Белый шар», организовав встречу с его создателями. «Эта гуманистическая картина о сегодняшнем дне Ирана через призму его истории глазами маленькой девочки потрясла всех нас», — говорит известный общественный деятель, культуролог Мурат Ауэзов. Фильм получил признание Каннского кинофестиваля, его авторы — сценарист Абос Кие Рустами и режиссер Джафар Панохи стали лауреатами и дипломантами других престижных киноконкурсов».

Члены казахстанской теле-фотосъемочной группы отсняли солидный материал о самом фестивале, о природе и людях Ирана. «В Тегеране, в городах Мазендаран и Гулистан мы встречались с удивительными личностями, деятелями науки и культуры, лидерами суфизма», — подытоживает Мурат Ауэзов. Гости фестиваля посетили выставку знаменитого иранского художника и скульптора Таха Бехбахани, чьи произведения экспонируются во многих странах мира, в том числе и в Западной Европе.

Архитектор культовых сооружений, мастер-реставратор из Актау М. Нуркабай провел ряд встреч со своими коллегами, в ходе которых рассказал о проводимых в Казахстане археологических раскопках и находках, изучении жилищ и надгробных памятников святых, которых только в Мангистауской области насчитывается несколько тысяч, на многих — надписи на персидском языке. Иранские ученые отметили, что сегодня «казахстанская археологическая школа является одной из сильнейших, и выразили желание наладить прямые связи с Институтом археологии и этнологии Национальной Академии наук РК… В последние пять-семь лет иранская археология переживает новый всплеск. Так, археологические раскопки в местечке Гухар-тюбе были проведены всего за 45 дней, работы шли по 15—16 часов в сутки».

С интересом были выслушаны доклады Мурата Ауэзова «Историко-культурные связи Турана и Ирана», М. Семби «Индо-иранские реликты верований в памятниках казахской архитектуры», С. Абдулло «Культура народов прикаспийских государств в эпопее «Шахнаме» Фирдоуси», изданные впоследствии в специальном сборнике. Все участники фестиваля были едины во мнении, высказанном Г. Шалахметовым, возглавлявшим в то время «Казинформ»: «Каспий — край, имеющий не только богатые природные ресурсы, но и свою уникальную культуру».

Центр культуры Ирана и Центральной Азии успешно функционирует в Национальной библиотеке РК. В Казахском национальном университете им. аль-Фараби на факультете востоковедения в январе 2016 года состоялся семинар профессора, доктора Абдоламира Ченари, университет имени Шахид Бехешти (Тегеран). Тема семинара актуальна — «Литература современного Ирана и фарси». Тем самым укрепляются научные и исследовательские контакты между ведущими вузами наших стран.

Иран становится одним из мировых литературных центров, вступая в диалог с литературами других стран. К такому выводу пришли участники конференции в Санкт-Петербургском Доме писателя, в которой приняли участие Али Асгар Мохаммад Хани, руководитель Института культуры «Шахр-е кетаб» («Город книг»), и доктор Насрин Факих (университет Аз-Захра, Тегеран). Всесторонней пропаганде иранской культуры служит электронный журнал «Караван», издаваемый при содействии Культурного Представительства при Посольстве Исламской Республики Иран в Российской Федерации.

«Ежемесячный электронный журнал «Караван» является вестником любви, добра, дружбы, духовности, культуры и поэзии Ирана — соседа России, ее культурного и гостеприимного народа. В России мало кому известно, что «караван» — слово иностранное и в русский язык оно пришло из Персии. Некоторые значения этого слова на русский можно перевести как «путь», «запас провианта» и «весть». В древние времена многочисленные караваны преодолевали Великий Шелковый путь, отдельные отрезки которого пролегали и по территории современной России. Помимо заморских товаров они несли с собой на Запад и нечто иное: науку, искусство и знания загадочного Востока. Наш журнал, — обращается к читателям Сейид Хосейн Табатабаи, культурный атташе Посольства Исламской Республики Иран в Москве, главный редактор электронного журнала, — посвящен памяти тех времен, когда Запад и Восток обменивались знаниями, культурными достижениями и произведениями искусства. При подготовке журнала мы стараемся представить русскоязычному читателю литературу, поэзию и культуру Ирана. Каждый из номеров «Каравана» посвящен современной литературе, искусству, культуре, а также знаменательным событиям из жизни сегодняшнего Ирана. «Караван» приветствует на своих страницах всех, кто интересуется культурой, искусством и литературой Ирана. Мы надеемся, что журнал послужит своеобразным мостом, средством для более широкого ознакомления россиян с духовным наследием иранской цивилизации!»

Растущее внимание к иранской литературе подтверждает и один из номеров журнала «Иностранная литература» за 2012 год, открывающийся историческим романом Мухаммада-Казема Мазинани «Последний падишах» (перевод с фарси А. Андрюшкина). Автор повествует о последних днях жизни тяжело и неизлечимо больного шаха Мохаммада Реза Пехлеви в египетской клинике. Долгая жизнь правителя изображается с разных сторон, в оценке разных персонажей. «По форме это пространное обращение — то к шаху, то к его супруге, — причем поначалу — обращение анонимное: читатель далеко не сразу узнает что-либо о рассказчике. Рассказчик же этот весьма искусен: в частности, в своем умении создать образ адресата, посмотреть на происходящее с разных точек зрения».

О культуре и истории Ирана увлекательно повествует Амир-Хосейн Фарди (роман «Исмаил»). В центре произведения — жизненный путь главного героя, рассказы о встречающихся ему людях на фоне выписанных с любовью окрестностей Тегерана.

Символично название произведения Мехди Газали «Ангельское терпение», которое посвящено самым ярким эпизодам «драматической жизни поистине святой женщины, являющейся подлинным украшением Семейства Пророка Ислама — Зайнаб, дочери Имама Али и Фатимы Захры». Это повествование подтверждает наличие разных жанров в прозе Ирана. «Как были похожи друг на друга судьбы матери и дочери. Как и Зайнаб, Фатима тоже в раннем детстве потеряла мать. Зайнаб, подобно Фатиме, после смерти той была опорой для отца своего. И Зайнаб, и Фатима во время

несчастий и бед становились щитом, охранявшим Имама, Повелителя своей эпохи. Разве удивительно, что у такой матери была такая дочь!»

Новым громким дебютом названы «Крыши Тегерана» Махбода Сераджи. В аннотации к роману сказано: «В небедном квартале огромной столицы живет семнадцатилетний Паша Шахед, и лето 1973 года он проводит главным образом на крыше, в компании своего лучшего друга Ахмета. Юноши шутят, обсуждают прочитанные книги, строят планы на будущее. Паше нравится соседка, красавица Зари, и хотя она еще в младенчестве обещана в жены другому, робкая дружба мало-помалу превращается в отчаянную любовь. Но однажды ночью Паша оказывает услугу тайной полиции шаха. Последствия этого невольного поступка чудовищны, и уже невозможно жить по-прежнему, глядя на мир через розовые очки, — судьба толкает юношу и его друзей на смертельно опасную дорогу».

Тема истории занимает значительное место в произведениях современных авторов. О царевне Перихан-ханум из персидской династии Сафавидов — новый роман «Равная солнцу» автора международного бестселлера «Кровь цветов» Аниты Амирезвани. «Иран XVI века поражал великолепием и богатством, но когда правящий шах умер, не назвав наследника, шахский двор погрузился в хаос. Смогут ли царевна и ее верный визирь Джавахир найти путь в лабиринте дворцовых тайн? Опасную тайну скрывает и Джавахир: поступить на службу в гарем его заставила жажда мести, а отомстить он должен убийце и клеветнику, жертвой которого пал отец Джавахира».

Феминизм как литературное направление отчетливо прослеживается в современной иранской прозе и поэзии. Дважды запрещали в Иране роман Паринуш Сание «Книга судьбы» (2014), ставший бестселлером. Произведение — об истории Ирана от правления шаха Пехлеви до наших дней и о полувековой истории судьбы главной героини, чьих родных и близких преследовали, сажали за решетку, освобождали, отправляли на казнь или объявляли героями. «Можно терпеть голод и лишения, продолжать работать и воспитывать детей. Труднее всего пережить предательство большинства, послушно идущего за лидером». В центре повествования, по мнению современных критиков, «трудная и не всегда счастливая любовь, семья, работа, дети, и при этом — постоянный страх за близких, которых преследуют или сажают за решетку, провозглашают героями, но могут и лишить жизни. А рядом — и верные друзья, и предатели, готовые отвернуться от тебя, если от тебя отвернется послушное власти большинство».

О широкой известности новой прозы Ирана, о романах-сенсациях в жизни страны пишет норвежская «Dagbladet», особо отмечая произведение Паринуш Сание с символическим названием «Книга судьбы», иранский бестселлер «Ее *я*» молодого автора Резы Амир-Хани и другие книги.

Жанр автобиографического романа представлен в творчестве Маржан Сатрапии. «Персеполис» — история взросления героини, рассказанная ей самой. «Трагическая история Ирана — шахский режим, Исламская революция, война с Ираком показаны глазами ребенка. Позднее родители вынуждены отправить Маржан за границу, в австрийскую школу. Испытав там любовь и предательство, дружбу и вражду, Маржан вынуждена вернуться назад. Но на родине многое изменилось; ужесточающийся режим исламской республики серьезно ограничил личную свободу граждан. И через несколько лет Маржан вновь уезжает из страны, на этот раз навсегда».

Во Франции роман М. Сатрапии «Персеполис» был издан в 4 томах (2000—2003) и снискал всевозможные лавры на профессиональных форумах (от Ангулемского международного фестиваля комиксов до Франкфуртской книжной ярмарки), заслужив высочайшее признание публики по обе

стороны Атлантики. Апогеем головокружительной карьеры романа стала его экранизация в виде полнометражного анимационного фильма в 2007 году, получившего специальную премию жюри Каннского кинофестиваля, а затем номинированного на «Оскар».

Итогом совместной работы Культурного Представительства при Посольстве Исламской Республики Иран в Российской Федерации, Литературного института им. М. Горького, культурной организации «Шахр-е кетаб» стал литературный семинар «Роль женщины в современной иранской и российской литературе», состоявшийся в Москве. Сборник научных статей исследователей из Ирана и России, стихотворений российских и иранских поэтесс, прозвучавших на семинаре, издан как приложение к журналу «Караван». Открывается он статьей Али Асгара Мохаммадхани «Голос поэта прерывается, когда он вспоминает выстраданное. Смысловые глубины поэзии А. Ахматовой и Ф. Фаррохзад». Много общего в судьбе и поэзии мастеров поэтического слова находит иранский исследователь, проводя параллели и перечитывая стихотворения заново.

А. Ахматова и Ф. Фаррохзад «изображают красивым, притягательным поэтическим языком внутренний мир молодой женщины. Голоса их созвучны, слова их откровенны и неприкрыты… Они открывают нам совершенно новые, неизведанные миры, пробиться через которые помогают наши собственные ассоциации…»

Фуруг Фаррохзад в лирических циклах использует необычные эпитеты и метафоры. Среди «скверны городов» и деревьев, сбрасывающих одежды в саду сновидений, «встревоженной стаей рыб» проплывают чувства лирической героини. В стихотворении «Стены рубежей» читаем:

Снова в этой безмолвной ночи
поднимаются, как растения,
стены моих рубежей
и ограждают от мира
ниву моей любви.

Любовь в поэзии Ф. Фаррохзад — «нечто новое и незнакомое», «смутный недуг». Двойственность любви и страх исчезновения в ее поэзии исследует А. Дастгейб.

Ее творчество в сравнительном аспекте изучают в России и Таджикистане, сопоставляя с М. Цветаевой и Ф. Худжанди, раскрывая новаторские поиски, влияние персидской поэзии на новую таджикскую литературу. Ярко выраженный индивидуальный стиль, творческая манера и роль поэтесс в формировании женской (феминистической) поэзии позволяют проводить интересные параллели. Иранская поэтесса пишет о тайне мгновений молитвы и звезде, удаленной «на тысячи и тысячи световых лет от нашей планеты». Своей обителью она называет плавучий остров.

…под покровом ночи
я лью на твои ладони
тяжелые кудри,
как букет африканских цветов.

В современной литературе Ирана творчество писательниц и поэтесс представлено оригинальными произведениями. Одним из лучших современных прозаиков Ирана признана Зоя Пирзад, лауреат многих литературных премий. Роман З. Пирзад «Я выключаю свет» в 2001 году завоевал четыре литературные премии.

Героини ее произведений чаще всего одиноки. Автор художественно исследует причины несложившегося семейного счастья, сложных взаимо-

отношений между тремя поколениями семьи: бабушки, мамы, дочери. Об этом — роман «Привыкаем», главная героиня которого Арэзу после смерти отца, заботясь о благополучии семьи, матери и дочери, продолжает его дело, работая в агентстве недвижимости. Сложные отношения между родными приводят к тому, что ее дочь Айэ скрывает от матери свой блог, который она ведет в сети. Недомолвки, недосказанность, полутона — из них соткана архитектоника романа. Преобладающим средством раскрытия внутреннего мира персонажей является внутренний монолог, который позволяет выявить причины поведения, конфликта окружающих. В чем-то романы З. Пирзад перекликаются с романом «Ее *я*» Амир-Хани Реза о долгой, длиной в целую жизнь, но «взаимно неразделенной» любви между Али Фаттахом («я») и Махтаб. Судьба обычной тегеранской семьи нескольких поколений. Любовь и смерть, противоречивый внутренний мир героев, стремление отстоять свои традиции и привычный образ жизни — в центре повествования автора романа, открывающего выпуск серии современной иранской прозы «Иранский бестселлер».

Одним из основных и наиболее привлекательных жанров мировой литературы, быстро реагирующей на новые темы и вызовы времени, является новеллистика. Влияние ирано-иракской войны на современную новеллистику Ирана исследует Бехруз Шабестари. Он пишет об остросоциальной иранской прозе, произведениях с философским подтекстом. В современной литературе Ирана, приходит к выводу исследователь, появились «новые горизонты, новые художественные темы, литературные формы и художественные стили». Что вполне объяснимо, так как современный литературный процесс, как справедливо указывает К. Нургали, «невозможно обособить от развития культуры» в целом.

К исповедальной прозе с полным правом относят новые романы Резы Амир-Хани и Паринуш Сание. Их характерными чертами, своеобразием стилевой манеры являются параллельное развитие нескольких сюжетных линий, возвращение в прошлое, воссоздание картин детства персонажей. Переплетение временных пластов, отступление от хронологического развития сюжетного действия способствуют более широкому охвату событий, которые даются в ретроспективе. Настоящее сменяет прошлое, прошлое в судьбах действующих лиц предопределяет настоящее.

Интересно, как сами писатели говорят о своеобразии родной литературы. Один из участников «круглого стола» на тему «Взгляд на современную иранскую прозу», материалы которого опубликованы на страницах «Литературной газеты» и журнала «Караван», Мостафа Мастур считает: «В основном наши писатели акцентируют внимание на внутреннем мире, душевных переживаниях. Социальные и политические темы берут значительно реже… Исповедальная проза — искренняя и горькая, в ней заложена хорошая весть: формируется новая генерация писателей, не боящихся быть откровенными. Именно через духовную прозу можно глубже постичь и социальное устройство нашей страны, и культуру в целом». Писатели Ирана своими произведениями поднимают уровень читателей, сохраняя интерес к серьезной литературе. Али Асгар Мохаммадхани, как и все участники «круглого стола» о современной иранской прозе, уверен, что «хорошее произведение всегда найдет своего читателя и займет достойное место в литературе», ибо персидская литература впитала «социально-культурный и духовный опыт, пережитый в ходе исторических событий, что хранит душа каждого иранца».

Интересна творческая манера современных иранских писателей, продолжающих лучшие традиции классики. Многие исследователи сходятся во мнении, что мы являемся свидетелями возрождения иранской литера-

турной мысли. «Иранская фраземика, — как убедительно пишет Е. Гайнетдинова, — уникальна и своеобразна. Художественные приемы, выразительность языка с компонентами национальной иранской культуры раскрывают человеческую сущность с неожиданных ракурсов, которые не свойственны европейскому менталитету. Это захватывает читателя… сближает, а глубина рассуждений, наполненная нежностью, чувствами и переживаниями, стирает границы реальности в пространстве-времени. Это как откровение, взгляд в глубину своего сердца».

Иранские поэты и прозаики, публицисты и киносценаристы стремятся познакомить с древней культурой своего народа, литературой читателей разных стран мира, подтверждая выводы критиков и переводчиков о том, что Иран становится одним из мировых литературных центров.

Айнур МАШАКОВА

Литература Шотландии: от прошлого к современности

Литература Шотландии известна мировому читателю произведениями Роберта Бёрнса, Вальтера Скотта, Роберта Льюиса Стивенсона. Три самых знаменитых шотландских писателя Р. Бёрнс, В. Скотт и Р. Л. Стивенсон жили и творили в XVIII—XIX веках. Шотландский поэт Р. Бёрнс — автор многочисленных стихотворений и поэм, написанных на так называемом равнинном шотландском и английском языках, его называют «национальным бардом» Шотландии. В. Скотт — один из первых собирателей шотландского эпоса, он считается основателем жанра исторического романа. На основе шотландской истории написаны романы «Гай Мэннеринг», «Антиквар», «Пуритане», «Роб Рой», «Легенда о Монтрозе». Им создано двадцать восемь романов. Перу Р. Стивенсона принадлежат такие всемирно известные произведения, как «Остров сокровищ», «Черная стрела», «Клуб самоубийц», «Алмаз Раджи», «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». «Остров сокровищ» Р. Стивенсона стал образцом классического приключенческого романа.

В начале XX века в Шотландии начал развиваться литературный модернизм. Этот период обычно называют «шотландским Ренессансом». Самым значительным представителем модернистского движения был Хью Макдиармид, стремившийся создать из различных шотландских говоров «синтетический шотландский» язык, который он стал применять во многих своих произведениях, например, в поэме «Пьяный смотрит на чертополох». К другим шотландским авторам, также считающимся участниками модернистского движения, относят поэтов Эдвина Муира и Уильяма Сутара, романистов Нила Ганна, Джорджа Блейка, Нэн Шеперд, Арчибальда Кронина, Наоми Митчисон, Эрика Линклейтера, Льюиса Гиббона, а также драматурга Джеймса Брайди. Хотя их нельзя назвать писателями одной литературной школы, их произведения во многом схожи.

Некоторые писатели послевоенного периода, среди них — Роберт Гэриох и Сидни Смит, писали по-шотландски, подражая Макдиармиду. Другие, к примеру, Норманн Маккейт, Джордж Брюс и Мария Линдсей писали по-английски. Джордж Маккей Браун с Оркнейских островов стал знаменит произведениями, действие в которых происходило на этих островах. Многие шотландские писатели второй половины XX века (среди них Мюриэл Спарк, Джеймс Кеннауэй, Александр Трокки, Джесси Кессон и Робин Дженкинс) провели большую часть жизни за границей, но в своих

произведениях часто обращались к шотландским мотивам — например, Мюриэл Спарк в «Лучших годах мисс Джин Броди» и Кеннауэй в сценарии к «Мелодии славы». Среди шотландских бестселлеров были романы Алистера Маклина и историческая проза Дороти Даннетт.

С 1980-х годов одной из центральных фигур в шотландской литературе стал поэт и литературный критик Филипп Хобсбаум. Он входил в группу писателей, которую составляли Питер Крэвитц, Джеймс Келман, Аласдер Грей, Лиз Локхед, Том Леонард и Онгэс Макникейл.

К самым значительным шотландским произведениям 1990-х годов обычно причисляют романы Алана Уорнера «Морверн Кэллар» (1995), Аласдера Грея «Бедные-несчастные» (1992) и Джеймса Келмана «До чего же оно все запоздало» (1994). В этот период развивается детективная литература. В жанре детектива стали работать ВэлМакдермид, Фредерик Линдсей, Кристофер Брукмайр, Квинтин Джардин, Дениза Майна и Иэн Рэнкин.

В Шотландии популярна и поэзия. Известные поэты Дон Патерсон, Роберт Кроуфорд и Кэтлин Джейми получили международную популярность. Кэрол Энн Даффи стала первой женщиной и первым шотландским поэтом, получившим звание поэта-лауреата.

На тему городской жизни создают произведения Ирвин Уэлш, Джеймс Келман, Джанис Галлоуэй, Алан Уорнер. Они пишут о героях-современниках, черпая сюжеты из своего окружения. К жанру криминальной литературы относятся произведения Питера Мэя. Большинство произведений шотландского писателя-фантаста Иэна Бэнкса («Вспомни о Флебе», «Эксцессия», «Инверсии», «Последнее слово техники») входит в цикл «Культура», названный в честь описанной в нем сверхцивилизации гуманоидных существ. В этом мире искусственный разум давно превзошел человеческий по мощности. Разумные звездолеты, дроны и разумные машины с огромным уровнем интеллекта действуют рядом с представителями разумных рас, эволюционировавших биологическим путем.

Шотландский прозаик И. Уэлш — автор книг «На игле» и «Эйсид Хаус», по которым осуществлена съемка одноименных фильмов. Роман Ирвина Уэлша «Кошмары аиста Марабу» закрепил за ним известность талантливого писателя. Он выдержал пять изданий и переведен на несколько языков мира. Время от времени И. Уэлш пишет статьи для «Дейли Телеграф» и «Гардиан». И. Уэлша называют «певцом химического поколения». Культовый статус творчества И. Уэлша в России и на Западе во многом обусловлен темой употребления наркотиков, но в фокусе его произведений, как художественных, так и документальных, находится описание жизни современной Шотландии. Прозаик художественно отображает проблемы, с которыми сталкивается молодое поколение: жилищные реформы, безработица, низкооплачиваемая работа, наркомания. В центре внимания автора — сленг, диалект, местные традиции, футбольное хулиганство, классовые различия, эмиграция.

Д. Келман — автор романов, рассказов, спектаклей и политических эссе. Роман «Недовольство» Д. Келмана получил премию имени Джеймса Тэйта Блэка. За книгу «До чего же оно все запоздало» Д. Келман награжден Букеровской премией. Помимо романов он пишет рассказы в характерном стиле внутренних монологов от первого лица. За сборник рассказов «Хорошие времена» (1998) назван лучшим шотландским писателем года. В 2008 году за книгу «Мальчик Кирон Смит» Д. Келман получает престижную награду — Шотландская книга года.

Несмотря на прерывистость и неравномерность развития шотландской литературы и малое в сравнении с литературами других народов количе-

ство имен и произведений, завоевавших международное признание, в наши дни стало привычным считать шотландскую поэзию и прозу полноценным литературным явлением. Среди многочисленных факторов, повлиявших на развитие шотландской литературы, следует, прежде всего, отметить ее тесное взаимодействие с английской литературной традицией в силу ряда исторических причин, следствием чего явилось взаимопроникновение и соприсутствие двух культур, наложившее отпечаток на жанры и формы шотландской прозы. В XXI столетии в шотландской литературе утвердился «новый реализм». Произведения современных шотландских авторов отражают жизнь такой, какая она есть. Жизнь безработных и деклассированных элементов из Глазго и Эдинбурга, погрязших в наркотиках, алкоголизме и мелкой преступности, по иронии судьбы сделала некоторых авторов знаменитыми. Помимо социальной направленности в сферу внимания писателей попадает жизнь и воспитание человека в семье, ориентированной на английские стандарты, по контрасту с жизнью в естественной среде, чаще всего в сельской местности, расположенной в отдаленных уголках Шотландии.

Одной из центральных фигур в шотландской литературе является шотландский поэт, писатель, драматург Аласдер Грей. Его литературные произведения сочетают в себе элементы реализма, фэнтези и научной фантастики. Для них характерно особое концептуальное оформление и использование иллюстраций самого автора. Его самое известное произведение — роман «Ланарк» в настоящее время считается классикой. Газета «The Guardian» назвала этот роман «одним из ориентиров в литературе XX столетия». Другой роман Грея «Бедные-несчастные» был отмечен британскими наградами. Всего А. Грей написал восемь романов, несколько сборников рассказов, два поэтических сборника и пьесы, которые с успехом идут на театральной сцене (в 2009 году вышел в свет сборник пьес «A Gray Play Book»). Он также пишет о политике (в поддержку независимости Шотландии), изданы публицистические книги «Почему Шотландией должны править шотландцы», «Как нам нужно управлять собой» и другие.

Популярный шотландский писатель Питер Мэй — автор серии книг «Китайский триллер» («Поджигатель», «Четвертая комната», «Убийственная комната», «Змееголов», «Бегун», «Китайский шепот»), «Остров Льюис», «Энцо Маклеод». Серия «Китайский триллер» вошла в список лучших криминальных романов французского журнала «Elle» в 2005 году, а в 2007-м автор получил «Prix Intramuros», в 2008 году — «Prix Polar International». П. Мэй — единственный западный почетный член Ассоциации китайских писателей криминального жанра. В серию «Остров Льюис» входят романы «Скала», «Человек с острова Льюис», «Шахматные фигуры». Сюжет книг разворачивается на острове Льюис в северной Шотландии. П. Мэй, автор детективов и телесценарист, снимал на протяжении нескольких лет на Льюисе сериал на гэльском языке, что позволило ему придать событиям, описанным впоследствии в книгах, особую достоверность. Картины сурового, мрачного ландшафта, безжалостной погоды погружают читателя в подлинную атмосферу шотландской глубинки.

Главный герой — полицейский Финн Маклауд приезжает из Эдинбурга на остров расследовать преступления. Ему поручают вести дела, так как он родом из этих мест. Книга «Скала» посвящена расследованию жестокого убийства, похожего на другое, случившееся незадолго до этого в Эдинбурге. Оказавшись на месте, Маклауд встречается с людьми, с которыми провел свое детство и юность. Ему предстоит раскрыть не только убийство, но и тайну собственного прошлого. Утесы, пляжи, трясины торфа, постоянно

меняющаяся погода, охота на птиц на скалах создают уникальную атмосферу острова. Одной из особенностей шотландского острова являлось существование протестантских церквей, которые «веками заправляли жизнью на острове». Автор отмечает также, что «у всех на острове были прозвища, потому что имена и фамилии часто повторялись». Остров Льюис относится к Внешним Гебридским островам, которые стали популярными благодаря роману.

В 2015 году П. Мэй выпустил новую книгу «Беглецы», в которой рассказывается о трех подростках, сбежавших из Глазго в Лондон в середине 1960-х, чтобы воплотить свою мечту о музыкальной славе, но вскоре вернувшихся назад. Пятьдесят лет спустя они возвращаются в Лондон, чтобы восстановить справедливость. «Беглецы» — роман о пятидесяти годах дружбы на фоне двух уникальных и контрастирующих городов в двух уникальных и контрастирующих периодах новейшей истории.

Столица Шотландии Эдинбург считается фестивальной столицей Европы. Здесь проходят Международный кинофестиваль, Международный книжный фестиваль, Эдинбургский международный фестиваль джаза и блюза, Международный научный фестиваль, Международный Королевский фестиваль военных оркестров, фестиваль традиционной культуры и другие. Международный фестиваль искусств занесен в Книгу рекордов Гиннесса как крупнейший в мире. Одним из самых главных событий культурной жизни Шотландии и одним из наиболее ярких и динамично развивающихся фестивалей во всем мире является Эдинбургский международный книжный фестиваль. Он проводится каждый год, начиная с 1983 года, во второй половине августа в столице Шотландии. Первоначально устраивался один раз в два года, с 1997 года стал ежегодным. Программа фестиваля включает более 700 мероприятий: презентаций, лекций, встреч с читателями и «круглых столов». В нем принимают участие сотни писателей, журналистов, политиков, поэтов и художников.

Одной из основных частей программы фестиваля является дискуссионная часть. Ежегодно писатели со всего мира собираются на уникальный форум, во время которого авторы и публика имеют возможность обсудить наиболее яркие произведения и актуальные вопросы современности. Параллельно с основной программой фестиваля проходит «Детская программа», в которой участвуют детские писатели и иллюстраторы книг для детей. Особое внимание организаторы фестиваля уделяют молодым авторам-дебютантам.

В 2010 году на Эдинбургском международном книжном фестивале собрались несколько сотен писателей из 50 стран мира, включая 40 дебютантов, а также политики, журналисты, поэты и художники. «Я уверен, что творчество писателей является ключевым в нашем понимании мира. Идет постоянный поток новостей, но писатели дают нам более глубокую интерпретацию всего, что происходит, — от экономических глобальных вопросов до частных историй. Помимо удивительных авторов-дебютантов мы с нетерпением ждем участников нашей новой вечерней программы Unbound, новые таланты и новые идеи», — цитируют организаторы фестиваля слова директора Ника Барли. Программа Unbound — новая окололитературная площадка фестиваля, которая исследует связь творчества писателей с музыкой, театром, перформансами. Кроме того, среди нововведений года — премия Readers’ First Book Award. 47 молодых авторов представят свои произведения на суд читателей, которые будут голосовать за понравившиеся книги и сборники на официальном сайте фестиваля до конца октября.

В 2011 году в нем приняли участие более 800 литераторов из 40 стран. Организаторы отмечают, что в этом году удалось привлечь больше участ-

ников и посетителей, чем раньше. Главным событием стало чтение пьесы шотландского писателя Аласдера Грея «Пятнышко». Роли между собой распределили 18 поэтов, писателей и актеров. «Это самый амбициозный проект за время нашей работы», — заявил директор фестиваля Ник Барли.

В 2015 году на фестивале можно было познакомиться с творчеством 4 нобелевских лауреатов, 4 обладателей Букеровской премии, 40 начинающих авторов и многих других. Всего в различных мероприятиях было задействовано более 100 авторов.

Отличительной особенностью шотландской литературы является ее многоголосье. Три голоса Шотландии — это три ее языка: английский, шотландский (скотс) и гэльский (гэлик). «Пусть наша трехгласная страна поет в новом мире», — эти слова Айана Кричтона Смита выбиты на одной из плит во дворике эдинбургского Музея писателей. Шотландские поэты Том Леонард и Ангус Мак Никал борются за язык, причем на уровне не только литературном, но и общественном. Том Леонард пишет на глазговском диалекте скотса (шотландского). Его стихи — это прямая речь безымянных людей. Из подслушанных на улице фраз выстраиваются и житейские, и житийно-евангельские сюжеты. По-библейски звучит своеобразный девиз поэта: «Благословен всяк живущий язык».

Ангус Мак Никал пишет на гэльском — древнейшем кельтском языке, отяжеленном, в отличие от разговорного глазговского наречия, вековой литературной традицией. Ангус Мак Никал вынужден переводить свои стихи на английский, чтобы донести их до аудитории, но гэльский — во многом благодаря усилиям литераторов — уже проник на радио и телевидение. Кроме того, гэльские надписи наполнят здание строящегося шотландского парламента. Вот так проблема нового языка в поэзии решается естественно, сама собой, когда выбор языка определяет и творческую, и жизненную, и общественную позицию.

Ангус Петер Кэмпбелл — автор пяти романов, изданных на гэльском языке. Развитию гэльской литературы во многом способствует деятельность издательства «CLÀR», выпускающего с 2003 года книги на гэльском языке. Помимо прозаических произведений Ангуса Петера Кэмпбелла издательство «CLÀR» выпустило три его поэтических сборника. В 2013 году издан роман Тима Армстронга «Air Cuan Dubh Drilseach».

Помимо Ангуса Мак Никала и Ангуса Петера Кэмпбелла к популярным современным гэльским поэтам относятся Мэг Батман, Роди Горман и Мэлиос Кэмпбелл. Среди прозаиков, пишущих на гэльском языке, фигурируют Аласдэр Кэмпбелл, Катриона Лекси, Финлей Маклеод, Иэн Ф. Маклеод, Норма Маклеод, Мэри Анн Макдональд и Дункан Жилс.

В контексте современного развития мировой литературы развитие каждой национальной литературы проходит в соответствии с общими тенденциями эволюции мирового художественного процесса. Наблюдаются одинаковые для всех национальных литератур проблемы, связанные с глобализацией общества и проистекающими отсюда последствиями. Одной из основных черт современной литературы становится ее коммерциализация. Для современного писателя считается достижением экранизация его произведений, так как возникшая в результате популярность заметно влияет на тиражи издательской продукции. Бестселлерами все чаще становятся детективные и сентиментальные романы, развлекательного характера произведения издаются намного большими тиражами, чем классические произведения. Но несмотря на это, современная шотландская литература не теряет свои позиции. Благодаря переводу на иностранные языки произведения современных шотландских писателей становятся известными во всем мире.

Светлана АНАНЬЕВА

«Пишу, чтобы услышать свой голос…»

(Современная литература Финляндии)

Развивая ведущие тенденции национальных литератур — би- и полилингвизм, финская литература создается авторами на финском, шведском и саамском (лопари) языках. Синтез литературных жанров, полиязычность и мультикультурализм как главная составляющая финской литературы позволяют говорить о мозаичности литературного калейдоскопа. Каждый год в Финляндии выходит в свет 13 000—14 000 наименований книг художественной литературы, из которых свыше 4500 составляют новинки.

Финский национальный эпос «Калевала» стал одним из главных источников вдохновения для известного финского композитора Яна Сибелиуса (Jean Sibelius), 150-летие со дня рождения которого мировая общественность отметила в 2015 году. Истинно финской считается его симфоническая поэма «Финляндия». Музыка Яна Сибелиуса — о деревьях, птицах, громе и о королевстве Тапиола мифического лесного бога. Освобождающаяся из ледового плена река Оулу («Ледоход на реке Оулу», 1899) стала символом освобождения Финляндии. «Калевала» считался «источником всего финского и доказательством собственной культуры Финляндии».

Представители современных видов искусства вступают в активные диалоги, подтверждая вывод Марьи Сакари по поводу того, что нет «одной первоначальной Финляндии, есть много разных Финляндий». 10 % членов Общества финских композиторов — выходцы из других стран (Адель Абидин — из Ирака, Яэль Бартана — из Израиля и т. д.). Художников и писателей интересуют глобальные проблемы изменения климата и увеличения численности населения, контакт человека с природой, городские пейзажи. Концепция национального пейзажа раскрыта Кари Сойнио, Анти Лайтинен и др. Природа — важный источник вдохновения и исчезающий мир, который необходимо запечатлеть в полотнах живописцев, в скульптуре, в художественных текстах, поэтических и прозаических.

Финляндия как член Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО (с 2014 года) активно участвует в современном культурном строительстве. «Большее количество книг в пересчете на душу населения издается только в Исландии… Обеспечение для всех свободного доступа к миру знаний — один из важнейших принципов культурной политики страны. Статистика также показательна: каждый житель страны берет в среднем в библиотеке по 19 книг в год. Немалую роль играют библиотеки и в жизни писателей, поскольку гранты, выдаваемые Советом библиотек, позволяют авторам сосредоточиться исключительно на литературном творчестве… В целом по статистике каждый третий финн ежемесячно прочитывает какой-нибудь художественный текст, и эти цифры остаются неизменными с 2000 года», — пишет Нина Пааволайнен. В книге «Жизнь писателей» Ханну Райтилла рассуждает о том, каково это быть современным финским писателем.

Финны — одна из самых читающих наций в мире. В стране по-прежнему популярны библиотеки и читательские клубы, о чем свидетельствует большое количество литературных блогов в интернете. Развиты книжные сообщества в социальных сетях. «Ежегодно публикуется около 200 книг, переведенных более чем на 40 языков мира. Лидером по количеству издаваемых переводов с финского является Германия, за ней следуют Швеция и Эстония, немало финских литературных текстов существует и на японском языке». К писательской деятельности в стране всегда относились и продолжают относиться с уважением, развита система финансовой поддержки литературного творчества, поскольку литература продолжает «работать»

на объединение людей. На подготовку книги писатель может получить целевой грант от шести месяцев до пяти лет. «Высоко ценятся все формы литературы. Символ высшего образования, лира и лавровый венок, глубоко вошел в финскую культуру символов, отражая уважение к книгам, чтению, библиотекам, просвещению, школе и учебе всех слоев населения. Финская литература создавалась как национальная, направленная на строительство национального идентитета, переняв эти функции от давних традиций шведской литературы… — Лаура Колбе выявляет преемственность в развитии литературы Финляндии. — Финские писатели пишут о финском характере, о финнах. На смену прообразам героев финской литературы — крестьянам, распахивающим целину, и фермерам — пришли более урбанизированные образы, но основная идея оставалась прежней. Для новой и более ранней литературы характерна общая черта — описание своей внутренней жизни, часто с элементами пародии».

Развитию литературы способствуют Ассоциация финских писателей «Нехудожественная литература», Книжная ассоциация Финляндии, Финская ассоциация книгоиздателей, Финский Институт детской литературы, ассоциация авторов документальной и научной прозы, информационный центр финской литературы FILI (Finnish Literature Exchange). Успешно функционируют общество финской литературы и его биографический центр, общество шведоязычных писателей Финляндии и Союз писателей Финляндии. Для переводчиков организуются специальные курсы, проводятся семинары, особое внимание уделяется маркетингу. Информационный центр финской литературы FILI оказывает серьезную поддержку продвижению финской литературы на мировой книжный рынок.

Поражают фонды и хранилища крупнейшей библиотеки страны — Славянской, в которой представлены раритетные и современные издания. История Славянской библиотеки ведет отсчет от изданного в 1828 году указа императора Николая Первого, по которому библиотека наделялась правом получать по одному экземпляру всех книг, брошюр, журналов и газет, изданных на территории Российской империи. Благодаря этому Славянская библиотека в Хельсинки сегодня располагает уникальной коллекцией — более 110 тысяч томов печатных материалов на русском языке, изданных с 1828 по 1917 годы. В коллекции библиотеки помимо русскоязычных изданий солидный пласт литературы на украинском, белорусском, польском, сербском, чешском, словацком, хорватском, словенском и македонском языках. Всего фонды библиотеки насчитывают более 400 тысяч томов универсальной по своему содержанию литературы практически по всем отраслям знаний.

Об успешной издательской политике страны свидетельствуют факты участия ее ведущих издательств в престижных Международных книжных ярмарках. Финляндия была приглашена в качестве специального гостя на Франкфуртскую книжную ярмарку (2014). Интересный стенд полиграфической продукции северной европейской страны был представлен на XXIII Минской Международной книжной выставке-ярмарке (10—14 февраля 2016 года). Писатели, поэты, драматурги Хельсинки и других городов становятся лауреатами премий многих литературных конкурсов. Самобытна финская литература на саамском языке, уходящая своими истоками в фольклор, рассказы-легенды о чудях, сверхъестественных существах и т. д. Престижной литературной премии «Финляндия» в 2009 году удостоен Анти Хюрюза за роман «Печь», роман-откровение о месте любви в жизни человека, о ценностях и о достоинстве.

В то же время, как считает журналист и продюсер Нина Пааволайнен, «поколение писателей, родившихся в 1970—1980 годы, упрочивает

свои позиции на писательском рынке, авторы все чаще переходят границы жанров и пробуют себя в разных областях творчества, они пишут стихи и прозу, литературу для взрослых и для детей». В продаже лидируют детективы Матти Юрьяна Йоэнсуу и Леэна Лехтолайнена, триллеры Илкка Ремеса, эпические семейные саги Лайла Хиэтамиеса, современная женская городская проза Катьи Каллио и др. В число бестселлеров входят сборники комиксов. Нередко в творчестве современных авторов присутствуют и жанры прозы, и жанры поэзии. Финский родной для более чем 91 % населения, для более 5 % населения родной язык — шведский. Около 70 000 человек разговаривают на русском, русскоговорящие живут в стране со времен российского правления в Финляндии (1809—1917), почти 50 000 — на эстонском (большинство эстонцев переехали в страну после распада Советского Союза). На сомалийском говорят 17 000, и столько же жителей — на английском языке, на арабском — 15 000 человек. Около 10 000 общаются на курдском, почти 10 000 человек используют в качестве родного китайский язык. В стране все больше двуязычных и многоязычных семей. Это отличительная черта современной Финляндии, что оказывает влияние и на тенденции развития литературы, характерной для мультикультурных стран.

В литературоведении и критике одинаково распространено бытование терминов «литература Финляндии на финском языке», «финская литература на финском языке», «литература Финляндии на шведском языке», «финская литература на шведском языке». Темы противостояния города и деревни, природы и цивилизации современной финской литературы уходят своими истоками в самую известную книгу Алексиса Киви «Семеро братьев». Известный поэт, прозаик, автор книг для детей и юношества, пишущий на шведском языке, — Бу Карпелан, дважды лауреат престижной литературной премии «Финляндия». В его книгах, переведенных на многие языки народов мира, удивительным образом переплетаются картины прошлого и настоящего, актуальные проблемы воспитания подрастающего поколения. О противостоянии города и деревни — роман Рийкки Пулккинен «Истина», автор которого на фоне разыгрывающегося любовного треугольника обращает внимание читателя на глобальные перемены в обществе.

Один из ярких прозаиков Финляндии Ларс Сунд пишет на шведском языке. Роман номинанта на престижную премию «Финляндия», лауреата премии имени Юхана Людвига Рунеберга «Один счастливый остров» — веселая и печальная книга о людях, живущих вдалеке от городской суеты. Но однажды их размеренная жизнь нарушается, роман трансформируется в детектив, к берегам острова море выносит трупы. Шведскоязычный финский автор Чель Вестё, поэт и писатель, широко известен романами «Воздушные змеи над Гельсингфорсом», «Проклятие семьи Скраке», «Ланг», «Там, где мы бывали», в которых остро высмеивает упаднические настроения в шведскоязычном обществе страны. Автор современных популярных детективов, мастер жанра Матти Йоэнсуу дважды номинирован на литературную премию «Финляндия». В число наиболее успешных финских авторов входит Яри Терво, создающий свои произведения на темы истории, жизни «простого народа» Северной Финляндии. Он отходит в художественных текстах от хронологического повествования, воссоздавая сначала события времен холодной войны, затем избирает историческим фоном период окончания Гражданской войны и послевоенные 1920-е годы, призывая по-новому взглянуть на поворотные моменты недавней истории.

Трилогии Яри Терво и Яри Ярвеля по жанру — романы исторические. В последней части исторической трилогии «Национальный ландшафт» Яри Ярвель рассказывает о жизни главного героя, ровесника века. В 1938 году

ему 38 лет. И через его судьбу показано становление общенациональной культуры. Реализм, по мнению критика Марии Антанас, не подходит для описания финско-шведской художественной прозы, но возможно, «именно реализм является парадоксальным преимуществом литературы меньшинства: он создает особые миры, миры универсальные и горячо любимые членами тайного фан-клуба, от Уругвая до Японии».

Лауреат Государственной премии Финляндии Антти Туури на страницах романа «Река течет через город» воссоздает картину жизни различных слоев общества 70-х годов XX века. Название романа метафорично: река, текущая через город, символизирует жизнь человека в окружающем мире. В «Американском рейсе» автор ведет рассказ об участи двух персонажей, волею судьбы оказавшихся в США и Канаде. Сюжет выходит за рамки описания жизненных судеб героев, охватывая пласт жизни финских эмигрантов разных поколений. Антти Туури перевел на финский язык несколько исландских саг, награжден Рыцарским крестом Исландии, литературной премией Северного Совета и др.

Ведущими тенденциями финской литературы первых пятнадцати лет XXI века являются раскрытие внутреннего мира современника — жителя провинции (серия новелл «Земля беглецов», деревенский роман Петри Тамминена), душевных переживаний героинь (поэзия Марьи Виролайнен; проза Эллины Хирвонен, в том числе ее роман «Если бы он не забыл»), открытость молодых писателей внешнему миру и т. д. В разделе «О финской прозе» информационного бюллетеня «Finfo. Современная литература Финляндии — богатство голосов» Нина Пааволайнен структурирует свой исследовательский материал в следующей последовательности: «Исторические романы», «Навстречу миру», «Семья, быт и отношения полов». Она раскрывает необычайно широкую географию событий в произведениях финских авторов: Эстония, Южная Сахара, север России, Англия XIX века, Новая Зеландия, Швеция. На страницах современной прозы Финляндии ярко отражены «социальные перемены, произошедшие в обществе: глобальный экономический кризис и последовавший за этим повышенный интерес к экономическим вопросам, социальное расслоение финского общества и всеобщая раздробленность постиндустриального мира».

О недавнем прошлом повествует одна из самых популярных и ярких представительниц молодого поколения Софи Оксанен в вызвавшем оживленное обсуждение в прессе и в среде литературных критиков романе «Очищение». Писательница родилась в семье финского электрика и эстонского инженера, эмигрировавшей в 1970-е годы в Финляндию. Училась в университетах Ювяскюля и Хельсинки, изучала драму в Академии театра Финляндии. Удостоена ряда престижных европейских премий, медали Pro Finlandia и эстонского ордена Крест Земли Марии.

Тема террора и насилия над личностью (насилие над душой, над телом и над страной) в «Очищении» раскрыта на примере советской Эстонии. Рассуждая о своеобразии ее повествовательной манеры и влиянии произведения Софи Оксанен на развитие жанра отечественной исторической прозы, Н. Пааволайнен объясняет интерес к книге несколькими факторами: «Решительная позиция автора в отношении недавней истории Эстонии, смелый взгляд на события Второй мировой войны, непростые взаимоотношения победителей и побежденных — все эти темы, поднятые в книге, вызвали бурное обсуждение. Герои превращаются в проигравших, но ведь на войне все что-то теряют, нередко даже самих себя. С. Оксанен нередко отступает от традиций реалистической прозы, ритм ее повествования формируется потоком необычных выразительных глаголов. Строгий женский взгляд проникает в те закутки сознания, которым прежде был недоступен

опыт собственного высказывания. Невысказанная скорбь обретает голос, который до этого никто не хотел слышать. Может быть, еще и поэтому произведение С. Оксанен вызвало такой большой отклик у читателей. Национализм и женственность проходят лейтмотивом в истории трех поколений женщин».

Ее роман о судьбе Эстонии в середине XX века — «Когда исчезли голуби» французское издание Le Monde назвала «чудом, свидетельствующим о редком мастерстве писательницы». Настоящим шедевром произведение охарактеризовала Kauppalehti. Самым крупным автором европейского Севера, чья «проза живет и пульсирует, ни на секунду не допуская ни малейшей фальши», считает Софи Оксанен Nerikes Allehanda.

К событиям военного прошлого обращается Вяйно Линна, совершающий своеобразное путешествие в историю и художественно раскрывающий в романе «Неизвестный солдат» события 1941 года с непростой нравственной ситуацией: финские солдаты воевали на стороне Вермахта против Советского Союза.

Одним из бестселлеров финской литературы последних лет стал роман лауреата премии «Финляндия» и премии Совета скандинавских стран Кари Хотакайнена «Улица Окопная». Несмотря на жизненные невзгоды и перипетии судьбы, главный герой произведения, пронизанного иронией и добрым юмором, не унывает и возвращает к себе жену и сына. Королевой детективного жанра, финской Агатой Кристи называют Лену Лехтолайнен, автора серии детективов о расследовании главной героиней Марии Каллио загадочных преступлений, переведенных на 20 мировых языков.

Ироничные, с неожиданным увлекательным и интригующим сюжетом прозаические произведения популярного не только в Финляндии, но и во многих странах мира Арто Паасилинна чаще всего создаются в жанре иронического детектива и имеют таинственные заголовки, привлекающие внимание читателя — «Лес повешенных лисиц», «Очаровательное самоубийство в кругу друзей» и др. Боевой женский характер воспроизводит писатель в романе «Нежная отравительница». Пенсионерка Линнеа Раваска, мирно занимающаяся разведением фиалок в деревне, решает наказать членов банды своего племянника Кауко, которые держат в страхе всю деревню.

В современной литературе Финляндии представлен жанр научно-фантастического романа (Йоханна Синисало «Птичьи мозги»), философской эссеистики (Леэна Крун), роман в жанре трагикомедии (Мийка Ноусиайнен «Беженец малиновой лодки»). Одним из крупнейших современных авторов научной фантастики критики считают Хану Райаниеми. Ежегодно в Финляндии присуждается премия «Звездный странник» и издаются журналы «Звездный странник» и «Врата», посвященные фантастике.

Современную финскую драматургию Лев Янис рассматривает с точки развития и отражения в пьесах мифологического ритуала. Мифологическое время героя пьесы «Рунар и Кюлликки» Ю. Кюлятаску, военного переселенца, убившего девушку, циклично. Лев Янис развенчивает теорию человека как продукта общественных отношений: «…Человек стал убийцей, потому что его выгнали из родных мест, а на новом он так и не прижился, превратившись в изгоя. Да не потому что! Можно точно так же пережить эвакуацию, ссылку, тюрьму, каторгу, но при этом не стать убийцей. Да по сути, и не желал герой зла убиенной девушке — он любил ее. Любил — и убил. Почему? Похоже, он совершил мифологический ритуал: смерть равна свадьбе или переходу в иное качество бытия. Это поступок эпического героя».

В основе пьес — конфликт между выходцами из деревни и урбанизированным обществом. В аннотации к одной из современных пьес пересказывается ее сюжет: непростая жизнь переехавших в город жителей села, поиски работы и места в большом городе. Братья сравниваются с птенцами, оставленными на ветке на произвол ветра и судьбы, что найдет продолжение в развитии сюжета. Автор пьесы увлекся передачей то ли пограничного состояния психики, то ли экзистенциальными мотивами. Аллегоричность, по мнению Л. Яниса, не всегда оправданна: «…Один из братьев от нечего делать начинает ловить ворон, отрывать им головы, а кровь собирать в бутылочку для неизвестных целей. Второй брат эту бутылочку находит и выпивает в один прием. Потом начинает каркать и запрещать матери варить яйца: это все будущие птицы. Тоже ведь своего рода оборотень — человековорона, хотя и с социальной подоплекой в образе деревенского человека, вынужденного существовать в городе».

Общение с умершими, призраками стало событием рядовым в сюжетах пьес: «Если у Шекспира явление тени отца Гамлета было вызвано чрезвычайными обстоятельствами — в традиции финской драматургии население пьесы призраками стало приемом почти банальным». Явление призраков Лев Янис считает «чистой воды язычеством» в отличие от финского театроведения, где их появление рассматривается как драматический прием. Они заменяют голос совести или разговор с Богом.

Более того, на тему призраков написаны пьесы корифея финской драматургии Реко Лундана, «Ясновидящая» Юсси Валгрена и «Любовь не перестанет» Лауры Руохонен.

Лейтмотивом статьи Льва Яниса «Пути разума» о литературе и драматургии Финляндии является риторический вопрос: «Так стоит ли стесняться быть собой?» На новом рубеже веков, когда «европейская цивилизация разума зашла в духовный тупик …где бессильны «и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений», поможет, возможно, именно здравый сермяжный ум. Или законсервированный крестьянский менталитет внутри урбанизированного общества».

Трилогия Мика Мюллюахо «Паника. Мужчины на грани нервного срыва»», «Хаос. Женщины на грани нервного срыва», «Гармония» посвящена актуальной проблеме современного урбанизированного общества, с его сверхнагрузками и эмоциональными перегрузками. Драматург пытается ответить на вопрос: жизнь такова, какая она есть, или мы ее такой делаем? Первые две пьесы, остро поднимающие проблемы взаимоотношений героев, поиска личного счастья, профессиональной карьеры и профессиональной невостребованности, ставятся на сценах театров чаще. Театральную постановку по пьесе «Хаос» Мика Мюллюахо имеют возможность посмотреть и зрители Государственного академического русского театра драмы им. М. Горького в Астане. Режиссер — Кенжебай Дюсембаев, художник — Канат Максутов.

Три героини — учительница младших классов София, психотерапевт Юлия и журналистка Эмми, ее сестра, ведут откровенный разговор об одиночестве, разочаровании в идеалах, равнодушии близких, нереализованных планах и нерешенных проблемах, которые, накапливаясь, как снежный ком, провоцируют депрессию и гнев. Их жизнь построена на контрастах: непонимание со стороны супруга, измены и мечты о неземной любви, стремление встретить ее в жизни.

В монологах главных действующих лиц ретроспективно повествуется о родителях, их семьях, жизненных ценностях и приоритетах. «Меня зовут София Лехто, мне 36 лет, я — учительница младших классов, и у меня двое детей», — так начинает свой монолог успешная, образо-

ванная 30-летняя героиня. — Несколько лет назад у меня случилось несчастье, которое, как потом оказалось, стало началом целой череды неприятностей. Вначале серьезно заболела мама. Она продержалась недолго. И все, что от нее осталось, — лишь кусок гранита на кладбище. В школу, где я работаю, пришла новая директриса». Изменения происходят как в личной жизни, так и в области профессиональных занятий, что сказывается и на семейной атмосфере: «Дети без конца болели, а я хронически недосыпала…»

Ритм и темп современной жизни позволяют подругам выкроить не так много времени для бесед, недолгих встреч в кафе или дома у одной из них. Но такие встречи им просто необходимы, ибо, как верно пишет Н. Курпякова, «разбираться в себе, проговаривая на публику свои проблемы, делясь воспоминаниями и спонтанно приходящими мыслями, — это тренд последних лет или даже десятилетий… «Психоанализ», творящийся на сцене, желающие могут «усугубить», поразмышляв над фильмами, которые смотрят герои, — «Бойцовский клуб» и «Таксист». Да и сам автор, уточнив название — «Хаос. Женщины на грани нервного срыва», просто-таки отсылает к одноименной картине Альмодовара».

Своеобразие пьесы и ее театральных постановок, по замыслу драматурга, в том, что все роли, и мужские в том числе, исполняют только три актрисы. «Мужчины» на сцене «как раз такие, какими изображают их женщины в своих так называемых кухонных беседах, иногда и нелицеприятных. Актрисами точно подмечены жесты, «повадки», любимые словечки мужчин… Этот «Хаос» именно фарс. Не комедия, не драма. Женщин жаль, но во многом они виноваты сами... Что же в итоге? Депрессия вроде бы преодолена, приступы гнева вновь взяты под контроль, в финале героини словно возрождаются, как птица Феникс. Такова женская суть. София, Юлия и Эмми пытаются жить в ладу с собой и миром. Финал у спектакля жизнеутверждающий, торжественный, но не очень убедительный. Прошло ли эмоциональное самосожжение бесследно? Будет ли желанная гармония и побежден ли хаос? Можно ли решать проблемы (а они же появятся вновь) не таким катастрофическим образом? Как не доходить до грани? Или жизнь на грани нервного срыва — это удел современного человека?..»

Теме семьи и гендерной политике в современной финской литературе и драматургии уделяется большое внимание. Один из наиболее талантливых современных финских прозаиков, лауреат престижной литературной премии Финляндии Микко Римминен в романе-бестселлере «День Носа» рисует привлекательный женский образ. Главная героиня произведения — типичная финка в поисках преодоления одиночества. Одинокая Ирма «больше думает, чем говорит, а ее застенчивость сродни неприветливой угрюмости», причем для автора «язык не только средство, но и объект рефлексии». В связи с этим важны заключения Нины Пааволайнен по поводу того, что «социальные перемены, произошедшие в обществе: глобальный экономический кризис и последовавший за этим повышенный интерес к экономическим вопросам, социальное расслоение финского общества и всеобщая раздробленность постиндустриального мира — все это оказывается ярко отражено на страницах современной прозы Финляндии».

Нередко, первые строчки в таблоидах и призовые места в литературных конкурсах занимают произведения поэтесс и писательниц. Писательница, актриса, сценарист, редактор популярного глянцевого журнала Анна-Леена Хяркёнен получила известность, написав на втором курсе гимназии свой первый роман «Убить быка»: «Роман начала писать еще в гимназии. В школе с удовольствием писала длинные сочинения. И мечтала, что

когда-нибудь возьму в руки книгу с собственным именем на обложке. Но даже представить себе не могла, что мечта осуществится…» За ее плечами — учеба в Высшей театральной школе, в университете города Тампере на актерском отделении.

История первой любви, рассказанная подростком, стала событием в современной финской литературе. По книге позже был снят телевизионный сериал. Анна-Леена Хяркёнен получила Премию года за лучший дебютный роман. Роман включили в школьную программу. С тех пор прошло более двух десятилетий, а прозаик и актриса популярна по-прежнему. Она пишет сценарии, убедившись в том, как это непросто: «В романе достаточно один раз хорошо начать и хорошо закончить. А в сериале, помимо начала и финала для каждой серии, приходится ломать голову еще и над продолжением!»

В Финляндии широко обсуждается тема суицида. Писатели, педагоги, социальные работники пытаются предотвратить насильственный уход из жизни молодых людей. Вторая книга Анны-Леены Хяркёнен «Обсуждение окончено» — ответ на самоубийство сестры писательницы. Проблемы психиатрии затрагивают многие европейские авторы. В Литве серию книг о пациентах психиатрических клиник создал Яронимас Лауцюс. О качестве психиатрической помощи в Финляндии пишет и Анна-Леена Хяркёнен: «Психическому здоровью не уделяют должного внимания, депрессия не считается серьезным заболеванием, и я предложила читателю свою историю о том, что может произойти, если помощь не оказана вовремя».

Характерная черта произведений Анны-Леены Хяркёнен — автобиографизм. Героиня романа «Слабопозитивная», находящаяся на грани нервного срыва, повествует об опыте материнства, разочарованиях и тревогах, разрушая миф о женской интуиции.

Самые разные мнения и отклики вызвал роман «Аквариумная любовь», экранизированный в Финляндии и переведенный на многие европейские языки. Живой и ироничный стиль повествования, актуальность поднимаемых проблем сделали роман не только самым скандальным, но и самым трудным для автора. Роман имеет посвящение — Юте. В художественных текстах финской писательницы — истинно женский взгляд на взаимоотношения. «Мы разные и никогда не сможем понять друг друга, — уверена Анна-Леена Хяркёнен. — Полагаю, что практически все финки — феминистки… Не нужно все в жизни воспринимать слишком серьезно».

Интересен стиль повествования, внимание к портретным зарисовкам персонажей. «Узкое бледное лицо и шевелюра цвета плетеных стульев». Или: маленькие белые зубки грызуна. Главная героиня — современная девушка. Работает официанткой в пиццерии «Россо», мечтает о филфаке, наблюдая за посетителями (у Ирены на ресницах «было столько туши, что глаза походили на маленьких крабиков»). Окончила курсы машинописи, фотомоделей, была няней, бросила учебу в семинарии в Сяккиярви и на отделении прикладного искусства в Ивало.

Современный мир — мобилен и непредсказуем. Сара, путешествующая по миру с молодым другом, понимает, что аэропорты нравились всегда: «Каждый раз, когда я оказываюсь в аэропорту, я заказываю себе виски-амаретто, листаю иностранные журналы и стараюсь придать своему лицу выражение скуки — «ну вот, опять куда-то лететь».

Анна-Леена Хяркёнен на вопрос о том, что нравится ей больше: литературное творчество или театр, всегда отвечает: «… Не могу жить без того, чтобы не писать. Без театра, возможно, прожила бы, хотя только там, на сцене, среди людей я чувствую себя по-настоящему счастливой. Ведь пишешь всегда в одиночестве».

Интересен взгляд Тимо Вихавайнена на сравнительное изучение творчества Рунеберга и Пушкина. Эссе Тимо Вихавайнена «Рунеберг и Пушкин» опубликовано в книге «Столетия соседства». «Пушкин не был Байроном, — пишет автор эссе, — он был далек от него. Его неуместно сравнивать как с итальянскими и французскими, так и с немецкими современниками. Он не являлся Стендалем, хотя и был мятежником по сути, или Гейне, хотя и был ироничен. Пушкина едва ли даже можно представлять романтиком, настолько чужд он был увлечению и поклонению сентиментальности. Пустые клише о ценностях, морали и прочие абстракции ортодоксии у Пушкина не обнаружишь. Напротив, все творчество Пушкина пронизано, как мощным потоком, жаждой свободы, сметающей с творческого пути все препятствия».

Рунеберг стал финским Лермонтовым, создав героическую поэму о разрушительной борьбе. Рунеберг, создав национальный гимн, стал финским Жуковским. И стал «своего рода финским Пушкиным, который, подняв добродетели простых сограждан до уровня светских кругов, сделал их идеалом».

Т. Вихавайнен цитирует высказывания Грота и Плетнева, которые после смерти Пушкина называли Рунеберга «последним подлинным поэтом в Европе». Национальный гений, Рунеберг тоже писал о любви и цыганах, создал поэму «Надежда», но «Пушкиным на месте Пушкина не стал».

Но есть еще одна уникальная личность, которая соединяет литературы и культуры России и Финляндии. В суровых северных широтах, в Свеаборге, в старой крепости 30 мая 1811 года появился на свет блистательный русский критик и литературовед, «неистовый Виссарион». Известный русский гуманист, литературный критик и исследователь. Именно так написано на мемориальной доске по-фински, по-шведски и по-русски.

Все очень интересно в старинном Свеаборге. Музей Суоменлинна с уникальными экземплярами российской артиллерии, музей шведского фельдмаршала Августина Эренсверда, по чертежам которого был возведен Свеаборг, музей игрушки, военный музей-манеж, подводная лодка «Весикко». Поразительны морские пейзажи, в окружении которых рос будущий литературный критик России — В. Белинский.

Лаконична и емка характеристика творчества Рунеберга в анализируемом эссе. «В поэзии Рунеберга — лязг классических римских мечей, в его образах — классическая доблесть, немало патетики, но и разудалого юмора. Рунеберг смог создать типажи, в которых народ Финляндии с удовлетворением узнавал себя в то время, прежде чем галерея героев Вяйнё Линна оттеснила своих очень аристократичных предшественников в качестве символов финского народа». Финский поэт, констатирует автор исследования, не стал символом молодости и свободы.

Знаменательным фактом в современной истории финско-российских литературных отношений является сборник эссе финских авторов, в который вошли произведения Пекка Песонен, З. Тесленко, Тимо-Пекка Вейенен, Хейно Хяюринен, Микко Таваст, Пентти Страниус, Анны Лайне, Кари Тикка, Эйла Килпеля, Нико Вяхякуопус, Теему Метсяпелто, победителей конкурса финского общества «Pieteri-seura» на лучшее сочинение, посвященное 300-летию Петербурга. Финские авторы разгадывают загадку, феномен Петербурга, пишут о его судьбе и о петербургской культуре.

* * *

Самый распространенный на сегодня род финской литературы — поэзия, которая прочно ассоциируется с поколением молодых читателей и писателей. «Стихи стали своеобразным «коридором» в писательский мир: пишущие молодые люди, родившиеся в 1980-е годы, все чаще дебютируют именно поэтическими сборниками, хотя позже они пробуют себя и в других жанрах. Это вполне типичная черта литературной среды современной Финляндии: многие пишут как стихи, так и прозу». Хенрийкка Тави, Теэму Маннинен, Харри Салменниеми экспериментируют с поэтическим языком и поэтическим текстом. Представители поколения «хай-тек», ставя под сомнение многие поэтические понятия эпохи модернизма, применяют не только разные компьютерные программы и цифровые материалы, но и технику изобразительного искусства — технику «найденного материала» (found object).

Трансформация современной поэзии отчетливо видна в поэтическом творчестве представителей группы «Нуори война» (в переводе с финского — «Юная сила»), которая объединяет Хелену Синерво, Юкка Коскелайнен, Юрки Киискинен, Риину Катаявуори, Йоуни Инкала, Олли Хейкконен. Представителями молодого поколения являются шведоязычные авторы Агнета Энкель, Петер Миквиц, Эва-Стина Бюггместар. По мнению С. Завьялова, они уже отошли от европейского модерна, «большого стиля» Элиота и Паунда, от эгоцентрики сюрреализма и создавали свои тексты с опорой на «философский анализ ситуации после модерна, смерти автора, отмены канона и проч… Они были последними поэтами, так как следующее поколение, поколение 2000-х, интегрировало свое, в прошлом сепаратное, художество в единое пространство contemporary art, пронизанное, как никогда раньше, актуальными смыслами».

Финская поэзия известна в переводах на русский язык. В Финляндии Леви Лехто издана на русском языке антология новейшей поэзии «Говорит пограничная страна. Финская стихомашина 21 века» (Хельсинки, 2008). Интересна подборка стихотворений в альманахе «Весть-2» (Москва, 1990). Юкка Маллинен выступил составителем двуязычной книги «Kukapuhuu / Кто говорит: Двенадцать поэтов из России и Финляндии» (Ювяскюля, 1997).

В Хельсинки с 2008 года проводится фестиваль современной поэзии и авторской песни «Северное сияние — Aurora Borealis». В 2012 году в его рамках состоялась презентация литературного издания «Иные берега».

Мастером каламбура называет литературная критика поэта Ларса Хульдена, в творчестве которого поэтические традиции обогащаются современными приемами. Ярко и образно создает стихотворения и поэмы на шведском языке поэт «новой простоты» Класс Андерсон, живущий в Финляндии. Как отмечает Мерви Кантокорпи, «американская школа «поэзии языка» и идеи постструктурализма стали источником вдохновения для многих представителей самого молодого поколения поэтов. Однако есть среди молодежи и те, кто вновь возвращается к эстетике модернизма, правда, в несколько обновленном его понимании… Поэтический язык, таким образом, не является, единственной «темой» современной поэзии, актуальными становятся также вопросы постмодернистского мира и образа жизни на примере отдельно взятой личности».

Особым явлением становится литература иммигрантов. Лауреатом премии Рунеберга за лучшее произведение на финском или шведском языках 2005 года за роман «В ожидании землетрясения» стала финская писательница русского происхождения З. Линден (г. Турку). Значительным событием в литературной жизни Финляндии явился первый сборник новелл

«Полковница и синтезатор», за который автор получила премию Общества шведскоязычной литературы Финляндии. Дебютный роман Александры Салмела «27, или Смерть создает художника» интересен взглядом автора, представительницы Словакии, на современное финское общество. Одной из сильных сторон произведения определена авторская легкость «в использовании разных языковых регистров и стилей, приправленная иронией по отношению к окружающему миру».

* * *

Детская литература в Финляндии представлена яркими именами. Традиции Туве Янссон продолжают современные поэты и прозаики, адресующие свои произведения детям и взрослым. Детская финская писательница Реетте Ниемеля выступила инициатором издания антологии финской прозы «Добрые соседи». При поддержке фонда «Турку 2011» и книжного дома города Турку, Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга, а также координатору международных проектов Burning Bridge Literary Agency Терхи Ханнула книга увидела свет.

В Антологию детской финской литературы вошли главы из книги «Моя великанша» Вирпи Пеухонен и из романов «Штормовое предупреждение» Маркку Карпио, «Усва» Сейты Парккола, «Обещание» Ниины Репо и Сейты Парккола. Включены отрывки из повестей Туулы Сандстрем «Сантери и враг по имени Рак», Реетты Ниемеля «Конюшня Тиккумяки» и Эппы Нуотио «Добро пожаловать в Виллилю». Малые формы прозы представлены рассказами «Вальма, Вернери и Самая большая яичница в мире» Роопе Липасти и «Крутой парень» Кирсти Эллиля. Они индивидуальны по авторскому стилю, что бережно сохранен в переводе на русский язык студентами факультета иностранных языков Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Композиционно материал в книге расположен таким образом, что перед прозаическими текстами в Антологии даются портретные рисунки авторов, выполненные в технике «граффити», и небольшая анкета, включающая имя писателя, возраст, творчество и самую примечательную последнюю графу «В детстве хотел стать: …». Опубликованные произведения объединяет интерес финских прозаиков к миру детства, раскрытие психологии маленького жителя больших городов и небольших островов, стремление увидеть окружающее глазами ребенка, научить детей быть заботливыми и внимательными ко всем и всему, что их окружает с первых лет жизни.

Да и сами авторы вспоминают себя детьми, что обозначено и выделено в тексте антологии особо. Маркку Карпио мечтал стать моряком, Кирсти Эллиля — ветеринаром, Эппу Нуотио — медсестрой, Вирпи Пеухонен, которая ждет «таяния снега, весеннего солнца, запаха асфальта после летнего дождя, неспешных дней, конной прогулки в лесу», — конным полицейским. Роопе Липасти предполагал стать писателем, как и Ниина Репо, но занимался много лет журналистикой. Издав первую книгу, стал впоследствии прозаиком. Туула Сандстрём — автор двух поэтических сборников, 23 книг, большая часть из которых предназначена подросткам, и десятка пьес, адресованных детской аудитории, хотела выступать в цирке акробатом на трапеции. В определенной степени мечта стать зоологом осуществилась у Реетты Ниемаля, которая пишет стихотворения, сказкотворения и познавательные книжки для детей, и у нее есть пчелы и лошадь Кюмппи.

Подробно в рубрике «В детстве хотела стать» рассказывает о себе Сейта Парккола: «В детстве хотела стать врачом, юристом, архитектором и воздушной гимнасткой. Профессии, о которых мы мечтаем, сменяются, словно времена года. Не выбрав ни одну из этих профессий, я стала писательницей. Умение писать — это поиск. Это любопытство, которому нет предела. Это вопросы и попытки найти ответы на них. Удивительно, когда ничто не может быть таким, как это представляешь вначале».

Антология «Добрые соседи» оформлена рисунками, шутливыми заданиями для детей: «Напиши песню про комнату для тех, кто живет в этой комнате». Или: «Предметы видят сны и мечтают. Напиши, что приснилось гардеробу прошлой ночью. О чем мечтает торшер? Какой кошмар видел во сне холодильник? В старинном комоде пять ящиков и тайник — о чем они мечтают?» Самое главное — авторы книги ведут с маленькими и повзрослевшими читателями разговор на равных. Например, Эппу Нуотио в графе «Творчество»: «В своих произведениях пытаюсь передать свой внутренний мир, для того чтобы из слов сплести нить, а из предложений связать ковер, на котором можно отдыхать и на котором можно летать. Пишу, чтобы услышать свой голос и чтобы присоединиться к вечному хору рассказчиков историй».

Ключевым акцентом популярности финской литературы в мире А. Кашкаров называет «особый финский юмор». В то же время современный писатель Арви Перту, родившийся в Петрозаводске, опубликовал в Финляндии нашумевшую повесть «Экспедиция Папанина» без «всякого намека на сарказм». Научно-популярная проза — «Финляндцы в Петербурге» Макса Энгмана и «Финский Петербург» Ярмо Ниронена имеют отличную от комиксов, детской литературы и детективов издательскую судьбу. Чрезвычайно популярна и документальная проза Анны-Лены Лаурен «У них что-то с головой, у этих русских».

Финская литература выступает активным участником мирового литературного процесса. Созданная всемирно известной финской писательницей шведского происхождения Туве Янссон семья муми-троллей, по мнению многих, самое мудрое и счастливое семейство в мире. Представители разных видов искусства скандинавской страны вступают в активные диалоги, литература уникальна своей эпичностью, а театр выступает зеркалом многокультурного общества. Художественные произведения прозаиков, поэтов и драматургов Финляндии переводятся на мировые языки и исследуются критиками и литературоведами многих стран мира.

Кадиша НУРГАЛИ

От классического наследия — к современности

Литературный процесс невозможно обособить от развития культуры, его важной стороной является постоянное взаимодействие художественной литературы с другими видами искусства, а также с общекультурными, языковыми, идеологическими, научными явлениями.

Тюркский мир сегодня — это огромное пространство, объединенное общим историческим наследием — языком, культурными традициями и значительным вкладом тюркских народов в общемировое культурное пространство. Истоки казахской культуры и литературы — в фольклоре саков и гуннов, в эпохе Золотой орды. Единство тюркского мира основано на преемственности литературных традиций, на живительном фольклорном источнике, богатейшем культурном наследии. Казахстан был и остается

местом не только встреч, но и взаимовлияния, взаимодействия, взаимообогащения культур и цивилизаций. Уникальный опыт межнационального, межрелигиозного, межкультурного общения, накопленный Казахстаном, может служить примером многим.

В изучении казахских литературных связей наблюдается несколько тенденций, ведущая из которых типологическое исследование общности казахской и восточной литератур. Сущность данной тенденции заключается в исследовании особенностей развития сравниваемых и типологически близких литератур различных исторических периодов. Вторая — типологическое и генетическое изучение литературных жанров, исследование проблемы взаимовлияния литератур с точки зрения типологии и генетики жанров. Третья тенденция — типологическое изучение литературных и культурных явлений в различные периоды их развития.

История и культура Казахстана на протяжении длительного времени развивались в тесном взаимодействии с восточными цивилизациями. Китайские, тюркские, арабские и другие письменные памятники являются ценными источниками для изучения истории, культуры и литературы. Усиление интеграционных процессов, охватывающих экономику, политику, культуру, науку и образование, является характерной чертой современного мира и определяет актуальность изучения проблем межкультурного общения. Актуальным для Казахстана становится исследование историко-культурных и социально-экономических основ развития Шелкового пути. Создание Нового шелкового пути — транспортного коридора Западная Европа — Западный Китай явилось важной вехой в истории независимого Казахстана.

Связь времен — непременное, органичное условие любого вида творчества, составная часть самой истории. Через слово, художественные образы казахская литература давала пищу для осмысления важнейших, глубинных идей. У нас давняя и великая история, которая нашла отражение в культуре и художественной литературе. Литература в большей мере, чем любое другое искусство, становится искусством времени. Время — объект, субъект и средство изображения в произведениях художественной литературы. Произведение искусства слова развертывается во времени. Время нужно для его восприятия и для его написания. Категория времени играет основополагающую роль в осмыслении происходящего.

Творчество Абая складывается и утверждается в период литературы нового времени, поэт осваивает художественное наследие мировой литературы от Фирдоуси и Низами до М. Лермонтова и А. Пушкина. Значительное место в его творчестве занимают переложения прочитанного, переводы и творческая стилизация, перевоплощение тех или иных литературных образов. Классическая поэзия Востока, как известно, была одним из источников творчества Абая и всей казахской литературы XIX — начала XX веков. Великий Абай, воспитанный в традициях арабской, персидской и чагатайской поэзии, глубоко и всесторонне изучил поэтическое наследие Фирдоуси, Низами, Саади, Хафиза, Навои, Физули. Абай увлеченно читал исторические записи Рашид-ад-Дина, Табари, Бабура, М. Хайдара Дулати, Абуль Гази и других представителей философской мысли Востока, изучал философию ислама.

Потеря индивидуальности свободного кочевника, разрушение традиционного уклада жизни, новый режим в степи по-разному трактовались казахскими мыслителями. Каждый из них пытался разобраться в прошлом и настоящем народа, опереться на исторический опыт. Необходимо подчеркнуть при этом, что Абай в своей творческой деятельности сохраняет тесную связь с восточной, прежде всего, с таджикской классической лите-

ратурой. Доказательством этого, кроме его нравственно-назидательных стихов, полных гуманистических идей, является прозаическое произведение «Гаклия» («Назидание), имеющее нерасторжимую связь с творениями персидско-таджикской классической литературы «Кабус-наме» Унсурулмаали Кайковуса, «Гулистаном» Муслихиддина Саади и др. Об этом писали М. Ауэзов, А. Жиреншин, Ш. Сатпаева, М. Мырзахметов, У. Кумисбаев, А. Жаксылыков и многие исследователи-литературоведы.

Проблему свободы и независимости человеческой личности Абай связывал с развитием казахской государственности, национальной идеи в условиях социально-политических, общественных, экономических, культурных и других перемен в казахском обществе.

Известные поэты нередко проводили параллель между Абаем и Пушкиным. В 1971 году в «Казахстанской правде» были опубликованы высказывания о творчестве Абая балкарского поэта К. Кулиева и калмыцкого поэта Д. Кугультинова. «Абай для казахов такое же великолепное явление, не имеющее себе равных, как для русских — Пушкин, для англичан — Шекспир, для грузин — Руставели… Он — батыр поэзии, ее могучий ум, ее мощный талант. И потому его произведения непреходящи; его имя будет жить вечно и вечно останется дорогим для всех. Абай — сын казахского народа и всего человечества», — писал К. Кулиев.

Поэтом-гуманистом, поэтом тонким, жизнелюбивым называет Абая Д. Кугультинов: «Как во времена Пушкина, Лермонтова и Некрасова, времена Абая были темной ночью без единого луча света. Так же, как они, Абай со всей своей гениальной поэзией пролил яркий свет в этой ночи».

По мнению Р. Сейсенбаева, «любовь к Пушкину и Абаю вошла в нас с детства. Это больше, чем любовь к великим поэтам. Это любовь к народам, имеющим таких поэтов. Россия немыслима без Пушкина. Казахстан немыслим без Абая. Тайна гениев двух поэтов не перестает и никогда не перестанет приковывать к себе внимание людей всего мира. Творчество и Пушкина, и Абая развиваются и движутся вместе с жизнью. Они существуют в настоящем, а принадлежат — будущему». Это современное объяснение феноменов Пушкина и Абая.

Абай высказывал пожелание о том, чтобы человеком руководило сердце, «львиное, рыцарское сердце, которому должен подчиняться разум». По-прежнему востребованы высказывания Абая: «Человеку человечество — друг», «…Вся твоя жизнь связана с судьбою человечества. Говорят, что ты вместе с другими людьми гость в этой жизни. Нет, люди, вы друг у друга в гостях!».

Поэзию поэт-философ, мыслитель наделял дидактической функцией:

Не для игры я стал стихи писать,
Не для того, чтоб сказки собирать.
Пишу, чтоб дать уроки молодым,
Что могут свои чувства изъяснять.

Перевод Ю. Кузнецова

Абай, серьезно интересующийся философией, обогатил родную литературу философско-суфийским содержанием. Современные исследователи, заинтересовавшись этой проблемой, констатируют: Абай хорошо знал историю суфизма в Центральной Азии, так как приводит цитату из высказывания крупного тюркского суфии Аллаяра. «Во всяком случае, он и не отвергает суфистскую идею «слияния с божеством». Мы можем также полагать, что Абай знал и ценил творчество великого суфия Джалалиддина Руми (Маулана)».

Значительно влияние таджикско-персидской классической литературы и восточной философии на формирование мировоззрения великого Абая. Но величие Абая, выделившее его из современников, состояло в том, что он «сумел переработать своеобразно, в национальном духе все то, что воспринял от предшествующих мыслителей». Творчество Абая продолжило и развило традиции его предшественников. М. Яцкович подчеркивает, что есть «вечные, общечеловеческие ценности, которые разделяют все, независимо от того, где они живут. Поистине велики как раз и те мыслители, которые умеют думать и сказать об этом так, что все это доступно всем другим — где бы они ни жили на свете. На такие мысли наводило меня знакомство с творчеством великого казаха — Абая Кунанбаева».

Духовная жизнь поэта, совершенствование его внутреннего мира неотделимы от освещения проблемы ценности человеческой жизни, его традиций, интеллекта, совести. Абай в своем творчестве обращается к разуму и сердцу как составляющим гуманистическую сущность человека. Свободу воли поэт-мылитель видит в ответственности человека перед собой, своим народом и всем человечеством, в умении сострадать, сердцем принимать и ближнего, и другого («Казахи, бедный мой народ», «О, казахи мои! Мой бедный народ», «Восьмистишия» и др.).

В «Книге слов» Абай формулирует принципы добродетели. Он объявляет пороками три вещи, унижающие человеческий род, — невежество, лень и злодеяние, выдвигая следующие принципы добродетели: человеколюбие, желание всеобщего благоденствия, твердость духа, справедливость, глубокие всесторонние знания.

У Абая читаем: «Направь свои знания на путь, указанный Аллахом, ибо Аллах, не ленясь, огромными усилиями и старанием создал гармоничный совершенный мир. Твое дело должно быть сделано с усердием и добрыми намерениями. Все, что создано Аллахом, имеет свое назначение, плоды твоего труда тоже должны быть обращены на пользу людям. Иначе — любой труд бесполезен. Вера твоя — тщетна». Абай воспринимает изменения в степи как внедрение новой идентичности, как новую модернизацию, способствующие тому, что степняк станет другим. Идеи свободы рассматриваются им в аспектах развития творчества человека, его включения в новые социально-общественные процессы.

Существенно, что в его произведениях возникает проблема духовности: «Народ, живущий во вражде, // как заболоченный залив: // откуда птица улетит, // и жажды там не утолив. // Скот, не пройдя за перевал, // падет, воды его испив, // его покинет человек, // на берег гнилостный ступив». Абай делает акцент на просвещении, стирающем политическое, языковое, культурное неравенство между народами.

Идеи Абая находят дальнейшее развитие и отражение в литературе XX века. Сущность и образ действия массового человека, обыденного сознания, художественное исследование значений «тайного советника», «авторитета», «кумира» являются, по мнению Т. Есембекова, самыми драматичными мотивами литературы XX века. Надо полагать, отмечает ученый, что «в человеке любой эпохи продолжает жить человек архаический, который усматривает опасность вовсе не в катастрофическом повороте вспять потоков бытия, а в его демократизации. Жизненные стереотипы мира парадоксальным образом порождают апокалиптическое сознание, противятся любому соотнесению этих символов с предрассудком. Представительствуя от имени жизненного мифа в сфере коллективного, сей символ маскирует реальные отношения властвования. Апокалипсис есть предельное знание, и следовательно, условие и

непременная основа предельной, абсолютной власти. К тому же каждый человек переживает моменты, когда он поступает вопреки инстинкту самосохранения, всем законам внешней целесообразности. Исподволь, случайно, ненавязчиво дает знать о себе иная последовательность мотивов, целей, идей, которые становятся и режиссером, и действующим лицом драмы человека. Они могут обладать какой-то магической силой, способной увлечь в бездну, и принудить, и заставить, и согласиться с готовой схемой действий, более того, последовательно, фанатично, жертвенно претворять их в жизнь».

Экзистенциальные мотивы в аспекте диалога культур получают развитие в современной казахской литературе. Ценность человеческой жизни в современном мире под угрозой. Она порой обесценена настолько, что современные авторы ищут ответы на вечные вопросы о ее смысле.

Художественные тексты несут в себе сложный и богатый смысл, который превосходит любое теоретическое построение. Путь в поэзии Е. Жумагулова — «продолжение сакральных традиций, сознательное встраивание своего имени в обширный контекст русской словесности… более поздняя, более изощренная поэтика отсылок к классическому подтексту реальности». Мотив ученичества является для него ведущим. А метафора пустоты стремится заполнить собой все окружающее. Современный поэт, «пристально вглядываясь в себя, не выпускает из виду ни предшественников с их вековыми перекличками, знаками, символическими созвучиями, ни гипотетических потомков, оформляет свою поэзию не как пробел, но как звено между прошлым и будущим».

Экзистенциальная тематика остается одной из основных в современной прозе Казахстана, в которой центральное место занимает диалог культур, уходящий истоками в классическое наследие.

Зоя ЛЫСЕНКО

Русский театр с литовским акцентом

К хорошему зритель привыкает быстро. А если это хорошее периодически повторяется, то воспринимается как само собой разумеющееся. Хотя та обширная и многогранная деятельность руководства Белорусского академического музыкального театра по налаживанию творческих международных связей и привлечению на свою сцену коллективов из других стран — не сам собой разумеющийся факт, а результат поиска и инновационного подхода к выстраиванию театрального процесса в современных условиях.

Но зритель этой работы не видит. Он видит только то, что с каждым годом на сцене театра появляется все больше зарубежных коллективов с новыми, интересными, а подчас и спорными постановками, о которых наши театралы ранее только слышали. О хорошо отлаженном механизме сотрудничества и обменных гастролей со многими российскими театрами уже писалось немало, в том числе и на страницах данного издания. Но грани международного сотрудничества Белорусского музыкального театра гораздо шире. Например, в последние годы оно активно развивается с театрами Литвы и Латвии. И сегодня речь пойдет о творческих связях с Русским драматическим театром Литвы — единственным государственным русскоязычным театром в этой стране.

С 2009 года его возглавляет мэтр литовского театрального искусства Йонас Вайткус, среди множества наград которого — Государственная премия Литвы, государственные премии Советского Союза, Национальная премия Литвы и высшая театральная награда Литвы — Золотой сценический крест. Йонас Вайткус хорошо известен в Европе, он преподавал актерское мастерство в театральных учебных заведениях в Польше, Норвегии, Финляндии, Дании, а также в США. Продвинутые театралы могли видеть его постановки на международных театральных фестивалях, проходящих в Беларуси, но нашему широкому зрителю они были незнакомы. Однако в феврале 2015 года положение изменилось: благодаря достигнутым договоренностям было подписано Соглашение о сотрудничестве между Белорусским государственным академическим музыкальным театром и Русским драматическим театром Литвы.

Наш театр первым совершил поездку в Вильнюс в мае того же года, показав литовским зрителям национальный мюзикл «Софья Гольшанская» Владимира Кондрусевича, завоевавший звание лауреата Национальной театральной премии Беларуси. Выбор этого спектакля был не случаен — в нем фигурируют государственные деятели некогда общего для нас государственного образования — Великого Княжества Литовского.

А в ноябре того же, 2015 года белорусский музыкальный театр в рамках расширенной пресс-конференции принимал почетного гостя — руководителя Русского драматического театра Литвы Йонаса Вайткуса. Участники конференции имели возможность из первых уст узнать об общих тенденциях в развитии европейского театрального процесса и о его конкретных проявлениях в театрах Литвы. Говоря о предстоящих обменных гастролях, Йонас Вайткус отметил,

что для него важно понять, как в Минске вообще воспримут литовский театр, традиции и эстетика которого отличаются от белорусского, а также по возможности найти те точки соприкосновения, которые нас объединяют. Нельзя было оставить без внимания и слова директора Белорусского музыкального театра Александра Петровича, что зрительская культура в Литве намного выше, чем у нас, и нам следует серьезно задуматься, что здесь зависит от менталитета, что от общественного уклада, а что — от театра. В любом случае, знакомство зрителя с новыми постановочными решениями известных произведений будет способствовать расширению его представлений о разнообразии театральных школ и направлений, а также пробуждению новой волны интереса к классическому наследию.

Вскоре после пресс-конференции состоялись и первые обменные гастроли, выпавшие на юбилейный, 70-й сезон Русского драматического театра Литвы. В Вильнюс наш театр повез самые популярные произведения из классического опереточного и современного мюзиклового репертуара, а литовские гости привезли свои наиболее яркие постановки из русской и мировой классики, созданные в последний период (три из четырех гастрольных спектаклей были поставлены Йонасом Вайткусом).

Бесспорно, интересно было увидеть трактовку литовским театром самого известного и популярного произведения Пушкина — «Евгений Онегин». К тому же, именно минскому зрителю выпала честь первым оценить этот спектакль и прочувствовать его литовский дух, так как ранее за границу его не вывозили. Как и говорил Йонас Вайткус, спектакль оказался непростым для восприятия, но способным притягивать и удерживать внимание. Да, он поставлен по произведению Пушкина, но отнюдь не по знакомому нам принципу русского психологического театра. Для его адекватного восприятия просто необходимо включить ассоциативное мышление и воображение. Это многогранная, масштабная музыкально-сценическая композиция с большим количеством исполнителей, в которой переплетаются элементы драмы, оперы и балета. И здесь не так важно взаимодействие отдельных персонажей, тем более что они имеют своих двойников, как слаженная ансамблевая игра. Отличительная черта этого спектакля заключается именно в его ансамблевости. Не все зрители с пониманием воспринимают персонажей-двойников (на сцене два Онегина, две Татьяны, два Ленских, две Ольги…). Но некоторым такой режиссерский ход кажется очень интересным: языком танца и вокала двойники передают скрытые мысли и чувства этих персонажей. Но основных героев все же нельзя не отметить: Евгению Гладий в роли Татьяны и Валентина Новопольского в роли Онегина.

Исключительным достоинством постановки является ее музыкальное оформление с использованием музыки Сергея Прокофьева, написанной композитором в 1936 году к спектаклю «Евгений Онегин», премьера которого должна была состояться на сцене московского Камерного театра. Но цензура спектакль не пропустила, а написанная к нему музыка долгие десятилетия лежала под спудом. Впервые эта музыка прозвучала со сцены только в 2012 году в США, когда литературный текст романа сопровождался танцем. А в Европе «Евгений Онегин» с музыкой Прокофьева был впервые представлен в 2013 году в спектакле Русского драматического театра Литвы, который белорусскому зрителю и посчастливилось увидеть. Музыкальный редактор Рита Мачилюнайте за свою работу над этим спектаклем получила высшую театральную награду Литвы — Золотой сценический крест.

Пьеса Михаила Булгакова «Зойкина квартира» в представлении не нуждается. Этот спектакль, насыщенный жизненными парадоксами и гротескными характерами, поставил известный литовский режиссер Роландас Аткочюнас, который успешно сотрудничает со многими зарубежными театрами. В данной постановке получился очень удачным результат его совместной работы со звездой латыш-

«Зойкина квартира».

ской сценографии Мартиньшом Вилкарсисом. Никакой сложности в восприятии этого спектакля нет — в целом все по Булгакову, но одновременно все же ощущается зарубежный дух и колорит постановки, что само по себе интересно. Очень впечатляет изобретательная и стильная сценография, в одном ключе с которой воспринимается работа художника по костюмам Йоланты Римкуте. В результате перед зрителем предстает целая галерея стильных дамских нарядов времен НЭПа — ведь действие разворачивается якобы в швейной мастерской, которую хозяйка превратила в дом свиданий. В роли предприимчивой и бесшабашной Зои Пельц — хозяйки загадочной квартиры — предстала одна из самых ярких актрис театра Инга Машкарина. А сопровождается все это феерическое действо удивительной, «говорящей» музыкой признанного мастера литовских театральных мелодий Гедрюса Пускунигиса.

Следующая постановка Йонаса Вайткуса — музыкальный спектакль «Елка у Ивановых» по пьесе Александра Введенского — вызвала бурю эмоций, и в основном негативных. Мало сказать, что это крайне эксцентричное представление, шокирующая пьеса, написанная в традициях театра абсурда, перемещает зрителя в мир абсолютного безумия. Да, многие с возмущением покидали зал, но напрасно они во всем обвиняли литовский театр. Создатели спектакля работали над пьесой русского автора, написанной в 1938 году, к тому же впервые в Литве поставили ее на языке оригинала. То есть, можно сказать, что литовский театр возвращает русскому зрителю его же автора, запрещенного в годы сталинских репрессий.

Александр Введенский — яркий представитель русского авангардизма, один из основоположников абсурдистского направления в литературе. «Время. Смерть. Бог» — так он определял главные темы своего творчества. И его иррациональная пьеса «Елка у Ивановых», в центре которой находятся именно эти глобальные категории, но где нарушаются все законы логики и дискредитируется обыденное сознание, рядовым зрителем воспринимается не иначе как бред. Здесь возможно все: собака говорит стихами, врач из сумасшедшего дома считает себя ковриком, а отрубленная голова общается со своим телом… Основные действующие лица пьесы — «мальчики» и «девочки» в возрасте от года до 82 лет. Низведенные до карикатурности персонажи мечутся в ожидании чудесного Рождества, и во время предпраздничного купания нянька хватает топор и отрубает голову развратной 32-летней девочке… Среди такого обличительного сумасшествия неожиданно появляется мальчик с бенгальским огоньком в руках, и кажется, что выход из этого абсурда еще возможен. Но звучат слова «Где ваша смерть?», подчеркивающие скоротечность времени и недолговечность бытия. И тут мальчики и девочки начинают один за другим повторять: «Как же умереть охота!..» И умирают — спокойно и абсурдно.

В этом феерическом синтетическом действии, которое можно назвать полуоперой-полуперформансом, задействовано полсотни исполнителей, которые

большинство своих актерских задач выполняют при помощи музыкальных выразительных средств. Спектакль стал лауреатом награды Золотой сценический крест в четырех номинациях, которых удостоились режиссер-постановщик Йонас Вайткус, композитор Альгирдас Мартинайтис, художник-постановщик Йонас Арчикаускас и исполнитель роли няни Валентин Новопольский.

О неоднозначном восприятии зрителями спектакля режиссер рассуждает так: «Видимо, некоторых сбило с толку название — думали, что увидят какую-то лирическую рождественскую историю. Зал явно покидали те, кто ничего не знал ни об авторе, ни о его пьесе. А когда человек сталкивается с тем, чего не знает и не понимает, то он, как правило, возмущается. К тому же здесь нужно еще не бытовое, а ассоциативное восприятие постановки. В общем, у меня сложилось ощущение, что многие из минских зрителей не готовы читать язык такого театра, и нам нужно делать выводы…»

И завершались гастроли трагедией «Король Лир» Уильяма Шекспира в постановке Йонаса Вайткуса. Интересно, что в этом спектакле использовался не классический перевод Бориса Пастернака, а новый перевод Григория Кружкова, который режиссеру показался ближе. И что характерно, пьеса идет полностью, без никаких сокращений, что на сегодняшний день уже и непривычно. Ведь сокращают даже не столь длинные пьесы, а шекспировские и подавно. В результате продолжительность спектакля получилась почти четыре часа.

«Король Лир» считается самой амбициозной постановкой этого театра. Ее сценическое решение очень специфическое: полное отсутствие декораций, реквизита и, можно сказать, костюмов. Все актеры, и мужчины и женщины, одеты в одинаковые, плотно облегающие трико телесного цвета, так что поначалу их тела кажутся вообще обнаженными, как бы похожими на эмбрионов. Однако все окупается тщательно продуманным, и можно даже сказать, высокохудожественным сценическим освещением.

Замысел режиссера понятен — в центре внимания должен быть не театральный антураж, а гениальная классическая пьеса. И подход его к воплощению этой пьесы подчеркнуто классический. В спектакле говорится не только о старости и трагедии

«Елка у Ивановых».

«Король Лир».

отдельной личности, в нем вскрываются и более обширные темы и понятия. Король Лир предстает капризным деспотом лишь в самом начале, но вскоре, столкнувшись с правдой жизни, он меняется, становясь человечным и с изумлением глядя на человеческие пороки. В этой роли блистательно выступил известный актер театра и кино Витаутас Анужис.

На престижном театральном фестивале в Рокишкисе этот спектакль был назван лучшим спектаклем фестиваля, а Витаутас Анужис — лучшим исполнителем мужской роли.

Просто нельзя было не поразиться, насколько разными по стилю, эстетике и принципу постановки оказались спектакли Йонаса Вайткуса и насколько широк и разнообразен его творческий диапазон, хотя мы увидели только три его вещи. Очень сильными были и многие актерские работы в спектаклях, и зритель искренне радовался, увидев понравившегося актера в следующей постановке. И конечно, нельзя было не заметить, что, в принципе, к нам приехал другой, отличный от нашего театр, порой не совсем понятный, но зато притягательный своей новизной.

А в начале текущего сезона, в сентябре, прошли очередные обменные гастроли. Правда, они были не столь продолжительными: наш театр представил в Вильнюсе две постановки на музыку популярного российского композитора Гельсят Шайдуловой — мюзикл для детей и взрослых «Приключения Кая и Герды» и балет «Клеопатра», а гости из Литвы привезли один, но зато очень резонансный спектакль, поставленный по широко известной повести российского писателя Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом».

Но прежде чем говорить, насколько удался этот спектакль, нужно хотя бы вкратце остановиться на его первооснове — самой повести, которая и принесла молодому автору широкую литературную известность. Хотя в кинематографических кругах он был известен давно — сын заслуженной артистки РСФСР Елены Санаевой, внук народного артиста СССР Всеволода Санаева, пасынок народного артиста СССР Ролана Быкова, он еще в школьные годы снялся в широко известном фильме своего отчима «Чучело», а после окончания ВГИКа стал успешно проявлять себя в качестве актера, режиссера и сценариста.

Повесть «Похороните меня за плинтусом» была написана в 1994 году, впервые опубликована в журнале «Октябрь» в 1996 году и удостоена премии журнала за этот же год. Отдельным изданием повесть вышла в 2003 году, а в 2010-м была выпущена ее расширенная версия. Общий тираж этой книги превысил полмиллиона экземпляров, а ее автор стал обладателем премии «Триумф».

Сегодня Павел Санаев входит в первую десятку самых популярных современных писателей России, а его повесть стала действительно культовым произведением. Имеется официальный сайт книги «Похороните меня за плинтусом», ее обсуждение не утихает в различных сообществах и фан-клубах. Книга переведена на немецкий, французский, итальянский, польский, болгарский, финский,

эстонский языки. По ее мотивам поставлены спектакли во многих театрах России и за ее пределами, а в 2009 году российский режиссер Сергей Снежкин поставил одноименный фильм, в котором снялись такие звезды, как Алексей Петренко, Светлана Крючкова, Мария Шукшина.

Эту повесть начинающий писатель закончил в 25 лет, хотя начал ее гораздо раньше, в 16-летнем возрасте. Она носит автобиографический характер, и все ее персонажи имеют реальных прототипов из окружения семьи. Посвящается книга Ролану Быкову, который очень многое сделал для развития и становления своего пасынка, и главное, всеми силами поощрял его писательские наклонности.

В центре повествования — сам будущий писатель в детские годы, которые прошли под тяжелейшим прессом домашней тирании, чинившейся его родной бабушкой. «По Фрейду, я должен был вырасти клиническим идиотом с глубинным комплексом неполноценности, — рассказывает Павел Санаев в одном из своих интервью. — Маме, связавшей жизнь с Роланом Быковым, меня не отдавали. Дедушка считал, что у него украли дочь, и, применяя кинематографический термин, говорил, что они вместе «не монтируются». Бабушка утверждала, что мама живет с «карликом-кровопийцей», который хочет забрать дедушкину машину, гараж и квартиру, а меня погубить как потенциального наследника. Самому потенциальному наследнику бабушка прочила кладбище не позднее шестнадцати лет».

Страницы книги изобилуют этими «пророчествами». Мальчик, который фигурирует в книге под именем Саша, уже с четырех лет знал, что долго не проживет, потому что его организм гнил изнутри от всех мыслимых и немыслимых болезней. Свои пророчества бабушка подкрепляла постоянными проклятиями: «Чтоб ты заживо в больнице сгнил! Чтоб у тебя отсохли печень, почки, мозг, сердце! Чтоб тебя сожрал стафилококк золотистый!» Мальчик также был просвещен насчет того, почему он идиот: в его голове сидел этот самый золотистый стафилококк, который пожирал мозг и гадил туда. А с уже подросшим внуком бабушка делилась своими воспоминаниями: «Сидишь в манежике, бывало, зассанный весь. Ручками машешь и кричишь: «Я дидивот! Я дидивот!» Я подойду, сменю тебе простынки. Поправлю ласково: «Не дидивот, Сашенька, а идиот».

«Сволочная любовь». Внук — Валентин Новопольский, бабушка — Инга Машкарина.

А ты опять: «Дидивот! Дидивот!» Такая лапочка был». Однако этот «дидивот» с малых лет отличался недетской сообразительностью: просил бабушку читать ему книжку, потому что во время чтения она не кричала. И еще у него была очень странная мечта — чтобы его похоронили за плинтусом в маминой квартире. Он, видимо, думал, что если за плинтусом покоятся отравленные мыши, то там хватит места и для него. А попасть на кладбище он страшно боялся — бабушка очень красноречиво живописала, как в глубокой, темной и холодной могиле его будут разъедать черви. «Когда мне пришла в голову такая прекрасная мысль — быть похороненным за маминым плинтусом, — то единственным сомнением было то, что бабушка могла меня маме не отдать. А видеть из-под плинтуса бабушку мне не хотелось. Чтобы решить этот вопрос, я так прямо у бабушки и спросил: «Когда я умру, можно, меня похоронят у мамы за плинтусом?» Бабушка ответила, что я безнадежный кретин и могу быть похоронен только на задворках психиатрической клиники».

Безнадежный кретин потихоньку подрастал, но отправить его в семь лет в школу бабушка категорически отказалась. И хотя мальчик пошел в первый класс переростком, он панически боялся своих младших по возрасту одноклассников, а чтобы с ним ничего во время перемены не приключилось, по просьбе бабушки учительница запирала его в классе одного. Впрочем, в школу он ходил не часто, не больше семи-десяти дней в месяц, а в остальное время если не болел, то ездил с бабушкой по профессорам и гомеопатам. А гомеопатию нужно было принимать строго по расписанию шесть раз в день, и это было веской причиной для того, чтобы в школу не идти. Поэтому и школьные, и домашние задания мальчик выполнял дома под бдительным бабушкиным оком. Автор книги в своем интервью приводит пример таких занятий: «Бабушка считала, что тетрадь должна быть без помарок, и стояла надо мной с лезвием бритвы. Бритвой она выцарапывала ошибки, которые мне случалось делать, после чего я аккуратно исправлял их под грохот ее проклятий и писал дальше. В повести есть показательный пример, как я написал «хороша дорога прИмая». «Третий год на бритвах учишься, чтоб тебе все эти бритвы в горло всадили!» — кричала бабушка, выскребая ошибочную букву «и». Я переправил ее на «е», но оказалось, что «прЕмая» дорога тоже не годится. Желая, чтобы прямая дорога мне была только в могилу, бабушка стала скрести бумагу снова, проскребла лист насквозь и заставила меня переписывать всю тетрадь заново».

Так же лаконично, но емко автор показывает и бытовую сторону своего существования. Взять хотя бы его рассказ о купании, с которого и начинается повесть: «Вам, наверное, покажется странным, почему я не мылся сам. Дело в том, что такая сволочь, как я, ничего самостоятельно делать не может. Мать эту сволочь бросила, а сволочь постоянно гниет, и купание может обострить все ее сволочные болезни. Так объясняла бабушка, намыливая мочалкой мою поднятую из воды ногу.

— Не нога, а плетка. Спрячь под воду, пока не остыла. Другую давай… Руки теперь. Выше подними, отсохли, что ли? Встань, пипку вымою.

— Осторожно!

— Не бойся, все равно не понадобится! Развернись, спину потру.

Я развернулся и уткнулся лбом в кафель.

— Не прислоняйся лбом! Камень холодный, гайморит обострится.

— Жарко очень.

— Так надо.

— Почему никому так не надо, а мне надо? — Этот вопрос я задавал бабушке часто.

— Так никто же не гниет так, как ты!»

А дальше строго по хлопку бабушки дедушка вносил в жаркую ванную горячий рефлектор, потому что наставал черед вытирания и гнилая сволочь могла при

этом простыть. Финал водной процедуры оказался трагикомическим: рефлектор прожег чистошерстяные дефицитные колготки, которые бабушка натягивала на мокрые ноги своего идиота, а он, уже вытертый и укутанный, не устоял на высоком стуле и с грохотом полетел назад в ванну. При этом, не без участия засуетившегося дедушки, горячий рефлектор опрокинулся на бабушку. О силе разбушевавшейся после этого стихии можно уже догадываться…

Автору удалось найти такой удивительный литературный прием, когда о тяжелом, страшном и гнетущем он рассказывает как о комически абсурдном, как будто отстраненно от своих переживаний, без ноток жалостливости и осуждения. Но при этом он все же предчувствует недоумение читателя: «Уверен, найдутся люди, которые скажут: «Не может бабушка так кричать и ругаться! Такого не бывает! Может быть, она и ругалась, но не так сильно и часто!» Поверьте, даже если это выглядит неправдоподобно, бабушка ругалась именно так, как я написал. Пусть ее ругательства покажутся чрезмерными, пусть лишними, но я слышал их такими, слышал каждый день и почти каждый час. В повести я мог бы, конечно, вдвое сократить их, но сам не узнал бы тогда на страницах свою жизнь, как не узнал бы житель пустыни привычные взгляду барханы, исчезни вдруг из них половина песка. Я и так убираю из бабушкиных выражений все, что не принято печатать».

Но, несколько забегая вперед, отметим: те выражения, которые не принято печатать, в спектакле порой звучат, вплетаясь в бабушкины традиционные ругательства. Однако ожидаемого эффекта они не производят, потому что блекнут на фоне истошных воплей и изощренных проклятий. А тех неслыханных бабушкиных «комбинаций», о которых автор лишь упоминает, никто просто не в состоянии воспроизвести.

Эта попытка преподнести образ бабушки как можно более правдиво — единственное, что коробит в спектакле, потому что по своей сути и форме он — литературный. Инсценизация повести сделана так, что в постановку введен образ автора, который постоянно присутствует на сцене и произносит авторский текст, рассказывая таким незамысловатым образом о себе самом в детстве (прием далеко не новый). А когда дело доходит до монологов и диалогов, то в действие вступают соответствующие персонажи: автор-мальчик, его бабушка, изредка появляющийся дедушка и совсем редко — мама.

Так возникает интересный синтез традиционного и новаторского в подаче материала: авторский текст формирует действие и саму сценическую обстановку, свободно перемещая временные и пространственные планы. А персонажам остается лишь произносить свои монологи, даже не вступая во взаимодействие друг с другом (что напоминает дальнейшее чтение текста в лицах). В результате такого постановочного приема перед зрителем разворачивается так называемая бесконтактная игра актеров, в чем и заключается основная изюминка спектакля.

Режиссером этой постановки является Агнюс Янкявичюс — ученик Йонаса Вайткуса, о чем можно догадаться по ходу и развитию режиссерской мысли в спектакле. Нельзя не заметить и смыслообразующего тандема в работе режиссера и художника-постановщика (Лаура Луйшайтите). По существу, никакой традиционной сценографии в спектакле, оформленном по принципу минимализма, нет. В нем нет даже никакой выгородки, обозначающей, например, комнату бабушки или входную дверь в квартиру дочери, в которую она так неистово ломится, желая вернуть внука. На сцене просто стоят в ряд четыре табурета (по количеству действующих лиц), обрамленные световой рамкой и символизирующие замкнутое жизненное пространство каждого из персонажей. Даже когда между ними происходит диалог, каждый остается на своем месте, и взаимодействие они изображают тоже на расстоянии, при помощи целого арсенала актерских выразительных средств. Для примера приведем небольшой отрывок из текста, который разыгрывается выше описанным способом (речь идет о том, что внук,

вырвавшись из дому, заигрался с приятелем, а бабушка подловила его на недозволенном):

«И тут из-за угла вышла бабушка.

— Где ты шлялся? Иди сюда. Пей гомеопатию.

Приятель тут же испарился. Бабушка подошла ко мне… А я — потный!

Потеть мне не разрешалось. Это было еще более тяжким преступлением, чем опоздать на прием гомеопатии! Бабушка объясняла, что, потея, человек остывает, теряет сопротивляемость организма, а стафилококк, почуяв это, размножается и вызывает гайморит. Я помнил, что сгнить от гайморита не успею, потому что, если буду потный, бабушка убьет меня раньше, чем проснется стафилококк».

И вот каждый из персонажей изображает эту сцену со своего «рабочего» места: бабушка «засовывает» руку внуку за шиворот, как будто он действительно, дрожа от страха, стоит перед ней весь потный, а внук, парализованный и пришибленный бабушкиным гневом, сжавшись в комок, «реагирует» на ее действия. Такая «дистанционная» игра, построенная на чистом воображении, требует от исполнителей помимо виртуозной актерской техники очень напряженной внутренней работы — ведь зритель должен им поверить!

При таком принципе постановки основным элементом сценографии выступает экран, стилизованный под фото- или кинопленку, который заменяет на сцене традиционный живописно расписанный задник. На нем по ходу действия периодически появляются соответствующие изображения, расширяющие визуальное и смысловое пространство спектакля, подкрепленные к тому же соответствующими музыкальными заставками. Так при помощи видеопроекции перед зрителем возникает образ автора (актер Валентин Круликовский), который с экрана как бы сходит на сцену.

А что касается персонажей спектакля, то актер Валентин Новопольский в роли внука показывает чудеса перевоплощения: тоненький, в длинном вытянутом свитере и неизменных колготках из чистой шерсти, с толстым шарфом на шее — именно таким он и представляется в повести. И по своей внутренней сути он такой же, каким его выписал автор — как бы отстраненно смотрящий на все, что с ним происходит, и остающийся при этом невероятно притягательным в своем особом, каком-то блаженном состоянии души, что и помогло ему ее не повредить. Особо хочется подчеркнуть актерскую технику этого исполнителя и тонкое чувство меры, помогающее не переигрывать в такой специфической роли.

Но центральным в спектакле оказался все же образ бабушки. Для молодой актрисы Инги Машкариной эта роль была сложна уже тем, что она — возрастная. Однако чисто визуально облик этого персонажа получился настолько убедительным, что даже при желании придраться не к чему. Вообще роль бабушки и в психологическом, и в эмоциональном плане сильно сгущена, сценически очень выпукла и исполняется, можно сказать, на одной ноте: артистка ее просто прокричала.

Образ дедушки (Владимир Дорондов) в спектакле получился как бы вспомогательным. В общем-то таким он выписан и в повести: дедушка в семье ничего не решает, ни во что не вмешивается, ведет себя смирно и на удивление невозмутимо по отношению к бабушке. Если он и появляется в действии, то только для того, чтобы внести дополнительные характеристики в образ бабушки. «Отличницей была, острословкой, заводилой в любой компании, — сетовала бабушка, вычищая из чайника плесень, — парни обожали. «Где Нинка? Нинка будет?» Во все походы брали, на все слеты… Встретила тугодума — за что, Господи? Превратилась в идиотку». По всему видно, что мужа своего она никогда не любила и уж тем более не ценила, называя его не иначе, как «старик вонючий». И умудрялась изводить даже тем, что он захламил дом никому не нужными подарками и сувенирами, которые привозил из своих многочисленных поездок. «Нет, я думала, большего болвана, чем твой дедушка, в природе не существует, но ты и его

перещеголял», — постоянно твердила она внуку, отношение к которому вообще не поддается никакому объяснению. А дочь свою она просто ненавидела и постоянно внушала эту ненависть ребенку. Она сходила с ума от одной только мысли, что внук после ее смерти «достанется» матери. Однако образ мамы (Юлия Крутко) в спектакле вообще схематичный и появляется в действии чисто ситуационно. Кстати, и в повести он не наделен особой действенной силой.

Конечно, в спектакле фабула произведения сужена, однако это особенно не влияет на его содержательную часть (сюжета в традиционном понимании здесь нет). Отличие постановки от литературной основы заключается в подмене жанра. Повесть воспринимается как трагикомедия, в ней даже есть лирические вкрапления, а спектакль — сплошная, прямолинейная трагедия, без никаких оттенков и полутонов. И непонятно, почему он называется «Сволочная любовь», — любовью там и не пахнет. Логичнее было бы название «Сволочная опека». Потому что бабушка любит не внука, а свою власть над ним. И печется она не столько о здоровье ребенка, сколько о расширении способов его подчинения и подавления, без чего она сама не может жить. И когда в конце концов матери удается забрать мальчика к себе, то бабушка, потеряв источник своих жизненных сил, просто умирает.

Этот спектакль был поставлен в 2010 году и тогда же получил главный приз на Фестивале профессиональных театров имени Дали Тамулявичюте. В следующем году он был выдвинут на соискание «Золотого сценического креста» в двух номинациях: главная женская роль и сценография и костюмы. На традиционном театральном фестивале в Рокишкисе спектакль получил приз зрительских симпатий, а актриса Инга Машкарина была награждена за лучшую женскую роль.

Следующие обменные гастроли запланированы на конец ноября. Наш театр снова повезет в Вильнюс классические оперетты — Штрауса и Кальмана, которые востребованы литовским зрителем, а также детский мюзикл Алексея Рыбникова «Буратино.by».

А среди спектаклей, которые привезет литовский театр, на этот раз не будет постановок Йонаса Вайткуса, не будет также абсурдистских и слишком авангардных постановок. Ведь руководитель театра в свой первый приезд в Минск говорил, что первые гастроли — это своего рода прощупывание почвы и нахождение точек соприкосновения как с белорусским театром, так и с белорусскими зрителями.

Итак, в гастрольной афише Русского драматического театра Литвы первой будет психологическая драма современного российского драматурга Ивана Вырыпаева «DREAMWORKS». Поставил этот спектакль молодой, но уже известный латышский режиссер Георгий Сурков — лауреат главной театральной премии Латвии «Spēlmaņu Nakts» («Ночь лицедеев»).

Следующий спектакль — психологическая комедия французского драматурга Франсиса Вебера «Ужин дураков». Эта, на первый взгляд легкая комедия положений, построенная на остроумных диалогах, представляет собой психологическое исследование того, как желание унизить другого, пусть даже самым тонким способом, оборачивается собственным посрамлением.

Поставил спектакль режиссер из Франции Михаил Полищук, который и перевел пьесу на русский язык.

И для самых маленьких зрителей будет показана сказка Самуила Маршака «Кошкин дом» в постановке российского режиссера Алексея Утеганова. Это настоящая детская пьеса с большим количеством действующих лиц, которая отличается простым слогом и легкой рифмой, поэтому будет нетрудной для восприятия даже детям дошкольного возраста.

Фото Дмитрия МАТВЕЕВА.

Искусство суждения

Слишком много в сердце и в мире горечи

Пожалуй, я нисколько не погрешу против истины, сказав, что в последнее время мне не приходилось читать произведение, которое оказало бы на меня столь сильное эмоциональное воздействие и заставило бы в очередной раз еще пристальней оглядеться вокруг и задуматься над тем, что происходит в сегодняшнем мире, как повесть Алены Браво «Прощение». На первый взгляд, описанное в повести может показаться обычным, заурядным, ординарным. Белорусская женщина средних лет Лариса Вашкевич после распада Советского Союза, как и многие другие ее сверстницы, оказавшись у «разбитого корыта», пытается отыскать возможность нормальной жизни. Вообще-то на ее долю вовсе не выпадало счастливых лет. С детства ее преследует бедность: отсутствие добротной одежды и обуви, всегда холодные и мокрые ноги в сырую погоду в протекавших сапогах. Нищенская жизнь. После вуза неудачное замужество. Муж оказался неисправимым пьяницей и картежником: пропивал с алкоголиками родного завода зарплату. Допился до того, что проиграл все, что было в доме, а в середине девяностых годов уголовники вели себя нагло: мрачного вида амбалы в наколках молча вынесли из однокомнатной квартиры телевизор, мебель, даже жены и дочери вещи. Муж повесился на трубе батареи, оставив жену и дочь в пустой комнатенке с грязными стенами. От голода и холода Ларису рано стали преследовать болезни. Пришлось лежать в загаженных лазаретах с распахнутыми дверями единственного сортира на весь этаж и санитарами, не обращавшими внимания, кто внутри, смиряться с произволом некоторых медицинских работников. Мать Ларисы скончалась от инсульта в переполненном коридоре больницы, где уже не было ни мужчин, ни женщин, а какие-то бесполые существа, «как перед печью крематория». Будущая судьба Ларисе казалась еще беспросветней, ибо «в ее родной стране, где привыкли к сверхопыту боли, а страдание измерялось такими масштабными катаклизмами, как война, репрессии, Чернобыль, ее отдельно взятое несчастье никого не впечатляло да и вообще мало что значило». «Жизнь, как палач», обходилась с Ларисой, заставляя расставаться с иллюзиями. Ко всему, прибавилась тревога за дочь. Не хотелось, чтобы Светка повторила ее судьбу. Материальных условий для достойного воспитания дочери не предвиделось. В общем-то, картина горькая, удручающая, к сожалению, реалистическая, не так редко встречающаяся на постсоветском пространстве. Во имя спасения ребенка, особо ни на что не надеясь, по совету ушлой подруги, Лариса отправила свою анкету в брачное агентство. Там ей подобрали иностранного супруга, который привлек ее тем, что, заботясь о своем здоровье, совершал утренние пробежки и совсем не употреблял спиртного. Эти обстоятельства, особенно последнее, и развеяли все ее сомнения. Так Лариса Вашкевич превращается в Вашкевич-Крауз и оказывается в Германии. Однако попав в Германию, Лариса убеждается в превратных представлениях земляков о заграничной жизни. Ее муж Ральф не из числа богачей. Вынужден трястись над каждой копейкой, должен во всем и на всем экономить. Да и Лариса

начинает сомневаться: любит ли ее муж, или она понадобилась ему в качестве бесплатной сиделки, которая обязана присматривать за страдающим болезнью Альцгеймера отцом мужа Гансом, ибо «иметь жену-белоруску дешевле, чем платить домработнице и сиделке». Так рядом с Ларисой появляется второе главное действующее лицо повести, опеку над которым она должна возложить на себя, так как сестры мужа, дочери Ганса, Аннелизе и Барбара, не поддерживают с отцом и братом никаких родственных отношений — даже не здороваются. Борьба между братом и сестрами разгорелась за отцовский дом. Хотя Аннелизе и Барбара замужем и имеют собственные дома, они требуют, чтобы отец и Ральф выплатили причитающуюся им долю. Расчетливые сестры предупредительно при подписании договора ввели пункты, что отвечающий за отца Ральф несет и все расходы за родителя, в том числе и за лечение, и за проживание в доме престарелых, если он сдаст его туда, и за его могилу, если скончается. Мало того, если сестрам заблагорассудится принести цветы на могилу матери, то Ральф должен оплатить им расходы. Отца они не посещали даже в дни рождения. Такие взаимоотношения представлялись белоруске «юридически узаконенным свинством». Ларисе кажется, что болезнь превратила пожилого немца, баварского пенсионера, в безумное животное, живущее, как в берлоге, в захламленной комнате, одновременно «схожей с конурой отечественного алкоголика». Старику требуется постоянное внимание, поскольку он настолько слаб умом, что не способен справиться своими силами с простейшими жизненными надобностями, нуждается в помощи, так как самостоятельно ничего путного сделать не может. Доля Ларисе выпала нелегкая. Попала она, как говорится в подобных случаях, из огня да в полымя. Несмотря на то, что Лариса добросовестно относится к своим обязанностям, старик почему-то при каждом удобном случае стремится куда-то убежать, старается почему-то вырваться из-под ее опеки, что особенно раздражает женщину. К тому же она еще боится, что соседи, обнаружив отсутствие старика, сразу донесут на нее в больничную кассу как на плохую сиделку — за что лишат даже жалкого пособия по уходу за больным. Приходится искать старика так, чтобы соседи и его дочери не догадывались об его исчезновении. Безумный старик своими побегами доставляет ей столько забот, что порой ей начинает казаться, что она, подобно своему подопечному, повредилась умом. Только ради Светки, ради дочери, Лариса Вашкевич решила терпеть маразматические выходки Ганса. Ко всему же, огорченная Лариса узнает, что ее подопечный во время войны служил в немецкой армии. Выясняется, что даже в тех местах, откуда она родом, где каратели погубили много мирных жителей и в пепел превратили целую деревню. Возможно, Ганс был среди убийц близких ей людей. Да ведь и отчество у нее по имени одного из убиенных, чьи документы сохранились, а у будущего отца пропали, и он был вынужден жить под именем погибшего брата. Ларису беспокоит мысль — вправе ли она опекать бывшего врага, проявляя к нему милосердие, считая, что это унизительно и позорно. Правда, ее младшая на десять лет подруга Лада (на самом деле Люда, поменявшая букву в имени, чтобы ближе быть немецкому окружению) — аферистка, для которой нет ничего святого, никак не в силах понять терзаний Ларисы, втолковывавшей ей, что «Ганс воевал в Белоруссии». Соотечественницу это нисколько не тревожило: «Ну и что?.. Так это же хрен знает когда было!» — «Он видит себя солдатом, все время бредит про войну!» — напоминает ей Лариса. «А тебя это волнует?» — недоумевает Лада, которой никак не понять смятенного состояния Ларисы. Лада не гнушается любыми средствами добывать деньги и вынашивает мечту купить домик на греческом острове. Попутно она поинтересовалась у Ларисы, а что бы сделала та, владея большой суммой. Услышав ответ, что подруга оплатила бы учебу Светки и поставила бы на месте сожженной деревни памятный камень, взглянула на Ларису с брезгливым сочувствием, как на слабоумную. Вынужденная опекать Ганса, который с начала повести и почти на всем ее протяжении, до заключитель-

ных страниц, вызывает отвращение, Лариса, по натуре душевная, чуткая, отзывчивая на чужое горе, заметила, что он, хотя и в беспамятстве, продолжает не просто жить войной, прихотливо блуждая в лабиринтах своего помраченного сознания, которое по временам прорывалось, казалось бы, вполне осмысленно, подобно тому, «как рыба выбрасывается на берег отравленного водоема». Ожидая бомбежек, сооружает из постели убежище, в котором решил надежно спрятаться. Во время грозы Гансу то грезится, что «русские наступают», то чудятся обстрелы «катюш». Он прячется под корзину, но заботится и о Ларисе, пытаясь и ее спрятать, то просит в мирной комнате ступать осторожно, чтобы не взорваться на минах, то приказывает ей лечь на пол, когда ему кажется, что строчат пулеметы. В редкие моменты ясности, когда болезнь несколько отступает, Ганс искренне радуется присутствию Ларисы в доме, даже старается одаривать маленькими подарками: то она находила на тумбочке стыдливо положенный с краю букетик маргариток, то завернутую в душистую бумагу брошь, то круглую жестянку с вкусным печеньем. Он хвалил приготовленные ею обеды, расспрашивал о доме, о местах, где родилась. Однажды даже назвал ее Зосей. Она поинтересовалась, почему он так ее назвал, но ответа не последовало, как и тогда, когда напомнила ему о страшных зверствах немцев на родной земле. Иногда сквозь слезы Ганс к кому-то обращался: «Я не хочу воевать! Я никого не убивал! Давай сбежим отсюда вместе!» Иногда жаловался, что ему хочется к маме, а его заставляют воевать. То ему казалось, что он заперт в сарае, полном трупов, и не знает, как оттуда выбраться. То настойчиво повторял: «За что их расстреляли? За что?!» А часто и вовсе грозился: «Подожди, выродок, Ганс найдет, где прячешься!» В конце концов увеличивавшиеся сумасбродства больного старика вынудили сына определить его в богадельню. Теперь Лариса может с облегчением вздохнуть — завершились ее страдания на германской земле: беспокойные дни и ночи, необходимость бдительно следить за каждым шагом чокнутого безумца. Но почему-то она никак не может избавиться от последних слов старика: «Не оставляй меня!» — произнесенных Гансом. Лариса пытается успокоить себя: «…ей-то что до этого старика, бывшего немецкого солдата». Однако что-то продолжает ее тревожить, волновать: неужели на самом деле привязалась «к беспомощному старцу, абсолютно ей чуждому?». Неожиданно при уборке опустевшей комнаты старика Лариса обнаруживает дневник, который Ганс вел накануне своей страшной болезни. И вдруг оказывается, что его семнадцатилетним мальчишкой в 1944 году насильно отправили на Восточный фронт. Его товарищ, отказавшийся пойти на службу в Вермахт, бесследно исчез, как и его родители. И Гансу пригрозили: если он увильнет от армии, то расправятся и с его матерью, которую он горячо любил. Оказывается, будучи на белорусской земле, Ганс влюбился в белорусскую девушку Зосю и через нее пытался спасти целую деревню, жителей которой фашисты собирались уничтожить. Предупрежденные Зосей, они исчезли из деревни и спрятались на потаенном болотном островке. Однако местный полицай, стремясь выслужиться, зная, где прячутся односельчане, выдал место их убежища. Лариса с волнением читает строки о себе, которые с болью и благодарностью отзываются в ее сердце, чутком и добром: «Мой сын Ральф наконец женился. Привез женщину из той самой страны. Когда я увидел ее, остолбенел: она невероятно похожа на Зосю! Теперь воспоминания посещают меня почти каждую ночь. Спазмы стискивают горло, не дают дышать. Зося, первая и единственная моя любовь...» И из того же дневника выясняются причины уходов старика из квартиры с колодками от обуви, с палками, с прутьями, вырванными из кровати. Оказывается, что, несмотря на свою болезнь, старик продолжал считать, что предательство не должно быть прощено, что преступник должен понести наказание, и ищет подлеца для справедливого возмездия. И тогда-то Лариса со светлым чувством от ощущения, что ошибалась в обвинениях старика, которого воспринимала с презрением и осуждением за приверженность к фашистской

идеологии и в зверствах на белорусской земле, узнав правду о своем подопечном, поняв мотивы его исчезновений, словно сбросив с сердца томившие ее долго оковы какой-то неизъяснимой вины, просит мужа забрать Ганса из богадельни, в которой хотя и есть «море живых цветов», но на самом деле она напоминает похоронное бюро. Пусть читатели, которые познакомятся с моими строчками прежде, чем с самим произведением, не подумают, что чтение повести окажется для них уже неинтересным. Уверен, что она все равно будет держать читателя в эмоциональном напряжении. Дело в том, что в ней ярко проявляется авторская энергетика, выразительность естественно убедительных художественных обобщений, размышлений о совести, о долге, о дружбе, о любви, о семейных отношениях, о войне и мире, о патриотизме, человеческой памяти, прощении, ответственности перед собой и временем — одним словом, о смысле человеческой жизни. Автор проявляет исключительное мастерство в создании внутренних монологов, позволяющих волнующе передать переживания героев, раскрывая, как трудно порядочному человеку оставаться собой в бесчеловечных условиях. Алена Браво наделяет своих персонажей четкой, выразительной, образной речью. Это же можно сказать и о языке произведения. Несколько примеров в доказательство: «Его лицо в размытых пятнах старческой пигментации, как размазанная на тарелке гречневая крупа», «Фольксваген» Ганса завелся мгновенно и как будто завилял радостным дымком, словно собака хвостом», «воспоминание отлетело вспугнутой бабочкой», «каждый из людей одинок, словно рукавица, потерянная в снегу», «тяжелый, как куль с мукой», «навстречу ей выкатилась веснушчатая и темноглазая, похожая на рождественскую булку с изюмом и корицей, медсестра» и др. Подобное образное изложение повествования не может не вызвать внимания читателя. События же в повести описаны животрепещущие, раскрывающие взаимоотношения действующих лиц как между собой, так и со временем, в котором они живут, при четком идейно-эстетическом осмыслении действительности и подспудно подталкивающем к размышлению о судьбах человеческих в истории прошедшей и ждущей нас впереди. Ради выяснения затронутых в повести проблем нам и пришлось подробней коснуться ее содержания, чтобы выявить полней отношение автора к изображаемым явлениям и выведенным человеческим типам. Главный пафос повести, подтвержденный судьбами ее героев, направлен на разоблачение войны, которая безжалостно кромсает человеческие судьбы, приносит людям океан страданий, не говоря о миллионах безвинных жертв. Судьбы Ганса и Ларисы — наглядный тому пример. Легко убедиться, что современная жизнь, также безжалостная, во всей своей наготе врывается на страницы повести, и в какой-то мере можно понять, что многие невзгоды сегодняшнего дня объясняются тем, что во время войны в первую очередь погибают лучшие представители народов. Казалось бы, восприняв грандиозные масштабы ужасов и горьких последствий одной войны, человечеству достаточно было бы прийти к соответствующему умозаключению о запрещении ее во всей дальнейшей истории. Однако оно почему-то после множества войн не сделало надлежащего разумного вывода до нашего времени, когда уже сама Земля устала от этого жуткого и непростительного греха. Так почему же продолжаются войны? Кому они нужны? Повесть отвечает: только не простым людям — ни Гансу, ни Ларисе. Война приводит к жестокому уничтожению мирных жителей белорусской деревни. Война калечит жизнь Гансу, отнимает у него любовь к той, с кем мог бы быть счастлив, доводит до безумия. По-видимому, и судьба Ларисы сложилась бы подругому, если бы не было войны и не погибли лучшие представители ее народа, которые не довели бы страну до страшного разорения и морального разложения. Автор повести с болью в сердце напоминает о жестокости войны, о ее печальных последствиях в дни, когда человечество вновь стоит на грани небывалого мирового конфликта. Возрождая тяжкую память войны, повесть одновременно поднимает проблему прощения, о чем явственно напоминает само заглавие да и

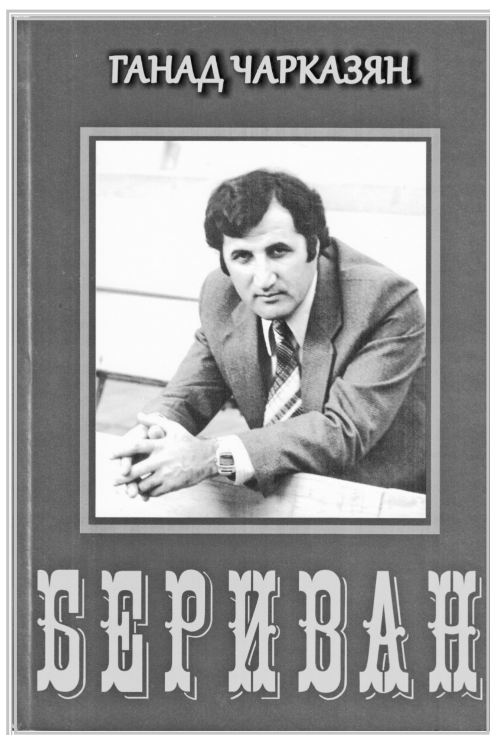
некоторые размышления главной героини, которые звучат афористически: «Годы идут, и ничья смерть уже ничего не в состоянии доказать. Как и ничья жизнь», «Время идет, и даже самая страшная боль покрывается корой забвения», «Что ж поделаешь, если всякое новое поколение стремится избавиться от памяти о прошлом, как от старой рухляди», «Увы, никто не может воспользоваться чужой памятью»... На наш взгляд, подобные суждения и название повести не соответствуют изображенному в ней. Попробуем расставить акценты. Кого нужно прощать? Ганса? — мальчишку, которого заставили взять оружие в руки? Несчастного мальчишку, оказавшегося на белорусской земле, быстро осознавшего, что его соотечественники — захватчики, ведущие себя как настоящие преступники: «Зачем мы пришли на эту землю? Чтобы убивать и быть убитыми?» К тому же полюбившего белорусскую девушку и героически пытавшегося спасти жителей деревни — за что мог быть казненным своими же? Да таким человеком нужно гордиться и восхищаться! Прощать его не за что: как умел выполнял свое земное назначение! Или речь идет о прощении самой героини повести — Ларисы, за то, что она покинула родину и вынуждена искать счастье на чужбине, или за то, что вынуждена заботиться о бывшем немецком солдате? Так виновата ли она в том, что добрая, открытая, щедрая душой, сострадающая и милосердная, лишена элементарных условий для нормальной жизни на родине? Да и бывший немецкий солдат, которому она сочувственно помогает в тяжелой болезни, вовсе не похож на своих собратьев, потерявших человеческий облик. Мало того, оказывается, что даже коварная болезнь не омрачила его память настолько, чтобы забыть о полицае: при всем своем безумстве Ганс пытается отыскать и расправиться с мерзавцем. Ни Ганс до болезни, ни Лариса — женщина с чувством собственного достоинства, с чувством справедливости, не нуждаются в каком-либо прощении, ибо в невероятных для нормального человека условиях торжествующей гнусности сумели сохранить свое человеческое звание. В итоге оказывается, что у Ларисы в духовном мире с Гансом больше созвучия, чем со своей землячкой и современницей. А просить Ларисе прощения у себя за отношение к Гансу до прочтения его дневника также некстати, ибо она оставалась к нему внимательной, заботливой, гуманной с первых дней их встречи. Нельзя же даже заикаться о прощении полицая из местных подонков, приведшего карателей на болотный остров, где прятались жители деревни. Дикость подобного поступка отвратительна Гансу, который и на старости лет упрекает себя, что еще не успел наказать подлеца («Я поклялся себе, что выслежу его... Я не мог покарать их всех, своих и чужих... Но я мог убить одного»). И продолжает искать возможность осуществить возмездие. Что же касается исторической памяти, то она должна быть и сильной, и плодотворной. Просто немыслимо воспринимать позиции Лады и Светки, уверенных, что не нужно считаться с прошлым: мол, было оно — да прошло, что жить нужно только сегодняшним днем. Забыть о прошлом, не понимая, что во многом нынешний день зависит от вчерашнего, что забвение преступности — стимул для ее повторения, и думать только о добыче денег и материальном положении, т. е. превратиться в подобных сестрам Ральфа Аннелизе и Барбаре — значит опуститься ниже даже скотского положения. Не случайно же по прошествии семи десятилетий после окончания войны продолжают кровоточить незаживающие раны, нанесенные ею. По всем человеческим законам, за неправедно пролитую кровь, за убийство следует расплачиваться сполна. Разве можно забыть о гибели миллионов невинных людей: расстрелянных, повешенных, заживо закопанных, погибших на фронтах?! А о непомерных разрушениях? Трагические страницы своей истории человечество не вправе забывать. Если следовать взглядам Лады и Светки, то значит, рано или поздно снова обречь человечество на новые муки, новые страдания. На самом деле прошедшее не подлежит забвению. Еще М. Богданович поражался: «Что можно понять в жизни страны, не зная ее ближайшего прошлого?» Утратить память о прошедшем, значит, потерять исти-

ну. Во избежание следующих черных страниц истории до сих пор продолжаются судебные процессы над эсэсовцами, над нацистскими преступниками. Требовать ответственности за содеянное зло — значит, не дать возможности несправедливости и злодейству править миром, разжигать новые кровавые пожары. Нелюди рано или поздно должны понести наказание за содеянные злодеяния. Без заслуженного возмездия извергам человечеству еще долго придется очищаться от новых позорных страниц истории. Память должна быть такой, как у тех немцев, чьи дедушки и бабушки или родители были нацистами, а они, их потомки, перебрались жить, работать, служить в армии, защищать Израиль, чтобы искупить непростительную вину своих обманутых предков перед еврейским народом. Нам представляется, что точнее идею повести, ее пафос выразило бы название «Цярновы шлях да паразумення» или «У пошуках паразумення». По-русски: «Тернистый путь поисков взаимопонимания», однако белорусский вариант воспринимается убедительней. Тем не менее, повесть А. Браво в очередной раз напоминает, что на планете Земля нет плохих стран и народов, а встречаются подлые люди вне зависимости от национальной принадлежности, которые обманом и силой приходят к власти, прикрываясь надуманными чувствами национальной исключительности и социально привлекательными обещаниями, и начинают апеллировать к самым ничтожным и агрессивным элементам общества, со злобной пастью и хитрой лисьей ухмылкой пакостить на международной арене и мешать людям спокойно жить, отравляя их умы надуманной патриотической атрибутикой, а на самом деле искусной ложью, напыщенным бахвальством о якобы своем превосходстве и праве диктовать миру свои законы в целях укрепления и расширения своей собственной антинародной власти и личного обогащения натравливать народы друг на друга. Повесть нацеливает читателя на поиски истины, проникнута заботой о сохранении человеческих ценностей. При чтении произведения развитие взаимоотношений между Ларисой и Гансом невольно проецируется на взаимоотношения между народами: опорой на лучшее, что есть у каждого из народов, можно избежать взаимоуничтожающих и причиняющих неизмеримые бедствия войн. Произведение призывает читателей в нашу смутную эпоху, когда политики теряют контакт с реальностью, когда их декларации не заслуживают доверия, не обманывать самих себя, не позволять себя зомбировать завиральным ядом злобы и ненависти, скрывающихся под маской благородства, а сопротивляться и бороться против распространения вопиющей лжи и откровенного лицемерия, поддавшись которым, можно навлечь на себя новые беды и горести, оказаться на пороге новых братоубийственных войн. Человечеству после многочисленных кровавых войн давно уже пора понять, что оно заслужило право жить без ненависти и страха, осознать, что дорога к безопасности и благополучию лежит не через спесивые распри, воинственно возникающие от преступного преувеличения высокого мнения о себе и пренебрежительного отношения к другим народам, а через укрепление взаимопонимания, уважения, доверия и единения народов до такого состояния, когда каждый человек будет гордиться своей принадлежностью к интернациональному братству. Наш лауреат Нобелевской премии Светлана Алексиевич напоминает: «Изначально человек создан для радости, а не для того, чтобы лечь на пулемет. Это очень важно помнить сегодня, когда мы учимся радости, учимся просто жить». Стремясь к возрождению доверия между людьми, автор повести напоминает, что слишком много в нынешнем мире тревожных предзнаменований новых бедственных потрясений, а чтобы избежать их, необходимо опираться на таких честных и совестливых людей, как Лариса и Ганс, ибо короткая человеческая жизнь дана для того, чтобы не разрушать и ненавидеть, а любить и созидать.

Тимофей ЛИОКУМОВИЧ

С точки зрения рецензента

Как ожерелье жемчужины дней



Читать избранное поэта — это в какой-то степени как бы слушать его воспоминания о прожитом и пережитом, встречаться с близкими ему людьми и друзьями. При этом — самое главное — смотреть на мир глазами его лирического героя, замечая, как со временем он взрослеет, постепенно превращаясь из романтического юноши в зрелого серьезного мужчину. Особенно такая возможность появляется, когда поэт этот — оригинален, в своей самобытности непохож на своих собратьев по перу. Именно таким поэтом и является Ганад Чарказян. Иногда даже ловлю себя на мысли, что знаю его творчество еще с того времени, когда впервые по-настоящему заинтересовался поэзией. Хотя на самом деле знакомство с его поэтическим творчеством произошло несколько позже.

Поэзию я полюбил будучи студентом-первокурсником Белорусского государственного университета. Правда, стихи читал и школьником, но происходило это от случая к случаю. Причина легко объяснимая: многое в этом случае зависит от учителей. Но так уж получилось, что ни на уроках белорусской литературы, ни на уроках русской мои преподаватели особого предпочтения поэзии не отдавали. Любой же пример — отрицательный не исключение — заразителен. Поэтому в школьной библиотеке книги поэзии мы часто и обходили стороной.

Первая же поэтическая книга Г. Чарказяна «Прочность» вышла в 1980 году. Теперь же, с расстояния времени, кажется, что вышла куда раньше. Все объясняется довольно просто: как бы срабатывает своего рода… «оптический обман». А все из-за того, что то, о чем тогда писал Г. Чарказян, что волновало его лирического героя, удивительно созвучно тому, над чем задумывались его поэты-ровесники. Однако они, в отличие от Г. Чарказяна, смогли издать свои первые книги значительно раньше. Причина вовсе не в том, что у кого-то больше таланта, у кого-то меньше, как может подумать тот, кто не знаком с реалиями жизненной и творческой биографии Г. Чарказяна. Все куда проще, но вместе с тем и сложнее.

Ганад Бадриевич должен был утверждать себя в новых реалиях, не забывая о своей Родине, однако вместе с тем обретая для себя и новую Родину. Такое вживание в новую, во многом неизвестную национальную среду, пожалуй, каждому дается нелегко и непросто. Куда сложнее, если ты творческий человек, притом, писатель, поэт. Мало, чтобы на тебя обратили внимание. Не менее важно, чтобы в тебя поверили. Если же это будут люди известные, особенно важно. Такого человека и писателя Г. Чарказян и нашел в лице Петруся Бровки. Руку дружеской помощи подали ему также Василь Быков и Рыгор Бородулин. На его талантливые поэтические произведения обратили внимание Валерий Липневич, Федор Ефимов, Борис Кривелевич, Валентин Тарас, Глеб Артханов. Имею в виду только тех, кто переводил Г. Чарказяна на русский язык. На белорусском же языке перевоплощал его стихи, прежде всего, непревзойденный мастер поэтического слова Р. Бородулин, хотя нельзя не отметить и Владимира Марука, Казимира Камейшу, Миколу Метлицкого.

Но первая поэтическая книга Г. Чарказяна все же несколько задержалась. Тогда это, конечно, было обидно, а теперь… «Прочность» открывает однотомник избранного Г. Чарказяна «Бериван», увидевший свет в издательстве «Ковчег». Следом идут произведения из других книг, да и те, которые до этого отдельными изданиями не выходили. Читаю их и хочу повторить, что уже сказал несколько выше: такое ощущение, что чудесного поэта Г. Чарказяна знаю с того времени, когда по-настоящему полюбил поэзию. Уверенность в этом усиливает книга «Прочность». Уже в ней, благодаря лучшим стихотворениям, сформировался гражданский, социальный и нравственный облик лирического героя поэта.

Он, иначе и быть не может, — ровесник Г. Чарказяна. Войну не видевший, но переживший ее внутренне. Благодаря рассказам близких и их воспоминаниям, тому, что запечатлено в документальных свидетельствах. Сильное своей обнажающей правдой стихотворение «Старая кинохроника»:

Красивый парень в черном мундире,
эта молния из тучи посредственности,
этот сверхчеловек —
его всегда узнаешь по звериным
повадкам —
спокойно бьет старика прикладом…
(*Здесь и далее перевод В. Липневича.*)

Однако это стихотворение сильно и глубиной философской мысли, заложенной в его основу. Сначала будто наяву слышится голос одного из тех, кто причисляет себя к сверхчеловекам: «Мир слишком сложен, // Мы пришли к общему знаменателю. // Господу хватит одной земли. // Земле хватит арийцев. // Арийцам хватит одного фюрера». А это уже голос самого поэта-гражданина, у которого собственная мораль, та самая мораль, которая связана с общечеловеческими ценностями:

Но жизнь всегда побеждает —
Усложнением, разнообразием.
К счастью, жизнь не сводима
к общему знаменателю.
Именно об этом
хотела тебе сказать партизанская пуля.
Но ты уже не расслышал,
красавчик в черном мундире,
повелитель миров,
любимчик фортуны.

Первая же книга Г. Чарказян, по сути, выявила его творческое кредо как поэта, жаждущего собственного голоса, стремящегося везде, всегда и во всем быть неповторимым, непохожим на других. Это видно из стихотворения «Песня». Устами лирического героя он признавался: «Мне говорят, что я строг, // не думаю о других // и люблю только себя». Эту же мысль развивал дальше и глубже, до той степени, пока не появлялся закономерный ответ:

Мне говорят:
ты живешь только для себя.
Молча слушаю и думаю грустно:
если человек во весь голос
поет свою песню,
то неужели он поет только для себя?
Неужели его никто не слышит?
Неужели он никому не нужен
и обречен на одиночество
и непонимание?!

От стихотворения к стихотворению, от книги к книге поэт и стремился к обретению взаимопонимания. Знал, что достичь его легче, если найдешь такие слова, такие мысли, такие темы, которые затронут души читателей. Более того, заставят их задуматься не только о дне сегодняшнем. Привлечет их и то, что позволяет смотреть и в перспективу. Как в стихотворении «Сны Нарочи» из книги «Плач» (1994):

Снится Нарочи сон жестокий,
Что ушли ее воды в стоки,
В трубы канализации
Безумной цивилизации,
Обрекающей чудо земное на гибель,
Хоть она для вечности — только миг…
Миг!
Но вспомни судьбу Немиги,
Участь сотен других Немиг!..
Нарочь знает об их судьбе—
Все в канализационной трубе.
И Нарочь ворочается в берегах —
Страшны ее сны на исходе XX века…
Призрак смерти стоит у нее в головах
В образе человека.

И все-таки Нарочь качает в зыбке
Надежду — кошмарам своим вопреки,
И плавают в ней золотые рыбки,
И чистые все еще бьют родники.
И все-таки видится ей во снах
Не только смертельный страх,
Не только губитель, —
Ей снится порой, что стоит в головах
В человеческом облике
Ангел-хранитель.
Тебе, синеглазая, поклон.
Я верю, что сбудется добрый сон!

(*Перевод В. Тараса.*)

Нынешний лирический герой Г. Царказяна тесно связан со всем, что окружает его. Он — часть природы, бытия. Природа — часть его самого. В этой взаимосвязи есть глубинный смысл, что видно из стихотворения «Брат-дождь»:

Я слезы лью. Ты тоже льешь.
Мы с тобою проливные братья, дождь.
Наши слезы — оттого что лед
В раскаленном сердце растает.
За все мои холодные года
Накопились тонны льда.

Улыбок льдинки, сосульки слов —
Герои, стыли мы всем назло.
Подожди, братишка, подожди —
Обложные мы устроим им дожди.
Только б душу дождиком не смыть.
…Хорошо с дождем поговорить.

Эта связь приобретает космический масштаб в стихотворении «Поэт»: «Как врач, он к вечности приник. // Над ним — галактик звон. // Поэт, он — только лишь связник // Народов, звезд, времен. // Здесь не сфальшивить, не солгать. // Бездарность ждет как месть. // И если гибнет — как солдат // За родину и честь».

Мне очень импонирует стихотворение «Бериван». Оно — из одноименного раздела, давшего название всей книге. В этом разделе представлены произведения, написанные поэтом в 1995—2015 годы. В ранее изданные Г. Чарказяном книги они не входили, но, собранные вместе, сами составили книгу — яркую, насыщенную мыслями и чувствами, наполненную искренностью, и я бы сказал, до предела совестливую. Но в этой книге (имею в виду сам однотомник) есть и еще одна важная отличительная черта: это книга о любви.

Нет, она не признание в чувствах той, без которой не представляешь жизни на земле. Она о способности подняться над повседневностью. Это иногда настолько буднично, что своей обыденностью как бы притупляет чувства. Да и будем справедливы, отодвигает их как бы на задний план. Душа лирического героя противится всему этому. Ей хочется чего-то большего. Того, что так впечатляло своей свежестью, первозданной чистотой и красотой, нежностью и загадочностью в юности.

Милое, прекрасное женское имя Бериван, а за ним, этим именем, просматривается облик той, которая и на временном расстоянии зовет к себе. Как бы оживает память, истосковавшаяся по самой поэзии жизни, которой так мало в наших буднях. Однако поэзия любви обязательно присутствует там, где жизнь эта представляет собой только чистый лист, на котором двое и оставляет следы своих чувств, своих хороших дней.

Тянется душа туда, откуда и голоса уж не слышно. Но за этим молчанием многое, ибо за ним видится в свое время не сказанное и недосказанное. Из сна приходит та, которая не дает покоя: «Озвученное музыкой пространство // Нас разделяло все-таки еще. // Доверчиво, как девочка в траве, // Играла на лице твоем улыбка», // И я следил растроганно за ней. // Ты в этом сне нежданном наяву // Парила, словно ангел, надой мной».

Пережитое во сне не отпускает от себя:

Внезапно отражения твои
Меня находят в зеркалах и стеклах.
Шепни мне в этой сладкой тишине
Ты имя нежное свое скорей.
И в неземной мы встретимся стране,
Чтоб вечно жить без горя и скорбей.

В какой-то степени продолжением этого произведения можно воспринимать стихотворение «Пока…». Правильным, однако, будет сказать, что оно и как бы дополнение к нему:

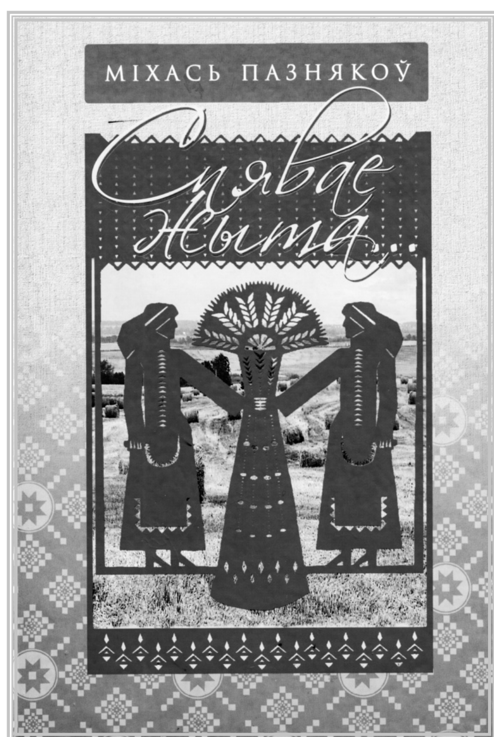
Пиши, пока любовь тебе доступна,
Пока ты сможешь выдумать ее.
Пока колес печальным перестуком
Волнуешь сердце пылкое свое.
Пока бежишь за призрачным вагоном,
Пока гремишь по рельсам и мостам,
Пока опять счастливым и влюбленным
Ты предаешься чувствам и мечтам.
Пиши, пока, пока еще ты помнишь
Все отблески слепящих этих дней.
Пока к тебе они скользят на помощь
В глухой, бессонной, стылой тишине.
Жемчужины тех дней, как ожерелье,
Что с каждым днем дороже, тяжелей.
Наивный разум жаждет повторенья.
Но все неповторимо на земле.

В книге «Прочность» Г. Чарказян признавался: «Судьбы моей крылья — // Армения // и Беларусь!». Это он подтверждает и утверждает всем своим творчеством. Это особенно хорошо чувствуешь, читая однотомник «Бериван», который воспринимается в какой-то степени и как отчет поэта за несколько десятилетий его плодотворной деятельности. Жемчужины дней, прожитых лирическим героем, нанизываются в прекрасное ожерелье.

Алесь МАРТИНОВИЧ

С точки зрения рецензента

Ностальгия по прошлому и настоящему



Многообразное творчество известного писателя, переводчика, критика и публициста, лауреата девяти литературных премий, автора более сорока книг, Михаила Позднякова всегда насыщено нравственной интенционностью. Не является исключением и вышедший в издательстве «Мастацкая літаратура» сборник прозы и поэзии «Спявае жыта…» (Пазнякоў, М. П. Спявае жыта…: вершы, апавяданні, абразкі, эсэ / Міхась Пазнякоў. — Мінск: Мастацкая літаратура, 2014. — 270 с.), в котором тема малой Родины становится доминирующей. Такой родиной стала для автора небольшая деревня Забродье в Быховском районе, которой в мозаике прозаических и поэтических текстов посвящено немало проникновенных страниц:

У родным Заброддзі

П`ю вачыма хараство зямное,
На душы ні болю, ні трывогі.
Тут усё бацькоўскае, святое:
Сад, рака, сцяжыны і дарогі.
. . . .
Хоць і жыць сягоння тут не ў модзе,
Хоць і глуш далёкая ад раю,
Толькі я любімае Заброддзе
На заморскі рай не памяняю.

Для поэта жизненной и эстетической необходимостью становится стремление вознести на недосягаемый пьедестал человека села, человека природы, поэтизировать деревенскую жизнь. Следует отметить, что сельчанин экзистенциально и онтологически значим для автора, в первую очередь, как труженик, мастер на все руки, создающий свою жизнь «з мазаля», а не тот деревенский горожанин, который, забывая деревню, праздно проводит жизнь, демонстрируя бескультурье и пошлое мещанство. Вот как вспоминает своих односельчан М. Поздняков: «Святой першаснай справай для маіх землякоў была заўсёды праца, клопаты на зямлі — і дома, і ў саўгасе. Прычым, да саўгаснага адносіліся гэтак жа адказна, як і да ўласнага. Шчыравалі прыгожа, замілавана, шмат і настойліва. Разумелі: зямлю крыўдзіць нельга, зямля корміць, аддзячвае за ўсе старанні, і яе шчодрасць і ласку патрэбна апраўдаць» («І роднай вёсцы пакланюся»).

Трудолюбие и выносливость, ответственность за себя и свою семью, трепетное и бережное отношение к земле, природе, мудрость и терпение, почитание христианских традиций, отсутствие иллюзий и некое интуитивное прозрение многих проблем бытия — вот главные составляющие самосознания настоящего деревенского жителя. Такое понимание истинной сути сельчанина, его духовного мира и глубокое знание деревенской жизни позволяют автору выразить наивысшее моральное и социальное доверие людям села:

* * *

Люблю я вяскоўцаў размовы,
Няма ў іх ніколькі ялею,
Ад шчырых іх слоў адмысловых
Душою заўсёды святлею.

Праблемы найрозных памераў
Ацэняць яны без праліку,
Я ім бы планету даверыў,
Пасады — да самых вялікіх.

Каб войны яны зацуглялі,
Варожасць, блакады і здзекі,
Каб згода і мір залуналі
Над нашай планетай навекі.

Сквозным мотивом в сборнике выступает пессимистическая констатация покинутости, оставленности деревни, умирание села, человеческого равнодушия к родным местам, свидетельствующего об экзистенциальной оторванности от своих корней, нарушении глубинной связи с сакральностью родного места, порывании народных традиций и отчужденности: «…Цяпер маё роднае Заброддзе, дзе толькі ў чатырох хатах цепліцца жыццё, — ціхае, састарэлае, занядбанае, як, дарэчы, і многія беларускія вёсачкі, аднесеныя некалі да неперспектыўных» («І роднай вёсцы пакланюся»).

* * *

Патанулі ў тумане бярозкі,
Патанулі ў тумане сады
Саматлівай, закінутай вёскі,
Без якой я найбедны заўжды,

. . . .

Не сустрэну вяскоўцаў руплівых,
Што жылі кожны дзень з мазаля…
Ды замнога сягоння глумлівых,
Тых, каму не па сэрцы зямля,

Што пра рай балабоняць заморскі,
Чый дэвіз: абхітры, падмані…
Мы збяднеем, счарсцвеем без вёскі
І засушым свае карані.

* * *

Жыў прагай новага, узнёсла,
А азірнуўся: неўпрыкмет
Замізарнела наша вёска,
І ачарсцвеў нязнана свет.

Касцоў там кліча луг штосілы,
Калодзеж плача па вадзе,
Крычаць забытыя магілы,
І не дазвацца ім людзей.

Лирический герой поэтической системы автора открыт природе, включен в ее пространство, на интуитивно-метафизическом уровне он остро ощущает неразрывное единство человека и природы, их глобальную, неустранимую, зримую и незримую взаимосвязь и взаимозависимость, бесконечную щедрость и величественную, могущественную красоту природы:

* * *

Дзень добры, родны бор арганны!
Жывую музыку тваю
І хор птушыны несціханы
Яшчэ з малых гадоў люблю.

А залатога сонца промні
Плылі па соснах з вышыні…
Дзень добры, бор, ты мне напомні
Яшчэ мацней пра тыя дні.

* * *

. . . .

У цёмных шатах
Ліпавых алей,
Узнёслы, закаханы,
Найшчаслівы,
З дзівосным,
Непаўторным пералівам
Саловачцы
Спявае салавей.

Запальвае ноч
Зоркі пакрысе.
Чакаю ў небе
Шпаркую камету.
Як добра быць
Жывой часцінкай свету,
Якую сагравае
Цэлы свет.

В поэтической и прозаической формах явственно звучит авторское непри-

ятие нравственного падения личности, лжи и фальши, пошлости, бездуховности, девальвации общечеловеческих ценностей. Так, отрицание нравственной и социальной безответственности, детского сиротства при живых родителях ярко выражено в стихотворении «Той позірк помню нежывы», отражающем эмоционально-психологическое состояние безграничного одиночества ребенка в мире, абсолютной беззащитной ненужности, его внутреннюю душевную драму, молчаливо и обреченно кричащую в детских глазах:

* * *

Той позірк помню нежывы.
Дзяўчынкі ледзяныя вочы
Мяне, як болем нажавым,
Працялі ў доме, у сірочым.

Каля закрытага акна,
Ні ў што не верачы, напэўна,
Старой бабулькаю яна,
Зірнуўшы, сцялася імгненна.

А за акном бруіўся май,
Дзесь звонка музыка гучала,
Пад яркі, цёплы санцаграй
Усё квітнела і спявала.

Ды ў гэтай дзіўнай пекнаце
Бяда пакутлівая раптам…
Як горка беднай сіраце,
Калі жывыя мама з татам…

В сборнике автор с благодарностью и любовью говорит об ушедших родителях и близких людях, достаточно самокритичен, корит себя за опрометчивые и недальновидные поступки, вспоминая детские и юношеские годы. Ретроспекция ностальгического восприятия прожитых лет, ушедших людей, несбывшихся надежд, первой любви заключена в систему нравственных координат и естественно функционирует в настоящем. Неразрывность памяти, душевная тоска, постоянная внутренняя боль от осознания несовершенства мира, конечности всего, невозможности исправления ошибок и просчетов являются главными составляющими авторской рефлексии. Однако пессимистическое настроение венчает жизнеутверждающий мотив безграничной веры в главные общечеловеческие ценности:

* * *

Я веру несканчона чысціні,
І дабрыні жывой, і прыгажосці,
Ад барацьбы за іх не адыду ані,
А вам яны, напэўна, толькі госці.

Давайце ж быць наіўнымі мы ўсе,
Такімі, каб заганам не здавацца,
Каб радавацца кветкам і расе
Больш, чым брыльянтам,
золату на пальцах.

Продолжая лучшие традиции белорусской классики, заключенные в границы тематического и сюжетного разнообразия, ориентируясь на творческое воплощение эстетических принципов ясности и точности, прозрачности текста, субъективной тенденциозности (в самом лучшем смысле), обретающей высоту нравственного максимализма и социального гуманизма, автор неустанно актуализирует важный мировоззренческий посыл о том, что «на любові і харастве трымаецца свет, а ў гэтым — наша чалавечае прызначэнне і сэнс жыцця».

Инесса МОРОЗОВА

Литературное содружество

Надежда КИРНОСОВА: «Китайская литература — мощный канал информации о стране...»

Надежда Кирносова — известный украинский востоковед, переводчик. Благодаря ее стараниям сегодня в Украине к национальному читателю приходит широкая палитра современной китайской прозы. О выборе Надежды Кирносовой, о трудностях и сложностях перевода с китайского и пойдет наш разговор.

— Надежда, часто переводчики художественной литературы оказываются в незавидной роли на службе у требовательных и далеко не всегда думающих о хорошей, настоящей литературе издателей. Но вот у китайцев, стремящихся прорваться в другие читательские миры, наверное, все по-другому. Это у китайского автора я недавно прочитал следующую мысль: «...необходимо находить, связывать, объединять и использовать зарубежные издательства и наилучших переводчиков, чтобы обеспечить качество публикуемых за границей произведений». Китайские писатели ищут вас, стремятся предложить себя и свои произведения или все происходит несколько иначе?

— Наверное, стоит говорить о движении во встречных направлениях. Да, китайские писатели (через свои профессиональные структуры, например, Союз писателей КНР, способные организовывать различные международные мероприятия и конференции) «ищут», как вы говорите, переводчиков на разные языки. Одним словом, стремятся лично познакомиться, узнать об интересах и возможностях иностран-

цев, владеющих китайским языком и интересующихся китайской литературой, представить свои достижения. Но я бы не сказала, что они «предлагают себя», — это термин рынка, а те писатели, с которыми мне посчастливилось познакомиться, не воспринимали себя и свое творчество как товар, искали не «покупателя», а собеседника. С другой стороны (в моем случае, по крайней мере), также было желание разузнать, о чем же пишут и читают китайцы. Поэтому и я «искала» писателей, точнее — возможности получить доступ к информации о ситуации в современной китайской литературе и о ее переводах за рубежом. Для этого старалась принимать участие в конференциях, связанных с исследованиями китайской литературы, и общаться на литературные темы с обычными китайцами — потенциальными читателями.

— В области художественного перевода вы работаете, если не ошибаюсь, десять или чуточку меньше лет. Вроде и совсем немного, но тогда, в начале нулевых нового тысячелетия, ведь не было еще Мо Яня с его Нобелевской премией. Да и многие произведения современной китайской литературы, что сегодня будоражат читательское сознание в Европе и Америке, еще не были написаны. Но вы ведь все равно настойчиво занимались переводом китайской художественной прозы... Что помогало двигаться вперед — убеждения в правильности выбора, уже полученные знания в области китайской литературы или просто любовь, интерес к Китаю?

— Скорее это было желание накопить собственный переводческий опыт и как-то разнообразить контекст исследований украинского литературоведения. Вопрос о правильности выбора я для себя даже не поднимала — ведь китайская литература настолько бедно представлена украинскому читателю, что не переведи — все будет нести массу новой информации. Поэтому любой выбор окажется правильным. Об «уже полученных знаниях» даже говорить не приходится — курс китайской литературы во времена моей учебы в университете заканчивался танской поэзией… О Мо Яне я действительно тогда не слышала, хотя в 1999 году, когда выпускалась из университета, «Красный гаолян» был уже 13 лет как написан (и 11 лет как экранизирован!)… Что касается интереса к Китаю, то хотя я замечаю его в себе постоянно, он мне кажется довольно субъективной и шаткой опорой для переводческой деятельности. Хотя, если говорить об интересе к Китаю на уровне современного украинского общества в целом, то в таком ключе он в определенной степени и повлиял на мое решение переводить художественную литературу. Я верю, что литературные произведения — это один из мощных каналов информации о некоторой стране и ее культуре, на основании которой представители другой культуры могут составить *свое* представление о первой. Так, например, я считаю, что в украинском обществе в плане понимания Китая до сих пор задают тон заимствованные у других народов в готовом виде представления. Что, конечно же, не способствует развитию равноправных отношений между Украиной и Китаем.

— О переведенной вами повести «Дядюшкина история» Ван Аньи один из критиков — Ван Мэн — высказался следующим образом: «...Ван Аньи все более полно выражает себя, она появилась со своими личными особенностями на литературной арене и привлекла к себе внимание. Собственными глазами она улавливает и открывает жизнь, сердцем чувствует жизнь, собственным методом воспроизводит жизнь». Что же такого оригинального в воспроизведении жизни у Ван Аньи, Те Нин, Чжоу Сяофен, Цзяна Жуна, что вы именно их произведения выбрали для перевода?

— Повесть «Дядюшкина история» Ван Аньи заинтересовала меня тем, что литературные критики ее назвали первым постмодернистским произведением в китайской литературе. Естественно, мне и захотелось «разобрать»

это произведение на элементы и посмотреть, как оно «собрано», «сконструировано» — по методу постмодернизма или нет. Так же естественно родилась и мысль «собирать», «конструировать» это произведение уже на родном языке, чтобы заодно ввести его в контекст литературоведческих исследований в Украине. В нашем литературоведении наблюдается довольно сильный, на мой взгляд, интерес к постмодернизму, но исследуются только западные произведения. Хотя «Дядюшкина история», к сожалению, пока не привлекла внимания наших критиков, я надеюсь, что и она найдет своего профессионального исследователя.

Перевести одно из произведений Те Нин мне захотелось под влиянием ее личности и из желания, опять же, «посмотреть изнутри», как устроена китайская феминистическая литература. Признаюсь, я ожидала некоторого интереса к произведению со стороны украинских литературоведов, изучающих феминизм. Опять же, пока только у западных писательниц, но и это произведение еще не привлекло внимания наших профессиональных критиков. Мой выбор пал на повесть «Цветы хлопчатника» случайно — именно это произведение оказалось доступно мне в печатном виде в оригинале.

Чжоу Сяофэн — молодая и малоизвестная даже в Китае писательница, но ее рассказ «0:00 на Рождество» привлек мое внимание христианской тематикой. В этом же контексте я перевела и небольшой рассказ более известного китайского писателя Ши Тешэна «О жизни и смерти». Что касается обозначенной тематики, то мне интересно, почему в Китае с его, как нас учили, собственными великими религиозно-философскими традициями христианство все же нашло свою почву и в современном обществе даже усиливает позиции. Я пришла к выводу, что в оригинальной китайской традиции должны быть тогда определенные «духовные лакуны», которые и заполняет христианство. Но что это за «лакуны», пока не могу сказать точно. Перевод двух указанных произведений только натолкнул меня на некоторые размышления, но окончательного ответа на вопрос не предоставил.

Переводить «Волк-тотем» Цзяна Жуна меня заставили цифры — тиражи этой книги (как официальных, так и пиратских копий, как в оригинале, так и в переводах на Западе) весьма внушительны. Поэтому я подумала, что украинские читатели тоже должны с ним познакомиться и составить свое мнение. Кроме того, популярность этого произведения у западных читателей укрепляет уверенность в том, что оно будет покупаемо и в Украине.

— В теории художественного перевода больше, гораздо больше внимания уделяется поэзии. Хотя проблем, пожалуй, не меньше и в рассмотрении перевода прозы. Лично вы с какой самой главной проблемой столкнулись, взявшись за перевод с китайского на украинский?

— Практически все проблемы, о которых пишут в теории художественного перевода, сразу же дали о себе знать, и выделить главную среди них трудно. Это и реалии, и манера письма автора, и, кстати, стихотворные вставки в прозе. Но преодолевать каждую из них было по-своему интересно и познавательно. В том числе и для родного языка. Поэтому я как-то даже не называю их проблемами, скорее это задачи, которые необходимо решить.

Вот, могу поделиться одной историей для иллюстрации. Повесть «Дядюшкина история» Ван Аньи написана от первого лица («Я-наррация»), и поскольку в китайском языке глаголы не склоняются, совсем непонятно — повествует в данном случае мужчина или женщина. Но в украинском языке такое «безличное» повествование невозможно. Я не могла написать в переводе «Я решить писать историю». Либо: «Я решил**а** писать…». Либо «Я реши**л** писать…». Стала рассуждать так: раз автор — женщина, то, наверное, этот факт будет влиять и на восприятие китайского читателя, который, взяв в руки книгу, не может не задавать себе вопрос: кто повествователь? А отвечать на него наиболее есте-

ственно, воспринимая автора в качестве повествователя. Таким образом, я начала писать перевод от лица женщины. Однако где-то во второй половине повести дошла до момента, который явно указывал, что говорит мужчина. Пришлось менять окончания у всех глаголов с начала повести…

Но если серьезно, то стоит признать, что сложнее всего передавать невербальные компоненты перевода. Например, эмоции, которые связаны у людей со словами родного языка, но совершенно невозможно наделить теми же эмоциями слова другого языка. Знаете, я поняла, насколько много такой вот невербальной информации теряется в переводе, когда познакомилась с переводами Тараса Шевченко на китайский язык. Переводчик — Гэ Баоцюань — очень скрупулезно передал слова (в основном ориентируясь на понятийные соответствия), но эти слова и составленные из них предложения (вроде бы все как у Шевченко) не производили на меня того впечатления, которое производил «Кобзарь» в оригинале. Я поняла, что за этими словами для китайца никогда не всплывут те же реалии и те же эмоции, какие они вызывают у нас. «У неділю рано зілля копала…» — для китайца, читающего перевод, будет простой констатацией времени и действия, тогда как для украинца за ними сразу же раскроется трагедия неразделенной любви, измены, ненависти и т. д. Информацию об этом еще можно передать представителю другой культуры (например, в сноске), но как передать впечатление? Когда читаешь произведения родного языка на чужом, понимаешь, насколько это все *не то*.

При переводе в обратном направлении (с китайского на украинский) то же самое будет чувствоваться в связи с иероглификой, поскольку в каждом иероглифе кроме понятийной «закодирована» еще и эмоциональная информация (она ярко проявляется в каллиграфии, но содержится не только в ней, а и в стандартных шрифтах). Например, когда я переводила «Цветы хлопчатника» Те Нин, с удивлением отметила, что страницы текста просто пестреют иероглифами с ключом «рука (пятипалая)», обозначающими различные глаголы. Поскольку многие из них были редко употребляемыми, я не знала их значений, приходилось искать в словаре. Так как поиск происходит по ключам, я и обратила внимание на данный факт. Китайцы, как мне стало понятно впоследствии из разговоров с ними, этого не замечают. Но я уверена, что постоянное мелькание этого ключа, который является символом ручного труда, все же подсознательно внушает им определенную позицию в интерпретации повести: отвращение к машинам и механизмам, вторгающимся в жизнь героев, и противопоставление их «бесчеловечности» ручному труду, который, как известно, «создал человека». Те Нин нигде в повести не выражает это отношение словесно, но открыв его благодаря иероглифам, я нашла и другие подтверждения своей находке — на уровне сюжета, например (но все они, опять же, оказались в невербальной форме). Я постаралась максимально сохранить их в переводе, но самый главный «носитель» данной информации — иероглиф, воспроизвести в украинском, к сожалению, невозможно.

— Конечно же, и для украинского читателя современная китайская литература не являлась чем-то неизведанным, неизвестным. Читали, вероятно, на русском. Кто-то — на английском... Сегодня дорога китайской литературы сокращается: многие украинские лингвисты знают язык оригинала. Что-то существенно поменялось, на ваш взгляд, в представлениях о китайской литературе в Украине?

— Если говорить о массовом читателе, то нет. Насколько я понимаю ситуацию, китайская литература остается чужой и далекой для украинского читателя, поскольку даже при наличии переводов требуется еще и знание культурно-исторического контекста, чтобы понимать прочитанное, а этого у большинства нет. И даже если снабдить книгу сносками и комментария-

ми, не каждому читателю понравится постоянно отвлекаться от текста на пополнение «общих знаний» о Китае. Но без этого, к сожалению, текст остается непонятным, а китайская литература начинает казаться слишком далекой экзотикой, знакомство с которой не приносит удовольствия.

Чтобы изменить эту ситуацию, только переводить литературу — недостаточно. Нужен какой-то «комплексный подход», который бы изменил отношение к Китаю в рамках школьной программы — например, в курсе истории «передвинул» бы эту страну с периферии куда-то ближе к центру внимания, также стоило бы освещать больше культурных событий в СМИ. Причем важно всю эту информацию формулировать самостоятельно на своем языке, поскольку то, что делает сейчас китайская сторона, пропагандируя свою культуру за рубежом, оказывается весьма поверхностным (ведь на неродном языке выражать мысль тяжелее, чем на родном).

— А проводимая вами, вашими коллегами, учениками работа по переводу китайской художественной прозы влияет на развитие новых и, возможно, более объективных представлений в целом о Китае и китайцах сегодня?

— Надеюсь, что да. Хотя подчеркну, опять же, что только переводов художественной литературы недостаточно, чтобы сформировать новые представления о какой-либо стране и ее народе. Но я верю, что художественная литература способна воодушевить читателя на поиски более правдивой и полной картины жизни в стране, нарушить возможную «косность» мышления и желание воспринимать готовые идеи. Поэтому без переводов художественной литературы сформировать объективные представления о стране тоже вряд ли получится.

— Вы, наверное, один из немногих переводчиков китайской литературы на славянские языки, кто обращает внимание на литературы национальных меньшинств в Китае. Что подтолкнуло вас к этому?

— Массовое бескультурье современных китайцев, которое тем более ярко бросается в глаза в районах проживания национальных меньшинств и так не вяжется с выученной ранее точкой зрения о том, что китайцы — единственные цивилизованные люди в мире, а все вокруг — варвары. Хотя везде «подпитывается» именно эта точка зрения, я обратила внимание, что некоторые представители китайской интеллигенции ее сторонятся и говорят о том, что китайская культура формировалась во взаимодействии со всеми соседними народами. Поэтому национальные меньшинства *тоже внесли свой вклад в ее развитие* (и тогда нужно признать, что либо в китайской цивилизации присутствуют варварские гены, либо эти меньшинства не такие уж и варвары).

Если принять эту точку зрения, получается, что невозможно глубоко понять китайскую литературу вне контекста литератур национальных меньшинств. Но тут мне пока доступно только то, что написано на китайском.

— Разговаривать о переводах китайской литературы, о китайской литературе вообще и не обратиться к творчеству Мо Яня... Он и раньше, до решения Нобелевского комитета, был в ваших оценках самым ярким прозаиком Китая?

— Нет. Об этом писателе я узнала всего лишь за год до присуждения ему Нобелевской премии, а «Красный гаолян» прочитала уже через два года после этого (когда переводила). Однако в процессе работы над переводом я убедилась, что имею дело с очень сильным письмом, которое превосходит по оригинальности и сложности все остальное, что довелось переводить до этого.

— Когда белорусское общество еще судило-рядило о том, получит ли Светлана Алексиевич Нобелевскую премию, у нас назывались и другие потенциальные кандидаты на высокую оценку из числа белорусских писателей. Кто же наряду с Мо Янем достоин такого признания из когорты китайских прозаиков?

— Как представителю другой культуры и другого языка, мне сложно судить об этом, потому что я не вижу и не могу до конца оценить реальное влияние того или иного произведения на развитие китайского языка и на духовный мир его носителей. Это «видно» только носителям данного языка. Но с уверенностью могу сказать, что творческий потенциал у этой литературы огромный, поэтому другие китайские имена в связи с Нобелевской премией мы обязательно услышим.

— Переводя прозу Мо Яня, вы невольно сравниваете его творчество с художественными открытиями кого-либо из украинских писателей?

— Нет. У Мо Яня очень оригинальная, какая-то «жесткая» манера письма. У нас, мне кажется, никто в такой манере не работает. Хотя некоторый «уклон» в такой стиль бывает у Юрия Андруховича. Еще оба эти автора «любят» размывать границы между реальным и виртуальным мирами в произведении. Однако это сравнение получилось у меня не «невольно», а в ответ на ваш вопрос, до этого мне не приходило в голову их сравнивать. Поэтому различий между ними, наверное, больше, чем сходства.

— А какой из романов Мо Яня вызывает у вас наибольшее восхищение?

— Сознаюсь, что до настоящего времени знакома всего с одним-единственным романом этого писателя — все с тем же «Красным гаоляном», который переводила. В рамках этого романа особое восхищение у меня вызвал последний раздел («Странная смерть»), некоторые места в нем я готова перечитывать вновь и вновь.

Меня также привлекает «Лягушка», что я объясняю влиянием соответствующего иероглифа, который каким-то странным образом завораживает уже с обложки, поэтому, возможно, именно этот роман станет вторым произведением Мо Яня, с которым я познакомлюсь.

— Повстречавшись недавно с китайским переводчиком Гао Маном, я открыл для себя его интерес сразу к трем славянским литературам. Гао Ман — переводчик поэзии незабвенного Тараса Шевченко, его поэмы «Катерина», а также многих стихотворений Александра Пушкина и «Реквиема» Анны Ахматовой. Из белорусских писателей Гао Ман выбрал поэзию Максима Танка и «Цинковых мальчиков» Светланы Алексиевич. Вы следите, что переводят из китайской литературы ваши коллеги в других славянских странах?

— Да, но, может быть, не достаточно активно.

— Что сейчас на рабочем столе у переводчика Надежды Кирносовой?

— Трактаты Гунсунь Луна. Это — вынужденный перевод. Я в настоящее время работаю над докторской диссертацией (пытаюсь ее закончить), связанной с иероглификой и, соответственно, проблемами значения в языке. Как один из первых логиков в Китае Гунсунь Лун высказывал ценные наблюдения по этому поводу, которые я хочу включить в свою работу. Для этого и перевожу. Широкого читателя этот перевод не найдет, поэтому даже не буду предлагать его издательствам. Включу как дополнение к диссертации и, возможно, напечатаю в одном из научных изданий китаеведческого профиля. И то — если у меня что-нибудь толковое получится, поскольку текст весьма сложный. О переводах современной художественной литературы пока не думаю — хочу дописать диссертацию.

Беседовал Алесь КАРЛЮКЕВИЧ.

Имена

Витебский след в Ашхабаде

В отечественном краеведении не так давно была предпринята уникальная попытка описать все адреса, связанные с жизнью, творчеством писателей. И тех, кто родился в наших краях, и тех, кто путешествовал по белорусским просторам, в разные годы и века проезжал через наши города и деревни. Из задуманного трехтомника «Литературные места Беларуси» увидела свет лишь первая часть, посвященная Брестской, Витебской и Гомельской областям. Авторы — Адам Мальдис, Лидия Кулаженко, Светлана Саченко. Читается книга как по-настоящему увлекательное историко-литературное повествование. Среди имен известных и давно забытых — немало персонажей из литературной истории России и других далеких и близких стран. Заглянем, к примеру, по витебским адресам…

Дважды через Витебск проходили дороги Александра Сергеевича Пушкина. В декабре 1828 года город открыл для себя Николай Васильевич Гоголь. А в 1834 и 1847-м — Тарас Шевченко. В Витебске служил вице-губернатором Иван Лажечников — автор и сегодня издаваемых романов «Ледяной дом», «Последний Новик». В городе на Двине родился талантливый русский журналист и критик Степан Дудышкин — один из редакторов-издателей «Отечественных записок». А сколько в Витебске работало историков, краеведов, литераторов, приехавших из России на самые разные чиновничьи должности!.. Их — в особенности во второй половине XIX века — посылали русифицировать край. А они, образованные, интеллигентные, писали историю Беларуси. Один Сементовский чего стоит!.. За почти три витебских десятилетия Александр Максимович, будучи секретарем губернского статистического комитета, составил и отредактировал восемь памятных книжек Витебской губернии. Большинство материалов в них принадлежит перу Сементовского. Жаль, что эти исследования не переиздаются сейчас.

…А вот Александра Петровича Поцелуевского сопричастным к Витебску литераторам не причислили. Нет его имени и в «Белорусской Энциклопедии». Правда, энциклопедисты могут и поспорить. Поцелуевский хотя и родился в Витебской губернии, все равно, мол, «не наш». Родина ученого, языковеда, литератора, фольклориста — «село Букмуйжа б. Режицкого уезда б. Витебской губ. (ныне находится в пределах Латвийской ССР)», цитирую по автобиографии профессора. Нельзя не добавить, что родился: «…в семье сельского учителя. По национальности — белорус». В принципе спорить — дело в данном случае малозначимое и вовсе ненужное. Со временем и в энциклопедиях место Поцелуевскому найдется, и книгу о нем, бесспорно, в Беларуси напишут. Судьба Александра Петровича того стоит.

Несколько лет назад, по оценкам минских книжных магазинов, «бестселлером номер раз» стала книга на белорусском языке — «Рухнама». Автор — президент Туркменистана Сапармурад Ниязов. Листая увесистый том со сводом национально важных аспектов жизнеустройства туркменов, я подумал о том, что уже не впервые белорусы и туркмены оказываются рядом в знаковых событиях для истории народа, живущего в Каракумах. Сегодня мы заметили «Рухнаму», являющуюся родником многих образовательных процессов в современном Туркменистане. А в первой половине XIX века уроженец мядельских Кривичей российский дипломат Александр

Ходько записывает туркменский эпос «Кёр-оглы», стихотворения великих Кемине и Махтумкули. Затем публикует в своих переводах на английский язык. Работа нашего соотечественника открывает Европе туркменский фольклор, имена неизвестных доселе писателей, знакомит с богатым на историю народом. По переводу Ходько готовятся немецкое, русское и французское издания «Кёр-оглы». Переводчиком на французский выступает Жорж Санд.

…А в чем же миссионерство Александра Поцелуевского? Приезду в Ашгабад (тогда, кстати, так столица Закаспийского края называлась) предшествовали и витебские годы паренька из латышской Букмуйжи. Какие бы материальные трудности ни сдерживали сельского учителя, отец отправляет мальчишку в Витебскую классическую гимназию. В 1914 году — новая образовательная ступенька: Александр поступает в московский Лазаревский институт восточных языков.

Забегая вперед, заглянем в листок по учету кадров, заполненный Поцелуевским в зрелые годы. Из ответа на вопрос «Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете?» — «…только читаю без словаря и со словарем — немецкий, итальянский, польский, латинский, арабский, анатолийско-турецкий и некоторые другие, белорусский, латышский, азербайджанский, крымско-татарский, узбекский, таджикский и нек. др., хорошо — французский, английский, персидский (фарси), русский, туркменский».

С декабря 1918-го по июнь 1922 года Александр Петрович преподает английский и французский языки в Витебском отделении Московского археологического института. Затем еще год работает лектором и преподавателем на курсах Витебского губернского отдела народного образования. Но Восток, языки великих поэтов… А еще — память об уроках, которые преподали ученые, наставники Лазаревского института. Наверное, еще во время учебы Александр знал, что к изучению туркменского языка были сделаны только первые, далеко не совершенные подходы. В 1921 году Витебское отделение Московского института отправляет Поцелуевского в командировку в Ташкент. Александр Петрович работает лектором персидского языка на Военных курсах востоковедения, знакомится с деятельностью Туркестанского Восточного института. А на улицах Ташкента жадно ловит речь местных жителей, пробует разговаривать на узбекском.

А в октябре 1923-го — приглашение Службы просвещения Среднеазиатской железной дороги в Ашхабад на должность инструктора-методиста. Молодому человеку — 29 лет. Он еще не знает, что жизни ему отмерено всего-то четверть века. Но знает, что надо делать.

…Преподавателей иностранных языков в те времена катастрофически не хватало. Александр Петрович учит английскому, французскому, персидскому, а еще и туркменскому языкам — в железнодорожной школе 2-й ступени имени К. Д. Ушинского, школе 2-й ступени имени Н. А. Некрасова, школе имени А. В. Луначарского, в персидской школе. А также — на пехотных командирских курсах и курсах коммерческих знаний. Кажется, что Поцелуевский работает по 24 часа в сутки. Кроме преподавания талантливого и энергичного педагога все больше влечет к себе туркменский язык. Литературы по его изучению почти нет. В свое время российский востоковед А. Н. Самойлович, еще будучи студентом, подготовил диплом «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта», куда включил и краткий текинско-русский словарь. Работу высоко оценили, наградив молодого ученого золотой медалью Санкт-Петербургского университета. Позже Самойлович принимал участие в диалектологических экспедициях в Туркменистан, но проблемами туркменского языка близко не занимался. Поцелуевский, помня о работе знаменитого востоковеда, ходит по базарам, ездит в дальние и ближние аулы, проводит экспедиции… Записывает устную речь, отслеживает диалекты. Из года в год по два-три месяца ученый живет в самых глухих районах Каракумов. 1927 — экспедиция к йомудам и гокленам. 1928 — к племени анаули. 1929 — к эрсаринцам. 1930 — к салыдам и к сарыкам. В декабре 1930-го — к племени нохурли… К нохурли в

аул Нохур Поцелуевский вернулся еще и во время войны в 1944-м. Знакомый московский журналист Коля Головкин (по рождению ашхабадец) подсказал: «Моя мама участвовала в той экспедиции в Нохур…» Звоню в Ашгабат. Доктор филологических наук Евгения Николаевна Ершова уже давно на пенсии, но голос — бодрый, молодой:

…— Тогда я была студенткой пединститута, где Александр Петрович заведовал кафедрой туркменского языка и общего языкознания. Что удивляло в нем, так это исключительная работоспособность. Правда, в молодые годы мы к этому относились как-то без особого внимания. Казалось, что все еще впереди и времени, чтобы в науке горы свернуть, будет у нас предостаточно. А когда записывали диалекты, фольклор в Нохуре, профессор сражал тем, что с дехканами разговаривал на равных. Как будто много лет прожил в ауле именно среди племени нохурли…

Но возвратимся в 1920-е… Поцелуевский вникает во все вопросы развития или скорее становления туркменского языка. В августе 1926 года выступает в газете «Туркменская искра» со статьей «Реформа туркменского алфавита». Одна за другой выходят научные и научно-популярные статьи, книги ученого. Уже в 1929 году выходит его учебник «Руководство для изучения туркменского языка» (в качестве приложения — «Краткий туркменский словарь»). Еще через несколько лет самостоятельно готовит «Проект реформы орфографии туркменского литературного языка».

…Собирая по крупицам информацию об ученом, я разговаривал, переписывался с самыми разными людьми. В Москве имя Поцелуевского хорошо известно и Институте языкознания Российской академии наук, где долгое время работал сын ученого — Евгений, в Институте стран Азии и Африки при МГУ имени М. В. Ломоносова, в Институте востоковедения… В Краснодарском крае живет этнограф Сергей Демидов, автор множества работ о Туркмении. Писал и в Ашгабат, где, кстати, и сам жил, работал во второй половине 1980-х… Писал знакомым литераторам, ученым, а в душе корил себя, что тогда «пропустил» Поцелуевского. Искал ашгабадские, туркменские следы других земляков… Но из всех белорусов фигура Поцелуевского для Туркменистана наиболее значительная. И гибель его во время землетрясения 1948 года — утрата невосполнимая.

Тогда, октябрьской ночью 1948-го, погиб и личный архив ученого. За 25 лет напряженной работы по «туркменскому языковому строительству» Александр Петрович успел издать почти 20 книг. Тем самым создал научный фундамент для поисков нескольких поколений тюркологов. В начале нынешнего века в Ашгабаде подытожили достижения предыдущего столетия, назвали туркменистанцев, чьи имена следует вписать в историю золотыми буквами. Поцелуевский в их числе.

…— А что касается архива отца, — рассказывает сын ученого, — то остается только предполагать, над какими проблемами он работал в последние годы. Определенные ориентиры дает список научных трудов, составленный отцом в 1948 году, где наряду с другими значатся работы, подготовленные к печати, но оставшиеся неопубликованными. А это — 10 очерков, посвященных диалекту племен, общим объемом более 300 машинописных страниц, приблизительно такая же по объему работа «Морфология туркменского языка в научном освещении (синтаксические формы)»». В списке — «Сборник женских песен» на 10 авторских листов, «Руководство к изучению персидского языка», «Материалы для составления русско-персидского словаря». Колоссальные работы!..

После землетрясения 1948 года Ашгабат восстановили достаточно быстро. Помощь в этом оказали и белорусы, хотя и в родной республике на всем еще лежала печать военных лет. А вот диалектные собрания Поцелуевского восстанавливали не одно десятилетие. Научные изыскания на-шего земляка продолжают разрабатывать ученики Александра Петровича. Многие из них на поприще туркменского языкознания стали докторами и кандидатами филологических наук.

Кастусь ЛЕШНИЦА

Память

Трагедия провинциального романтика

Не стало Михаила Самуйлика, Миши, Михася, а для кого-то еще и Стырского — так звали его самые близкие, помнившие его газетный псевдоним еще 70—80-х годов прошлого уже столетия. Тогда у «районщиков», как называли журналистов районных газет, обязательно имелся псевдоним, зачастую даже не один. Дело в том, что в одном номере газеты не разрешалось ставить одну и ту же фамилию под материалами дважды, не говоря уж про большее количество раз. А штатным сотрудникам, особенно в пору отпусков, нередко приходилось давать в номер по два-три, а то и больше материалов. Вот и придумывали себе сотрудники редакций псевдонимы. Кто-то — по отчеству, кто-то ставил фамилию матери, девичью жены и т. п. А самые, скажем так, неравнодушные к своим материалам и вообще к профессии журналиста подходили к выбору псевдонима так же, как и к написанию материала, творчески. Так, к примеру, свой основной псевдоним Боровой я взял от названия своего первого опубликованного стихотворения «Бор». А Михаил Самуйлик свой первый псевдоним придумал по названию реки Стырь, на берегу которой стояла его родная деревня Вуйвичи и с которой у него, понятное дело, было связано немало воспоминаний. К слову, не однажды Михась свои материалы подписывал и псевдонимом Вуйвичский…

Теперь это, пожалуй, мало кто помнит даже в Пинске, не говоря уж про другие города и веси, где было у нас столько друзей-товарищей — среди газетчиков, среди литераторов, интеллигенции вообще. В том же Пинске сегодня осталось два-три человека из той, как мне почему-то непременно представляется, легендарной плеяды. Да-да, легендарной! Ибо мы не просто работали в газете или писали в нее — мы жили газетой! Это было не просто профессией — это, если хотите, был стиль жизни, суть ее — главный смысл всего, что мы делали.

И вот не стало уже и Михася Самуйлика — хлопца с берегов небольшой полесской речушки Стырь, кто закалял свой характер на подводной лодке Северного Флота Военно-Морских Сил СССР. А каким моряком был Миша Самуйлик, нетрудно догадаться по такому эпизоду его службы — товарищи избрали его комсоргом экипажа подводной лодки. Михась часто, разумеется, с чувством гордости и собственного достоинства, демонстрировал мне (и не только мне) фотографии, на которых он был запечатлен рядом с космонавтами, другими героями советской эпохи. Дело в том, что подводник, старшина 1-й статьи Михаил Самуйлик в составе делегации военных моряков Северного Флота принимал участие в IV съезде ВЛКСМ. Не фунт изюма, скажу вам, поскольку и сам служил в Советской Армии и прекрасно знаю, что такое заслужить доверие товарищей по оружию, но главное — командиров. А тут — бери выше — командования всего Северного Флота — одного из самых, если не самого главного (ударного) военно-морского флота вооруженных сил Советского Союза!

Там же, на флоте, Михаила Самуйлика приняли в ряды КПСС. Это

был, скажу прямо, проходной билет в номенклатурные списки. Не знаю, нужно ли это было ему, скорее всего, вряд ли. Правда, Михаил сразу после службы маленько «поактивничал», работал в райкоме комсомола, затем секретарем комсомольской организации райпотребсоюза, но главным делом, конечно, избрал для себя творчество. Мы и познакомились зимой с 1970-го на 1971-й в литобъединении «Орбита» при газете «Полесская правда». Помню, зима стояла снежная, морозная. Впрочем, тогда все зимы были такими — с обильным снегом, морозами, а следовательно, и с катками на стадионе и в парке, с уличным (дворовым) хоккеем (клюшки из суковатых веток, а вместо шайбы — консервная банка из-под кильки в томате), с каруселями. Сегодня ничего такого в наших городах и поселках нет и в помине. А все это и было атрибутами нашего детства и юности, нашими играми, нашим взрослением. Бегали — только пар от мокрых спин валил! И самое удивительное, никто не заболевал, не простывал…

В литобъединении «Орбита» в те приснопамятные годы собиралось довольно много самого разного в профессиональном смысле народа — учителя, рабочие, инженеры, медики… Короче говоря, люди разных профессий и занятий, объединившиеся вокруг одного занятия — литературного творчества. В основном, как правило, писали стихи. Были и те, кто пробовал свои силы в прозе, обычно малой — писали небольшие рассказы, лирические миниатюры. Помню двух-трех человек, что запрягли себя в непосильный воз, — писали повести, один так и вовсе романом грозился. Но дальше громких заявлений, которые сначала втихую, а потом все громче и откровеннее были высмеяны, дело не пошло. Правда, потом эти несостоявшиеся прозаики куда-то исчезли так же незаметно, как и появились.

Михаил Самуйлик писал в основном лирические миниатюры на хорошо знакомую тему — родная природа, люди и жизнь полесского края. Писал и газетные заметки, причем все больше и больше. А вскоре поступил на заочное отделение Московского полиграфического института. Как-то по-быстрому, как теперь мне помнится, он и женился. Во второй половине зимы — где-то в январе-феврале 1971-го, я, понятное дело, по его приглашению был в доме, где он жил уже вдвоем с женой, — пришел за книгой, уже не вспомню, какой. Хорошие книги тогда были не у многих, а мне на литобъединении порекомендовали что-то почитать, вот Миша и предложил прийти к нему, у него имелась эта книга. Я навсегда запомнил тот свой визит к нему в небольшой старенький дом по улице Первомайской. Он еще долго, до начала нового века и тысячелетия стоял, хотя хорошо помню, что уже тогда они с молодой женой ждали его сноса, чтобы получить собственную новую квартиру…

Уже тогда небольшая, с низким потолком комната такой же небольшой квартиры больше напоминала музей, архив или библиотеку, а точнее — все вместе, нежели жилье человека. Вдоль стен — от пола до потолка — книжные полки, кстати, многие из которых были сделаны самим хозяином квартиры. Он, помнится, заострил на этом мое внимание. На столе, также, кстати, ручной работы, на старых самодельных тумбочках и прямо на полу — газетные подшивки, стопы журналов, альбомы, папки… Потом все это перекочевало в его однокомнатную квартирку на Студенческую улицу. Там дополнили их различные предметы быта, домашней и хозяйственной утвари полешука минувшего столетия. Потом я узнаю: кое-что он передал Музею Белорусского Полесья, немало чего приобрели у него уже в последние лет десять другие краеведы и литераторы, коих и в заштатном Пинске теперь развелось немало. А многое, увы, безвозвратно кануло-сгинуло, а нынче вот и оставшееся — что сгорело в пожаре, что при тушении пожара, вспыхнувшего рано утром 8 июля. Правда, еще ничто не сулило трагедии, и жизнь свою, а также жизнь, а точнее, героическую поступь великой Страны Советов Михаил Самуйлик

принимал «на ура». Впрочем, как и то время, и Страна Советов принимали его. Кстати, это весьма для человека важно — быть сыном своего времени, сыном своей страны…

Первое, что начал активно собирать Самуйлик, были материалы, связанные с революционным прошлым полесского края, а точнее — Пинщины. Причем это самое прошлое не ограничивалось Великой Октябрьской революцией или, скажем, историей КПЗБ — Коммунистической партии Западной Белоруссии. Тогда, к слову сказать, было немало увлеченных подобной историей. Но я не знаю, не могу припомнить никого другого, кто столько бы «накопал» документов и материалов о «Полесском восстании», о партизанском движении на Пинщине в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, как Михаил Самуйлик. Меня тогда, да и позже, это мало интересовало, я был погружен в поэтическое творчество. Ну и читал, запоем читал стихи — русских, белорусских — классических, и само собой разумеется, современных поэтов. Книги и журналы, начиная с года 1968-го, не убывали в моем доме. Что-то брал и у Михаила Самуйлика. Он работал в райкоме комсомола, затем в райпо и имел возможность купить книги многих моих кумиров тех лет. Видел я у него и том Анны Ахматовой из серии «Большая библиотека поэта», что в Пинске было редкостью. Были и другие книги из этой серии. Я их чаще всего и брал у Миши. Он и сам тогда писал стихи, правда, особо никому не показывал. Мне, молодому своему товарищу, «валявшему» от одного до другого занятия литобъединения десятками стихи, а собирались мы в редакции «Полесской правды» два раза в месяц, Миша доверил эту тайну. Кому-то же надо было показать, поделиться написанным, услышать слова поддержки. А меня на литобъединении тогда, что называется, хлестали и в хвост и в гриву. Вот Миша, скорее всего, и не боялся открыться мне — упрямому ученику местного поэтического цеха — я-то сам хожу несолоно хлебавши, сам ищу поддержки и доброго слова, значит, не стыдно предстать перед таким и не в лучшем свете. Кстати, стихи Михаил Самуйлик писал и в серьезном возрасте, не много, но прорывало его на лирику и тогда, когда стихи стали уже мало кому интересны. А собирал он публикации всех мало-мальски заявивших о себе серьезно полешуков-пинчуков. Потому и ходил в друзьях-товарищах чуть ли не у всех поэтов и прозаиков полесского края — Михася Рудковского, Миколы Купреева, Миколы Федюковича, Миколы Прокоповича, Алеся Каско, Анатоля Шушко… В его библиотечном собрании стояли книги буквально всех поэтов и прозаиков Брестчины, многие с автографами. Было немало книг с автографами многих и многих белорусских столичных писателей.

Большой дружбы между нами тогда, конечно, не было, сказывалась разница в возрасте — семь лет с лишком. Но и тогда, в начале 70-х, и потом, до самого конца XX столетия, нас объединяла, и более того, крепко связывала любовь к литературе, литературное творчество. Миша писал мне в армию. Переписывались мы и во времена моей учебы на ВЛК, и потом, когда я некоторое время жил в Москве….

Вернувшись летом 1975-го со службы, Самуйлика в Пинске я не застал. Оказывается, он подался на строительство БАМа, был рабочим СМП-574 (СМП — строительно-монтажный поезд. — *В. Г.*) треста «Тындатрансстрой». Но самое, по-моему, главное — слал в «Полесскую правду» заметки о наших земляках с этой далекой стройки, присылал и свои краеведческие материалы, связанные с историей Пинщины. Я это хорошо помню потому, что в это время уже работал в «Полесской правде» и не раз готовил его материалы к печати.

А где-то в начале 1977-го Миша вернулся с БАМа и вскоре сам устроился в редакцию «Полесской правды». Работал корреспондентом-организатором местного радио, но немало писал и для газеты. Его материалы, в первую очередь, связанные с краеведением, и лирические миниатюры все чаще

стали появляться в «Чырвонай змене», в Брестской областной газете «Заря», звучали в эфире республиканского и областного радио. Потом, уже в суверенной Беларуси, они большой подборкой были напечатаны в «Маладосці». То, что Михаил Самуйлик наконец-то стал профессионально работать журналистом в Пинске, как мне помнится, никого не удивило. С газетой он связал свою судьбу еще на флоте. Его заметки о флотской жизни публиковала газета «На страже Заполярья». А когда Миша работал на БАМе, нередко публиковался в краевой молодежной газете «Амурский комсомолец». Выдержку из этого «комсомольца» я и приведу. Заметка называется «Пошлите меня в “десант”!:

«…Но есть в работе еще один интересный момент, когда твое «надо» уже не умещается в рамках ежедневного, в строго ограниченных пределах того, что непосредственно тебя окружает. И тогда твоим миром становится весь мир».

Увы, увы… Прямо перед конечной станцией БАМа экспресс, в котором безмятежно катил и неунывающий романтик с Пинского Полесья Миша Самуйлик, уперся в тупик. Это будет еще не скоро, но это подспудно уже витало над нашими головами и оседало в наших душах и умах…

Правда, Михаил Самуйлик еще успеет побывать по комсомольской путевке на возведении Щекинской ГРЭС, побудет командиром белорусского строительного отряда на Зейской ГЭС. Немало успеет сделать и как краевед. К слову сказать, это благодаря его поиску не одну улицу Пинска назовут именами славных уроженцев древнего города и родного края, которые, надо сказать, Михаил Самуйлик полюбил всем сердцем и душой — сразу и навсегда.

Сегодня, наверное, мало кто и знает, что это он, Михаил Самуйлик стал первым пинчанином, подавшимся на веселых ветрах романтики на главную, как тогда, в 70—80-х, непременно писали и говорили, стройку века — БАМ. Кстати, интересно, сохранились ли в Музее Белорусского Полесья штормовка и каска, что передал как реликвию первый пинский участник этой еще недавно легендарной стройки?..

Ну, а бамовский полушубок, который Миша благоразумно оставил себе, грел его не одну еще зиму…

Слом эпохи, развал Союза, как бы восторженно по иронии судьбы ни принял Михаил Самуйлик эти перемены, катком прошелся и по его судьбе и жизни. Он всей душой принял белорусский суверенитет, в его архивах появились копии многих материалов, рассказывающих о национальных лидерах, о белорусском Возрождении, народных героях и борцах за волю и долю полесского края. Рядом с папкой «Блок на Полесье» появилась не менее увесистая папка с материалами о Евгении Янищиц, ее первые тетради, ее письма к сверстникам, с кем вместе она начинала свой путь в литературу. Было немало и другого, связанного с литературным Пинском, литературным Брестом и т. д.

Хочется верить, что земляки, по крайней мере, литераторы, краеведы и вообще представители интеллигенции будут помнить его — Михаила Самуйлика.

Валерий ГРИШКОВЕЦ

КОЗЬКО Виктор Афанасьевич. Родился в 1940 г. в г. Калинковичи Гомельской области. Окончил Кемеровский горный индустриальный техникум, Литературный институт имени А. М. Горького. Прозаик, публицист. Автор многих книг. Лауреат премии Ленинского комсомола Белорусской ССР, Государственной премии БССР имени Якуба Коласа. Живет в Минске.

ДУКСА Марьян Николаевич. Родился в 1943 г. в д. Каракуличи Мядельского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор многих книг для взрослых и детей. Лауреат Литературной премии имени А. Кулешова и Национальной литературной премии. Живет в Сморгонском районе.

ВАЛЬЕ Николь (Нижнева-Ксенофонтова Надежда Леонидовна). Родилась в Минске. Окончила Белорусский государственный университет им. М. Танка, Республиканский институт высшей школы. Доктор гуманитарных наук в области языкознания, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. Автор сборников новелл «Коллекция», «Диета», «Что нужно для счастья?», «Мульти» и более 80 научных публикаций. Живет в Минске.

ТЯВЛОВСКИЙ Андрей Константинович. Родился в 1976 г. в Минске. Окончил Белорусскую государственную политехническую академию. Кандидат технических наук. Поэт, переводчик. Стихи публиковались в журналах «Нёман», «Полымя», сборнике «День поэзии-2005». Стипендиат Специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи. Живет в Минске.

ПОДЛИПСКИЙ Станислав Анатольевич. Родился в 1987 г. в г. Магдебург (Германия). Окончил факультет информационных технологий и робототехники Белорусского национального технического университета. Прозаик. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

КЛОЧКО Людмила Леонидовна. Родилась в 1990 г. в г. Борисов. Окончила Белорусский государственный технологический университет. Публиковалась в университетском альманахе, журналах «Нёман», «Новая Немига Литературная», «Южное Сияние», «Наш Современник», «Идель», «Нева», «Белая вежа», «Зарубежные записки», «Юность». Автор книги стихов «На пару слов». Лауреат республиканских и международных литературных конкурсов. Живет в Минске.

ДЖО АЛЕКС (Сломчински Мацей). Родился в 1920 г. в Варшаве (Польша). Польский писатель, переводчик и драматург. Автор псевдоанглосаксонских детективов и милицейских повестей, среди которых «Я третий нанесла удар», «Лабиринты смерти», «Пусть найдут своих врагов», «Черные корабли», «Серая тень» и др. Кавалер Ордена Возрождения Польши. Умер в 1998 году в Кракове (Польша).